

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2

Москва
2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 2

Moscow
2024

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0
All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос Анжелес, США

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет, академик
Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор,
Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil.,
профессор, Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор,
Австралийский национальный универ-
ситет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — академик РАН, Нацио-
нальный исследовательский университет

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovolskij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS; Institute of Linguistics of
the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Natio-
nal Research University Higher School of Econo-
mics, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, D.Sc. (Comparative and Contrastive
Linguistics and Linguistic Typology), Institute
of Oriental Studies of the RAS; National Re-
search University Higher School of Economics,
Moscow, Russia;

- «Высшая школа экономики»
 Ди Сальво М.— Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
 Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН
 Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
 Иткин И. Б. — д. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
 Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
 Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия
 Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада
 Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
 Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
 Сичинава Д. В. — к. ф. н., Потсдамский университет, Германия
 Стойнова Н. М. — к.ф.н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
 Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
 Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
 Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
 Hans Robert Mehlhig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
 Igor Meřčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
 Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
 Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
 Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
 Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
 Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
 Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), University of Potsdam, Germany;
 Natalia M. Stoynova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
 Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;
 Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
 Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Тимберлейк А.— Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет, Беркли;
Колумбийский университет,
Нью Йорк, США

Толстая С. М. — академик РАН, профес-
сор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор,
Университет Тампере, Финляндия

Флайер М.— Ph.D., профессор, Гарвард-
ский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — член-корреспондент
РАН, профессор, Московский государ-
ственный педагогический университет;
Институт русского языка им. В. В. Ви-
ноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе
А. А., член-корреспондент РАН, Ин-
ститут русского языка им. В. В. Вино-
градова РАН

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Pro-
fessor, Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS, Moscow, Russia;

Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Lin-
guistics), Professor, Friedrich Schiller Univer-
sity, Jena, Germany;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor,
University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Profes-
sor, Australian National University, Canberra,
Australia;

András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor
em., Eötvös Loránd University, Budapest,
Hungary

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages),
Institute of Slavic Studies of the RAS; Lo-
monosov Moscow State University, Moscow,
Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Corresponding
Member of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

Идиоматика в свете грамматики конструкций

- М. О. Бажуков, Е. В. Рахилина.* База «Диахроникон»: история, задачи, структура 11
- Е. В. Буденная, К. В. Литвинцева, А. В. Яковлева.*
Бог весть, что черт знает: о развитии конструкций вида
Х знает в диахронической перспективе 31
- А. А. Андреева, К. О. Дунаева.* *Одна не в пример загадочнее другой:*
к истории двух конструкций с идиомой *не в пример* 70
- Л. А. Баркова.* История идиомы *не занимать*: реанализ, свернувший с пути 103
- Д. С. Харламова.* Изучить *от корки до корки*:
история одного интенсификатора 129
- А. В. Панова, Е. В. Буденная.* *Наш круг час от часу редет:*
о диахронии семантики и сочетаемости конструкции *час от часу* 150

Источники диахронического изучения русской идиоматики и тенденции ее развития

- А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский,
К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко, Е. В. Шарапова.*
Русская идиоматика в динамике: источники
и предварительные результаты 185
- Е. А. Балашов.* Оказиональные авторские идиоматичные сочетания
в художественных текстах Ф. М. Достоевского 214
- Е. В. Урысон.* К описанию языковой периферии:
семантика и грамматика единицы *не доходя до* 241
- М. С. Тейкин.* Сложные вопросы полуслитного (дефисного)
написания топонимов 255

Рецензии

- О. Ю. Богуславская.* [Рец. на:] Корпусная модель идиостиля Достоевского /
Е. А. Балашов, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский,
К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко, М. М. Коробова,
М. Н. Михайлов, Е. А. Осокина, Н. А. Фатеева, Л. Л. Федорова,
Е. В. Шарапова / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского 297

Информационно-хроникальные материалы

- 55-е Виноградовские чтения в МГУ (*Н. К. Ониненко*) 301

Из истории науки

П. А. Дружинин. Академик Виктор Владимирович Виноградов: начало пути 305

Адреса университетов и институтов 325

Правила подачи статей 326

CONTENTS

Articles

Idioms in the light of the Construction Grammar

- Maxim O. Bazhukov, Ekaterina V. Rakhilina.* The “Diachronicon” database:
history, aims, structure 11
- Evgeniya V. Budennaya, Kristina V. Litvintseva, Anastasia V. Yakovleva.*
On the development of constructions *X znaet* ‘X knows’
from a diachronic perspective 31
- Anastasia A. Andreeva, Ksenia O. Dunaeva.* Towards the history
of two constructions with the idiom *ne v primer* 70
- Lubov’ A. Barkova.* История The history of the idiom *ne zanimat’*:
reanalysis that has strayed off the path 103
- Darya S. Kharlamova.* History and development of the intensifier *ot korki do korki* ... 129
- Anna V. Panova, Evgeniya V. Budennaya.* Our circle is *hour by hour* thinning out:
on diachrony of semantics and collocations of the construction *čas ot času* 150

Diachronic study of Russian idioms: sources and development trends

- Anatoly N. Baranov, Maria M. Voznesenskaya, Dmitrij O. Dobrovolskij,*
Kseniia L. Kiseleva, Anastasiia D. Kozerenko, Ekaterina V. Sharapova.
Russian idioms in dynamics: sources and preliminary results 185
- Evgenij A. Balashov.* Occasional author’s idioms
in the fiction works of F. Dostoevsky 214
- Elena V. Uryson.* Towards the description of grammar periphery:
syntax and semantics of Russian item *ne dokhodia do (muzeja)*
(lit.: ‘before reaching the museum’) 241
- Mikhail S. Teikin.* Complex questions of hyphenation in toponyms 255

Reviews

- Olga Yu. Boguslavskaya.* [Review of:] E. A. Balashov, A. N. Baranov,
D. O. Dobrovolsky, K. L. Kiseleva, A. D. Kozerenko,
M. M. Korobova, V. Y. Mikhailov, E. A. Osokina,
N. A. Fateyeva, L. L. Fedorova, E. V. Sharapova.
A Corpus Model of the Individual Style of Dostoevsky 297

Reports

- The 55th Vinogradov Conference in the Moscow State University
(*Nadezhda K. Onipenko*) 301

History of Russistics

<i>Petr A. Druzhinin. Academician Victor Vladimirovich Vinogradov: the beginning of the path.....</i>	305
Addresses of universities and institutes.....	325
Notes for contributors	327

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2024.2.1

М. О. БАЖУКОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
oa.bazhukov@gmail.com

Е. В. РАХИЛИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rakhilina@gmail.com

БАЗА «ДИАХРОНИКОН»: ИСТОРИЯ, ЗАДАЧИ, СТРУКТУРА *

В статье представлен ресурс «Диахроникон», в котором содержится информация о диахронических изменениях русских конструкций. Под конструкциями нами понимаются частотные, частично идиоматизированные последовательности языковых единиц, в нашем случае слов на стыке лексики и грамматики [Fillmore et al. 1988]. То, как они ведут себя в современном русском языке, описано в специализированной лексической базе «Русский конструктикон» [Janda et al. 2023; Orlov et al. 2023], которая дает возможность сравнивать их с аналогичными конструкциями других языков. В базе данных «Диахроникон» и в последующих статьях этого выпуска журнала «Русский язык в научном освещении», написанных разработчиками ресурса, те же конструкции, которые попали в «Русский конструктикон», подробно рассмотрены в исторической перспективе, но также в типологическом ключе.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, диахронические изменения, конструкции, «Русский конструктикон», база данных, «Диахроникон».

1. База «Диахроникон» как дополнение «Русского конструктикона»

Настоящая статья предваряет серию из пяти исследований об историческом развитии русских языковых конструкций [Андреева, Дунаева 2024; Баркова 2024; Буденная и др. 2024; Панова, Буденная 2024; Харламова 2024] (см. наст. изд.) на основе базы данных «Диахроникон». В ней пред-

* Авторы этой статьи и авторы публикуемых в настоящем выпуске исследований о конструкциях из базы «Диахроникон» благодарны всем рецензентам за ценные замечания и советы, которые мы постарались учесть.

Статья подготовлена по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций “Diachronicon”» при поддержке Фонда академического развития факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 гг.

ставлена и сама база «Диахроникон», обозначены ее задачи, принципы разметки и инструментарий описания русских конструкций (с потенциалом применения к любому языку), и иллюстрируется ее структура на материале конструкций, взятых из упомянутых выше работ, в том виде, в котором они даны в базе.

Современные словарные ресурсы сегодня — необходимая часть процесса дигитализации гуманитарного знания о языках и культурах мира. Они стали обязательными при создании новых лексикографических форматов, в том числе и нестандартных, потому что новые словари — это и есть лексические базы данных, причем обычно надстроенные над какими-либо корпусами.

Словарные данные помогают разметке материала для корпусов: разметчикам нужна и семантическая информация [Кустова и др. 2005], и систематизированная синтаксическая, например разметка по универсальным зависимостям Universal Dependencies (UD) [Nivre 2015; Lyashevskaya et al. 2016; de Marneffe et al. 2021] *inter alia*. Поэтому в рамках проектов, связанных с развитием Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), развиваются и словарные ресурсы, документирующие разные словарные зоны. Выбор зоны задается интересами корпуса: в связи с этим внимание разработчиков прежде всего привлекают единицы, в какой-либо степени фразеологизованные, семантически и синтаксически непрозрачные, — поскольку базовый синтаксис в НКРЯ анализируется автоматически с помощью нейросетей.

Именно на такой языковой материал ориентирован самый крупный и значимый словарный корпусный ресурс — «Русский конструктикон»¹ [Janda et al. 2018; 2023; Orlov et al. 2023]. Существенно, что он создан в рамках цельной современной теории — Грамматики конструкций (CxG), предложенной в [Fillmore et al. 1988]. Согласно этой теории, центральными единицами языковой структуры являются не элементарные, далее неделимые двусторонние фрагменты, служащие «строительным материалом» для порождения сложных структур, а частично идиоматичные частотные последовательности на пересечении лексики и грамматики — конструкции². Строго говоря, все конструкции некомпозициональны [Partee 1984]: они имеют собственное значение, не сводимое к значению своих составляющих и отношений между ними.

¹ Проект создан в результате сотрудничества Школы лингвистики НИУ ВШЭ и исследовательской группы CLEAR (под руководством Л. Янды) Арктического университета Тромсё (UiT) в Норвегии. См.: <https://constructicon.ruscorpora.ru/>, <https://github.com/constructicon/russian-data>.

² Ч. Филлмор предложил и идею базы конструкций широкого профиля — конструктикон. Эта идея впоследствии получила развитие — ученики и последователи Ч. Филлмора строят конструктиконы разного типа для разных языков мира: английского [CASA], шведского, бразильского португальского, японского, немецкого, испанского [Lyngfelt et al. 2018] и других языков.

«Русский конструктикон» собрал прежде всего конструкции со значениями, близкими к грамматическим, т. е. такие, которые в языках мира могут быть обязательными и в этом случае кодируются специальными грамматическими маркерами. К ним относятся модальность, оценка, глагольная множественность, интенсивность, прохибитивность, большое количество, условие, уступительность, причина и под. Помимо специальных грамматических маркеров, круг этих значений (обычно осложненных дополнительными семантическими приращениями) передается устойчивыми лексическими выражениями, как, например, *на каждом шагу VP* (глагольная множественность), *ладно X, но Y* (уступительность), *лавина X-ов* (большое количество), *(такой) X — мама не горюй* (интенсивность/оценка) и под. [Эндресен и др. 2020]. Ценность данного материала в том, что обычно он очень слабо документирован, потому что попадает в своеобразный зазор между словарем и грамматикой: для словаря такие единицы слишком нестандартны, их можно найти разве что «за ромбом» словарной статьи, а в грамматику их не включают из-за слишком «тяжелого» — и значимого для их семантики — лексического якоря³. Сейчас в «Русском конструктиконе» 4000 единиц [Orlov et al. 2023]. Это очень существенный результат и с практической, и с теоретической точки зрения.

Другой значимый результат работы над «Русским конструктикконом» — это опыт развития смежных с ним ресурсов, своего рода спутников, которые описывают конструкции близких, хотя и не тождественных классов: дискурсивных формул и рутин. Соответствующие базы данных — «Прагматикон» [Yaskevich et al.] и «Рутиникон» [Бычкова и др. 2024], — уже получившие типологическое развитие [Buzanov et al. 2022], заслуживают отдельного описания. Но стимулом работы над ними послужил именно «Русский конструктиккон», обнаруживший семантическую смежность самих единиц: квазиграмматических конструкций с дискурсивными формулами и рутинами [Yaskevich et al.; Buzanov et al. 2022] — и давший образец инструментального исследования через построение словарной онлайн-базы для такого рода языковых данных.

Наконец, настоящая статья и следующая за ней подборка публикаций представляют еще один аспект развития «Русского конструктиккона» — диахронический, и тоже в двух ипостасях: теоретической и в виде нового словарного ресурса. С теоретической стороны это системное исследование процесса преобразования свободных сочетаний в конструкции — конструкционализации. Для естественного языка этот процесс не менее значим,

³ Единственное исключение — словарь русской идиоматики [Баранов, Добровольский 2007] и его последующие издания. Однако поскольку и там эти единицы не выделены в особый класс, они растворяются среди других типов фразеологизмов — пословиц, поговорок, неоднословных метафор и проч. и у авторов нет возможности достаточно их пополнить, так что в отношении полноты этого класса «Русский конструктиккон» оказывается даже немного шире.

чем грамматикализация, т. е. превращение лексических единиц в грамматические показатели. Отчасти они пересекаются, потому что, как показано в [Вубее 2003] и [Traugott 2003], грамматикализация происходит в рамках конструкций. При этом детали процесса грамматикализации подробно описаны теоретиками [Lehmann 1982/2015; 2024; Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 2012], существенные (хотя, конечно, далеко не достаточные) данные уже собраны и для типологии грамматикализации — о представленности тех или иных переходов в языках мира [Kuteva et al. 2019]. Конструкционализация требует и теоретических, и типологических описаний, но в значительно большем масштабе, потому что одних только квазиграмматических конструкций в языке много больше, чем грамматических маркеров (а ведь есть еще дискурсивные формулы, рутины, формулы организации дискурса и др.). Первым шагом для систематизации путей конструкционализации и понимания когнитивной базы этого процесса является документация переходов свободных сочетаний в конструкции в конкретных языках. Диахронические исследования такого рода уже заняли определенную нишу в Грамматике конструкций и связаны в первую очередь с именем Мартина Хилперта [Hilpert 2019; 2021]: он описывает развитие английских конструкций и соответствующие лексико-грамматические процессы. Ресурс, который мы здесь представляем — «Диахроникон» — зиждется на данных русского языка. Как и другие ресурсы этого ряда, он, во-первых, связан с «Русским конструктиконом» технически (описания конструкций содержат ссылки на аналогичные описания в «Конструктиконе») и построен на его базе, а во-вторых, является исследовательским инструментом — в нашем случае для диахронического описания конструкций. В последующих статьях видны результаты применения этого инструмента — все они выполнены на основе «Диахроникона» самими разработчиками. Рассказывая о разметке и задачах базы (раздел 2) и о том, как она реализована и в каком виде доступна для пользователей (раздел 3), мы будем использовать эти статьи для иллюстраций, а затем (раздел 4) на примерах этих работ поговорим о тех акцентах в диахроническом описании лексики, которые позволяет сделать база «Диахроникон».

2. Реализация базы данных «Диахроникон»

2.1. Задачи и данные

База «Диахроникон» содержит информацию о диахронических изменениях конструкций, представленных в «Русском конструктиконе». Тем самым она восполняет исторический аспект развития конструкций, который вначале был упущен разработчиками «Русского конструктикона», ставшего сугубо синхронным ресурсом. Сама по себе историческая составляющая слишком масштабна для ресурса такого большого объема, как «Русский конструктикон», и она надолго замедлила бы его реализацию. В этом

смысле «Диахроникон» можно рассматривать как базу-дополнение, спутник «Русского конструктивона», в котором эта задача решается как основная, но пилотно, для отдельных конструкций. Как и для других баз-спутников «Русского конструктивона», главным для данного проекта является не полнота ресурса как такового (т. е. полнота охвата данных и максимум описанных конструкций), а полнота системы разметки базы, которая была бы способна предсказать всё разнообразие языкового материала и языковых фактов, для фиксации которых она предназначена. В этом отношении важно сразу определить задачи, которые наш ресурс должен решить.

Дело в том, что фразеологизованные выражения со стертой исходной семантикой могут полностью терять связь с составляющими их исходными единицами. Опросы показывают, что говорящим по-русски неясно, откуда, например, взялось выражение *пруд пруди X-ов* и как получилось, что оно связано с идеей большого количества, ср.: *тут проблем — пруд пруди*⁴. Действительно, мы знаем существительное *пруд* как название искусственного водоема, который наполняют водой (отсюда еще живое значение *напрудить* как ‘налить лужу’, ср. из НКРЯ: *Сонечка успевала напрудить в детской неглубокую <...> лужу из слез*), но уже не владем глаголом *прудить* в значении ‘сделать **запруду**’, т. е. искусственную преграду, чтобы отделить от реки место для пруда, сооружение которой требует много земли, древесины и прочих материалов. Значение большого количества возникает из большого числа материалов, которыми прудили пруд; по аналогии с другими конструкциями большого количества впоследствии творительный падеж заменяется на родительный. В докорпусную эпоху исследователи обращали внимание на эту в полном смысле слова лингвистическую загадку, ср. заметку И. С. Козырева [1971] и более позднюю публикацию [Мокиенко 2004]. Для нашей задачи это тоже удобный пример, потому что он представляет нетривиальную цепочку этапов конструктивонализации (когда конструкция возникла как формульная единица, когда появились примеры с родительным, когда появился вариант с уступительным *хоть* и насколько он закрепился и др.) [Klezovich, Golosov 2018], которые Панхронический корпус позволяет последовательно проследить и типологизировать.

Современные технологии — базы данных (в том числе «Диахроникон») — имеют преимущество, позволяющее фиксировать временное соотношение этапов, чтобы в дальнейшем можно было системно сравнивать лингвистическое поведение и историю разных языковых единиц. Однако следует помнить, что любой инструмент исследования естественного языка по сравнению с самим языком всегда несовершенен. Данные о времени изме-

⁴ Люди младшего поколения, как правило, вообще не могут сформулировать никакой гипотезы, а люди старшего поколения ошибочно предполагают, что идея большого количества возникает из (большой) величины пруда. Ср. также объяснение на одном из интернет-сайтов: «Созданный пруд даст дополнительный объем воды, ее станет больше, чем было ранее и чем нужно».

нений берутся из НКРЯ с привлечением исторических словарей; в этом смысле они становятся точнее, чем экспертные. Вместе с тем НКРЯ расширяется, словари постепенно пополняются, а материал базы отражает только конкретный срез развития корпуса/словаря, так что впоследствии могут потребоваться уточнения. В базе может быть зафиксировано первое вхождение некоторой фраземы как 70-е гг. XVIII в., а через два года работы над пополнением корпуса найдутся новые, более ранние примеры, из текстов 60-х гг. И разработчики, и пользователи должны быть к такому готовы, понимая, что самое главное — последовательность этапов, их типы и подтипы, а также природа изменений языковой единицы (синтаксическая или семантическая), которая принципиально не изменится от увеличения числа примеров. Еще одна особенность корпусных данных состоит в том, что они хорошо отражают процессы вариативности в языке и всегда богаче, чем та модель, которую отражает база. Модель условна — в ней этапы существования языковой единицы, ее конкретные воплощения в языке сменяют друг друга один за другим: один этап кончается и только потом, следом за ним, начинается новый. Но в языковой реальности, которую отражает корпус, все иначе: отдельные примеры того типа, который получит распространение только на следующем этапе, встречаются значительно раньше, «подготавливая» дальнейшие изменения. Без такой «подготовки» никакие языковые изменения вообще не могут произойти — то же верно и для процесса грамматикализации в собственном смысле [Heine et al. 1991: 220–224]. Это обстоятельство тоже нужно учитывать при анализе данных, различая статус того или другого примера независимо от датировки.

Из всего сказанного следует, что база «Диахроникон» не может быть просто регистратором исторического материала — это инструмент анализа диахронических данных, в котором, как во всяком инструменте, уже заложены основы такого анализа. Это отражает система разметки и соответствующих ей стратегий поиска в базе, предложенная разработчиками, о которой чуть ниже. Общие задачи разметки (и поиска) — в том, чтобы установить следующее:

- этапы исторических изменений языковой единицы (их соотношение во времени);
- часть конструкции, которая подверглась изменению;
- изменение, произошедшее относительно предыдущего этапа:
 - уровень: семантический или синтаксический;
 - его тип и подтип: изменение в ядре, расширение сочетаемости и др.;
- первое и последнее вхождения для каждого этапа.

Важно, что кроме диахронической разметки также выполняется и синхронная. Она обеспечивает последовательное представление для современного, текущего вида конструкции и ее исторических этапов и воспроизводит разметку «Русского конструктикона». Ряд конструкций «Диахроникона» пока не описан в «Конструктиконе», а значит, выполненная разметка может быть использована этим ресурсом.

2.2. Разметка

Разметка данных — это большая задача, выполняемая экспертами вручную, необходимая для создания онлайн-ресурса (см. 3.2 и 3.3). В результате анализа выборки для конструкции из корпуса НКРЯ и иных источников заполняются три таблицы. В них для каждой конструкции описываются:

- метаданные;
- современный вид;
- последовательность изменений.

Метаданные включают информацию о разметчиках, таблицу с выборкой, на основе которой исследовалась конкретная конструкция, и ссылку на научную статью (или студенческую работу), где описываются ее характеристики.

Современный вид конструкции в целом размечен по аналогии с «Русским конструктиконом»: это так называемая *формула* конструкции, т. е. ее краткая запись, *значение*, *синтаксическая функция* и описание ее *якоря* (фиксированной части), включая глоссы. Там же дается ссылка, связывающая «Диахроникон» с «Русским конструктиконом» как материнским ресурсом.

Последовательность изменений и связанную с ней диахроническую разметку мы рассмотрим здесь на примере конструкции *от корки до корки*. Параметрами этой разметки являются характеристики *этапов*, которые количественно задаются своей *протяженностью* и связаны между собой через *изменения*. Этап — это период, обычно длительностью в 50 лет, шаг в истории конструкции, когда некоторой ее форме соответствует определенное значение. Изменение — это переход от одного значения к другому и/или от одной формы к другой. Соответственно, оно происходит на синтаксическом и/или семантическом *уровне* и затрагивает всю конструкцию целиком или только некоторый ее *фрагмент*. Важно, что каждый такой переход соотносится с одним из описанных в литературе типологически релевантных лингвистических *типов* и *подтипов* переходов: семантических (таких как метафора, метонимия, превращение в дискурсивную формулу и др.) и синтаксических (вроде добавления некоторого компонента в структуру конструкции). Во многих случаях информация об этапе дополняется текстовым комментарием, который кратко характеризует свойства конструкции в этот период. Кроме того, в ходе разметки учитываются морфосинтаксические и семантические пометы (*тэги*), уже выделенные в «Русском конструктиконе». Здесь мы рассмотрим фрагмент разметки для *от корки до корки* (см. Таблицу 1) по описанию [Харламова 2024].

В Таблице 1 приведены основные данные о последнем этапе в истории конструкции *от корки до корки*, который мы можем наблюдать на корпусном материале. Изменение касается конструкции целиком, поэтому первый столбец в таблице (*фрагмент*) заполняет вся конструкция. Изменение, которое происходит, — семантическое, поэтому во втором столбце таблицы (*уровень*) ставим помету *sem*. Суть изменения состоит в появлении нового

Таблица 1

**Фрагмент разметки нескольких первых этапов конструкции
от корки до корки**

фрагмент	уровень	тип изменения	подтип	тэги	годы вхождений, длительность
VP от корки до корки	sem	new idiomatic use	metaphor	+Completeness	1968 — наст. время

идиоматичного употребления (тип изменения: *new idiomatic use*), в ходе метафоризации (подтип: *metaphor*). Оно происходит ко второй половине XX в., так что последний столбец, отражающий хронологию возникновения новых употреблений, заполнен как *1968 — наст. время*. С этого времени появляются «абстрактные» употребления вроде *Я всю войну <прошел> от корки до корки* или *знает Википедию от корки до корки*. Такие значения можно описать как ‘полный охват’, или, в грамматических терминах, пометой *+Completeness* — как это сделано в предпоследнем столбце.

3. Устройство и интерфейс базы данных

3.1. Общие сведения

Весь объем сложных данных, полученных в результате разметки, необходимо не только хранить, но и подготовить для поиска через веб-интерфейс (см. 3.3). Для этого в качестве структуры мы используем набор связанных таблиц — т. е. реляционную базу данных⁵ [Codd 1970; Борщев, Хомяков 1976]. Большинство данных записано в трех содержательных таблицах, которые с технической стороны отражают таблицы с разметкой (см. 2.2).

Сама формула поэлементно записывается в дополнительную четвертую таблицу, что дает возможность сложного поиска по ее структуре (см. 3.3). У некоторых конструкций может быть несколько вариантов структуры. Тогда каждый вариант конструкции заносится в таблицу отдельно и будет соотноситься со своей формулой, чтобы можно было искать конструкции по всем их вариантам сразу. Так, конструкция *час от часу* [Панова, Буденная 2024] имеет несколько вариантов: ее якорь может выглядеть не только как *час от часу*, но еще и как *час от часа* (см. рис. 1). При этом она может быть найдена как по запросу *от часу*, так и по запросу *от часа*.

⁵ В настоящее время это SQLite. Для удобства ее обслуживания и соединения с веб-сервером используется ORM-фреймворк SQLAlchemy (<https://github.com/sqlalchemy/sqlalchemy>).

Рис. 1. Страница конструкции: общая и грамматическая информация

Описанная архитектура базы обеспечивает доступ к данным через Интернет⁶. Соответствующий веб-сайт предлагает два основных режима работы: просмотр подробной информации об отдельных конструкциях (3.2. Страницы конструкций) и поиск по всем конструкциям (3.3. Возможности поиска).

3.2. Страницы конструкций

Для каждой конструкции выделена отдельная страница, где представлены все размеченные параметры разных категорий: метаданные, общие и грамматические параметры (рис. 1) и этапы развития конструкции (рис. 2 и 3).

Этапы развития конструкции представлены в трех видах. Во-первых, это краткая сводка (на рис. 2 она дана в рамке). Во-вторых, это график, который расположенными друг под другом полосками (вытянутыми цветными прямоугольниками) представляет *длительность* каждого этапа⁷ (рис. 2). В-третьих, это подробная сводка (рис. 3), отражающая информацию из диахронической таблицы изменений конструкции (раздел 2.2): примеры употребления для каждого этапа, *тип* и *подтип* изменения, *фрагмент* конструкции, затронутый изменением, и др., а также сопровождающий текстовый комментарий (под датами) и связи с другими этапами (стрелка в зоне «связанные этапы» и их номера). Вместе сводки и график позволяют сложить достаточно полное представление об истории конструкции; ведется и разработка дополнительных визуализаций, способных более четко отразить связи этапов.

Важно, что и даты в таблице, и прямоугольники на графике могут перекрывать один другой. Это отражает наше понимание о том, что разные этапы одной конструкции могут сосуществовать в языке, а разные варианты — употребляться одновременно.

⁶ Работа веб-сайта обеспечивается приложением на Python с использованием фреймворка Flask (<https://flask.palletsprojects.com/>).

⁷ К сожалению, для журнальной версии пришлось снять цветное оформление базы и оставить только противопоставление по светлому и темному фону: светлый соответствует семантике, а темный — синтаксису.

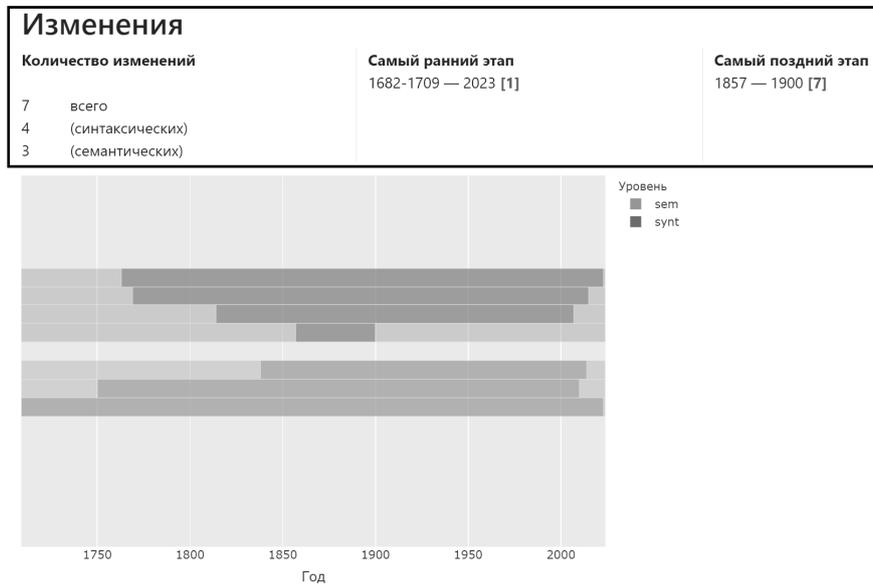

Рис. 2. Страница конструкции: краткая сводка об изменениях/этапах (сверху) и график их периодизации (снизу). На графике сверху темным указаны четыре синтаксических, светлым — три семантических изменения

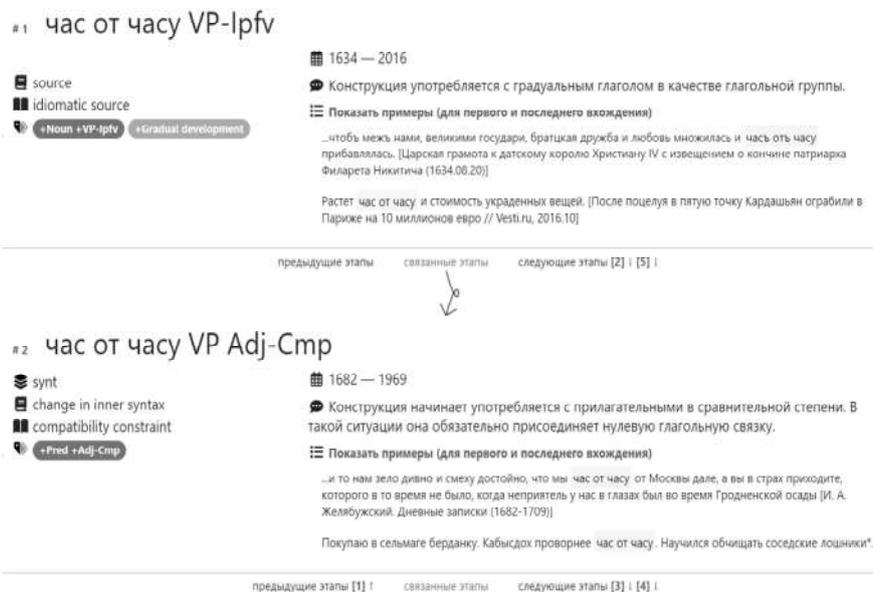

Рис. 3. Страница конструкции: начало таблицы об этапах в истории конструкции *час от часу* (связи с другими этапами указаны текстом под описанием и стрелками: сплошная — синтаксический переход, пунктирная — семантический)

3.3. Возможности поиска

Поиск реализован в двух версиях — простой и продвинутой. Простой поиск — это выбор одной или нескольких конструкций из списка. Он доступен на главной странице и позволяет пользователю быстро ознакомиться с тем, какие в базе данных представлены конструкции, и перейти на страницу одной из них. Продвинутый поиск (см. рис. 4) обращен на параметры разметки и позволяет делать сложные обобщения и проверять гипотезы.

Диахроникон Главная Продвинутый поиск О базе

Современный вид конструкции

Формула

Значение

значение конструкции в последний период

количество изменений (от) количество изменений (до)

Современный якорь конструкции

Синт. функция якоря

Схема якоря

Якорь (рус.)

Длина якоря (от) Длина якоря (до)

Этап в истории конструкции

Формула в этот период

Уровень изменения?

Тип изменения

Подтип изменения

Первое вхождение в таком виде

Последнее вхождение в таком виде

Искать Очистить форму Добавить изменение

Рис. 4. Продвинутый поиск

Поля сгруппированы: можно смотреть на современный вид конструкции или ее вид на каком-то историческом этапе. Большинство из них прямо соответствуют параметрам разметки: *формула* и *значение* конструкции в современном виде, синтаксическая *функция* или *схема якоря*, *уровень*, *тип* и *годы* изменений и т. д. Часть полей связана с параметрами, которые не размечаются экспертами непосредственно, а выводятся из разметки автоматически, например *количество изменений* (этапов в истории конструкции) или *длина якоря*, т. е. неизменяемой части конструкций. Большинство полей допускают и ручной набор значения параметра, и выбор из выпадающего списка. Для поля *формула* доступен поиск со звездочкой (как в НКРЯ). По умолчанию на запрос NP выдаются только именные группы с неспецифицированным падежом. Ввод со звездочкой дает возможность расширить выдачу: по запросу NP* пользователь найдет конструкции с именными группами с любым заданным падежным оформлением (см. рис. 5).

Поиск возможен не только по параметрам одного этапа, а сразу по нескольким. Тогда результат поиска — это список всех конструкций, в истории которых был такой этап (см. рис. 5); о каждой из них может быть выведена краткая информация. Более подробные данные можно увидеть уже на страницах конструкций. Сейчас в разработке находится опция скачивания результатов с краткой информацией в табличном формате.

Диахроникон Главная Продвинутый поиск О базе

Современный вид конструкции		Современный якорь конструкции		Этап в истории конструкции		& этап в истории конструкции	
Формула pp*		Синт. функция якоря		Формула в этот период		Формула в этот период	
Значение		Схема якоря		Уровень изменения?		Уровень изменения?	
значение конструкции в последний период		Якорь (рус.)		Тип изменения change in inner syntax		Тип изменения change in inner syntax	
количество изменений (от)	количество изменений (до)	Даты якоря (от) 2	Даты якоря (до) 4	Подтип изменения		Подтип изменения	
				Первое вхождение в таком виде		Первое вхождение в таком виде	
				Последнее вхождение в таком виде		Последнее вхождение в таком виде	

Искать Очистить форму

Результаты
Результатов по искомым параметрам: (конструкций — 31)

1. NP-Dat NP-Gen не занимать (статья)
2. NP-Dat Cop до лампочки (NP-Nom)
3. NP-Ins не пахнет

Рис. 5. Продвинутый поиск. Результат поиска по нескольким параметрам

4. «Диахроникон» как исследовательский инструмент

Ключевой результат проекта — база данных. Это живой электронный ресурс, который мы продолжаем пополнять и улучшать. Но уже очевиден и другой важный результат. База формирует единую структуру описания, применимую не к одной конструкции или к нескольким родственным друг другу, а к большому, потенциально неограниченному их числу (для разных языков), что помогает проводить подробные и строгие исследования на единых основаниях. Использование базы в научном исследовании имеет свою специфику. Прежде всего исследователь, который на нее опирается, фиксирует отдельные этапы в истории конструкции — длиной не меньше 50 лет. Они представляют собой промежуточные шаги, на каждом из которых достигаются определенные соответствия формы и значения. Каждый этап имеет не только протяженность, но и лингвистическую значимость, потому что встраивается в цепочку переходов от композиционного сочетания до момента, когда конструкция оказывается фиксированной, — т. е. когда ее форма застыла, а исходную семантику трудно восстановить. Эта цепочка переходов (история конструкции) непрерывна, и этапы связаны: один следует из другого. Каждый этап имеет лингвистический статус, который типологически релевантен. Это значит, что такие микропереходы встречаются при описании других конструкций или целых лингвистических явлений. Поэтому лингвисты, создающие разметку для базы данных, выступают сразу в двух ролях: как разработчики — выбирают название для каждого такого этапа из выделенного списка и как исследователи — должны убедить читателя или пользователя, что это известный лингвисти-

ческий эффект. В этом смысле разработанная в рамках проекта «Диахроникон» система предлагает методологическую рамку, которая помогает описывать историю конструкций. Плодотворность разработанной методологии демонстрируют статьи, посвященные отдельным конструкциям.

Хорошей иллюстрацией может служить статья о *час от часу* [Панова, Буденная 2024]. Система описания стимулирует обращаться к самым первым доступным примерам, прежде всего по словарям и Панхроническому корпусу НКРЯ; для *час от часу* это данные XVI–XVII вв. А. В. Панова и Е. В. Буденная замечают, что в таких примерах употребляется выражение *от часу*, которое затем приобретает вид *час от часу* со значением постепенности, близким к грамматическому. Путь в направлении грамматикализации, хотя бы частичной, обычно сопряжен с *сокращением* формы [Lehmann 2024: 65–67]. Однако в этом случае происходит своего рода распространение. Между тем база стимулирует исследователя к поиску объемлющего класса для данного изменения, к которому оно будет отнесено. И авторы не рассматривают его как некое исключение, они считают: произошло *аналогическое выравнивание*, конструкция встроилась в ряд с похожими, ср. *год от года, день ото дня*. Важно, что аналогическое выравнивание известно как мотивация для разных изменений в языках мира [Campbell 2020].

Методология базы данных в целом помогает выявлять интересные траектории развития. Согласно Л. А. Барковой [2024], конструкция *не занимать X-а* (как, например: *⟨ему⟩ не занимать ума*) развилась из инфинитива с модальным значением ('нет нужды занимать'), которое хорошо представлено в русском языке: *нам не вставать рано* значит 'нам нет необходимости вставать рано'. Автор показывает, что в конце XVIII — начале XIX в. в результате метафоризации высокая степень проявления у посессора какого-то признака превращается в большое количество, для которого «доступны» и исчисляемые имена, и отсутствие посессора как такового. Но затем подобные примеры пропадают, и круг употреблений возвращается к более раннему: предметом обладания снова могут быть только неисчисляемые имена, а значит, должен быть выражен и их одушевленный посессор. Таким образом, развитие конструкции отчасти оборачивается вспять: новое широкое значение сужается. За счет системы разметки «Диахроникона», обращающей особое внимание разметчика на отдельные этапы в жизни конструкции, этот тип развития тоже удастся проследить.

Последовательный анализ выражений по разработанной методологии может, с одной стороны, выявить тонкие различия между почти идентичными конструкциями, как в случае *не в пример* [Андреева, Дунаева 2024], а с другой стороны, доказать сходства конструкций, внешне отличающихся, причем якорной частью, как в случае *Бог/чёрт/хрен знает* [Буденная и др. 2024], и в конечном счете помогает понять, сколько перед нами конструкций. Так, А. А. Андреева и К. О. Дунаева показывают, что конструкций на основе *не в пример* не одна, а две разных. Первая значит 'в отличие от'

и присоединяет клаузу и имя в дательном падеже, ср. *не в пример соседке, Женя внимательно слушает урок*. Вторая — интенсификатор, она значит ‘гораздо’ и присоединяет форму сравнительной степени и стандарт сравнения в (типичном) родительном падеже, ср. *ко мне всегда были не в пример строги*. Каждая конструкция имеет и свой путь развития, хотя формально они выглядят одинаково. Напротив, конструкции *Бог/чёрт/хрен знает*, которые рассматривают Е. В. Буденная, К. В. Литвинцева, А. В. Яковлева, формально отличаются в элементе якоря, но близки по значению незнания и неопределенности. Вопрос, одна это конструкция или несколько разных, заключается в вариативности якорной части. При описании современного состояния языка могут приниматься различные решения: в «Конструктиконе» это несколько разных конструкций, в [Баранов, Добровольский 2007: 173] это конструкции одного семейства. «Диахроникон» вынуждает определить границы варьирования для каждого варианта и показать, что на определенных этапах они были близки, но снова стали расходиться, уже будучи конструкциями.

В связи с вариативностью якоря и возможностями поиска «Диахроникон» обращает внимание на общую структуру конструкций. Так, конструкция *от корки до корки*, примечательная история которой тщательно исследуется в статье Д. С. Харламовой [2024], — одна из семейства со структурой *от X до Y: от A до Я, от альфы до омеги*, ‘полностью’ и др., и она тоже значит ‘полностью’.

Таким образом, рамки, заданные «Диахроникон», помогают эксплицировать отличия между конструкциями и проследить и документировать их историю. Ориентация на типологию заставляет вписывать русский язык в широкий типологический контекст, а подробность документации позволяет исследовать состояния, которые наступают после конструкционализации [Буденная и др. 2024]. Оказывается, как и с грамматическими единицами, развитие не останавливается, а может идти разными путями и даже развести варианты конструкции, что подтверждают данные других языков.

5. Заключение

Предваряя серию лингвистических публикаций по проекту, вполне традиционно посвященных диахроническому описанию нескольких конкретных конструкций, эта статья описывает не только историю проекта и его задачи, но и его техническую основу — базу данных, в которой языковой материал собирается, препарируется и анализируется прежде, чем будет описан. Создание корпусов, словарных баз, динамических карт и подготовка данных для таких ресурсов уже превратились в будничную практику лингвистической работы, поэтому проектов, подобных «Диахроникону», достаточно. Каждый из них нуждается в полном и цельном описании, объ-

единяющем (как и всякое исследование) идеи о том, зачем и как нужно делать, т. е. задачи и метод их решения — что отражено в нашей работе, структура которой может быть моделью для похожих исследований.

Технологии становятся частью лингвистики, как и любой современной науки. Работа с ними и над ними потому внезапно стала так интенсивна во всем мире, что она дает прирост лингвистического знания. Действительно, во-первых, базы данных буквально «заставляют» исследователей создавать устойчивые классификации, подходящие для описания очень разных языков. Примером могут служить ресурсы, освещающие грамматику языков как в узком смысле [Grambank], так и в более широком, от фонологии до синтаксиса [WALS], или документирующие языковые универсалии и редкости [RUA]. Во-вторых, даже чисто технические базы-агрегаторы уже готовых и «грязных» словарных данных типа [CLICS], автоматически собранных по десяткам языков, всё равно дают возможность строить (и проверять) совершенно новые лингвистические гипотезы потому, что без посредства технологий человек не может получить доступ к таким объемным массивам. Наконец, прирост лингвистической информации может происходить вследствие того, что в результате оказываются связаны данные разной природы, полученные из различных источников, как в случае с «Диахрониконном», в котором, как мы показали, должны совместиться история (конструкционализация) и типология.

Словари и базы данных

Баранов, Добровольский 2007 — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 2007.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. ruscorpora.ru

CASA — English Constructicon. <https://constructicon.de/>

CLICS — C. Rzym ski, T. Tresoldi et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019. URL: <https://doi.org/10.1038/s41597-019-0341-x>

Grambank — H. Skirgård, H. J. Haynie, H. Hammarström, D. E. Blasi, J. Collins et al. Grambank. 2023. [Data set]. Zenodo. URL: <https://zenodo.org/doi/10.5281/zenodo.7740139>

Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World Lexicon of Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge University Press; Cambridge Core. 2019. URL: <https://doi.org/10.1017/9781316479704>

Orlov et al. 2023 — A. Orlov, Z. Butenko, D. Demidova, V. Starchenko, E. Rakhilina, O. Lyashevskaya. Russian Constructicon 2.0: New Features and New Perspectives of the Biggest Constructicon Ever Built // Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue” 22, 2023. P. 378–385.

RUA — F. Plank et al. Rara & Universals Archive. URL: <https://typo.uni-konstanz.de/rara/>

WALS — M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). WALS Online (v2020.3). 2013. [Data set]. Zenodo. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533> (Available online at <https://wals.info>, Accessed on 2024-07-10.)

Yaskevich et al. — A. Yaskevich, P. Bychkova, E. Koziuk, E. Rakhilina, E. Slepak, A. Utkina, S. Zhukova, T. Zotova. The Russian Pragmaticon. An electronic database of the Russian pragmatic constructions. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru/>

Литература

Андреева, Дунаева 2024 — А. А. Андреева, К. О. Дунаева. *Одна не в пример загадочнее другой*: к истории двух конструкций с идиомой *не в пример* // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 70–102.

Баркова 2024 — Л. А. Баркова. История идиомы *не занимать*: реанализ, свернувший с пути // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 103–128.

Борщев, Хомяков 1976 — В. Б. Борщев, М. В. Хомяков. Клубные системы (формальный аппарат для описания сложных систем) // НТИ. Сер. 2. 1976. № 8. С. 3–6.

Буденная и др. 2024 — Е. В. Буденная, К. В. Литвинцева, А. В. Яковлева. *Бог весть, что черт знает*: о развитии конструкций вида *X знает* в диахронической перспективе // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 31–69.

Бычкова и др. 2024 — П. А. Бычкова, С. А. Гюласарян, А. А. Яскевич, Е. В. Рахилина. *Конструктикон, прагматикон...* — *Рутиникон* // Научная конференция «СЛОВО И ЖЕСТ», посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (8 февраля 2024 г.).

Козырев 1971 — И. С. Козырев. *Хоть пруд пруди* // Русская речь. 1971. № 2. С. 129–132.

Кустова и др. 2005 — Г. И. Кустова, О. Н. Ляшевская, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 155–174.

Мокиенко 2004 — В. М. Мокиенко. *Чем прудят пруд?* // В. М. Мокиенко. Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб.: Норинт, 2004. С. 396–399.

Панова, Буденная 2024 — А. В. Панова, Е. В. Буденная. *Наши круг час от часу редет*: о диахронии семантики и сочетаемости конструкции *час от часу* // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 150–184.

Харламова 2024 — Д. С. Харламова. Изучить *от корки до корки*: история одного интенсификатора // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 129–149.

Эндресен и др. 2020 — А. А. Эндресен, В. А. Жукова, Д. Д. Мордашова, Е. В. Рахилина, О. Н. Ляшевская. Русский конструктикон: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», 2020. 19 (26). С. 241–255.

Buzanov et al. 2022 — A. Buzanov, P. Bychkova, A. Molchanova, A. Postnikova, D. Ryzhova. Multilingual Pragmaticon: Database of Discourse Formulae // Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Confer-

ence / N. Calzolari, F. Béchet, P. Blache, K. Choukri, C. Cieri, T. Declerck, S. Goggi, H. Isahara, B. Maegaard, J. Mariani, H. Mazo, J. Odijk, S. Piperidis (eds.). European Language Resources Association 2022. P. 3331–3336. URL: <https://aclanthology.org/2022.lrec-1.355>. Available at: <http://pragmaticon.ru:666/>

Bybee 2003 — J. Bybee. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // *The Handbook of Historical Linguistics*. 2003. P. 602–623. URL: <https://doi.org/10.1002/9780470756393.ch19>

Campbell 2020 — L. Campbell. Analogical Change // *Historical Linguistics. An Introduction*. Edinburgh University Press, 2020. P. 87–101.

Codd 1970 — E. F. Codd. A relational model of data for large shared data banks // *Commun. ACM*. New York: Association for Computing Machinery, 1970. Vol. 13, № 6. P. 377–387.

Fillmore et al. 1988 — C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // *Language*. 1988. 64 (3). P. 501–538. URL: <https://doi.org/10.2307/414531>

Heine et al. 1991 — B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. *Grammaticalization: a conceptual framework*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Hilpert 2019 — M. Hilpert. *Construction Grammar and its application to English*. 2nd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.

Hilpert 2021 — M. Hilpert. *Ten Lectures on Diachronic Construction Grammar*. Leiden: Brill, 2021.

Hopper, Traugott 2012 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Janda et al. 2018 — L. A. Janda, O. Lyashevskaya, T. Nessel, E. Rakhilina, F. M. Tyers. Chapter 6. A constructicon for Russian: Filling in the gaps // *Constructicography*. Philadelphia, Amsterdam: John Benjamins, 2018. P. 165–182.

Janda et al. 2023 — L. A. Janda, A. Endresen, V. Zhukova, D. Mordashova, E. Rakhilina. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon // *Constructions and Frames*. John Benjamins, 2023. Vol. 15, № 1. P. 1–58.

Klezovich, Golosov 2018 — A. Klezovich, F. Golosov. The Database “Phrasal Diachronicon”: constructional change in Russian expressions with quantitative semantics. *Constructional semantics: Cognitive, functional and typological approaches*, University of Helsinki, 24–25 August 2018.

Lehmann 1982/2015 — C. Lehmann. *Thoughts on grammaticalization*. 3rd ed. Berlin: Language Science Press, 1982/2015.

Lehmann 2024 — C. Lehmann. *Ten Lectures on Grammaticalization: An Introduction // Distinguished Lectures in Cognitive Linguistics 33*. Leiden: Brill, 2024.

Lyashevskaya et al. 2016 — O. Lyashevskaya, K. Droганova, D. Zeman, M. Alexeeva, T. Gavrilova, N. Mustafina, E. Shakurova. Universal Dependencies for Russian: a New Syntactic Dependencies Tagset // *Series: Linguistics, WP BRP 44/LNG/2016*. Moscow, 2016.

Lyngfelt et al. 2018 — B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T. T. Torrent (eds.). *Constructicography: Constructicon development across languages*. John Benjamins, 2018. URL: <https://www.jbe-platform.com/content/books/9789027263865>

de Marneffe et al. 2021 — M.-C. de Marneffe, C. D. Manning, J. Nivre, D. Zeman. Universal Dependencies // *Computational Linguistics*. 2021. 47 (2). P. 255–308. URL: https://doi.org/10.1162/coli_a_00402

Nivre 2015 — J. Nivre. Towards a Universal Grammar for Natural Language Processing // *Computational Linguistics and Intelligent Text Processing*. 2015. P. 3–16.

Partee 1984 — B. Partee. Compositionality // *Varieties of Formal Semantics* / F. Landman, F. Veltman (eds.). Dordrecht: Foris, 1984. P. 281–311.

Traugott 2003 — E. C. Traugott. Constructions in grammaticalization // *The handbook of historical linguistics* / D. Brian, J. and R. D. Janda (eds.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 624–647.

Статья получена 25.03.2024

Maxim O. Bazhukov

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
oa.bazhukov@gmail.com

Ekaterina V. Rakhilina

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
rakhilina@gmail.com

THE “DIACHRONICON” DATABASE: HISTORY, AIMS, STRUCTURE

This paper introduces “Diachronicon” — a resource detailing diachronic changes in Russian constructions. We understand the term “constructions” as frequent, partially idiomatic sequences of linguistic units, words in this case, that lie at the intersection of lexis and grammar [Fillmore et al. 1988]. The intricacies of their behavior in modern Russian are described in the “Russian Constructicon” database [Janda et al. 2023; Orlov et al. 2023], which is designed so as to enable their comparison to analogous constructions of other languages. The “Diachronicon” database and several following papers in this issue, written by the developers of the resource, examine the constructions described in “Russian Constructicon” from a historical viewpoint as well as in the typological aspect.

Keywords: Russian, phraseology, diachronic change, constructions, Russian Constructicon, database, “Diachronicon”.

References

Andreeva, A. A., & Dunaeva, K. O. (2024). Odnа ne v primer zagadochnее drugoi: k istorii dvukh konstruktсии s idiomoi ne v primer. *Russkij jazyk v nauchnom osvешchenii*, 2, 70–102.

Barkova, L. A. (2024). Istoriia idiomy ne zanimat': reanaliz, svernuvshii s puti. *Russkij jazyk v nauchnom osvешchenii*, 2, 103–128.

Borshchev, V. B., & Khomiakov, M. V. (1976). Klubnye sistemy (formal'nyi apparat dlia opisaniia slozhnykh sistem). *NTI. Ser. 2*, 8, 3–6.

Budennaia, E. V., Litvintseva, K. V., & Yakovleva, A. V. (2024). *Bog vest', chto chert znaet: o razvitii konstruktсии vida X znaet v diakhronicheskoi perspektive. Russkij jazyk v nauchnom osvешchenii*, 2, 31–69.

Buzanov, A., Bychkova, P., Molchanova, A., Postnikova, A., & Ryzhova, D. (2022). Multilingual Pragmaticon: Database of Discourse Formulae. In N. Calzolari, F. Béchet, P. Blache, K. Choukri, C. Cieri, T. Declerck, S. Goggi, H. Isahara, B. Maegaard, J. Mariani, H. Mazo, J. Odijk, & S. Piperidis (Eds.), *Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Conference* (pp. 3331–3336). Retrieved from <https://aclanthology.org/2022.lrec-1.355>

Bybee, J. (2003). Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. *The Handbook of Historical Linguistics*, 602–623. Retrieved from <https://doi.org/10.1002/9780470756393.ch19>

Campbell, L. (2020). *Analogical Change. Historical Linguistics. An Introduction*. Edinburgh University Press.

Codd, E. F. (1970). A relational model of data for large shared data banks. *Association for Computing Machinery*, 13(6), 377–387.

Endresen, A. A., Zhukova, V. A., Mordashova, D. D., Rakhilina, E. V., & Liashevskaja, O. N. (2020). Russkii konstruktikon: novyi lingvisticheskii resurs, ego ustroistvo i spetsifika. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Vol. 19(26), pp. 241–255). Retrieved from https://www.dialog-21.ru/media/5165/_01_titlesv.pdf

Fillmore, C. J., Kay, P., & O'Connor, M. C. (1988). Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let Alone*. *Language*, 64(3), 501–538.

Heine, B., & Claudi, F. (1991). *Hünemeyer. Grammaticalization: a conceptual framework*. Chicago: University of Chicago Press.

Hilpert, M. (2019). *Construction Grammar and its application to English* (2nd ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press.

Hilpert, M. (2021). *Ten Lectures on Diachronic Construction Grammar*. Leiden: Brill.

Hopper, P. J., & Traugott, E. C. (2012). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Janda, L. A., Endresen, A., Zhukova, V., Mordashova, D., & Rakhilina, E. (2023). From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon. *Constructions and Frames*, 15(1), 1–58.

Janda, L. A., Liashevskaya, O., Nessel, T., Rakhilina, E., & Tyers, F. M. (2018). Chapter 6. A constructicon for Russian: Filling in the gaps. In B. Lyngfelt, L. Borin, K. H. Ohara, & T. T. Torrent (Eds.), *Constructicography* (pp. 165–182). Philadelphia, Amsterdam: John Benjamins.

Kharlamova, D. S. (2024). *Izuchit' ot korki do korki: istoriia odnogo intensivifikatora. Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 129–149.

Klezovich, A., & Golosov, F. (2018). *The Database “Phrasal Diachronicon”: constructional change in Russian expressions with quantitative semantics. Constructional semantics: Cognitive, functional and typological approaches*. University of Helsinki.

Kozylev, I. S. (1971). *Khot' prud prudi. Russkaia rech'*, 2, 129–132.

Kustova, G. I., Liashevskaja, O. N., Paducheva, E. V., & Rakhilina, E. V. (2005). Semanticheskaja razmetka leksiki v Natsional'nom korpusе russkogo iazyka: printsipy, problemy, perspektivy. In *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* (pp. 155–174). Moscow: Indrik, 2005.

Lehmann, C. (1982/2015). *Thoughts on grammaticalization* (3rd ed.). Berlin: Language Science Press.

Lehmann, C. (2024). *Ten Lectures on Grammaticalization: An Introduction*. Leiden: Brill.

Lyashevskaya, O., Droганova, K., Zeman, D., Alexeeva, M., Gavrilova, T., Mustafina, N., & Shakurova, E. (2016). Universal Dependencies for Russian: a New Syntactic Dependencies Tagset. *Series: Linguistics*, 44.

Lyngfelt, B., Borin, L., Ohara, K., & Torrent, T. T. (Eds.). (2018). *Constructicography: Constructicon development across languages*. John Benjamins, 2018. URL: <https://www.jbe-platform.com/content/books/9789027263865>

Marneffe de, M.-C., Manning, C. D., Nivre, J., & Zeman, D. (2021). Universal Dependencies. *Computational Linguistics*, 47(2), 255–308.

Mokienko, V. M. (2004). *Pochemu tak govoriat? Ot Avosia do Iatia: Istoriko-etimologicheskii spravochnik po russkoi frazeologii*. St Petersburg: Norint.

Nivre, J. (2015). Towards a Universal Grammar for Natural Language Processing. In A. Gelbukh (Eds.), *Computational Linguistics and Intelligent Text Processing* (pp. 3–16). Cairo: Springer Nature.

Panova, A. V., & Budennaia, E. V. (2024). *Nash krug chas ot chasu redeet: o diahronii semantiki i sochetaemosti konstruktsii chas ot chasu*. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 150–184.

Partee, B. (1984). Compositionality. In F. Landman, & F. Veltman (Eds.), *Varieties of Formal Semantics* (pp. 281–311). Dordrecht: Foris.

Traugott, E. C. (2003). Constructions in grammaticalization. In D. Brian, & R. D. Janda (Eds.), *The handbook of historical linguistics* (pp. 624–647). Oxford: Blackwell.

Received on March 25, 2024

Е. В. БУДЕННАЯ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
jane.sdrv@gmail.com

К. В. ЛИТВИНЦЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
klitvintseva@hse.ru

А. В. ЯКОВЛЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
avyakovleva@hse.ru

**БОГ ВЕСТЬ, ЧТО ЧЕРТ ЗНАЕТ:
О РАЗВИТИИ КОНСТРУКЦИЙ ВИДА *X* ЗНАЕТ
В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ***

Данная работа представляет собой диахроническое корпусное исследование группы конструкций типа *X* *ведь/знает* с разными вариантами якорей. Конструкции имеют долгую письменную историю, поэтому изучение особенностей процесса их конструкционализации представляет большое значение для теоретического осмысления идиоматизации. Вначале рассматривается история развития семантики и сочетаемости варианта с *Бог*, далее отдельно исследуется вариация с *черт* и в завершение — с обсценной и эвфемистичной лексикой. Результаты показывают, что диахроническое развитие вариантов с *Бог* и *черт* отличается незначительно, в то время как обсценные варианты демонстрируют большее разнообразие в плане синтаксиса и сочетаемости. В работе описаны значения такого рода конструкций (неопределенность, положительная и отрицательная оценка, интенсификация), а также время их фиксации в письменных источниках; семантические переходы были описаны нами в рамках теории конвенциональных импликатур ребрендингового типа и речевых импликатур.

Ключевые слова: конструкция, неопределенность, идиоматизация, импликатура, диахрония.

* «Статья подготовлена по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций “Diachronicon”» при поддержке Фонда академического развития факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 гг. Авторы выражают благодарность Е. В. Рахилиной, Д. В. Сичинаве и анонимным рецензентам за ценные замечания в процессе подготовки статьи.

1. Введение

Русский язык располагает серией синонимичных идиоматизированных конструкций с якорем¹ вида *X знает*, с зависимым вопросительным местоимением или наречием (далее — *wh-word*): *Бог знает что*, *черт знает куда*, *хрен знает кто* и др. Все они имеют семантику негативной оценки неизвестного для говорящего компонента ситуации [Endresen, Janda 2020] (см. (1), (2)), а также могут выступать в качестве интенсификатора (3)–(5) и в контекстах без *wh-word* — в роли самостоятельных дискурсивных формул (см. (6), (7)), нередко с личным местоименным распространителем в винительном падеже (7):

- (1) *Я ушел из дому, на долгие годы порвал с друзьями, жил бог знает где и бог знает с кем* (Запись LiveJournal (2004))².
- (2) *Никто не собирался ехать на похороны хрен знает куда, хотя фейсбушек и модные сайты были полны прочувствованными некрологами* («Бельские просторы», 2018).
- (3) *Теперь стало ясно, что Воланд <...> ухитрился выбросить этого же Степу вон из Москвы за бог знает какое количество километров* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 2 (1929–1940)).
- (4) *Ехать пришлось с пересадкой на автобус в черт знает каких даях* («Сибирские огни», 2013).
- (5) *Я брошу писать, превращусь в своего отца <...>, требующего, чтобы каждый день свежий хлеб покупали, даже если для этого хрен знает какую очередь надо отстоять* (А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016).
- (6) *Может, и правда корытинский? — Бог знает. В ногах у них не стояли* (Б. Екимов. Пиночет (1999)).
- (7) *Может, и у этого нового князя тоже есть прислуга? Хрен его знает* («Ковчег», 2015).

¹ Под якорным компонентом конструкции подразумевается ее лексическая часть, которая может иметь ограниченную вариативность. Описание подобных конструкций см., в частности, в базе данных «Русский конструктик» (<https://constructicon.ruscoproga.ru/>). Так, например, конструкция *(все/вся) дело/ суть Сор в том, что Сl* способна присоединять любое предложение, которое будет являться изменяемой частью конструкции, а в ее якорном компоненте возможна мена лишь двух элементов — *дело* и *суть* [Жукова 2021: 14]. Аналогично в исследуемых конструкциях в якорю также оказывается возможной ограниченная вариативность вида *Бог/ черт/хрен/х(**)* и *весть/знает/ведает*, однако зависимых придаточных предложений от предикаций вида *Бог/черт/хрен/х(**) весть/ведает/знает* может быть бесконечно много. Последнее позволяет относить такого рода зависимые придаточные к изменяемой части конструкции, а лексическую составляющую — к якорю.

² Здесь и далее примеры по умолчанию приводятся из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ; <https://ruscorpora.ru/>). В примерах из других корпусов дополнительно указывается корпусный источник.

С типологической точки зрения конструкции, представленные в примерах (1)–(7) (*dunno-indefinites*, в терминологии М. Хаспельмата [1997]), широко распространены в различных языках Европы, включая как индоевропейские [Haspelmath 1997: 116; Wierzbicka-Piotrowska 2007; 2011; Фисун 2019], так и прибалтийско-финские языки [Кегауов 2009]. В работах российских семантистов среди них выделяются так называемые составные местоимения [Ермакова 1996; Бондарева 2007; Соколова 2007] — формы вида *Бог весть какой, Бог знает что, черт знает кто* и др., которые входят в более общий класс с грамматикализованными выражениями вида *кто/что бы то ни был(о), кто/что угодно* и др. В исследованиях по генеративной лингвистике по отношению к конструкциям из примеров (1)–(6) также применяется термин *синтаксические амальгамы* [Lakoff 1974; Тестелец, Былинина 2005], апеллирующий к слусинговому происхождению данных единиц — т. е. с помощью эллипсиса косвенно-вопросительного предложения, в ходе которого эксплицитно выраженным остается только вопросительное слово [Ross 1969]. Эти вопросительные слова обычно наследуют грамматический класс соответствующего вопросительного местоимения или наречия. В отличие от дериваций, образованных с помощью слусинга, предикат в амальгамах (1)–(5) не образует главного предложения и входит в группу конкретного вопросительного слова³. В настоящей статье мы также будем придерживаться термина *амальгамы*, в силу того что данный термин покрывает как грамматикализованные местоимения, так и наречия (*Бог/черт/хрен знает как/где/куда*).

В научной литературе конструкции вида (1)–(5) изучались на предмет синтаксиса [Тестелец, Былинина 2005], а также в рамках более общего класса микроконструкций [Иомдин 2018] — частично идиоматизированных сочетаний, семантика которых невыводима из их внутренних компонентов. Однако в этих работах все конструкции вида (1)–(6), как правило, рассматриваются единым блоком как синонимичные, без детального последовательного изучения различий в их семантике; в диахронической перспективе они практически не изучались.

Дискурсивные же формулы вида (6), (7) ранее исследовались в более общем контексте формул с религиозной лексикой [Жукова 2021]. В последней работе С. Ю. Жукова отмечает широкую продуктивность модели *X знает*, несмотря на устаревание конкретных лексем в якорной части: так, конструкция вида *хрен знает* и эквиваленты с обценной лексикой постепенно приходят на смену устаревшим формулам вида *пёс/шут/леший знает* [Там же: 150]. Однако история возникновения конструкций вида (1)–(5) и их взаимосвязь с формулами вида (6), (7), равно как и детальное изучение семантических переходов, происходивших в ходе этих процессов, в настоящей работе не представлены.

³ О других синтаксических различиях между собственно слусингом и грамматикализованными амальгамами (составными местоимениями) см. [Тестелец, Былинина 2005].

Задача данного исследования — описать диахроническое развитие конструкций вида (1)–(7), с сопоставлением трех наиболее распространенных, по данным НКРЯ, вариантов якорной лексемы — *Бог знает/весть/ведает*, *черт знает/ведает* и *хрен знает*⁴, с целью изучения конкретных механизмов конструкционализации и идиоматизации. Эта проблематика затрагивалась во многих работах, посвященных грамматике конструкций (см., в частности, [Fillmore et al. 1988; Croft 2001; Рахилина 2010; Hoffmann, Trousdale 2013; Endresen, Janda 2020; Gildea, Varðdal 2023] и др.), однако конкретным конструкциям с вариативным якорем в упомянутых работах уделялось значительно меньшее внимание. В данной же статье мы сосредоточились на том, как именно вариативность якоря влияет на семантические переходы в каждой из трех рассматриваемых конструкций и какую роль при этом играют те варианты, в которых взаимозаменяемость якорных лексем невозможна (*Бог/черт/хрен знает*, но *Бог/*черт/?хрен весть*, *черт-те что/*Бог-те что*, *хз < хрен знает/*Бз < Бог знает*).

Исследование базируется на корпусном материале НКРЯ (Панхронический корпус), а также Генеральном интернет-корпусе русского языка (далее — ГИКРЯ)⁵ и корпусе ruTenTen⁶. Основным инструментом работы стала активно размечаемая на данный момент авторами и коллегами база данных конструкций «Диахроникон», позволяющая отслеживать семантические и синтаксические изменения в истории конструкций. Статья состоит из четырех разделов и построена следующим образом. В разделе 2 последовательно рассматривается диахроническое развитие конструкции *Бог знает* (+ *wh-word*) и ее варианта *Бог весть* (+ *wh-word*). В разделе 3 изучаются диахронические особенности конструкции *черт знает* (+ *wh-word*) и ее разговорного варианта *черт-те* (+ *wh-word*). Раздел 4 посвящен особенностям конструкции *хрен знает* и ее аббревиативному варианту *хз*, их синтаксису и семантике. В разделе 5 приводятся итоговые выводы по сопоставительному диахроническому исследованию.

2. Конструкция с якорной лексемой «Бог»

2.1. Структура конструкции

Конструкция с лексемой «Бог» встречается с тремя предикатами — *весть*, *знает* и *ведает* (см. рис. 1).

На рис. 1 можно видеть распределение предикатов во времени: вариант *Бог ведает* встречается реже остальных на протяжении всего исследуемого периода, а *Бог знает* начинает активно использоваться со второй половины

⁴ О более редких вариантах вида *шут/леший/бес знает* и др. см. [Жукова 2021: 150].

⁵ <http://www.webcorpora.ru/>

⁶ <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/>

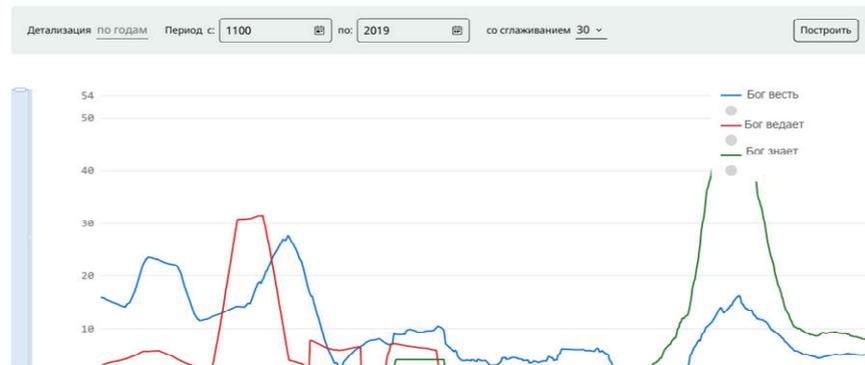

Рис. 1. Распределение выражений *Бог вѣсть*, *Бог ведает* и *Бог знает* в Панхроническом корпусе НКРЯ

ны XVIII в. (характерно, что именно в этот период в корпусе впервые появляется вариант *черт знает*). Распределение в целом предсказуемо и соответствует общей тенденции употребления этих глаголов: в древнерусских памятниках до XIV в. глаголы *вѣдѣти/вѣдати* использовались в восемь раз чаще, чем *знати*, в текстах XVI в. — в четыре раза чаще [Птенцова 2008: 268]. *Вѣсть* и *ведает* представляют собой формы 3-го лица единственного числа от соответствующих глаголов *вѣдѣти* и *вѣдати* (последний можно считать восточнославянским новообразованием [Щекин 2005: 207]). Сопоставительные корпусные исследования на древнерусском материале показывают, что семантически глаголы *вѣдѣти* и *вѣдати* взаимозаменяемы, никаких различий выявлено не было [Птенцова 2008: 268; Жолобов, Баранов 2021: 72].

2.1.1. *Бог вѣсть* и *Бог ведает*

Оба варианта — *бѣ вѣсть* и *бѣ вѣдасть* — засвидетельствованы в корпусе начиная с XI–XII вв.; в текстах XI–XIV вв. они могут присоединять подчинительную клаузу (см. (8), (9)). При этом можно видеть, что в примере (8) конструкция *бѣ единъ вѣсть* уже в раннедревнерусский период синонимично «никто не вѣсть». Стержневым компонентом конструкции, таким образом, оказывается предикат *знает/вѣсть*, а субъект добавляется вторично (ср. современные составные местоимения вида *незнаю что*, исторически образованные без участия субъекта [Соколова 2007; Фисун 2016]).

- (8) *То(м) же лѣ(т) по грѣхомъ нашимъ· придоша лзыци незнаемі·их же добръ никто же не вѣсть... бѣ единъ вѣсть кто соуть и отколъ изидоша... мы же ихъ не вѣмы*⁷ (Новгородская 1-я летопись, л. 96, 1224 г.).

⁷ Здесь и далее древнерусские примеры даются в упрощенной орфографии.

- (9) *Бѣ вѣдаетъ и ты како ти есмь слоужилъ со всею правдою* (Волынская летопись, л. 911, 1296 г.).

Уже в самых древних памятниках мы наблюдаем использование конструкции с личным местоименным распространителем в винительном падеже, причем встречаются как референтные (10), так и нереферентные употребления данного местоимения (11).

- (10) *аще ли лжю а бѣма вѣдасть и кр(с)тъ ч(с)тныи* (Владимир Мономах. Письмо Олегу Святославичу (1097)).
 (11) *то(ѣ) же лѣ(т) постави чернецъ василии. цркъвь стѣо василиа а бѣ его вѣсть своимъ ли или борисовымъ гавишнича но подаи г(с)и имъ ѿдание грѣховъ* (Новгородская 1-я летопись, л. 139 об., 1262 г.).

Однако вариант конструкции с местоименным распространителем (*Бог его/еѣ/их вѣсть*) нельзя назвать продуктивным: помимо самого древнего примера (11), в Панхроническом корпусе есть лишь шесть примеров в XIX–XX вв. Вариант *Бог его/еѣ/их ведает*, напротив, представлен в корпусе довольно обширно (73 контекста на протяжении XIX–XX вв.).

Слусинговые выражения (с запятой перед вопросительным словом, см. (12)) и амальгамы (13) впервые фигурируют в корпусе во второй половине XVIII в.:

- (12) *Мы пошли прогуливаться по городу и, пришед назад, не нашли уже его в трактире. Он ушел, бог ведает, куда. Во всем городе его отыскать не могли* (Д. И. Фонвизин. Письма родным (1784–1785)).
 (13) *Таковыя же ласкательства, угождении и бог вѣсть что употреблено было от просителей на снисkanie благоволения Федора Васильевича* (А. Н. Радищев. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений (1789)).

В последующие века конструкция с обоими предикатами продолжает использоваться в роли матричной клаузы с придаточным предложением, в качестве дискурсивной формулы и в составе амальгам с разными вопросительными словами (*кто, какой, где* и т. д.).

2.1.2. Бог знает

Вариант *Бог знает* — более поздний по сравнению с *Бог вѣсть* и *Бог ведает* и до XVIII в. в Панхроническом корпусе засвидетельствован лишь в двух текстах. Впервые он встречается в текстах XV в., где может присоединять подчиненную клаузу (14), а также использоваться в роли дискурсивной формулы (15):

- (14) *а богъ то знаетъ што намъ то жаль ѿто всего сердца* (Послание Ревеля (Колывани) Великому Новгороду с просьбой отпустить задержанных купцов (1425)).

- (15) *И Феодосий игумень ему молвит: «Чему, сынко, имени своего намъ не скажешь?» И онъ противъ молвит: «Бог знает!» И с тѣх мѣсть сказалъ свое имя — Михайло* (Повесть о житии Михаила Клопского (1477—1480)).

Бог знает с личным местоименным распространителем впервые употребляется в конце XVIII в. (16) и начиная с этого времени встречается очень часто (922 примера с конца XVIII до начала XXI в.).

- (16) *Бог вас знает, как вы нынче судите* (Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)).

В примере (16) местоимение *вас* согласуется с подлежащим придаточного предложения, однако уже в текстах Н. В. Гоголя местоимение *его* может не относиться к конкретному референту:

- (17) *Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала: «чего вы стонете, Афанасий Иванович?» «Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так как будто немного живот болит», говорил Афанасий Иванович* (Н. В. Гоголь. Старосветские помещики (1835–1841)).
 (18) *Городничий. Как же вы это допустили? Частный пристав. Да бог его знает* (Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)).

Десемантизация и постепенная утрата референции местоимений 3-го лица (от обозначения конкретного субъекта местоимение начинало обозначать ситуацию в целом, а далее и вовсе теряло референтность) ранее была отмечена для дискурсивной формулы вида *X (его/ее/их) знает* в диссертации С. Ю. Жуковой [2018: 153–154], на примере конструкции с якорем *хрен знает*. Однако с учетом примеров (18), (19) можно уточнить данный тезис и констатировать, что подобная полная десемантизация местоимения имела место уже в XIX в. (а для варианта *Бог весть* — вообще в XIII в., см. (11)).

Со второй половины XVIII в. конструкция начинает активно использоваться уже в формате амальгамы:

- (19) *Кию подали стул, бог знает на что, будто как бы он в таком был состоянии, что уж и стоять не мог* (А. П. Сумароков. Чудовищи (1750)).

Таким образом, вариант *Бог знает* по формальным признакам и сочетаемости практически не отличается от вариантов с *весть* и *ведает*, но засвидетельствован позже (начиная с XV в.). Однако нереперентное употребление личного местоимения в составе конструкции фиксируется уже в самых ранних вхождениях XIII в., в варианте с *весть* (подробнее о десемантизации местоимения и развитии конструкции см. также в разделе 3.1.2 о варианте с якорной лексемой *черт*).

2.2. Семантика конструкции

2.2.1. Неопределенность

Композициональное значение выражения ожидаемо развивает дополнительную семантику неопределенности (говорящий не знает ответа на вопрос, знает только Бог → не знает никто, я не знаю, см. пример (8)). Подобную омонимию (композициональное значение/неопределенность, незнание) можно наблюдать и в более поздних контекстах, присоединяющих придаточное предложение (20), а также в производных от этого выражения дискурсивных формулах (21):

- (20) *Цветы и в поле и в саду увяли; зелень поблекла; листья слетели с деревьев; птички... **Бог знает, куда** девались — и все стало так печально, так уныло, что Юлия потеряла всю охоту хвалить деревенское уединение* (Н. М. Карамзин. Юлия (1796)).
- (21) — *А далеко ли отсюда до города? — А **Бог весть!** Мы сами туда не ездим* (А. О. Корнилович. Андрей Безыменный (Старинная повесть) (1832)).

Такого рода контексты, как правило, могут быть интерпретированы как композиционально, так и идиоматически, поэтому определить, когда именно произошел семантический переход, не представляется возможным.

Амальгамы же продвинулись по шкале идиоматизации дальше: как было упомянуто во введении, М. Хаспельмат относит конструкцию *X знает + вопросительное местоимение* к неопределенным местоимениям класса незнания (dunno-indefinites). Такие местоименные конструкции имеют конкретно-референтный статус: они относятся к конкретному объекту, но говорящий не может его идентифицировать (англ. specific-unknown) [Haspelmath 1997: 132–133]. Так, в (22) стихи были найдены *неизвестно где*, в (24) прозвище было дано *неизвестно кем и когда*:

- (22) *В Альманахе, изданном г-ном Федоровым, между найденными **Бог знает где** стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева* (А. С. Пушкин. Опровержение на критики (1830)).
- (23) *Какое его было настоящее имя в городъ, конечно, не знали, но Устины молодцы или не знали, или предпочитали звать его по своему, прозвищемъ, даннымъ **Богъ вѣсть къмъ и когда**, но уже болѣе десяти лѣтъ назадъ* (Е. А. Салиас. Атаман Устя (1890)).

2.2.2. Семантика оценки

Все конструкции вида *Бог/черт/хрен знает* (+ *wh-word*), как уже указывалось ранее, имеют в современном языке семантику негативной оценки, связанную с неопределенностью компонента ситуации (1)–(3), а также семантику высокой степени (4)–(6). Традиционно данные семантические

значения изучались в первую очередь на основе признаковой лексики [Katz 1964; Вольф 1985; Арутюнова 1988; Кустова 2011; Рахилина и др. 2010], однако сам по себе переход оценочных значений в интенсификаторы — широко распространенное явление. Можно также полагать, что для конструкций *Бог/черт/хрен знает* (+ *wh-word*) семантика отрицательной оценки развилась в результате перехода ребрендингового типа [Рахилина и др. 2010; Карпова и др. 2011], в основе которого находилась импликатура ‘неизвестный для говорящего’⁸ ⇒ ‘негативно окрашенный’⁹. Таким образом, в истории конструкций вида *Бог/черт/хрен знает* (+ *wh-word*) теоретически можно полагать следующий вариант развития семантических переходов: неизвестность для говорящего > отрицательная оценка > интенсификатор. С другой стороны, конструкции с лексемой *Бог* имеют некоторые особенности, которые ставят под вопрос данную схему семантических переходов: дело в том, что *Бог весть/знает* может интерпретироваться не только в ключе отрицательной, но также положительной оценки. Поэтому можно рассматривать развитие оценочной семантики не как результат развития конвенциональной импликации, а как речевую импликацию, в терминах [Grice 1975]. Об этом пойдет речь в настоящем разделе.

В [Haspelmath 1997: 186–187] отмечается, что неопределенные местоименные серии путем речевой импликации могут развивать как значение важности, значимости референта, так и, наоборот, обесценивать его. Примеры с положительной оценкой конструкции *Бог знает/весть* действительно встречаются как в XIX в., так и в XX–XXI вв.:

- (24) *Хотя я живу въ прекрасныхъ покояхъ, у весьма добраго хозяина и хозяйки, которые меня поятъ, кормятъ, возятъ гулять, и ходятъ за мною какъ **Богъ знаетъ** за кѣмъ; однакожь все это не веселитъ тогда, какъ ежеминутно ожидаешь тревоги* (А. С. Шишков. Письма жене (1813–1814)).
- (25) *Приезду гостей он обрадовался, как **Бог весть чему*** (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).
- (26) *Стройная, гибкая: смотрит внимательно, словно **он бог весть что говорит**, — под таким взглядом сразу чувствуешь себя значительней и умнее* (Л. Р. Кабо. Ровесники Октября (1964, 1997)).

⁸ В свою очередь, семантика неизвестности для говорящего из ранее композиционного сочетания *Бог знает* также, по-видимому, возникла вследствие импликации: знание какого-либо понятия Богом (или же другим высшим существом, традиционно относимым к табуируемой лексике) интерпретируется как предельная, высшая степень знания, недоступная конкретному индивиду ([Кегауов 2009: 154]; см. также Postma 2001: 300).

⁹ Под метонимию данный переход не подпадает в связи со сменой семантического фрейма (известность для говорящего — отрицательная оценка), а под метафору — в связи с невозможностью установить отношение уподобления конечной семантической зоны зоне-источнику [Lakoff, Johnson 1980].

Контекстов с семантикой отрицательной оценки тоже немало:

- (27) *Рассказывала, что у Платона бывает бог знает кто, что дамы, которые к нему приходят, похоже, что они пришли с рынка* (А. И. Богданович. Дневник (1888)).
- (28) *Поэтому вы также не поверите, что в России мужья имеют право бить, увечить и даже и бог знает что делать с своими женами, и ненаказанно?* (В. Т. Нарезный. Российский Жилбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)).

В контекстах с *Бог весть/знает* оценочное значение, предположительно, может появляться из-за избыточного употребления неопределенной конструкции, когда она не добавляет в высказывание практически никакой информации. Следуя максиме количества «Высказывание не должно содержать больше или меньше информации, чем требуется» [Grice 1975: 45–46], собеседник приписывает неопределенным конструкциям оценочную интерпретацию (а полюс оценки зависит от контекста); на типологическом материале такие переходы описаны в [Haspelmath 1997: 186–192].

2.2.3. Семантика интенсификации

Амальгамы с вопросительными местоимениями *как, какой, сколько* могут развивать также значение интенсификации, усиливая семантику слова, от которого они зависят:

- (29) *Человек сравнивает искусство с вихрем и думает, что он бог весть как поразил* (= сильно поразил. — Авт.) *этим сравнением, а выходит, что он только сказал нелепость* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Рец. на: Цыгане. Роман в трех частях. Соч. В. Ключникова (1871)).
- (30) *Между тем компаньонка... налила его в чашку графини с какою-то смешною решимостью, как будто совершила бог знает какое важное* (= очень важное. — Авт.) *дело, и пододвинула чашку под самый подбородок графини* (Н. А. Дурова. Угол (1840)).
- (31) *Ему в самом деле казалось, что два года — бог весть сколько* (= много. — Авт.) *времени, что в два года он успеет опять нажить столько, чтобы потягаться с Москвичом и перетягать его* (Н. А. Полевой. Мешок с золотом (1829)).

Вероятнее всего, значение интенсификатора развилось из семантики отрицательной оценки (ср. рус. *ужасно красивый*); семантические переходы такого рода в языках мира достаточно распространены [Kuteva et al. 2019: 68].

2.2.4. Контексты с отрицанием и деинтенсификация

Под отрицанием конструкции *Бог весть + wh-word* и *Бог знает + wh-word* развивают значение деинтенсификаторов:

- (32) *История о том, как лежит и спит добряк-ленивец Обломов и как ни дружба, ни любовь не могут пробудить и поднять его, — не бог весть какая важная (= не очень важная. — Авт.) история* (Н. А. Добролюбов. Что такое обломовщина? (1859)).
- (33) *Начну с того, что князь К. был еще не бог знает какой старик (= не очень старый. — Авт.), а между тем, смотря на него, невольно приходила мысль, что он сию минуту развалится* (Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон (1858–1859)).

Значение деинтенсификации при употреблении с отрицанием начинает набирать обороты уже в XIX в.; интересно, что в XIX в. *не Бог знает* использовалось даже чаще, чем *не Бог весть*, но в XX в. этот вариант практически сошел на нет (см. рис. 2).

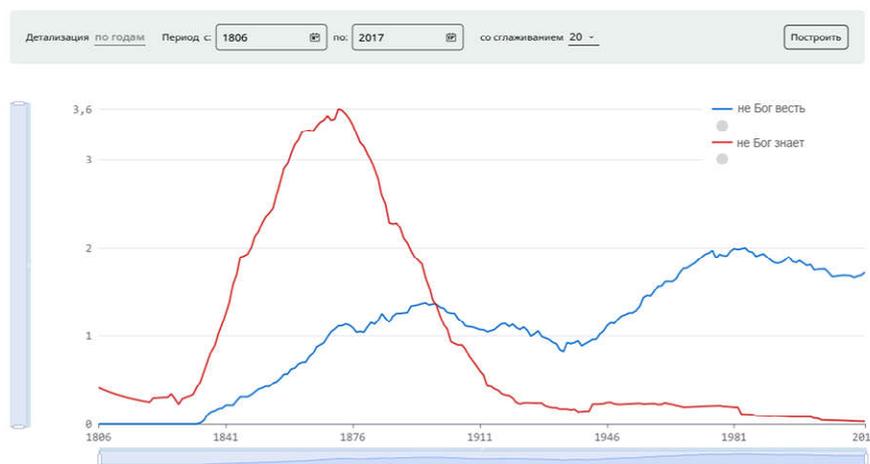

Рис. 2. Распределение выражений под отрицанием (Панхронический корпус)

Таким образом, именно вариант *не Бог весть* + *wh-word* стал конвенциональным в этой функции, распределение выражений в Газетном корпусе, содержащем тексты конца XX — начала XXI в., еще более показательное (см. рис. 3); в Газетном корпусе центральных СМИ всего пять употреблений *не Бог знает*, при этом ни один из них не выступает в функции деинтенсификатора.

Возможно, именно конструкция *не Бог весть* закрепилась и стала конвенциональным способом для обозначения деинтенсификации из-за меньшей композициональности: носители языка уже не осознают *весть* как глагольную форму, в отличие от *знает*. Постепенная потеря композициональности и появление идиоматического значения — яркие признаки процесса конструкционализации [Traugott, Trousdale 2013: 122–124], и, судя по корпусным данным, вариант *Бог весть* продвинулся по шкале грамматикализации несколько дальше, чем *Бог знает* и *Бог ведает*.

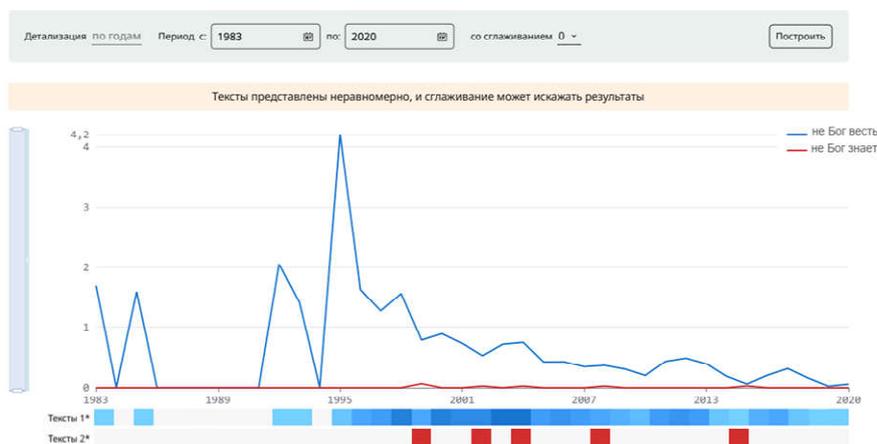

Рис. 3. Распределение выражений под отрицанием (Газетный корпус)

3. Конструкции с якорной лексемой «черт»

3.1. Структура конструкции

3.1.1. Черт ведает

В отличие от конструкции с лексемой *Бог*, идиома с *черт* практически не встречается с предикатами, кроме *знать*, что можно объяснить сравнительно поздним распространением субъекта *черт* в печати, когда *знать* уже вытеснило архаичные *ведать* и *ведает*. Так, НКРЯ содержит лишь одно окказиональное вхождение с *черт весть*, которое относится к периоду начала XX в. Тем не менее *ведает* представлено несколько чаще — 10 вхождений в период середины XIX — начала XX в. (последние примеры датированы 1930-ми гг.), при этом 8 из 10 содержат местоименный распространитель в винительном падеже. Все примеры с *черт ведает* с распространяющим местоимением представляют собой либо автономные дискурсивные формулы с семантикой незнания ответа на некоторый подразумеваемый или эксплицитно заданный вопрос [Жукова 2021: 152] (см. (35), (36)), либо матричные предикации, присоединяющие косвенно-вопросительную зависимую клаузу, со схожей семантикой (37):

- (34) **Черт меня ведает**, может быть, я и ошибаюсь и, может быть, пропагандирую не то, что нужно (Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1897)).
- (35) Как он ко мне подобрался? **черт его ведает** (А. И. Куприн. Конокрады (1903)).
- (36) **Чортъ тебя въдаеть**, что въ тебя такое было! Я, въдь, никогда не находился въ числѣ влюбленныхъ въ тебя и разбиралъ твою личность по-товарищески... (Е. И. Аптелева. Без вины виноватые // «Вестник Европы», №№ 7–8, 1877).

В 7 из 8 конструкций вида (34)–(36) местоименный распространитель является референтным и отсылает либо к ранее упомянутому лицу (35), либо к собеседнику/самому говорящему (34), (36). Однако одно из вхождений содержит очевидно нереперентное употребление местоимения 3-го лица (37). Можно видеть, таким образом, что десемантизация местоимения (см. раздел 1) не зависела от конкретной лексемы в ядре конструкции.

(37) *Да упаковка, что будет стоить, черт его ведает. Вещи все громоздкие* (Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1875)).

Лишь в двух примерах с *ведает* (оба они относятся к XIX в.) в НКРЯ представлены амальгамы (см. (38), (39)), но при этом амальгама встречается уже в самом раннем примере с *ведает*, который относится к 1830 г.:

(38) *Почему он взял, черт ведает откуда, чужого человека, когда своя контора набита поденщиками?* (А. А. Бестужев-Марлинский. Лейтенант Белозор (1830)).

(39) *Знаю, знаю: читал тоже много по этому предмету и Моудсли, и Грингера, и черт ведает кого не читал* (Н. А. Вербицкий-Антихов. У костра (1900)).

Учитывая общее малое количество данных, можно констатировать, что четкой хронологической последовательности, позволяющей выделить отдельные этапы развития конструкции *черт ведает*, выявить не удастся. Анализ НКРЯ лишь показывает, что лексема *черт* в данной конструкции ограничено употреблялась приблизительно на протяжении 100 лет, в 1830–1930-е гг., и в этот период уже была представлена во всех теоретически возможных формах (матричная клауза с сентенциальным актантом, дискурсивная формула, амальгама), последовательное развитие которых ранее удалось проследить на примере синонимичной конструкции с более распространенной якорной лексемой *Бог* (см. раздел 1.1). По корпусным данным также можно видеть, что конструкции типа *черт ведает* начинают использоваться в период, когда некоторый взлет употребления переживает и конструкция *Бог ведает* (см. рис. 4), — весьма вероятно, что именно последняя послужила соответствующим источником для аналогичной идиомы с *черт*, однако причины такого распространения конструкций с *ведает* в XIX в. на данный момент окончательно не ясны.

Вместе с тем примечательно, что, в отличие от конструкций с *Бог*, идиома *черт ведает* в контексте дискурсивной формулы и матричных предикаций с косвенно-вопросительным зависимым придаточным не употребляется без местоименного распространителя. Можно предположить, что контекст дискурсивной формулы, которая представляет собой реакцию на конкретный вербальный стимул [Жукова и др. 2019: 143], в большей степени располагает к появлению местоимения, реферирующего или к собеседнику (36), или к сообщаемой ситуации в целом (37). В то же время форма *ведает*, будучи значительно менее частотной, чем *знает*, в со-

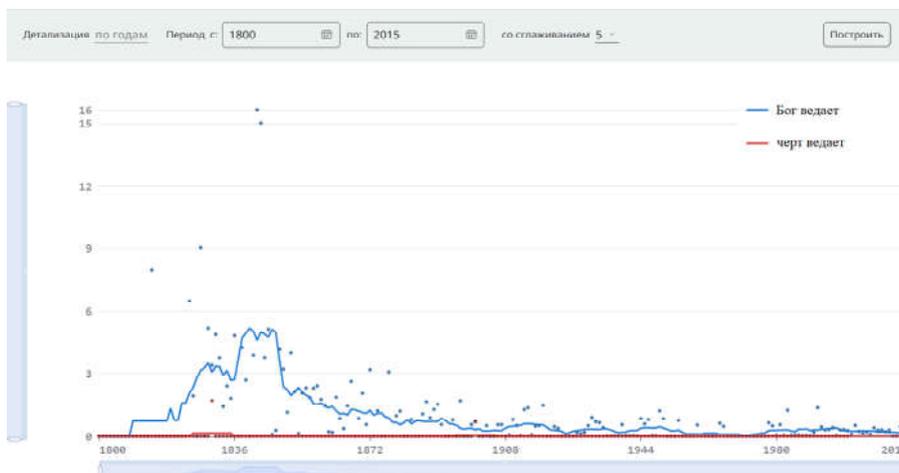

Рис. 4. Дистрибуция конструкций *Бог ведает* и *черт ведает* в период с 1800 по 2019 г. (частота на миллион словоформ, данные НКРЯ)

четании с *черт* хоть и образовала конструкцию со схожей некомпозиционной семантикой, однако не закрепились синтаксически в силу более маркированного характера предиката. Таким образом, можно сделать вывод о том, что реанализ конструкции (конвенционализация синтаксиса в сочетании с новым некомпозиционным значением, см. подробнее [Harris, Campbell 1995: 50; Croft 2001: 126; Traugott, Trousdale 2013: 35 и след.; Varðdal, Gildea 2015: 17–18]) для *черт ведает* был фактически заморожен на самом раннем этапе, и устойчивого употребительного сочетания из этой конструкции не развилось, что дополнительно благоприятствовало появлению других (местоименных) составляющих между компонентами якоря.

3.1.2. *Черт знает*

В отличие от конструкции с лексемой *Бог*, в формуле с *черт* предикат *ведает* появляется более чем на 50 лет позже предиката *знает*. Каких-либо композиционных контекстов, предшествующих идиоматизации конструкции *черт знает* в дискурсивную формулу, в НКРЯ не встретилось, что можно объяснить достаточно жесткой литературной правкой и длительным запретом на письменное употребление лексем, обозначающих сверхъестественных отрицательных персонажей ([Померанцева 1975: 119]; см. также широкий ряд эвфемизмов для *черт* в [Даль 1882]). В связи с этим примечательно, что лексема *черт* в литературных произведениях НКРЯ массово встречается только с XVIII в., а до этого фигурирует в единичных вхождениях в «Молении Даниила Заточника» (40) и в качестве личного имени (41):

- (40) *Паки видѣхъ стару жену злообразну, кривозороку, подобна черту, ртасту, челюстасту, злоязычну, приничющи в зеркало* (Моление Даниила Заточника (XII–XIII вв.).

- (41) *от микитъ ко **цертю** что есмь... руциль оу петра на городищъ н... юрги былъ выдалъ* ‘Что касается того, что я [за Юрия] поручился у Петра на Городище, [в том меня] Юрий подвел’ (Берестяная грамота 4 (1320–1340)).

В идиоматизированном виде конструкция *черт знает* встречается в НКРЯ лишь ко второй половине XVIII в. — как составное местоимение (42) и как дискурсивная формула (43), которая, в отличие от предикатов с *ведает*, сохраняется и в наши дни (см. также пример (8)):

- (42) *Пропой-ка что-нибудь, так я послушаю; это и я смышлю, а то заврели и **чёрт знает что!*** (П. А. Плавильщиков. Сговор Кутейкина (1789)).
- (43) *Да нынче попалась мне на язык русская песня, которая с ума нейдет: «Из-за лесу, лесу темного». **Черт знает!** Такой голос, что растаять можно, и теперь я пел; а натвердил ее у Елагиных* (Д. И. Фонвизин. Письма родным (1763–1774)).

Распространение данных конструкций хронологически совпадает с ростом употребления конструкций типа *Бог знает* (см. рис. 1), что позволяет предположить одновременное становление соответствующей идиомы и с лексемой *Бог*, и с якорной лексемой *черт*. Можно полагать, что период XVIII в. связан с десакрализацией *Бог*, в связи с чем как конструкция *Бог ведает* стала замещаться вариантом *Бог знает* (исторически семантика глагола *ведать* предполагала некоторое сакральное знание [Птенцова 2008]), так и сама лексема *Бог* в конструкции *Бог знает* стала заменяться на *черт*.

Полипредикативные конструкции с зависимым придаточным, гипотетически предшествующие дискурсивным формулам и амальгамам, в корпусе фигурируют только в контекстах начала XIX в.:

- (44) *Да я тебе сейчас и пример покажу: не ты ли, молокосос, вертелся, кривлялся, прыгал, увивался и **черт знает** что ты ни делал, чтоб прельстить Юлию, дочь сельского моего управителя* (В. Т. Нарезный. Российский Жилбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)).

Однако, учитывая условность временного диапазона в несколько десятков лет, можно полагать, что к концу XVIII в., когда слово *черт* начинает использоваться в литературе, оно автоматически проникает во все идиоматичные контексты, где ранее допускался *Бог*, — т. е. и в полипредикативные конструкции, и в дискурсивные формулы, и в амальгамы. В связи с этим обращает на себя внимание один из вариантов конструкции, для которого оказывается невозможна замена якоря, а именно — *черт-те* + *wh-word* (*черт-те что/где/куда* и др.). Для данного варианта вариант с *Бог* оказывается неграмматичным. Подробнее об истории этой конструкции см. ниже.

3.1.3. *Черт-те X*

Разговорная атрибутивная конструкция вида *черт-те* + *wh-word* в целом является взаимозаменяемой с вариантом *черт знает: он принес черт знает/черт-те что, он уехал черт знает/черт-те куда*. Однако происхождение формы *-те* до конца неизвестно. Теоретически можно предположить, что перед нами энклитическая форма местоимения *тебе* (др.-рус. древний аккузатив от *ты*), которое к XV в. постепенно эволюционировало в современную форму *тебя* [Горшкова, Хабургаев 1982: 253 и след.], что, в свою очередь, может косвенно свидетельствовать о древности конструкции, несмотря на длительное отсутствие письменно зафиксированных форм.

Первые корпусные вхождения рассматриваемой конструкции (XVIII в.) не противоречат этой версии. Так, конструкция вида *черт-те X* впервые встречается в варианте с раздельным написанием *те* и предикатом *знает* (45). В данном примере *те* является референтным объектным местоимением 2-го лица, а сама конструкция представляет собой дискурсивную формулу с семантикой неопределенности, адресованную собеседнику-сыну, требующему от отца прочесть заданный текст.

(45) *Сын. Моп père, я говорю, не горячитесь. Бригадир. Да первого-то слова, черт те знает, я не разумею. Сын. Ха-ха-ха-ха, теперь я стал виноват в том, что вы по-французски не знаете!* (Д. И. Фонвизин. Бригадир (1783–1786)).

Однако в дальнейшем вплоть до второй половины XIX в. конструкции с краткой формой местоимения отсутствуют. Можно предположить, что подобный контекст в (45) представляет собой «прорыв» диалектного употребления вида «*N тебя/те/тя* + предикат (*дери, знает* и др.)», распространенного в просторечии и в целом гармонирующего с образом необразованного бригадира. Такие употребления с краткой референтной формой *-те* также обнаруживаются и в корпусных текстах XIX в., в виде разговорных императивных конструкций, с непрямым значением императива и общей семантикой ругательства [Храковский 2002: 236–237]:

(46) *Ну, да черт те дери... эй, земляк, выпей хошь для миру... хошь для миру-то выпей...* (Д. В. Григорович. Антон-горемыка (1847)).

В атрибутивной позиции *черт-те* впервые фигурирует в корпусе в 1880-х гг. (47), при этом форма *-те* в данном вхождении уже нереферентна. Примечательно, что этот пример хронологически совпадает с первым аналогичным употреблением конструкции вида *черт тебя знает* (48), однако подобные развернутые атрибутивные употребления в дальнейшем быстро исчезают, сменяясь формами вида *черт-те/черт знает* + *wh-word*.

(47) *Он ей слово — она двадцать, он-то по-нашински, она черт-те покаковскому норовит...* (А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)).

- (48) *Думаю, что если не поленишься, напишешь недурно, но ведь ты, черт тебя знает, какой лентяй!* (А. П. Чехов. Письма Александру Павловичу Чехову (1886)).

Можно полагать, что конструкции вида (47) возникли из выражений вида (48) в ходе утраты референтности, в целом свойственной данной конструкции с другими якорями (см. разделы 1.1 и 2.1.1). Выбор формы *-те* в этих конструкциях, по-видимому, был обусловлен ранее конвенционализированной формой *те* в конструкциях вида (46) с аналогичной лексемой *черт* и общей схожей ругательной семантикой.

Примечательно также, что в сопоставлении с конструкциями с *Бог* в конструкциях с *черт* неререферентным оказывается местоимение 2-го лица, а не 3-го. Представляется, что в данном случае не последнюю роль играет общая негативно окрашенная семантика лексемы *черт* и всей конструкции в целом. Так, схожий процесс утраты референтности местоимения 2-го лица зафиксирован в истории ругательства *твою мать*, исторически представляющем собой дополнение к императивному глаголу с семантикой сношения. В современном русском языке *твою мать* используется как неререферентное междометное ругательство, без отсылки к конкретному собеседнику. Поскольку все конструкции с якорной лексемой *черт* также являются ругательствами, можно предположить, что диахроническое развитие конструкции *черт тебя знает* проходило со схожей утратой референтности местоимения и становлением общей отрицательно-оценочной семантики.

3.2. Семантика конструкции

Современная конструкция *черт знает* семантически взаимозаменяема с *Бог знает* (за исключением варианта *черт-те X*), хотя и имеет более выраженную негативную окраску за счет семантики якорного подлежащего *черт*. Так, в современном языке амальгамы с *черт знает* могут иметь семантику неопределенности (49), отрицательной оценки (50), а также интенсификатора (51):

- (49) *Я явился на почту, но оказалось, что заведующей сберкассой нет, она ушла в Шаву по каким-то государственным делам и черт знает когда придет* (Н. Н. Козаков. Дневник (1962)).
- (50) *Мало ли детей, которые... занимаются черт знает чем* («Даша», 2004).
- (51) *Так прошло несколько больших секунд. Она была черт знает, как хороша. Глазища ее сверкали в опасной близости от его рта* (В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)).

Контекстов с очевидно положительной семантикой вида (24)–(26) (см. раздел 1) с лексемой *черт* не встретилось, что может обуславливаться исходно отрицательной семантикой якорного подлежащего *черт*. Таким

образом, в отличие от конструкций с *Бог*, для конструкций с *черт* можно полагать, что негативная оценочная семантика развилась из неопределенности посредством импликатуры (см. раздел 1.1), а интенсифицирующее значение — из негативно-оценочного, представляя собой типологически распространенный семантический переход [Lorenz 2002; Traugott 2006]. Данные НКРЯ позволяют проверить эту гипотезу на более широком материале.

Самые первые примеры с *черт знает* относятся к XVIII в. и представляют собой дискурсивные формулы (43), в которых наблюдается семантика неопределенности (незнание говорящим ответа на некоторый вопрос). По-видимому, данные формулы являются результатом прагматикализации матричных предикаций в составе сложноподчиненного предложения, однако в силу крайне ограниченного использования слова *черт* в текстах до XVIII в. изолированно засвидетельствовать этот этап корпусные данные не позволяют. К концу XVIII — началу XIX в. в корпусе фиксируются амальгамы, однако уже в самых первых вхождениях с *что*, *где*, *как*, *какой*, *куда* и *откуда* прослеживается негативно-оценочная семантика (*черт знает что* = нечто плохое, *черт знает где/куда* = в неких/-е неприятных/-е для говорящего местах/-а, *черт знает как* = плохо):

- (52) *Куда мы пойдём с этим превратным Пекарским? Он нас заведет **черт знает куда!** Взбесились вы, что ли, чтоб идти на Москву?* (Ф. В. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830)).
- (53) *Где был? — **Черт знает где!** фу, устал! Третий, четвертый, пятый, десятый посетитель не спрашивал уже, дома ли хозяин, но спрашивал себе сигару* (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)).
- (54) *Черная Шаль тебе нравится — ты правь но ее **чортъ знаетъ какъ напечатали.** Кто ее такъ напѣчаталъ? пахнетъ Глинкой* (А. С. Пушкин. Письмо Л. С. Пушкину (27.07.1821)).

Примеры, в которых в амальгамах можно видеть семантику неопределенности, теоретически предшествующую негативной оценке, в НКРЯ отсутствуют, что может обуславливаться собственно присутствием в составе конструкции слова *черт*. Однако одновременное наличие и неопределенности, и негативной оценки можно видеть в самых ранних примерах с *черт знает когда*, где конструкцию можно трактовать и как неизвестное для говорящего время, и как по тем или иным причинам для него неприятное (неудобное, позднее и т. п.):

- (55) *Я барахтаюсь въ грязи молдавской, **чортъ знаетъ когда** выкарабкаюсь* (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому (12.1822)).

С середины XIX в. все амальгамы вида *черт знает + wh-word*, за исключением субъектно-объектных форм *черт-те кто/что*, приобретают интенсифицирующее значение. Так, *черт знает как/какой* в сочетании

с градуальными прилагательными и наречиями начинает обозначать высокую степень соответствующего признака (см. (56)– (58)), конструкция *черт знает куда* приобретает значение ‘очень далеко’ (59), *черт знает когда* развивает значение ‘очень давно’ (60), а также, начиная приблизительно с середины XX в., значение ‘очень рано/поздно’, в зависимости от контекста (см. (61), (62)). При этом можно видеть, что интенсифицироваться могут как отрицательные, так и положительные признаки, аналогично вариантам с лексемой *Бог* (см. раздел 1.2.3):

- (56) *Однако, Сизой, ты черт знает как постарел, и лицо у тебя, не взыщи за правду, как-то скверно вытянулось, поглупело, позеленело, измялось* (А. И. Левитов. Погибшее, но милое создание (1862)).
- (57) *Он также наводит свой лорнет и как знаток восклицает: черт знает как хороша!* (А. Ф. Вельтман. Эротика (1835)).
- (58) — *Мерзнет... да... навигация прекратится — это черт знает как досадно!* — воскликнул князь (А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)).
- (59) *Куда мы пойдём с этим превратным Пекарским? Он нас заведёт черт знает куда! Взбесились вы, что ли, чтоб идти на Москву?* (Ф. В. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830)).
- (60) — *Мы живём во второй половине девятнадцатого столетия, а не черт знает когда, не в допотопное время!* — заговорил Кашилатов (А. П. Чехов. Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало (1883)).
- (61) *Из-за этого лег черт знает когда, на утро встал с тяжелой головой, что было вдвойне обидно из-за того, что лента яйца выеденного не стоит* (Л. А. Левицкий. Дневник (1996)).
- (62) *Это мне — поздно куда-то ходить, выпивать, просыпаться черт знает когда — срочно прекратится...* (К. Сурикова. Донна Клара (2003)).

С некоторыми вопросительными словами конструкция и вовсе обнаруживается только на стадии развития интенсифицирующего значения. Примером могут служить вхождения *черт знает сколько*, которые уже с XIX в. имеют семантику очень большого количества.

- (63) *Сравните же теперь мое вечернее занятие с занятием какого-нибудь хлыща, доматывающего свое имущество, которому этот вечер, может быть, стоит черт знает сколько денег и здоровья!* (А. В. Дружинин. Дневник (1845)).
- (64) *Придется плавить электричеством, а это черт знает сколько времени займет* (А. И. Куприн. Яма (1909–1915)).

Таким образом, корпусные данные вписываются в общую картину эволюции конструкции *черт знает* от матричной клаузы в составе полипредикативного выражения к дискурсивной формуле с семантикой неопределенности, а позднее, также из полипредикативной конструкции, — к отри-

цательно-оценочной и далее — к интенсифицирующей амальгаме. Однако в силу отсутствия вхождений до XVIII в. выявить гипотетические первые этапы конструкционализации, с композициональным сочетанием и полипредикативной единицей, на корпусных данных не представляется возможным.

4. Конструкции с якорной лексемой $x^{**}/хер/хрен/х$

4.1. Структура конструкции

Конструкцию с $x^{**}/хер/хрен/х$ мы рассматриваем в одном ряду с лексемами вида *Бог/черт* ввиду того, что все эти существительные являются табу-словами, несмотря на безусловно разные типы табуированности слов, относящихся к теонимам и к «именам чертыхательным»¹⁰. Кроме того, как показано в [Зализняк 2014], эти существительные имеют сходную фонетическую структуру (в отличие от потенциальных вариантов элементов якоря типа *леший* или *Аллах*)¹¹, что вызывает увеличение их частотности в речи. В то же время описываемые в этом разделе варианты субъектного якоря имеют ряд исключительных особенностей, которые будут рассмотрены ниже.

Подчиняясь циклу эвфемизации (см. подробнее о циклах эвфемизации, например, [Taylor 1974]), конструкция с обсценным x^{**} проходит этапы замещения слова x^{**} на *хер* и *хрен* и наконец на букву *х*. Так, замена x^{**} на *хер* вызвана желанием говорящего, не называя обсценного слова, обозначить его первой буквой, в дореволюционной азбуке носившей название «хер». Параллельная ситуация наблюдается с заменой обсценного глагола ряда¹² x^{**} на близкое по звучанию, а возможно, и ассоциативно близкое слово *хрен*. Причем вопреки [Зализняк 2014: 274], по всей видимости, замена на *хрен* происходит ранее замены на *хер* (см. далее примеры (67), (68) и их обсуждение). В XX в. возникает вариант идиоматизированной замены всех слов этого ряда, начинающихся на букву *х*, непосредственно этой буквой (как с многоточием, так и с точкой, звездочками, а также без всяких знаков (см. примеры (69), (70)). Таким образом, мы можем наблюдать полный эвфемистический цикл замены обсценного слова на слово *хер*, представляющее собой историческое название буквы *х* (примечательно, что замена происходит в среде образованных людей в XIX в., о чем см. [Там же]), а затем, когда свойства слова *хер* как эвфемизма ослабляются и оно приобретает стилистические характеристики грубых слов, — на современную букву *х*. В то же время как обсценные, так и эвфемистические вариан-

¹⁰ Об особенностях русской обсценной лексики см., например, [Успенский 2018; Пильщикова 2021; Пильщикова, Иоффе 2021].

¹¹ Ср. окказиональное: *Был в галерее, где сейчас прекрасная выставка икон. Там идет перевеска, которая по счету — один аллах ведет* (ruTenTen).

¹² Термин «глава ряда» в отношении непечатного обсценного слова x^{**} позаимствован у А. А. Зализняка [2014].

ты конструкции продолжают существовать в современном русском языке параллельно.

В НКРЯ первое вхождение слова *хер* в функции ругательства датировано 1844 г. (65), а первое идиоматизированное вхождение в сочетании с глаголом *знать* — 1992 г. (66):

- (65) — *Ведь у меня там двадцать рублей денег было, а теперь — ни хера!* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5 (1867)).
- (66) *Цви бен Нахум налил водки в бумажный стакан, глотнул и сказал: — А хер ее знает... Накануне войны улицей темной и тесной пробиралась я в поисках восточного дворца с фонтаном и пальмой* (Дина Рубина. Во вратах твоих (1992)).

Первое же вхождение слова *хрен* в НКРЯ в ругательной функции встречается в 1764 г. (67), а первое идиоматизированное вхождение в сочетании с глаголом *знать* — в 1932 г. (68):

- (67) *Хорошенько его, сударь, эдакого указчика! Как он смеет с вами говорить. Дай ему, сударь, знать, что и ты такой же господин, что и старый-то хрен* (Д. И. Фонвизин. Недоросль (так называемый ранний «Недоросль») (1764)).
- (68) *К дочке в стенку изумрудным кольцом тюкнула и опять слова свои по-французски: «жирафле-монпансье». Хрен их знает, что они обозначают. Стащил Кучерявый с коридорного ларя лакейскую гармонь* (Саша Черный. Солдатские сказки. Скоропостижный помещик (1932)).

О том, что слово *хрен* исконно выступало эвфемизмом по отношению к слову, называющему мужской половой орган, свидетельствуют и данные словаря [Славянские древности 2012]. В последнем приводятся устойчивые выражения со словом *хрен*: «укр. Та хрін вас бери!» и «Святэй хрен, выведь меня на дарогу! (ПА, чернигов., Хоробичи)» [Там же: 459–462], вписывающиеся в общую систему формул вербальной магии, использующей разного рода табу-лексику.

Согласно графику частотности употребления слов *хрен* и *хер*, построенному по данным Панхронического корпуса (см. рис. 5), оба слова достаточно равномерно функционируют в языке до середины XX в., когда начинается подъем в их употреблении, очевидно связанный с активизацией использования их в качестве эвфемизма.

Первое вхождение сокращения *х* вместо полного обценного слова (без многоточий и других графических способов соотнесения с сокращаемым словом) представлено в корпусе в 2004 г., а первое идиоматизированное вхождение в сочетании с глаголом *знать* — в 2013 г.:

- (69) *Он в Ростов на стрелку с такими же пацанами ехал, ну так вот, то ли он с отсидки был такой радостный, или вообще, х знает, радостный, как ребенок* (Блоги // «Русский репортер», 2013).

Рис. 5. Употребление слов *хрен* и *хер* в период с 1742 по 2019 г. (частота на миллион словоформ, НКРЯ, Панхронический корпус)

4.2. Семантические особенности и грамматикализация

Так же как и у вариантов конструкции с *Бог/черт*, у обценных и эвфемистических вариантов наблюдается всё многообразие импликатур семантических переходов: неизвестность для говорящего (70) > отрицательная оценка (71) > интенсификатор (72):

- (70) *Х... знает, может, ты и впрямь восстановишь былое промышленное могущество отечества* (Т. Устинова. Персональный ангел (2002)).
- (71) *Это точно! Напринимали хер знает кого!.. По должности* (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002).
- (72) *Это лучшее, что я видел по телевизору за последние хер знает сколько лет* (Форум: ПроекторПерисХилтон (2009–2011)).

Подобно вариантам конструкции с *Бог/черт*, обценные и эвфемистические варианты способны функционировать как дискурсивные формулы:

- (73) — *Зачем это? — выражаю я своё удивление, держа огурец, как меч. — Хрен знает...* (Р. С. Вереск. Хальмер-Ю (2014) // «Волга», 2015).

С точки зрения синтаксиса, аналогично вариантам с *Бог/черт*, обценные и эвфемистические варианты конструкции могут присоединять зависимую клаузу с различными зависимыми словами (74), а также употребляются с местоименными распространителями как в референтных (75), так и в нереферентных (76) грамматических формах:

- (74) *Игорь Васильевич пошел в ответ с аргументами, что хрен знает, что сейчас и куда передается* (А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015).

- (75) — Где Беленький? — А *х... его знает!* А теперь спросите, где Жаворонкова? — Где Жаворонкова? — А *х... ее знает!* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)).
- (76) Ты где сейчас? — А *хрен его знает, где. На опере* (С. Носов. Фигурные скобки (2015)).

Таким образом, с точки зрения синтаксиса и семантики обсценные варианты конструкции в целом ведут себя в русле системы конструкции вида *X знает*. В то же время именно обсценные и эвфемистические формы конструкции обладают рядом отличительных особенностей — возможностью аббревиации и специфическими синтаксическими отношениями с другими членами предложения. Ниже эти особенности будут представлены более подробно.

4.3. Аббревиация

В отличие от конструкций с *Бог* и *черт*, обсценные и эвфемистические варианты конструкции вида *х**/хрен/х знает* способны функционировать в виде частичной или полной аббревиатуры: *х знает/хз*¹³. Вместе с тем конструкция с аббревированным якорем обладает теми же семантическими и синтаксическими особенностями, что и несокращенные варианты. Так, она может присоединять зависимую клаузу с вопросительными словами (77), выступать в роли дискурсивной формулы и амальгамы (78), а также пропускать внутрь якоря личные местоимения: *х его знает, х его з*:

- (77) Ты уже стала Блум и получила Энчантискс? (Честное слово, *хз, что это, но ты скажи*) (ГИКРЯ, 2014).
- (78) Где Виктор? Он остановился и мелко шатался, дергаясь. Витька *х знает где* (ГИКРЯ, 2006).

С точки зрения семантики аббревированные варианты конструкции способны выражать неизвестность для говорящего (79), а также отрицательную оценку (80) и интенсификацию вида *ХЗ сколько (х знает скока)*. Тем не менее, в отличие от конструкции с лексемой *черт*, варианты с *х знает / хз* способны в некоторых случаях развивать и семантику положительной оценки (79):

- (79) *Хз правильно или нет* (ГИКРЯ, 2014).
- (80) *Не весна а Х знает что!* (ГИКРЯ, ЖЖ, 2005).
- (81) *я х знает, что могу сделать для своих друзей и знакомых...* (ГИКРЯ, 2014).

На примере с положительной оценкой (81) можно видеть, что у конструкций с обсценными и эвфемистическими вариантами якоря исходная се-

¹³ Об истории развития аббревиации см., например, [Ганноха 2015], об аббревиации тайного см. [Блох, Сергеева 2014]; кроме того, движущая причина рождения аббревиатур — принцип экономии языковых усилий [Никишина 2011].

мантика размывается и становится более абстрактной (так называемое явление ‘semantic bleaching’ [Hopper, Traugott 2003: 94ff; Kuteva et al. 2019: 3]). Последнее дает почву для развития речевой импликатуры [Haspelmath 1997].

С точки зрения синтаксиса аббревируемая конструкция вида *хз* оказывается способной поглощать один из компонентов составного местоимения, частью которого она должна была бы выступать. Так, в (82) стерт компонент *какому*, а аббревиатура *хз* как бы перетягивает на себя роль определения, усиливая семантику неопределенности. Подобным образом в (83) стерт компонент *сколько*, а в аббревиатуре *хз* актуализируется семантика интенсификатора¹⁴:

- (82) *а я набрал телефон 03 (вчесал им что хз товарищу плохо непонятно отчего...)* (ГИКРЯ).
 (83) *Поезд. Скорость хз км/ч. Внезапно сходит с рельс, летит по полю, проезжает ломая ветки маленький лесок, спускается в овраг* (ГИКРЯ).

Дополнительной особенностью грамматикализации, связанной с вариантом *хз*, является так называемая семантическая актуализация одного из аббревируемых компонентов. Так, на примере (84) можно видеть, как актуализируется семантика слова, аббревируемого буквой *з* (т. е. непосредственного предиката *знает*), в то время как слово, аббревируемое буквой *х*, семантически стирается:

- (84) *Блин в моей комнате 3 кровати, я не хз на какой спать.))) Буду спать на полу* (ГИКРЯ, 2015).

Далее мы рассмотрим другие синтаксические особенности всех типов обсценного и эвфемистического якорей — как полных, так и сокращенных.

4.4. Предикация

Согласно [Тестелец, Былинина 2005], входящий в составные местоимения (амальгамы) предикат не образует главного предложения. Однако, в отличие от амальгам вида (71) и (72), которые представляют собой вложенную конструкцию, не нарушающую согласования в предложении, эвфемистические конструкции *хрен (хер) знает / х знает / хз* в сочетании с субъектным местоимением (преимущественно 1-го лица) способны образовывать новую синтаксическую основу предложения. Так, в примерах (85), (86) можно видеть, что собственная семантика эвфемизма размывается, оставляя лишь общее значение неопределенности; по сути, эвфемизм

¹⁴ Схожая ситуация наблюдалась также в истории развития конструкции вида *черт-те X* (см. раздел 3.1.3), поглотившей предикативный элемент *знает*. Однако если в конструкции с *черт* был грамматикализован глагольный элемент, то аббревируемый вариант *хз* полностью эллиптирует вопросительное слово, сохраняя компонент *-з* в своем составе.

в данных высказываниях оказывается контекстуальным вариантом отрицательной частицы. Объединяясь в единое синтаксическое целое с не меняющим форму 3-го лица ед. ч. глаголом, вся конструкция *хрен (хер) знает / х знает / хз* лексикализуется и становится идиоматизированным предикатом с семантикой неопределенности:

- (85) *Модерна? Я там должен играть музыку с ребятами, а я хер знает чо это и где* (ruTenTen).
 (86) *нашлась одна тысяча рублей, предлагаю сыграть с ней в покер. Я хрен знает, сколько там людей надо и даже не помню суть всех* (ГИКРЯ, 2010).

Отчасти схожая ситуация была обнаружена нами в употреблении конструкции *ИМНО* и её русской кальки *ИМХО* (87), где также наблюдается избыточное двойное упоминание 1-го лица ед. ч., от которого ведется повествование:

- (87) *я имхо наверное самовлюбленная — но я всегда внушала себе, что достойна лучшего* (ГИКРЯ, ЖЖ, 2011)¹⁵.

Таким образом, конструкции с обценным и эвфемистичным якорями могут образовывать лексикализованные предикаты внутри предложения, при этом субъектный актант основного предложения оказывается грамматически не согласован с таким предикатом: *я хрен знает / *хрен знаю, сколько там людей*.

4.5. Вводные конструкции

В работах [Lakoff 1974: 321–322; Кустова 2020: 71] отмечается развитие вводных конструкций из ментальных матричных предикатов в сложноподчиненных предложениях. Подобные предикаты (*знать, ведать*) представлены и в исследуемых нами выражениях, и, поскольку на определенном этапе развития формулы вида *X знает* фигурировали в том числе в роли матричных предикаций в полипредикативных конструкциях, в них можно также видеть почву для дальнейшего развития вводных выражений. Ряд признаков вводной конструкции — семантическая и синтаксическая обособленность, низкая информативная значимость и пропозициональная установка говорящего (см., в частности, [Падучева 2016; Пекелис 2018]) — действительно прослеживается на примерах аббревиированной конструкции *хз* (см. (88), (89)). Согласно [Грамматика 80], функция вводных предложений заключается в выражении отношения к сообщению, которое также присутствует в приведенных примерах ниже у лексикализованного *хз*. Такие вводные конструкции (или вводные предложения) относятся к модальным [Кустова 2020: 62] и выражают степень достоверности высказы-

¹⁵ Ср.: *ИМНО have a problem with the blending of things as they say other people have expressed to them* (ruTenTen).

вания с точки зрения говорящего — в нашем случае сомнение (88) или уверенность (89), в сочетании с эмоциональной оценкой:

(88) *хз, ты в корне не прав!* (ruTenTen).

(89) *хз мне особо разницы нет, вначале не привычно, щас уже свыкся* (ruTenTen).

Вместе с тем, если мы сравним (88), (89) с примерами, где *хз* выступает в роли дискурсивной формулы, то увидим, что в роли вводной конструкции *хз* не выполняет функции самостоятельного ответного высказывания, а, напротив, служит цели подведения говорящего к основному высказыванию, следующему за вводным.

4.6. Ресемантизация и отрицательная оценка

Невзирая на то, что в [Гестелец, Былинина 2005: 4] амальгамы (составные местоимения) определяются как специфические слова, т. е. сильно лексикализованные конструкции, образованные от сложных предложений, конструкции с *хрен/хер/х(**)* обладают способностью раскрытия внутренней формы компонентов: слово *знает* может в некоторых ситуациях заменяться церковнославянскими, устаревшими синонимами *весть/ведает* (см. (90), (91)). Таким образом, в выражении усиливается ассоциативная связь с вариантами *Бог весть/Бог ведает* (см. раздел 2.1.1) и актуализируется семантика якорных глаголов. Данные процессы свидетельствуют о своеобразной ресемантизации грамматикализованной конструкции. Представляется, что возникновение вариантов с *весть/ведает* в конструкциях с *хрен/хер/х(**)* — такой же вторичный процесс воскрешения семантики, как и в случае появления этих глаголов в конструкциях с *черт* в ябре (см. раздел 3.1.1).

(90) «Хедин» запись #4 день *хрен ведает* какой :) (ГИКРЯ, 2014).

(91) у него очередная форма борьбы со скинами, буржуями или еще *х** весть* с кем... борец невидимого фронта, б** (ГИКРЯ, ЖЖ, 2007).

В связи с этим примечательно, что у конструкции *Бог весть* под отрицанием наблюдается специфическая семантическая реализация со значением 'нечто низкого качества' (см. (32), (33)). Конструкция с *х**/хрен/хер/хз* также может иметь такую семантическую реализацию:

(92) При этом я признаю наличие такой «самоконструирующей» структуры (*не х** весть какой материальности, правда...*), но совершенно осознанно собираюсь сводить ее на нет (ГИКРЯ, ЖЖ, 2007).

(93) и в голове чешет понимает, паскудник, что тут работа, а *не хрен знает что*, не пес начхал (ГИКРЯ, Горький-медиа, 1999).

(94) ну как-бы хорошее мясо, а *не хз что*... (ГИКРЯ, 2014).

Проблема нестандартного отрицания в конструкциях, содержащих табу-слова, достаточно широко обсуждалась в литературе (см., в частности,

[Postma 2001; Postal 2004; Sailer 2018; D'Antuono 2024]). Так, случаи отрицания, базирующегося на согласии — т. е. нестандартного прямого отрицания, — на материале русского и других языков описывались в работах [Brown, Franks 1995; Zeijlstra 2004; Penka 2011], а в [Erschler 2023] отдельно анализировались синтаксические функции так называемого «хуй-negation», где отрицание выражается имплицитно. В примерах (92)–(94) также можно видеть одну из разновидностей нестандартного непрямого отрицания. По сути, в конструкциях с $x^{**}/хрен/хер/хз$ стандартное безоценочное отрицание оказывается фактически невозможным, за исключением случаев, когда отрицается предикат аббревированного компонента (95) (случаи актуализации одного из компонентов описаны в разделе 4.3). В [Добрушина 2024] такого вида примеры конструкции под отрицанием трактуются как равнозначные с теми, где отрицание отсутствует.

(95) *Ну не хз, не хз))), если Вы сдаёте показания, то и рассчитывать должны по ним (гуТенТен).*

Представляется, что функционирование в современном русском языке конструкции под отрицанием вступает в контаминационные взаимоотношения с конструкциями типа *не лишь бы что*. Однако это предположение требует отдельного изучения и выходит за рамки данного исследования.

4.7. Насколько уникально поведение конструкций с обсценным якорем?

Поскольку в разделах 4.3–4.6, описывающих бытование в русском языке конструкций вида $x^{**}/хрен/хер/х$ *знает / хз*, показано достаточно большое количество отличий этого вида от видов с *Бог/черт* в якорю, необходимо дать общее пояснение таким особенностям конструкции.

В связи с этим примечательно, что носители языка так или иначе маркируют имплицитные обсценных и эвфемистичных вариантов конструкции посредством орфографии и пунктуации. Помимо стандартных способов сокрытия нецензурного главы ряда обсценных вариантов конструкции точками, звездочками и прочими значками типа $x..$, появление аббревированных вариантов конструкции характеризуется как вариантами, дополнительно «осмысляющими» и актуализирующими сокращение посредством заглавных букв и точек (103), так и «стирающими» и идиоматизирующими его.

(96) *А почему уволил? [Alina (жен)] X. з. [Риддерский бомж (муж)]
Наверно, чтобы мой работодатель не возомнил себе, что держит
меня за яйца (Форум: Бизнес с близкими друзьями и родственниками.
Азбука предпринимателя, глава 1 (2010)).*

Кроме того, *хз* в роли вводной конструкции может осмысляться пишущим посредством выделения её запятой (88), что видится особенно показательным при общей орфографической и пунктуационной свободе интернет-дискурса.

В целом картина функционирования в русском языке конструкции с $x^{**}/хрен/хер/х\ знает/хз$ представляется следующей: эвфемистический вариант обценного якоря с элементом *хрен*, существуя в истории языка, проявился в текстах литературного языка в XVIII в., в XIX в. был заменен на вариант с элементом *хер*, а в XXI в. — на *хз*, пройдя таким образом полный эвфемистический цикл. Тем не менее все варианты обценной/эвфемистической конструкции до сих пор продолжают функционировать параллельно на синхронном уровне. Все они также демонстрируют специфические синтаксические особенности, которые вызваны, по-видимому, большей языковой свободой интернет-языка и в то же время встраиваются в общеязыковую систему, демонстрируя, в свою очередь, цикл перехода от идиоматизации к грамматикализации, лексикализации и ресемантизации.

Заключение

Сопоставительный диахронический анализ конструкций *Бог/черт/хрен/хер/х*** знает* и вариаций с предикатами *вествь* и *ведает*, а также аббревиативных обценных форм вида *хз* позволяет сделать следующие выводы.

1. Наиболее последовательный путь развития прослеживается для конструкций с лексемой *Бог* — от композиционных сочетаний вида *бѣ вѣствь* и *бѣ вѣдаеть*, встречающихся еще в древнерусских текстах XI–XII вв., до модальных предикаций с соответствующей семантикой, присоединяющих подчиненную клаузу, и дискурсивных формул с семантикой неизвестности. Полипредикативные варианты конструкции, в свою очередь, также становятся источником для амальгам вида *Бог знает* + *wh-word*, которые распространяются в языке начиная со второй половины XVIII в., и уже не могут быть интерпретированы композиционно. Аналогичная эволюция (от предикаций к амальгамам) прослеживается и для конструкций со словом *черт*: в силу длительной литературной правки эти конструкции начинают встречаться в литературных памятниках только с XVIII в., однако демонстрируют схожее развитие (*черт знает* + *wh-clause* → *черт знает* + *wh-word*). Можно полагать, таким образом, что субъектный якорь оказывается вторичным по отношению к основным этапам диахронического развития конструкции, которые происходят практически одновременно, для различных вариантов якоря.
2. Конструкции с лексемами *хрен/хер/х**** фигурируют в корпусе только в XX в., значительно позже вариантов с *Бог* и *черт*, в силу длительного запрета на употребление обценной лексики в литературе. Однако ко времени распространения в литературных текстах (XX в.) конструкции с *хрен/хер/х**** уже представлены во всех основных синтаксических вариантах (модальная предикация с подчиненной

клаузой, дискурсивная формула, амальгама), как и конструкции с *Бог/черт*. Можно видеть, что новый субъектный якорь конструкции, синтаксически закрепляясь в сочетании с предикатом *знает*, параллельно подхватывается в качестве синонимической замены во все основные синтаксические некомпозиционные сочетания, развившиеся ранее с другими якорями.

3. Для модальных предикативных конструкций и дискурсивных формул, за исключением аббревиативных сочетаний, характерны варианты с местоименным распространителем в винительном падеже: *Бог/черт/хрен его знает*; при этом десемантизация и утрата референтности местоимения 3-го лица эпизодически встречается уже в самых ранних текстах XIII в. в конструкции *Бог весть*. Однако в выражениях с *черт* к XIX в. также десемантизируется и грамматикализуется местоимение 2-го лица, что приводит к возникновению дополнительного варианта конструкции вида *черт-те* (< тебя знает) + *wh-word*. По-видимому, образованию этого варианта способствовали ранее редуцировавшиеся местоименные формы в императивных ругательных конструкциях вида *черт те* (< др.-рус. тебе, совр. рус. тебя) *дери*, которые встречаются в более ранних текстах. Процесс десемантизации и утраты референтности местоимений 2-го лица в целом свойствен различным ругательствам и, в силу сниженной семантики, не характерен для конструкций с лексемой *Бог*. К середине XX в., с распространением обценных выражений с *хрен/хер/х(**)*, *-те* уже был непродуктивным грамматикализованным формантом и не мог образовывать какие-либо семантически прозрачные сочетания с новым субъектным якорем.
4. В современном языке все конструкции вида *Бог/черт/хрен/хер/х(**) знает* обладают семантикой неопределенности, отрицательной оценки, а также употребляются в функции интенсификатора. В диахронической перспективе семантические переходы прослеживаются на примерах идиом с *Бог* и *черт*: от конструкций с неопределенной семантикой (модальные предикации и дискурсивные формулы) к оценочным (XVIII–XIX вв.) и далее — к интенсифицирующим (XIX в.). Однако в процессе эволюции амальгамы с *Бог* развивают также и семантику положительной оценки: *обрадоваться, как Бог весть чему* (= чему-то очень хорошему). Данное явление в целом характерно для неопределенных местоимений («*dunno-indefinites*», в терминологии [Haspelmath 1997]), которые в ходе речевой импликатуры могут как усиливать важность референта, так и обесценивать его. Схожие примеры с положительной оценкой изредка встречаются и в конструкциях с *хрен/хер/х*: *я х знает, что могу сделать для своих друзей и знакомых* (= что угодно). В этих примерах можно также видеть образец семантического бличинга (в терминологии [Hopper, Traugott 2003; Kuteva et al. 2019: 3]), при котором исходная отрицательная се-

мантика *хрен/хер/х**** становится более абстрактной и размывается, что, в свою очередь, снимает ограничения на развитие положительной семантики у конструкции в целом. Лишь для конструкций с якорной лексемой *черт* примеров с положительной оценкой не было обнаружено (что может объясняться сохранением общей экспрессивной семантики субъектного якоря) на всем протяжении развития конструкции.

5. Один из вариантов конструкции, *Бог весть*, после развития интенсифицирующего значения начинает также последовательно употребляться под отрицанием и в дальнейшем закрепляется в качестве конструкции с деинтенсифицирующей семантикой (*не Бог весть что* = нечто незначительное). Данное развитие не характерно для конструкций с лексемой *черт* и *хрен/х(**)*. Можно полагать, что именно конструкция *не Бог весть* стала конвенциональным способом для обозначения деинтенсификации из-за меньшей композициональности: носители языка уже не осознают форму *весть* как личную глагольную, в отличие от *знает*.
6. Более новые (по сравнению с *Бог* и *черт*) обценные и эвфемистичные варианты конструкции с *хер/хрен/х(**)*, с одной стороны, демонстрируют семантические особенности, которые вписываются в общую систему импликатур конструкции: неизвестность для говорящего > отрицательная оценка > интенсификатор. Кроме того, они также могут присоединять зависимую клаузу и местоименные распространители в винительном падеже как в референтных, так и в нереперентных формах. С другой стороны, обценные варианты конструкции обладают функциями, которые представляются гипотетически воспроизводимыми с прочими вариантами якоря конструкции, но не представленными в реальных текстах. Так, они развивают аббревиативные формы вида *хз* (< *хрен/хер/х*** знает*), в которых оказывается возможной семантическая актуализация одного из компонентов аббревиатуры (*я не хз на какой спать* = 'я не знаю, на какой спать'), и вся конструкция превращается в отдельную предикацию (*я хз* = 'я не знаю'), с полным стиранием изначальной субъектной семантики *х*. Вместе с тем, как и у конструкции со словом *Бог* и — реже — *черт*, конструкции вида *х**/хрен/хер/х* могут изредка употребляться с глаголами *ведать/весть*, в том числе с целью деинтенсификации под отрицанием.

Таким образом, конструкции, традиционно причисляемые к синонимичным, несмотря на семантическое сходство, в диахронической перспективе демонстрируют ряд отличительных особенностей. На разных этапах развития конструкция в силу морфологии, семантики и прагматических особенностей отдельных компонентов субъектного якоря развивает варианты, которые, конвенционализируясь как идиомы, делают дальнейшую замену якоря невозможной (*не Бог/*черт весть что, хз/*бз что*). Наблюдения и закономерности, выявленные в данном исследовании для трех

конкретных конструкций с вариативным якорным субъектом, в дальнейшем могут быть обобщены и проверены для других конструкций подобного рода, способствуя комплексному пониманию механизмов конструкционализации и грамматикализации.

С л о в а р и

Даль 1882 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 4. М.; СПб., 1882.

Славянские древности 2012 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т./Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С–Я. М., 2012.

Л и т е р а т у р а

Аругюнова 1988 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Блох, Сергеева 2014 — М. Я. Б л о х, Т. Я. С е р г е е в а. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 186–199.

Бондарева 2007 — Г. А. Б о н д а р е в а. Составные местоимения в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.

Вольф 1985 — Е. М. В о л ь ф. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Ганноха 2015 — И. В. Г а н н о х а. История развития аббревиации как способа словообразования в русском и английском языках // Since Time. 2015. № 4. С. 154–160.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Грамматика 80 — Русская грамматика. Т. II: Построения с вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями. М.: Наука, 1980.

Добрушина 2024 — Е. Р. Д о б р у ш и н а. Лингвосociологический взгляд на восприятие ненормативной лексики в Москве 2024 года // Слово.ру: Балтийский акцент. 2024. № 15 (4). С. 99–117.

Ермакова 1996 — О. П. Е р м а к о в а. Составные местоимения в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М.: Наука, 1996. С. 195–205.

Жолобов, Баранов 2021 — О. Ф. Ж о л о б о в, В. А. Б а р а н о в. Дистрибутивно-квантитативные и семантические характеристики глаголов знания в старославянской и древнерусской письменности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (1). С. 56–76.

Жукова 2021 — С. Ю. Ж у к о в а. Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII–XXI вв.). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Жукова и др. 2019 — С. Ю. Ж у к о в а, Б. В. О р е х о в, Е. В. Р а х и л и н а. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21. С. 142–164.

Зализняк 2014 — А. А. З а л и з н я к. К вопросу об акцентной эволюции энклиноменов в русском языке // Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика / Под ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна, С. Г. Татевосова, О. В. Федоровой. СПб.: Алетей, 2014. С. 269–276.

Иомдин 2018 — Л. Л. И о м д и н. Еще раз о микроконструкциях, сформированных служебными словами: *то и дело* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 17 (24). М.: Изд-во РГГУ, 2018. С. 267–283.

Карпова и др. 2011 — О. С. К а р п о в а, Т. И. Р е з н и к о в а, Е. В. Р а х и л и н а, Д. А. Р ы ж о в а. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». № 10 (17). М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 292–304.

Кустова 2011 — Г. И. К у с т о в а. Оценка как универсальная категория и типы оценочных значений прилагательных // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 1/Под ред. А. А. Крегова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2011. С. 246–253.

Кустова 2020 — Г. И. К у с т о в а. О коммуникативном статусе вводных конструкций с ментальными предикатами // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 3. С. 64–77.

Никишина 2011 — С. А. Н и к и ш и н а. Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус, морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы // Вестник Нижневартского государственного университета. 2011. Вып. 4. С. 37–47.

Падучева 2016 — Е. В. П а д у ч е в а. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Пекелис 2018 — О. Е. П е к е л и с. Корреляты. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2018.

Пильщиков 2021 — И. П и л ь щ и к о в. Русский мат: что мы о нем знаем? (О происхождении и функциях русской обценной идиоматики) // Сборник Матице српске за славистику (= *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*). 2021. Т. 100. С. 709–760.

Пильщиков, Иоффе 2021 — И. П и л ь щ и к о в, Д. И о ф ф е. Русский мат: вчера, сегодня, завтра // Сборник Матице српске за славистику (= *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*). 2021. Т. 100. С. 691–707.

Померанцева 1975 — Э. В. П о м е р а н ц е в а. Образ чёрта в русской устной прозе // Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 118–149, 177–181.

Птенцова 2008 — А. В. П т е н ц о в а. Семантическая оппозиция глаголов *знати* и *вгдѣти* на материале русских оригинальных памятников XI–XVI вв. // *Die Welt der Slaven* LIII. 2008. С. 265–278.

Рахилина и др. 2010 — Е. В. Р а х и л и н а, О. С. К а р п о в а, Т. И. Р е з н и к о в а. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 398–455.

Селищев 1968 — А. М. С е л и щ е в. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 97–198.

Соколова 2007 — С. В. Соколова. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Тестелец, Былинина 2005 — Я. Г. Тестелец, Е. Былинина. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы // Материалы семинара «Теоретическая семантика. ИПИ РАН. 2005. URL: https://www.rsuh.ru/binary/1787534_99.1322270635.82662.pdf.

Успенский 2018 — Б. А. Успенский. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии/Б. А. Успенский. М.: Common place, 2018. С. 192–287.

Фисун 2016 — Р. С. Фисун. Об использовании семантического картирования в описании местоименного компонента значения русских составных местоимений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65). Ч. 2. С. 148–158.

Фисун 2019 — Р. С. Фисун. Составные неопределенные местоимения в украинском языке // Науковий часопис Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова. Серія 10: Проблеми граматики і лексикології української мови: збірник наукових праць. 2019. С. 117–126.

Храковский, Володин 2001 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив/Отв. ред. В. Б. Касевич. 2-е изд. М.: УРСС, 2001.

Щекин 2005 — А. С. Щекин. Особенности употребления глаголов *ведати* и *ведети* в обиходном русском языке XVI–XVII веков // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 6. СПб., 2005. С. 206–225.

Barðdal, Gildea 2015 — J. Barðdal, S. Gildea. Diachronic Construction Grammar: Epistemological context, basic assumptions and historical implications // Diachronic Construction Grammar / J. Barðdal, E. Smirnova, L. Sommerer, S. Gildea (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 1–50.

Brown, Franks 1995 — S. Brown, S. Franks. Asymmetries in the scope of Russian negation // Journal of Slavic linguistics. 1995. 2 (3). P. 239–287.

Croft 2001 — W. Croft. Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001.

D'Antuono 2024 — N. D'Antuono. The syntax of emphatic negation in Modern Irish. Glossa: a journal of general linguistics. 2024. Vol. 9 (1). P. 1–37.

Fillmore et al. 1988 — C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. Regularity and idiomatity in grammatical constructions // Language. 1988. Vol. 64 (3). P. 501–538.

Endresen, Janda 2020 — A. Endresen, L. A. Janda. Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian // Defining construction: Insights into the emergence and generation of linguistic representations [special issue of Frontiers in Psychology 11]/M. Putnam, M. Carlson, A. Fábregas, E. Wittenberg (eds.). 2020. P. 1–22.

Erschler 2023 — D. Erschler. Colloquial Emphatic Negation in Russian and Morphology of Negative Concord // Journal of Slavic Linguistics. Vol. 31. No. FASL 30 issue, 2023. P. 1–18.

Gildea, Barðdal 2023 — S. Gildea, J. Barðdal. From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm // Studies in Language. 2023. Vol. 47 (4). P. 743–788.

- Grice 1975 — H. P. Grice. *Logic and Conversation // Syntax and Semantics*. Vol. 3. *Speech Acts*/P. Cole, J. L. Morgan (eds.). New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Harris, Campbell 1995 — A. C. Harris, L. Campbell. *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Hoffmann, Trousdale 2013 — T. Hoffmann, G. Trousdale. *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Katz 1964 — J. J. Katz. *Semantic theory and the meaning of “good” // Journal of Philosophy*. 1964. Vol. 61 (23). P. 739–766.
- Kehayov 2009 — P. Kehayov. *Intensifiers as polarity items: evidence from Estonian // STUF — Language Typology and Universals*. 2009. Vol. 62 (1–2). P. 140–164.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, Bo Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Lakoff 1974 — G. Lakoff. *Syntactic Amalgams // Papers from the 10th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society / M. W. La Galy, R. Fox, A. Bruck (eds.)*. Chicago: University of Chicago. P. 321–344.
- Lakoff, Johnson 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lorenz 2002 — G. Lorenz. *Really worthwhile or not really significant // New reflections on grammaticalization. [Typological Studies in Language 49] / I. Wischer, G. Diewald (eds.)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 143–161.
- Penka 2011 — D. Penka. *Negative indefinites*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Postal 2004 — P. Postal. *The Structure of one type of American English vulgar minimizer // Skeptical linguistic essays / P. Paul (ed.)*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. P. 159–172.
- Postma 2001 — G. Postma. *Negative polarity and the syntax of taboo // Perspectives on negation and polarity items. [Linguistics Today 40] / J. Hoeksema, H. Rullmann, V. Sánchez-Valencia, T. van der Wouden (eds.)*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2001. P. 283–330.
- Ross 1969 — J. R. Ross. *Guess who? // Chicago Linguistic Society. Papers from the 5th Regional Meeting / R. Binnick, A. Davison, G. Green, J. Morgan (eds.)*. Chicago: University of Chicago, 1969. P. 252–286.
- Sailer 2018 — M. Sailer. *‘Doing the devil’: Deriving the PPI-hood of a negation-expressing multi-dimensional idiom. Linguistics*. 2018. 56 (2). P. 401–433.
- Taylor 1974 — Sh. H. Taylor. *Terms for Low Intelligence // American Speech*. 1974. Vol. 49 (3/4). P. 197–207.
- Traugott 2006 — E. C. Traugott. *The Semantic Development of Scalar Focus Modifiers // The Handbook of the History of English / A. van Kemenade, B. Los (eds.)*. Oxford: Blackwell, 2006. P. 335–359.
- Traugott, Trousdale 2013 — E. C. Traugott, G. Trousdale. *Constructionalization and constructional change*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Wierzbicka-Piotrowska 2007 — E. Wierzbicka-Piotrowska. *‘Bog wie kto, Bog wie co’, czyli o frazach, które mogą pełnić funkcję zaimków nieokreślonych // Po-radnik językowy*, 4. 2007. P. 80–91.

Wierzbicka-Piotrowska 2011 — E. W i e r z b i c k a - P i o t r o w s k a. Polskie zaimki nieokreślone. Wybrane zagadnienia semantyczne, syntaktyczne i pragmatyczne. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2011.

Zeijlstra 2004 — H. Z e i j l s t r a. Sentential negation and negative concord. Amsterdam: University of Amsterdam dissertation, 2004.

Статья получена 25.03.2024

Evgeniya V. Budennaya
National Research University Higher School of Economics
Institute of Linguistics RAS
(Moscow, Russia)
jane.sdrv@gmail.com

Kristina V. Litvintseva
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
klitvintseva@hse.ru

Anastasia V. Yakovleva
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
avyakovleva@hse.ru

ON THE DEVELOPMENT OF CONSTRUCTIONS *X ZNAET* 'X KNOWS' FROM A DIACHRONIC PERSPECTIVE

This paper presents a diachronic corpus study of constructions of the *X znaet* 'X knows' type. Such constructions have a long history in the written sources, therefore revealing the peculiarities of their constructionalization process is important also for the theory of idiomatization. First, we focus on the semantics and compatibility of the construction with the anchor *Bog* 'God', second, we discuss the variant with the anchor *chert* 'devil', and, finally, modifications with obscene lexis. The results of our analysis show that the diachronic development of the *Bog*- and *chert*- types differs only slightly, while obscene anchors demonstrate greater diversity in terms of syntax and compatibility. The paper describes the semantics of such constructions (uncertainty, positive and negative assessment, intensification), as well as the chronology of their appearance in the written sources. Semantic transitions are analyzed within the framework of the theory of implicatures.

Keywords: construction, indefiniteness, idiomatization, implicature, diachrony.

References

Arutiunova, N. D. (1988). *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt*. Moscow: Nauka.

Barðdal, J., & Gildea, S. (2015). Diachronic Construction Grammar: Epistemological context, basic assumptions and historical implications. In Barðdal, E. Smirnova, L. Som-

merer, & S. Gildea (Eds.), *Diachronic Construction Grammar* (pp. 1–50). Amsterdam: John Benjamins.

Blokh, M. Ya., Sergeeva, T. Ya. (2014). Abbreviatsiia kak produktivnyi sposob slovoobrazovaniia v istorii evropeiskikh iazykov. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 1(29), 186–199.

Bondareva, G. A. (2010). *Sostavnye mestoimeniia v russkom iazyke* (Doctoral dissertation). Voronezh State University, Voronezh.

Brown, S., & Franks, S. (1995). Asymmetries in the scope of Russian negation. *Journal of Slavic linguistics*, 2(3), 239–287.

Croft, W. (2001). *Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press.

D'Antuono, N. (2024). The syntax of emphatic negation in Modern Irish. *Glossa: a journal of general linguistics*, 9(1), 1–37.

Dobrushina, E. R. (2024). Lingvosotsiologicheskii vzgliad na vospriatie nenormativnoi leksike v Moskve 2024 goda. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent*, 15(4), 99–117.

Endresen, A., & Janda, L. A. (2020). Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian. In M. Putnam, M. Carlson, A. Fábregas, & E. Wittenberg (Eds.), *Psychology, 11: Defining construction: Insights into the emergence and generation of linguistic representations*, 1–22.

Ermakova, O. P. (1996). *Sostavnye mestoimeniia v russkom iazyke. Slovar'. Grammatika. Tekst*. Moscow: Nauka.

Erschler, D. (2023). Colloquial Emphatic Negation in Russian and Morphology of Negative Concord. *Journal of Slavic Linguistics*, 31, 1–18.

Fillmore, C. J., Kay, P., & O'Connor, M. C. (1988). Regularity and idiomatcity in grammatical constructions. *Language*, 64(3), 501–538.

Fisun, R. S. (2016). Ob ispol'zovanii semanticheskogo kartirovaniia v opisaniii mestoimennogo komponenta znacheniiia russkikh sostavnykh mestoimenii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11(65)/2, 148–158.

Fisun, R. S. (2019). Sostavnye neopredelennye mestoimeniia v ukrainskom iazyke. *Naukovii chasopis Natsional'nogo pedagogichnogo universitetu im. M. P. Dragomanova. Serii 10: Problemi gramatiki i leksikologii ukrains'koï movi: zbirnik naukovikh prats'*, 117–126.

Gannokha, I. V. (2015). Istoriia razvitiia abbreviatsii kak sposoba slovoobrazovaniia v russkom i angliiskom iazykakh. *Since Time*, 4, 154–160.

Gildea, S., & Barðdal, J. (2023). From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm. *Studies in Language*, 47(4), 743–788.

Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*. Moscow: Vysshaia shkola.

Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole, & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and Semantics* (Vol. 3: Speech Acts, pp. 41–58). New York: Academic Press.

Harris, A. C., & Campbell, L. (1995). *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Haspelmath, M. (1997). *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press.

Hoffmann, T., & Trousdale, G. (2013). *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press.

Hopper, P. J., & Traugott, E. C. (2003). *Grammaticalization* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Iomdin, L. L. (2018). Eshche raz o mikrokonstruktsiakh, sformirovannykh sluzhebnyimi slovami: *to i delo*. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Vol. 17(24), pp. 267–283). Moscow: Izd-vo RGGU.

Karpova, O. S., Reznikova, T. I., Rakhilina, E. V., & Ryzhova, D. A. (2011). Otsechnyye znacheniiya rebrendingovogo tipa v priznakovoi leksike (po materialam Bazy dannykh semanticheskikh perekhodov v kachestvennykh prilagatel'nykh i narechiakh). In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Vol. 10(17), pp. 292–304). Moscow: Izd-vo RGGU.

Katz, J. J. (1964). Semantic theory and the meaning of “good”. *Journal of Philosophy*, 61(23), 739–766.

Kehayov, P. (2009). Intensifiers as polarity items: evidence from Estonian. *STUF — Language Typology and Universals*, 62(1–2), 140–164.

Khrakovskii, V. S., & Volodin, A. P. (2001). *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ* (2nd ed.). Moscow: URSS.

Kustova, G. I. (2011). Otsenka kak universal'naiya kategoriya i tipy otsenochnykh znachenii prilagatel'nykh. In A. A. Kretov (Ed.), *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii* (Vol. 1, pp. 246–253). Voronezh: Izd-vo VGU.

Kustova, G. I. (2020). O kommunikativnom statuse vvodnykh konstruktsii s mental'nymi predikatami. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 3, 64–77.

Kuteva, T., Heine, B., Bo Hong, Long, H., Narrog, H., & Rhee, S. (2019). *World lexicon of grammaticalization* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Lakoff, G. (1974). Syntactic Amalgams. In M. W. La Galy, R. Fox, & A. Bruck (Eds.), *Papers from the 10th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society* (pp. 321–344). Chicago: University of Chicago.

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Lorenz, G. (2002). Really worthwhile or not really significant. In I. Wischer, & G. Diewald (Eds.), *New reflections on grammaticalization* (pp. 143–161). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Nikishina, S. A. (2011). Abbreviatyry: genezis, slovoobrazovatel'nyi status, morfemnaia struktura, tematicheskie gruppy, upotreblenie i prognozy. *Vestnik Nizhnevar-tovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 37–47.

Penka, D. (2011). *Negative indefinites*. Oxford: Oxford University Press.

Pil'shchikov, I. (2021). Russkii mat: chto my o nem znaem? (O proiskhozhdenii i funktsiakh russkoi obstsennoi idiomatiki). *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, 100, 709–760.

Pil'shchikov, I., & Ioffe, D. (2021). Russkii mat: vchera, segodnia, zavtra. *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, 100, 691–707.

Pomerantseva, E. V. (1975). *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре*. Moscow: Nauka.

Postal, P. (2004). The Structure of one type of American English vulgar minimizer. In P. Paul (Ed.), *Skeptical linguistic essays* (pp. 159–172). Oxford; New York: Oxford University Press.

Postma, G. (2001). Negative polarity and the syntax of taboo. In J. Hoeksema, H. Rullmann, V. Sánchez-Valencia, & T. van der Wouden (Eds.), *Perspectives on negation and polarity items* (pp. 283–330). Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.

- Ptentsova, A. V. (2008). Semanticheskaia oppozitsiia glagolov *znati* i *vedeti* na materiale russkikh original'nykh pamiatnikov XI–XVI vv. *Die Welt der Slaven*, 53, 265–278.
- Rakhilina, E. V., Karpova, O. S., & Reznikova, T. I. (2010). Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktiiakh: metafora, metonimiia i rebrending. In E. V. Rakhilina (Ed.), *Lingvistika konstruktii* (pp. 398–455). Moscow: Azbukovnik.
- Ross, J. R. (1969). Guess who? In R. Binnick, A. Davison, G. Green, & J. Morgan (Eds.), *Chicago Linguistic Society. Papers from the 5th Regional Meeting* (pp. 252–286). Chicago: University of Chicago.
- Sailer, M. (2018). 'Doing the devil': Deriving the PPI-hood of a negation-expressing multi-dimensional idiom. *Linguistics*, 56(2), 401–433.
- Selishchev, A. M. (1968). *Izbrannye trudy*. Moscow: Prosveshchenie.
- Shchekin, A. S. (2005). Osobennosti upotrebleniia glagolov *vedati* i *vedeti* v obikhodnom russkom iazyke XVI–XVII vekov. *Russkaia istoricheskaia leksikologiya i leksikografiia*, 6, 206–225.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika. T. 2: Postroeniia s vvodnymi slovami, vvodnymi sochetaniiami slov i vvodnymi predlozheniiami*. Moscow: Nauka.
- Sokolova, S. V. (2007). *Dinamicheskie protsessy v sisteme mestoimennykh slov sovremennogo russkogo iazyka* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Taylor, Sh. H. (1974). Terms for Low Intelligence. *American Speech*, 49(3/4), 197–207.
- Testelet, Ya. G., & Bylinina, E. (2005). O nekotorykh konstruktiiakh so znacheniem neopredelennykh mestoimenii v russkom iazyke: amal'gamy i kvazirelativy. In *Materialy seminara «Teoreticheskaia semantika»*. IPPI RAN. Retrieved from https://www.rsu.ru/binary/1787534_99.1322270635.82662.pdf
- Traugott, E. C. (2006). The Semantic Development of Scalar Focus Modifiers. In A. van Kemenade, & B. Los (Eds.), *The Handbook of the History of English* (pp. 335–359). Oxford: Blackwell.
- Traugott, E. C., & Trousdale, G. (2013). *Constructionalization and constructional change*. Oxford: Oxford University Press.
- Uspenskii, B. A. (2018). *Issledovaniia po russkoi literature, fol'kloru i mifologii*. Moscow: Common place.
- Wierzbicka-Piotrowska, E. (2007). 'Bog wie kto, Bog wie co', czyli o frazach, ktore mogą pełnić funkcję zaimkow nieokreślonych. *Poradnik językowy*, 4, 80–91.
- Wierzbicka-Piotrowska, E. (2011). *Polskie zaimki nieokreślone. Wybrane zagadnienia semantyczne, syntaktyczne i pragmatyczne*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Wolf, E. M. (1985). *Funktsional'naia semantika otsenki*. Moscow: Nauka.
- Zalizniak, A. A. (2014). K voprosu ob aktsentnoi evoliutsii enklinomenov v russkom iazyke. In M. A. Daniel', E. A. Liutikova, V. A. Plungian, S. G. Tatevosov, & O. V. Fedorova (Eds.), *Iazyk. Konstany. Peremennye. Pamiati A. E. Kibrika* (pp. 269–276). St Petersburg: Aleteia.
- Zeijlstra, H. (2004). *Sentential negation and negative concord*. Amsterdam: University of Amsterdam dissertation.
- Zholobov, O. F., & Baranov, V. A. (2021). Distributivno-quantitativnye i semanticheskie kharakteristiki glagolov znaniia v staroslavianskoi i drevnerusskoi pis'mennosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, 18(1), 56–76.

Zhukova, S. Yu. (2021). *Diskursivnye formuly russkogo iazyka v diakhronicheskom aspekte (na materiale XVIII–XXI vv.)*. (Doctoral dissertation). National Research University Higher School of Economics, Moscow.

Zhukova, S. Yu., Orekhov, B. V., & Rakhilina, E. V. (2019). Diskursivnye formuly russkogo iazyka: diakhronicheskii podkhod. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 21, 142–164.

Received on March 25, 2024

А. А. АНДРЕЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
a.andreeva@hse.ru

К. О. ДУНАЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
ksodunaeva@gmail.com

**ОДНА НЕ В ПРИМЕР ЗАГАДОЧНЕЕ ДРУГОЙ:
К ИСТОРИИ ДВУХ КОНСТРУКЦИЙ
С ИДИОМОЙ НЕ В ПРИМЕР***

Исследование посвящено русской идиоме *не в пример* и двум сравнительным конструкциям, в которых она является якорем. Конструкции, условно обозначенные как *не в пример-1* (*Вася, не в пример Пете, сдал экзамен*) и *не в пример-2* (*Вася не в пример лучше Пети*), рассматриваются с точки зрения их семантических и формальных свойств, статуса в современном русском языке, а также диахронического развития (XVIII–XXI вв.). Устанавливается, что в XVII–XVIII вв. выражение (*не*) *в пример* было композиционным, однако затем подверглось лексикализации и стало якорем *не в пример-1* и *не в пример-2*. Объясняется природа перехода от композиционных употреблений к *не в пример-1*; анализируется дальнейший исторический путь этой конструкции, показывается, что якорь в её составе подвергается грамматикализации и начинает по функции сближаться с предлогом. Для конструкции *не в пример-2* делается схожий вывод: некоторые черты, наблюдаемые в течение её эволюции, могут свидетельствовать о грамматикализации *не в пример*. Впрочем, механизм появления *не в пример-2* остаётся не до конца ясным: материала рассмотренных письменных источников оказывается недостаточно для того, чтобы его реконструировать. В связи с этим высказываются четыре гипотезы о том, как могла возникнуть в русском языке конструкция *не в пример-2*.

Ключевые слова: русский язык в диахронии, идиома, грамматика конструкций, интенсификатор, грамматикализация, лексикализация.

* Мы глубоко признательны Т. И. Резниковой за помощь и поддержку на всех этапах работы над статьёй, а также Р. Н. Кривко за обсуждение истории одной из конструкций и анонимным рецензентам за комментарии. Статья подготовлена по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций «Diachronicon»» при поддержке Фонда академического развития Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 гг.

1. Введение

В статье предлагается микродиахронический анализ выражения *не в пример*, известного как минимум с XVII в. и постепенно уходящего из русского языка. Оно встречается в двух — на первый взгляд не связанных друг с другом — типах контекстов, где выражает значения ‘в противоположность’ и ‘гораздо’, см.:

- (1) *Не в пример рыцарям, затеявшим шумный карнавал, иезуиты действовали в глубоком молчании* (Е. И. Парнов. Александрийская гемма (1990))¹.
- (2) *Бросается в глаза: написаны они не в пример лучше последних, конца 1990-х, сочинений* (А. В. Цветков. После прочтения уничтожить (2009)).

С точки зрения Грамматики конструкций (см. [Goldberg 2006; Рахилина 2010; Hoffmann, Trousdale 2013] и др.), в теоретических рамках которой выполнено данное исследование, эти два типа употреблений целесообразно считать двумя отдельными конструкциями: их объединяет неизменяемая часть, или якорь (собственно идиома *не в пример*), однако переменные части, или слоты, различаются. Так, в случаях типа (1) изменяемую часть конструкции составляют дополнение в дательном падеже (*рыцарям*) и клауза (*иезуиты действовали в глубоком молчании*); в случаях типа (2) слотами являются глагольная группа (*написаны*) и прилагательное либо наречие в форме сравнительной степени (*лучше*).

Обе конструкции зафиксированы в толковых и фразеологических словарях (см., например, [МАС; Ушаков 1940; Молотков 1968; Фёдоров 2008; Баранов, Добровольский 2020]). Описаны они и в рамках проекта «Русский конструктикон» [Bast et al. 2021] как уже устаревшие. Однако, несмотря на то что конструкции давно существуют в языке и хорошо задокументированы лексикографами, путь их развития подробно не рассматривался в лингвистической литературе: нам известен лишь краткий подраздел книги [Черкасова 1967: 33–34] об этом. Настоящая работа призвана глубже изучить эволюцию конструкций с якорем *не в пример* с XVII в. до сегодняшнего дня. Эта идиома представляет особый интерес не только потому, что используется в двух разных с точки зрения семантики и маркирования конструкциях; сам вопрос о том, как был устроен переход от композиционных употреблений (*не в пример*) к употреблением типов (1) и (2), весьма нетривиален. В частности, в русском языке источником возникновения единиц, выражающих значение высокой степени, или интенсификаторов, — как *не в пример* в (2), — чаще являются прилагательные и наречия, но не предложные группы; см., например, с одной стороны работы [Ермакова 2005; Кустова 2005; Рахилина и др. 2010], освещающие разви-

¹ Все примеры — за исключением случаев, где указано иное, — взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ; ruscorpora.ru).

тие интенсификаторов из прилагательных и наречий с качественной семантикой, с другой стороны — [Герасимов 2016] об интенсификаторе, развившемся из предложной группы (*до ужаса*)².

В качестве основного метода исследования был выбран корпусный анализ; также привлекался обширный материал словарей, отражающих состояние лексики русского языка в разные исторические периоды. Составленная нами выборка включает в себя в общей сложности 1313 примеров. Их источниками стали НКРЯ (1240 примеров), интернет-ресурс Google Books (38 примеров), а также Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (далее — Картотека ДРС; см. [Астахина 2001]) (35 примеров). Авторами были размечены практически все вхождения *не в пример* из основного корпуса НКРЯ³; кроме того, часть употреблений была взята из подкорпусов: Старорусского, Газетного, «Социальные сети». Большую часть выборки составляют примеры, содержащие выражение *не в пример* в отдельном и более редком слитном (*невпример*) написании (1246 примеров); помимо этого, в выборку включены употребления некоторых близких к *не в пример* единиц: *не в образец*, *не в приклад*, *без приклада*, *бесприкладно* и др. (67 примеров).

Исследование проводилось в ходе работы над проектом «Diachronicon», представляющим собой базу данных об исторических изменениях русских конструкций (см. [Буденная и др. 2023]). Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 кратко обсуждаются семантические и синтаксические свойства конструкций с якорем *не в пример*, характеризуется их современное состояние в русском языке. Раздел 3 посвящён диахроническому развитию конструкций. В разделе 4 высказываются гипотезы о происхождении конструкции с *не в пример*-интенсификатором, а в разделе 5 подводятся итоги проведённому исследованию.

² К интенсификаторам, имеющим форму существительного с предлогом, в русском языке относятся также *до отказа*, *до смерти*, *в дым*, *в дымину*, *в хлам*, *в дрова*, *в стельку*, *в дупель*, *в лоскуты*, *в зюю*, *не на шутку* и т. д. Как указывает анонимный рецензент, с *не в пример* имеет особую схожесть идиома *не по годам*, совмещающая значение интенсификатора (*не по годам умён* = ‘очень умён’) и значение противопоставления (*не по годам умён* = ‘умён в отличие от того, что обычно бывает в этом возрасте’).

³ Исключениями стало лишь небольшое число вхождений. Так, например, в многотомных произведениях двух авторов — Н. Н. Суханова и П. И. Мельникова-Печерского — содержится большое число употреблений *не в пример* (82 и 72 соответственно). Эти употребления, во-первых, однотипны с точки зрения интересующих нас параметров, а во-вторых, их количество сильно превышает число примеров из других произведений. С целью сделать статистику наиболее информативной мы приняли решение включить в выборку только по 25 примеров Н. Н. Суханова и П. И. Мельникова-Печерского из их многотомных книг. Кроме этого, не размечались употребления с ограниченным контекстом, не позволяющим интерпретировать выражение *не в пример*, а также вхождения, являющиеся цитатами из более ранних произведений, уже вошедших в выборку.

2. Основные характеристики конструкций

Начнём с семантических особенностей рассматриваемых конструкций. В [МАС] в словарной статье слова *пример* приводятся следующие два толкования идиомы *не в пример*: «1) (*кому-чему*) в отличие от кого-, чего-л., не как кто-, что-л. ⟨...⟩; 2) (*при сравнительной степени*) гораздо, значительно, много». Опираясь на эти формулировки, для удобства мы будем в дальнейшем называть конструкции в соответствии с тем, какую семантику несёт в них якорь: так, конструкцию с якорем в первом значении — ‘в отличие от кого-, чего-л.’ — мы обозначим как *не в пример-1*, а конструкцию с якорем во втором значении — ‘гораздо’ — как *не в пример-2*.

Обе конструкции характеризуют предметы, ситуации и явления не сами по себе, а по отношению к некоторым другим и потому относятся к классу сравнительных. В число участников ситуации сравнения входят объект (то, что сравнивается), стандарт (то, с чем сравнивается), а также признак сравнения (то, по чему сравнивается), имеющий определённое значение (значение признака сравнения — степень различия между объектом и стандартом) [Князев 2007; Летучий 2015]. Максимальный набор участников, который может выражаться конструкциями *не в пример-1* и *не в пример-2*, иллюстрируют следующие примеры:

- (3) Перед ними открылась просторная ⟨признак сравнения⟩, **не в пример** верхнему погребку ⟨стандарт сравнения⟩, комната ⟨объект сравнения⟩ (А. Снегирёв. Вера (2015)).
- (4) Водяные солнечные зайчики ⟨объект сравнения⟩ **не в пример** ⟨значение признака сравнения: высокая степень⟩ подвижнее ⟨признак сравнения⟩ сухопутных увальней ⟨стандарт сравнения⟩, которые еле ползают, точно черепахи или улитки (М. Б. Бару. Замок с музыкой // «Волга» (2013)).

Отметим, что в [Баранов, Добровольский 2020: 518] для идиомы *не в пример* предлагается одно толкование: «кто-либо или что-либо, полностью отличающиеся от упомянутых ранее кого-либо или чего-либо еще по некоторому обсуждаемому свойству, что описывается в форме отрицания возможности использования сравниваемого в качестве образца реализации этого свойства для того (или чего), с кем (или с чем) происходит сравнение». Валентность стандарта сравнения считается вариативной и отсутствует в том случае, если признак сравнения выражается сравнительной степенью; при этом генитивный участник (в используемых нами обозначениях — стандарт при *не в пример-2*) отдельной валентностью не назван. Такой подход к описанию семантики и синтаксиса *не в пример* отличается от предлагаемого нами, поскольку мы придерживаемся теоретических рамок Грамматики конструкций.

Конструкция *не в пример-1* описывает ситуацию, в которой «один объект или участник устроен или ведёт себя не так, как другой, и поэтому вы-

деляется на его фоне» [Bast et al. 2021]. Оппозиция между стандартом и объектом полярная: один из участников обладает признаком, которого у другого нет, или же попадает в ситуацию, которая второго участника обходит стороной. Так, в предложении (3) просторная комната противопоставляется (тесному) погребку, причём говорящий не уточняет, какого размера погребок, — этот факт выводится из сказанного.

Сравнение, которое выражается с помощью конструкции *не в пример-2*, устроено иначе: и стандарт, и объект обладают определённым признаком, но в разной степени, и *не в пример* выступает как интенсификатор разницы в проявлении данного признака. В современных⁴ употреблениях *не в пример-2* слот признака сравнения заполняется широким рядом прилагательных и наречий; среди наиболее распространённых форм — *больше, лучше, легче, сложнее, меньше*.

Объект сравнения при обеих конструкциях чаще всего — в 74,5 % случаев для *не в пример-1* и 63,5 % для *не в пример-2* — оценивается говорящим положительно⁵; см. (5), (6) и Таблицу 1:

- (5) *Но вид у Маринки был вызывающе-дерзкий и не предвещал ничего хорошего, взгляд, полный ненависти, вещал: уж она-то, не в пример этим хлипким девицам и тёткам, сумеет обуздать ретивую сочинительницу* (А. Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток» (2019)).
- (6) *Вот у поляков карты были не в пример точнее, и они... впрочем, до них мы ещё успеем добраться* (М. Б. Бару. Повесть о двух головах // «Волга» (2014)).

Переходя к формальным свойствам конструкций, отметим, что у *не в пример-1* и *не в пример-2* различается набор облигаторных участников: *не в пример-1* требует обязательного выражения и стандарта, и объекта, и признака сравнения, в то время как у *не в пример-2* стандарт может быть синтаксически не выражен (см. (7)). Стандарт сравнения в конструкции *не в пример-2* может вводиться с помощью родительного падежа (4) или союзов *чем* (8), *нежели* (9)⁶. В современных текстах опущение стандарта сравне-

⁴ Под современными мы подразумеваем примеры, относящиеся к периоду с 1975 г. по настоящее время.

⁵ Заметим, что преимущественно положительная оценка объекта сравнения свойственна обеим конструкциям на протяжении всего периода их эволюции; каких-либо значимых изменений этого параметра проследить не удаётся. В связи с этим мы не будем возвращаться к оценке объекта в «диахронических» разделах 3, 4.

Как справедливо отмечает анонимный рецензент, наблюдаемый «перекос» в пользу положительной оценки объекта может быть связан с внутренней формой идиомы *не в пример*, поскольку содержащийся в ней компонент *пример* — ‘образец для подражания’ — по умолчанию подразумевает нечто положительно оцениваемое.

⁶ Примеры с *нежели* на современном этапе редки и нетипичны, поскольку союз уже ощущается как устаревший.

Таблица 1

Характер оценки объекта сравнения в конструкциях *не в пример-1* и *не в пример-2* в современных употреблениях

	<i>не в пример-1</i>		<i>не в пример-2</i>	
	Количество вхождений	Доля (%)	Количество вхождений	Доля (%)
Положительная	188	74,5	92	63,5
Отрицательная	41	16	19	13
Отсутствие оценки / контекст неясен	24	9,5	34	23,5
Итого	253	100	145	100

Таблица 2

Способы маркирования стандарта сравнения в конструкции *не в пример-2* в современных употреблениях

	Количество вхождений	Доля (%)
Родительный падеж	18	12,5
<i>Чем</i>	30	20,5
<i>Нежели</i>	4	3
Стандарт опущен	93	64
Итого	145	100

нения предпочтительнее, чем его выражение: см. Таблицу 2, в которой представлено количество вхождений, приходящееся на каждый из возможных способов маркирования стандарта. При *не в пример-1* стандарт сравнения маркируется дательным падежом (см. 3), что, кажется, нетипично для сравнительных конструкций в русском языке: так, например, дательный падеж не приводится А. Б. Летучим [2015: 144–145] среди способов выражения стандарта в обзоре разных типов сравнительных конструкций.

- (7) *Румянова озвучивала Серёжу не в пример правдивее* (М. Б. Бару. Принцип неопределённости // «Волга» (2015)).
- (8) *Командир подошёл к ним, козырнул не в пример сноровистее, чем часовой у ворот, — точно, советский отставник из кадровых, выправка есть, этого у него не отнимешь...* (А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги! (2016)).
- (9) *...наступить в условиях подмёрзшей земли не в пример проще, нежели весной, когда там будет непролазная грязюка* (vk (2015)).

В течение всего периода существования конструкций были возможны и синтаксически нестандартные употребления идиомы *не в пример*, отличающиеся от обычных реализаций *не в пример-1* и *не в пример-2*. Так, *не в при-*

мер может занимать предикатную (10) или приглагольную (11) позицию, управляя именной группой в дательном падеже. При этом в ситуации сравнения присутствуют только объект и стандарт; говорящий подчёркивает, что одно отличается от другого, однако не уточняет, как именно, т. е. признак сравнения не выражен. Такие употребления и синтаксически, и семантически отличны от *не в пример-1* и *не в пример-2* (см. (10), (11)); встречаются они, впрочем, достаточно редко: в выборку вошло около двадцати примеров подобного типа.

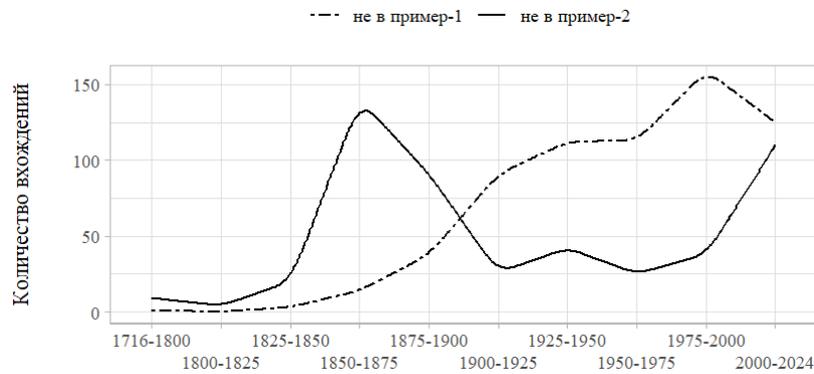
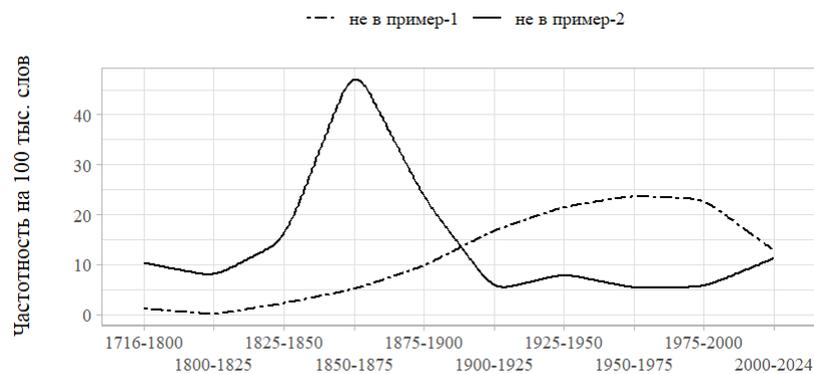
- (10) *У них и серии домов другие, и планировка квартир с саунами да бассейнами, и отделка, и метраж — не в пример нашим* (Л. Жеребцов. Алексей Коровников, исполнительный директор Ассоциации «Пермские строители» // «Пермский строитель» (2004)).
- (11) *Там воюют вовсю, но письма ходят не в пример нынешней отсталой почте* (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)).

Кроме того, выражение *не в пример* может использоваться в качестве интенсификатора вне сравнительных контекстов и присоединять наречия (12) или прилагательные (13) в форме положительной степени, а также модифицировать глагольную группу (14). В отличие от стандартных употреблений конструкции *не в пример-2*, в которых *не в пример* усиливает разницу в проявлении признака у двух участников, в предложениях типа (12)–(14) выражение имеет семантику, близкую к ‘очень’. Количество таких нестандартных примеров тоже составило около двадцати.

- (12) *Но сделано всё не в пример симпатично* (В. Массино. Тёмная тема // «Lenta.ru» (2019)).
- (13) *И тогда разом, словно открылась ночь: тёмная вода, тёмная земля и не в пример просторное, огромным куполом небо; серебряный мягкий свет его, сияние звёзд и широкий, огнём полыхающий Млечный Путь, от края до края* (Б. Екимов. Предполагаем жить // «Новый мир» (2008)).
- (14) *Мы не в пример гордимся собою, А позже заламываем синие пальцы и ноем...* (vk (2013)).

Наконец, некоторые употребления *не в пример* представляют собой контаминацию двух конструкций: стандарт сравнения, как и при *не в пример-1*, маркируется дательным падежом, а признак сравнения выражается с помощью прилагательного или наречия в форме сравнительной степени, что свойственно *не в пример-2* (см. (15), (16)). Такие употребления характерны для разговорной речи и текстов неформального и публицистического стилей: они встречаются в подкорпусах НКРЯ — Газетном и «Социальные сети». Их тоже, однако, нельзя назвать частотными: в выборку вошло только шестнадцать примеров этого типа.

- (15) *Собственно, окуни, оказались не в пример судаку сговорчивее* (Шары 36. Записки одного рыбака (2018)).

Рис. 1. Изменение абсолютной частотности *не в пример-1* и *не в пример-2*Рис. 2. Изменение частотности *не в пример-1* и *не в пример-2* в расчёте на 100 тыс. слов

- (16) *Стоимость продуктов примерно равна нашей, однако качество некоторых не в пример российским выше* (В. Робустова. Робустова — Блогер Про Воронеж (2017)).

На современном этапе конструкции *не в пример-1* и *не в пример-2* уходят из русского языка (см. соотношение их частотности на рис. 1 и 2⁷). Если рассмотреть лишь абсолютное количество вхождений конструкций (рис. 1), можно получить обманчивую картину: кажется, будто *не в пример-1* чаще всего употребляется в конце XX в., а *не в пример-2*, пережив расцвет в середине XIX в., к настоящему времени снова возвращается в русскую речь. Учёт количества текстов, имеющихся в НКРЯ для каждого временного

⁷ Чтобы сделать возможным расчёт не только абсолютной, но и относительной частотности конструкций, графики на рис. 1 и 2 строились только по вхождениям *не в пример* и *невпример* из основного корпуса НКРЯ (всего 1196 примеров, или 96% от отобранных нами вхождений *не в пример*).

промежутка, позволяет получить более достоверный результат. Как видно на рис. 2, конструкция *не в пример-2* претерпела спад в частотности во второй половине XIX в. и с тех пор употребляется редко. Конструкция *не в пример-1* была наиболее распространена в XX в.; в корпусном материале начала XXI в. она представлена хуже, и молодые носители русского языка её уже не используют.

3. Диахроническое развитие конструкций *не в пример-1* и *не в пример-2*

Обсудив в общих чертах конструкции *не в пример-1* и *не в пример-2* и их состояние в современном русском языке, перейдём к анализу их эволюции. В единственной известной нам работе, затрагивающей этот вопрос, был намечен следующий сценарий: сначала в языке появляется наречие *не в пример* со значением ‘гораздо’ (с XVIII в.), затем из «стереотипных эллиптических оборотов деловой письменности» развиваются употребления вроде *награждён не в пример другим* (с XIX в.), и уже после этого *не в пример* обретает возможность выступать в роли «связующего слова» и выражать значение ‘в противоположность’ (с 40-х гг. XIX в.) [Черкасова 1967: 33–34]. Наше исследование показывает, что история конструкций могла выглядеть несколько иначе.

Впервые выражение *не в пример* встречается в текстах XVII в., где присоединяет именную группу в дательном падеже (см. два наиболее ранних примера (17), (18)). Такие употребления *не в пример* можно считать композиционными, поскольку в них значение всей единицы — ‘не с целью подать пример (другим)’ — складывается из значений её частей: отрицания *не* и предложной группы *в пример*, имеющей семантику цели действия, свойственную некоторым конструкциям типа *в N-Асс* (ср. *в угоду*, *в поддержку*, *в шутку* и т. п.; см. [Золотова 2006: 165–166] об этих выражениях). Сама лексема *пример* имеет в композиционных употреблениях значение ‘образец для подражания’; оно уже существовало в русском языке XVII в. (см. [СлРЯ XI–XVII вв.]). Кроме того, на первых стадиях своего существования выражение *в пример* могло свободно использоваться и без отрицания, что подтверждает его композиционную природу, ср. (19).

- (17) *А ся статья въ семь государевъ наказъ про служилыхъ людей написана для даурского нового мѣста, и инымъ сибирскимъ городомъ и служилымъ людемъ не въ примѣръ и не въ образецъ* (Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле (1655)).
- (18) *...вельно ему, Григорию, учинить окладъ помѣстный тысячу четьей, денегъ с прежнею указною статьею сто пятьдесятъ рублей, а гостямъ никому то не въ образецъ и не въ примѣръ* (Строг. гр. 1688 г. — Картотека ДРС⁸).

⁸ Сокращения источников Картотеки ДРС приводятся в соответствии с указателем источников Словаря русского языка XI–XVII вв. и Картотеки ДРС.

- (19) *Приятна есть, слушатели, отдаленных времен гистория, которая глубокой древности дела предает до днесь потомкам в пример и в научение* (И. А. Третьяков. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... (1768)).

Как можно заметить, в наиболее ранних примерах (17) и (18) вместе с *не в пример* используется выражение *не в образец*. Оно активно употреблялось в текстах официально-делового стиля в XVII в. (см. (20)), но затем его частотность значительно снизилась: так, 23 из 33 обнаруженных нами вхождений *не в образец* принадлежат именно к XVII в. Вообще, судя по данным НКРЯ, в русском языке XVII–XVIII вв. была достаточно продуктивна конструкция вида (*не*) в *N-Асс* с целевой семантикой (см. (21), (22)), так что выражения *не в образец* и *не в пример* могли быть её частными реализациями⁹.

- (20) *И изъ того числа по архіерейскому указу велѣно дѣлать тѣ приказные доходы: приказному Алексъю Прокофьеву сыну Симонову двѣ деньги, а инымъ приказнымъ то не въ образецъ, а мнѣ старцу и дьяку по деньгѣ...* (Д. Иос. Колом. 1675–1676 гг. — Картотека ДРС).
- (21) *Все, что здесь видишь, не в славу Идоменееву сделано, но тебе в научение* (М. В. Ломоносов. Похождение Телемакова сына Улиссова (перевод) (1747)).
- (22) *Не в порицание неизвестному писателю, сообщившему в лейпцигский журнал описание наших авторов, упомянул я здесь о его известии и не в похвалу себе...* (Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях (1772)).

В XVIII в. словосочетание *не в пример* впервые¹⁰ фиксируется в толковом словаре: «*Не въ примѣръ другимъ...* 1) Не въ образецъ, не въ указъ другимъ; не давая права другимъ на то. *Онъ за сіе награжденъ не въ примѣръ другимъ.* 2) Превозходно, несравненно лучше. *Не въ примѣръ лучше сдѣлано*» [САР 1794]. К этому времени оно уже активно употребляется самостоятельно, причём контексты его использования не ограничиваются рамками деловой письменной речи (см. (23)). Такие употребления в основном композициональны, как и (17), (18); *не в пример* часто занимает в них предикативную позицию и управляет именной группой в дательном паде-

⁹ Мы благодарны анонимному рецензенту за указание на схожесть конструкций вида (*не*) в *N-Асс* с известной формулой из молитвенного правила: *Да не в суд и не в осуждение будет мне причащение Святых Твоих Таинств, Господи, но во исцеление души и тела.*

¹⁰ В словарях, описывающих состояние русского языка до XVIII в. (например, [Срезневский 1912; СДРЯ XI–XIV вв.; СлРЯ XI–XVII вв.]), выражение *не в пример* не зафиксировано. Кроме того, строго говоря, впервые оно упоминается (правда, без толкования) в русско-французском словаре [ПФРЛ 1786].

же, хотя встречаются и примеры без дативного участника — в частности, в речи архиепископа Феофана (24).

- (23) *А хотя б и подлинно бросилась она в огонь, и то бы вам было **не в пример**: ибо она б то сделала тогда, когда гонитель Антиох Епифан принуждал оставить отеческий закон, и принять заблуждение языческое* (архиепископ Платон (Левшин). Увещание к раскольникам (1766)).
- (24) ***Не в пример** речь посполитая Польская, — да и не в зависть!* (архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное в день рождения (...) Петра Петровича (1716)).

С другой стороны, в 30-е гг. XVIII в. практически одновременно фиксируются два принципиально новых — некомпозиционных — употребления *не в пример*, в которых у предложной группы больше нет целевой семантики. На этом этапе мы можем говорить о начавшемся процессе лексикализации выражения (в понимании [Brinton, Traugott 2005: 95–99]): синтаксически прозрачное словосочетание *не в пример* постепенно превращается в единую лексическую единицу, семантические и формальные свойства которой уже не выводятся из суммы её частей. При этом начинают формироваться конструкции *не в пример-1* и *не в пример-2*, якорем для которых эта единица становится, см.:

- (25) *...изо ста пуд выходит пятьдесят пуд чугуна, и оные **не в пример** олонецким рудам, которая, яко вохра мелкая, наверху под дерном находитца...* (Де-Геннин, 1735 г. — Картотека ДРС)¹¹.
- (26) *Они представляют, что земля, какъ большое тяжелое тѣло, къ движенію весьма не способна; но понеже всѣ звѣзды и солнце **не въ примѣръ** больше находятся, нежели земля...* (Г. Крафт. Краткое руководство к математической и натуральной географіи (1739). Google Books)¹².

В дальнейшем *не в пример* демонстрирует и другие — помимо утраты композициональности — черты, свидетельствующие о лексикализации (см. [Brinton, Traugott 2005: 105–109]). Так, судя по некоторым источникам, выражение могло подвергнуться слиянию (fusion): уже в середине XIX в. его слитное написание (*невпримѣръ*) использует А. Х. Востоков

¹¹ Этот пример, сходный с современными вхождениями (10) и (11), пока, безусловно, нельзя считать контекстной реализацией *не в пример-1*, однако некомпозиционное значение и наличие участника в дативе сближают его с этой конструкцией.

¹² Данный отрывок любопытен тем, что текст, из которого он взят, был переведён на русский язык с немецкого, но выражение *не в пример* при этом не является калькой: в оригинальной книге автор использует словосочетание *ungemein viel grösser* (Georg Wolfgang Krafft. Kurze Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geographie (1764). Google Books).

[1844: 184], и затем оно же фиксируется в отдельной словарной статье в [Даль 1866; Ушаков 1940]. Косвенным признаком слияния можно считать и то, что для *не в пример*-идиомы недопустимы проникаемые употребления (см. [Виноградова 2023: 61]): **не совсем в пример*, **не в наглядный пример*¹³. Однако, как показывает материал более поздних словарей и НКРЯ, слитное написание — вероятно, в силу традиций русской орфографии — всё-таки не прижилось: выдача основного корпуса по запросу «невпример» составляет всего 12 вхождений против 1343 для раздельного варианта¹⁴.

Таким образом, можно считать, что формирование идиомы *не в пример* на основе композиционных употреблений соответствующего словосочетания подпадает под понятие лексикализации. Впрочем, в своём дальнейшем развитии лексикализованная единица может подвергаться грамматикализации [Lehmann 2002]. Например, именно это произошло с английским интенсификатором *downright*: сочетание наречия *down* и наречия/предлога *right*, изначально имевшее пространственную семантику, лексикализовалось и уже после этого вступило на путь грамматикализации, становясь показателем высокой степени [Méndez-Naya 2008]. Эволюция идиомы *не в пример* в составе конструкций *не в пример-1* и *не в пример-2* тоже демонстрирует некоторые признаки грамматикализации. Поскольку конструкции с XVIII в. развивались независимо друг от друга, нижеследующие подразделы посвящены путям каждой из них в отдельности; соответственно, вопрос о грамматикализации якоря также рассматривается отдельно в свете диахронического развития этих конструкций.

3.1. Эволюция *не в пример-1* с XVIII в. по настоящее время

Вероятнее всего, источником развития конструкции *не в пример-1* стали композиционные употребления типа (27), в которых *не в пример* имело значение ‘не с целью подать пример (другим)’. С формальной точки зрения в пользу такого сценария свидетельствует сохранение у *не в пример-1* дативного управления. Тем не менее в конце XVIII и в первой половине XX вв. встречаются вхождения, в которых стандарт сравнения маркируется родительным падежом, в том числе в сочетании с предлогом *против*, см. (28)–(30). Можно было бы предположить, что для *не в пример*, как для некоторых производных отымённых предлогов, в частности *в противоположность*, *в противоположность*, *согласно* (см. [Черкасова 1967: 148–150, 263–264]),

¹³ Впрочем, отметим, что нам не удалось зафиксировать ранние проникаемые употребления *не в пример*, т. е. об **утрате** проникаемости, которая была свойственна выражению до лексикализации, на собранном материале говорить нельзя.

¹⁴ Как указывает анонимный рецензент, слитное написание *не в пример* отражает общую тенденцию к слитному написанию наречных выражений и составных предлогов; так, ср. конструкции, которые сохранили слитное написание в современном русском языке: *невповорот*, *невпопад*, *невдомек*, *невмоготу*, *невтерпёж*, *невдогад*.

было характерно двойное управление, однако подтвердить или опровергнуть эту гипотезу на материале выборки не представляется возможным из-за малого числа вхождений, содержащих стандарт сравнения в генитиве.

- (27) *Я осмелюсь, сударыня, сказать, **не в пример здешней компании**, что дамские глаза всякую минуту ловят мужские <...>* (М. Комаров. Повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фридерики-Луизы... (1782)).
- (28) *Но, приметя, как попы живут зажиточно и с ними дружно, думать надобно, что они либо не гораздо ослеплены, либо от корыстолюбия попов потокаемы так размножаются, хотя **не в пример против других селений и городов** они посещают церкви многолюдно, что мы в помянутый праздник заметили* (П. И. Челищев. Путешествие по северу России в 1791 г. (1791)).
- (29) *Дней ясных нынешний год хоть отбавляй — **не в пример прошлых лет*** (А. А. Белопольский. Письма (1905)).
- (30) *А вскоре после него ко мне заявился совершенно необычный визитер в офицерской форме и с большой растрепанной темно-русой бородой, что теперь почти не встречалось у военных, **не в пример эпохи царя Александра III**, вводившего русский стиль и в бороду* (митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох (1940–1950)).

В основе семантического сдвига могла лежать импликатура: если один объект не должен служить другим образцом для подражания, то его нельзя с ними сравнивать, и, следовательно, он от них отличается; ср. [Черкасова 1967: 33], где идиома *не в пример* характеризуется как содержащая «отрицание сравнения». Более абстрактное — по отношению к исходному — результирующее значение идиомы-якоря ‘в противоположность, в отличие от’ указывает на произошедшую десемантизацию (semantic bleaching) — один из признаков процесса грамматикализации [Heine et al. 1991: 40–41; Heine, Kuteva 2002: 2; Nopper, Traugott 2003: 94–98]. При этом развитие идиоматичного употребления *не в пример* не было линейным, и потому выделить чёткие хронологические рамки, соответствующие переходу от одного значения идиомы к другому, на материале словарей и корпусов не просто. Так, значительная часть вхождений *не в пример* конца XVIII — первой четверти XIX в. приходится на «переходные» (bridging) в понимании [Heine 2002: 83–84] контексты, в которых значение рассматриваемой единицы часто не поддаётся однозначной интерпретации: с одной стороны, она сохраняет следы композициональной семантики, с другой — содержит идею противопоставления, характерную для *не в пример-1*, и допускает замену другими предложными эквивалентами (*в противоположность, в отличие от*); ср. прочтения (31a) и (31b). «Переходные» контексты встречаются вплоть до первой четверти XX в., а затем выходят из русского языка, см. (32), (33). Примечательно и то, что современное значение идиомы

‘в противоположность, в отличие от’, впервые отмеченное в [Ушаков 1940], в лексикографических описаниях XVIII — начала XX вв. не зафиксировано: в [САР 1794] и в составленном на его основании [СЦРЯ 1847] приводится толкование «не давая права другимъ на то», схожее определение представлено и в [Даль 1866; 1907] — «не ради примѣру, а какъ изъятіе».

- (31) *Въ малолѣтіе ПЕТРА Великаго былъ и Думной Генераль Агей Алексѣевичъ Шепелевъ, который, другимъ Генераламъ не въ примѣръ, въ Государственной Думѣ съ Думными Дворянами въ рядъ присутствовалъ: сей въ 1687 году пожалованъ въ Окольничіе* (Ф. И. Миллер. Извѣстіе о дворянахъ російскихъ (1776)).
- (a) ‘То, что генерал Шепелев был в Думе, не должно служить примером для других генералов’.
- (b) ‘Генерал Шепелев, в отличие от других генералов, присутствовал в Думе вместе с думными дворянами’.
- (32) *Как бы чувствуя ее одиночество, строгий отец завещал ей одной, не в пример другим, несколько большее обеспечение* (А. А. Фет. Мои воспоминания. Часть I (1862–1889)).
- (33) *Веру по слабости здоровья, не в пример прочим институткам, по настоянию отца отпускали летом домой* (О. Д. Форш. Одеты камнем (1924–1925)).

С другой стороны, с 50-х гг. XIX в. встречаются вхождения *не в пример*, в которых значение единицы определяется однозначно и едва ли может считаться композициональным: так, для (34) и (35) допустимы интерпретации (34a) и (35a), но не (34b) и (35b) соответственно. Таким образом, совместное существование в узусе *не в пример* как в «переходных» контекстах, так и в рамках конструкции *не в пример-1* можно считать свидетельством свойственной процессам лексикализации и грамматикализации градуальности (gradualness) [Brinton, Traugott 2005: 105–109].

- (34) *О Шэн Бао говорят, что он, подобно Сян Жуну, не в пример прочим главнокомандующим, особенно не в пример туньядцу, пьянице Наэр Цзин-га и взяточнику Ци Шаню, всегда на лоцзе предводительствует своей командой* (К. А. Скачков. Мой дневник (1853)).
- (a) ‘Шэн Бао, в отличие от других главнокомандующих, всегда предводительствует своей командой’.
- (b) *‘Шэн Бао предводительствует своей командой не с целью подать пример другим главнокомандующим’.
- (35) *И дети у них, не в пример нашим, такие разумные да толковые: и книжечки читать умеют, и стихи наизусть знают, и много на улице не балуют* (Ф. М. Решетников. Горнозаводские люди (1863)).
- (a) ‘Их дети, в отличие от наших, разумные и толковые’.

Ещё одна тенденция, которая представляется нам признаком грамматикализации, связана с заполнением позиции стандарта сравнения. В наибо-

лее ранних — относящихся к концу XVIII — первой половине XIX в. — контекстных реализациях конструкции *не в пример*-1 член некоторого множества противопоставляется другим типичным представителям этого множества по какому-либо признаку: см. (36), где человек выделяется из класса животных, поскольку умеет говорить и мыслить. В таких случаях стандарт сравнения обычно выражается с помощью родового понятия во множественном числе с модификаторами *другим/прочим* ((36), (37)) либо только с помощью этих местоимённых прилагательных (38); вся именная группа при этом является нереферентной¹⁵. Высокая доля вхождений *не в пример другим* и *не в пример прочим* позволяет предположить, что такая реализация конструкции могла быть распространённой речевой формулой; косвенно подтверждает это наблюдение и тот факт, что в словарных статьях идиома приводится в виде *не в пример другим*, ср.: «награждень не въ примѣръ другимъ» [САР 1794], «награда, отличие невпримѣръ другимъ или прочимъ» [Даль 1866], «Ему все не въ примѣръ другимъ (инымъ, прочимъ)» [Даль 1907].

- (b) *‘То, что их дети разумные и толковые, не должно служить примером для наших детей’.
- (36) *Притом [человек] имеет неопределяемую силу действовать и мыслить не **въ примѣръ другимъ животнымъ** к тому же неутраждаемую на веки простирающуюся и почти Богу подобную (Истинное благочестіе христіанское доказано противъ безбожниковъ, язычниковъ, жидовъ и махометанъ (1768). Google Books)*¹⁶.
- (37) *И потому мы думаем, что публика не может не одобрить принятого нами намерения — начинать каждую первую книжку нового года «Отечественных записок» взглядом на прошлогоднюю литературу, — намерение, которое уже сряду третий год постоянно выполняется нами, **не в пример прочимъ журналамъ** (В. Г. Белинский. Русская литература в 1842 году (1843)).*
- (38) *Андрей Иванович никогда б не кончил, если б не прибег к общепотребительному средству; он, **не в пример другимъ**, принес жертву, которая иным не в привычку; он служил давно и рисковал своей собственностью в надежде, что получит то, чего просит (Н. Ф. Павлов. Демон (1839)).*

К началу XX в. сочетаемость возможности конструкции *не в пример*-1 значительно расширяются: объект сравнения уже не обязательно входит

¹⁵ Здесь и далее мы опираемся на классификацию референциальных статусов, предложенную Е. В. Падучевой [1985; 2017].

¹⁶ Этот фрагмент взят из русского перевода латинского текста, однако выражение *не в пример* и здесь не является калькой; в оригинальном произведении используется совсем другой оборот: *potentiam (...) non habet circumscriptam ut caetera animantia* ‘сила (...) не ограничена, как у других животных’ (Hugo Grotius. De veritate religionis christianæ (1696). Google Books).

в множество, обозначаемое стандартом, ср. (39), (40); кроме того, становится допустимым и противопоставление двух конкретных людей, предметов или явлений (см. (41)), т. е. в роли стандарта сравнения начинает выступать конкретно-референтная именная группа. При этом доля употреблений *не в пример* с нереферентными именными группами в позиции стандарта сравнения падает, и эта тенденция сохраняется вплоть до XXI в. — см. рис. 3, на котором представлена динамика доли вхождений *не в пример другим/прочим (X)*, где X — именная группа, от всех контекстных реализаций *не в пример-1* за период, и рис. 4, отражающий абсолютные значения.

- (39) «Двоеданы», то есть **раскольники**, отличались вообще красотой, **не в пример православному населению** (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)).
- (40) **Ведь у сельских хозяев — не в пример промышленникам — есть выбор**, — станут «охранять» рабочих — сельские хозяева — возьмут да и переменят систему сельского хозяйства на менее продуктивное (К. И. Чуковский. Конспекты по философии (1901–1902)).
- (41) **Не в пример соседке, Женя** внимательно слушает урок, широко раскрыв голубые глаза, и по-детски хлопает ресницами (Л. А. Чарская. Вторая Нина (1909)).

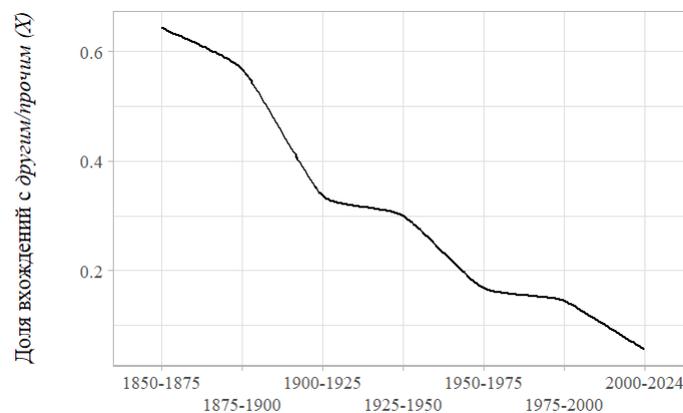

Рис. 3. Доля контекстных реализаций *не в пример другим/прочим (X)* от всех вхождений конструкции *не в пример-1* за период¹⁷

¹⁷ При подсчётах для графиков на рис. 3 и 4 учитывались только такие реализации конструкции *не в пример-1*, которые не допускают двоякой интерпретации; в связи с тем, что до 1850 г. именно «переходные» контексты составляют большую часть от всех вхождений *не в пример-1*, было принято решение отобразить на графиках только период с 1850 г. по настоящее время.

Рис. 4. Количество контекстов, в которых стандарт сравнения имеет вид *другим/прочим (X)*, в сравнении с количеством остальных вхождений *не в пример-1*

Приблизительно в это же время обнаруживаются синтаксически нестандартные случаи использования *не в пример*, в которых идиома — как и в более ранних вхождениях вроде (23) — выступает в предикативной позиции и при этом имеет другую, уже не композиционную семантику (см. (42), (43)). Подобные употребления могли развиваться из контекстных реализаций *не в пример-1*: так, источником (42) представляется предложение типа *хозяин у меня, не в пример всем хозяевам, [хорош]*, в котором признак сравнения был опущен, а *не в пример* стало восприниматься как вершина предикации. Синтаксические изменения повлекли за собой семантические, и возникла новая интерпретация ‘X не такой, как Y’: говорящий указывает на то, что объект отличается от стандарта, однако не отмечает, чем именно.

- (42) — *Хозяин у меня не в пример всем хозяевам* (С. Н. Дурьлин. Колокола (1929)).
 (43) *Не будет мира — сами на себя пеняйте: флот у великого государя не в пример прошлому году...* (А. Н. Толстой. Пётр Первый. Книга вторая (1933)).

Таким образом, тенденции, обнаруженные в развитии конструкции *не в пример-1*, укладываются в современные представления о грамматикализации [Норрег, Traugott 2003: 18; Himmelman 2004: 31–33]: изменение значения идиомы сопровождается расширением сочетаемости и увеличением частотности — пик употребительности *не в пример-1*, по данным НКРЯ, приходится на XX в. (см. рис. 2 в разделе 2). Кроме того, происходит декаатегоризация якоря: с течением времени он начинает тяготеть к функции служебного слова. Так, предложный или близкий к нему статус *не в пример*, помимо уже упомянутой монографии [Черкасова 1967], отмечается и в ра-

ботах, посвящённых грамматическому и лексикографическому описанию русских предлогов, в частности в [РГ 1980; Морковкин 1997; Рогожникова 2003; Всеволодова 2012] и др.

3.2. Эволюция не в пример-2 с XVIII в. по настоящее время

Если для конструкции *не в пример-1* представляется возможным описать механизм её возникновения — имплицативный переход от композиционных употреблений к идиоматичным, то для *не в пример-2* установить природу семантического сдвига, обусловившего появление некомпозиционных примеров, затруднительно. Кроме того, для *не в пример-2* явно не выделяются контексты, свидетельствующие о градуальности изменений, как для *не в пример-1*: «переходных» употреблений, допускающих как интерпретацию ‘не с целью подать пример’, так и интерпретацию ‘гораздо’, не обнаруживается. Тем не менее собранный материал позволяет проследить в развитии *не в пример-2* некоторые черты, которые могут указывать на то, что *не в пример* в её составе находится на пути грамматикализации.

Первая из таких черт связана с выражением стандарта сравнения. На более ранних этапах существования конструкции — в XVIII–XIX вв. — отмечается широкая вариативность в формальных способах заполнения этого слота: стандарт сравнения мог вводиться при помощи союзов *чем* и *нежели*, генитива, предлогов *против* и *супротив* в сочетании с генитивом (44) либо быть синтаксически не выраженным и восстанавливаемым (45) или невозможным (46) из ближайшего контекста. Как видно на рис. 5, вплоть до середины XX в. количество примеров, в которых стандарт синтаксически выражен, практически равнялось количеству примеров с невыраженным стандартом, однако начиная с середины XX в. опущение стандарта становится более частотным, чем его выражение.

- (44) *Уж на что сторож в суде — и тому житье **против нашего не в пример** лучше...* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857)).
- (45) *Я стал искать с ним ссоры; на эпиграммы мои отвечал он эпиграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих и которые, конечно, **не в пример** были веселее [моих (стандарт сравнения)]: он шутил, а я злобствовал* (А. С. Пушкин. Выстрел (1830)).
- (46) *Его удел — сколько самому ему кажется — изображение человеческого горя, нищеты и страдания: такие стороны жизни изображать **не в пример** легче, быть может, оттого, что они чаще встречаются в действительности и что к ним успешнее можно приглядеться* (В. В. Крестовский. Петербургские труппы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6 (1867)).

Рис. 5. Количество вхождений *не в пример-2* с синтаксически выраженным и невыраженным стандартом сравнения

Вторая черта связана с развитием употреблений, в которых *не в пример* имеет значение ‘очень’ и модифицирует прилагательные и наречия в форме положительной степени сравнения, а также глаголы (ср. (12)–(14)). Такие употребления единично встречаются с конца XIX в. (47), а в XXI в. их количество возрастает. Они характерны для публицистического и разговорного стилей, в частности для общения в Интернете (см. (48), (49)). Использование интенсификатора вне ситуаций сравнения, появление у него ещё более абстрактного значения (‘гораздо’ > ‘очень’), а также развитие способности присоединять глагольную группу — возможные признаки того, что он грамматикализуется.

(47) *Вы, Фрументий Лукич, язвительный человек. И ко мне всегда были не в пример строги* (П. Д. Боборькин. Василий Тёркин (1892)).

(48) *А мне кажется, или у этого самолёта размах крыльев не в пример большой?*¹⁸

(49) *Его каменные плечи опустились, спина сгорбилась — он стал походить на унылого старика, что не в пример удивило старшего наследника*¹⁹.

Наконец, ещё один признак заставляет нас обратиться к определению, данному конструкции в словаре, впервые её зафиксировавшем: «превосходно, несравненно лучше. *Не въ примѣръ лучше сдѣлано*» [САР 1794]. Любопытно, что здесь *не в пример* приводится именно в сочетании с *лучше*: это наталкивает на мысль, что на первых порах слот признака сравнения мог чаще заполняться именно этой словоформой. Такую догадку,

¹⁸ 2012, <https://ru-aviation.livejournal.com/2286629.html>.

¹⁹ 2022, <https://ficbook.net/readfic/11575690/32502504>.

впрочем, не удаётся наверняка подкрепить материалом выборки: как видно на рис. 6 и 7, в конце XX — начале XXI в. *лучше* уже становится менее распространённым способом заполнить слот признака сравнения, чем в середине XIX в., однако из-за ограниченности данных справедливо говорить лишь о возможной тенденции к тому, что *лучше* теряет позицию самой частотной формы в употреблении конструкции, уступая другим прилагательным и наречиям. Эта тенденция тоже могла бы рассматриваться как косвенное свидетельство того, что идиома в составе *не в пример-2* подвергается грамматикализации: она перестаёт тяготеть к конкретной словоформе и расширяет свою сочетаемость.

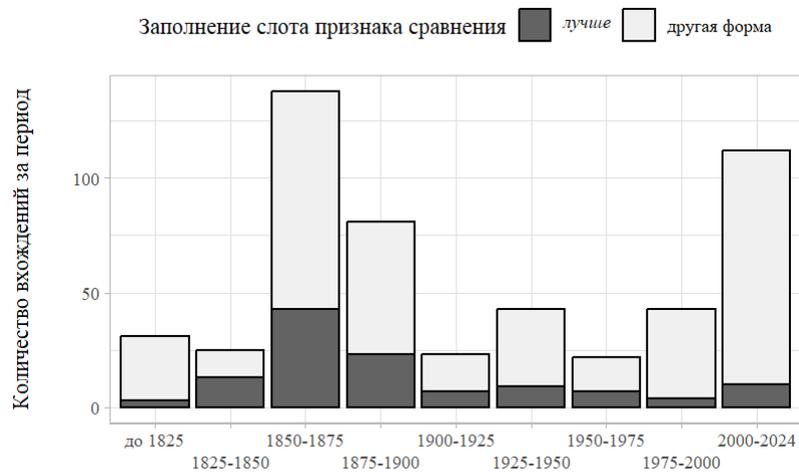

Рис. 6. Количество словоформ *лучше*, заполняющих слот признака сравнения в конструкции *не в пример-2*, по отношению к количеству других словоформ

Рис. 7. Доля словоформ *лучше* от всех словоформ в слоте признака сравнения конструкции *не в пример-2*

Конструкция *не в пример-2* в современном языке уже явно ощущается как устаревшая, однако, несмотря на такой статус, в последние годы её якорь демонстрирует некоторые черты грамматикализации. Для единицы, имеющей семантику высокой степени, такой путь не представляется удивительным. Интенсификаторы являются одним из наиболее активно обновляемых классов в языке: они быстро утрачивают выразительную силу и требуют замены (см. [Bolinger 1972: 18] и многочисленные исследования интенсификаторов, например [Ito, Tagliamonte 2003; Tagliamonte 2008; Bordet 2017]) и потому могут устаревать одновременно с тем, как начинают грамматикализироваться.

4. К вопросу о возникновении *не в пример-2*

Из всего ряда композиционных выражений с целевой семантикой типа (*не в Асс*, употреблявшихся в русском языке XVII–XVIII вв. (*в указ, в укоризну, в образец, в похвалу* и т. д.)), интенсификатором стало, по видимому, только *не в пример*. Этот интенсификатор нестандартен не только потому, что его источником послужила предложная группа. Его эволюция не вписывается в предлагаемую для единиц со значением высокой степени схему развития, включающую этапы **субъективизации** и **грамматикализации** (см. монографию [Blanco Suárez 2017] об английских интенсификаторах *dead, deadly, mortally* и др.): вначале для буквальных употреблений единицы, отражающей состояние некоторого участника ситуации, становятся возможны прочтения, в которых она начинает выражать уже позицию самого говорящего; затем единица встаёт на путь грамматикализации и обретает черты показателя высокой степени. В русском языке, как показано в [Герасимов 2016] на материале НКРЯ, такой схеме соответствует история интенсификатора *до ужаса*. Однако словосочетание (*не в пример*, в отличие от *до ужаса*, не содержало эмоционального компонента и в своих композиционных употреблениях не выражало состояние участника ситуации, что уже «лишает» его начального этапа в описанном сценарии.

Собранный материал, увы, не позволяет с уверенностью предложить для *не в пример-интенсификатора* альтернативную первую ступень развития. Механизм перехода от композиционных употреблений к значению ‘гораздо’ — и вообще вопрос, имел ли место такой переход, — остаётся неясным. Тем не менее кажется возможным наметить четыре гипотезы, которые могли бы объяснить, как возникла конструкция *не в пример-2*.

Во-первых, появление нестандартной в том или ином отношении языковой единицы может представлять собой результат калькирования, тем более для русского языка XVIII в. — периода, когда фиксируется *не в пример-2*, — кальки не были редкостью. Предположив, что якорь конструкции или вся она целиком — случай именно такого заимствования, мы бы ожидали обнаружить в словарях и переводных текстах выражение-источник из

другого языка, содержащее лексему со значением ‘пример’ (или с другой близкой семантикой) и имеющее схожую с *не в пример* синтаксическую структуру.

Подходящего источника пока что не было найдено. Переводные словари конца XVIII — начала XIX в., фиксирующие русское выражение *не в пример*, не дают для него эквивалентов, внутренняя форма которых позволила бы предположить калькирование и таким образом объяснить природу *не в пример-2*: см., в частности, [ПФРЛ 1786; Татищев 1816; Рейф 1835] для французского, [Неум 1798] для немецкого, [Шишуков 1811] для английского языков. В славянских языках, за исключением украинского и белорусского, конструкций типа *не в пример* обнаружить тоже не удалось. Русско-польские и польско-русские словари XIX в. не упоминают русскую идиому и не приводят схожего с ней польского выражения (см. [Миллер 1829; Шмидт 1894]); более современные русско-польский [Дворецкий 1950], русско-чешский [Влчек 1974], русско-сербский [Станковић 1998] и русско-болгарский [Андрейчина и др. 1980] словари идиому упоминают, однако в качестве эквивалентов приводят непохожие на неё обороты. Конструкции типа *не в пример-1* и *не в пример-2* встречаются в текстах на украинском (*не в приклад, не в примір*) и белорусском (*не ў прыклад*) языках, но в доступных нам источниках такие примеры прослеживаются не ранее второй половины XIX в.; кроме того, *не ў прыклад* отсутствует в историческом словаре белорусского языка [ГСБМ XIV–XVIII вв.]. Следовательно, есть вероятность, что соответствующие выражения были калькированы в украинский и белорусский языки из русского. Наконец, не обнаруживается и свидетельств того, что *не в пример* является калькой с латинского (см. [Георг 1847; Ананьев и др. 1862], где выражение не упомянуто, и сноску к примеру (38)) или греческого (см. [Вейсман 1879], где *не в пример* не фиксируется, и [Λογοθέτης 1987], где приводятся непохожие по внутренней форме аналоги) языков. В целом затруднительность выявления типологических параллелей или генетических связей для единицы может быть дополнительным признаком того, что она лексикализована: если паттерны грамматикализации наблюдаются обычно сразу в нескольких языках, то случаи лексикализации, как правило, нерегулярны [Brinton, Traugott 2005: 109].

Во-вторых, конструкция *не в пример-2* могла развиваться на основе употреблений, в которых присутствовал бы и участник, маркированный дательным падежом, и признак сравнения, выраженный формой сравнительной степени прилагательного или наречия, т. е. примеров вида ^{??}*Ему заплатили не в пример другим больше* (ср. современные контаминации (15), (16)). Впоследствии эти употребления могли быть постепенно переосмыслены так, что вершиной для дативного участника стала форма сравнительной степени, и тогда участник начал маркироваться родительным падежом, которого она требует: ^{??}*Ему заплатили не в пример других больше* (ср. также (50) ниже). Контексты вроде ^{??}*Ему заплатили не в пример другим/других больше* служили бы в таком случае признаком градуальности изменений,

происходящих с *не в пример-2*. Против этой версии, однако, свидетельствуют как минимум два факта. Во-первых, примеров и с дативным участником, и с формой сравнительной степени не обнаруживается вплоть до XX в., т. е. допустимость употреблений вроде ²⁰*Ему заплатили не в пример другим больше* в русском языке XVII–XVIII вв. сомнительна. Во-вторых, конструкция *не в пример-2* с самых ранних этапов своего существования тяготеет к иному порядку слов: в подавляющем большинстве случаев за якорем непосредственно следует признак сравнения, а стандарт располагается справа от признака²⁰: *Он не в пример лучше Васи*; описанный сценарий не объясняет, почему именно такой порядок стал для *не в пример-2* предпочтительным.

Ещё одну гипотезу — несколько схожую с вышеописанной — высказал Р. Н. Кривко (личное сообщение). По его представлению, конструкция ‘X не в пример Y’ могла интерпретироваться как ‘X — не образец Y; X не есть пример Y’, т. е. контекстная реализация *не в пример-1* вроде *Иезуиты, не в пример рыцарям, действовали в молчании* подразумевала, что иезуиты не суть пример рыцарей. Аналогичное прочтение было и у предложений со сравнительной степенью: *Иезуиты не в пример [рыцарям]* (т. е. не будучи представителями категории рыцарей) *лучше рыцарей*. В таких употреблениях словоформа *рыцарей* как бы относилась к двум вершинам одновременно — и к *в пример*, требующей дательного падежа, и к *лучше*, требующей родительного; именно форма сравнительной степени «одержала победу», благодаря чему конструкция *не в пример-2* закрепилась в известном нам виде. В свете этой гипотезы видится полезным привести единичные вхождения *не в пример* со стандартом сравнения в родительном падеже, относящиеся к XVIII в. (см. (50), (51)). Возможно, они указывают на вариативность в маркировании стандарта, свойственную конструкциям на самом раннем этапе их формирования, однако не получившую должного отражения в письменных источниках. С другой стороны, предложение (50) — как, впрочем, и ряд других — ставит под вопрос интерпретацию ‘X — не образец Y; X не есть пример Y’: согласно ей, «основание, по которому верит он, бытие привидений и страшилищ» не является образцом «сего моего путешествия»; прочтение такого рода представляется странным.

- (50) *А я, увидѣвъ его ослабѣнїе и заминку, больше наступалъ на него, показывая, что его основанїе, по которому вѣрять онъ, бытїе привидѣнїй и страшилищъ, не въ примѣръ сего моего путешествїя, ему несноснѣе* (С. Савицкий. Подземное путешествїе... (перевод книги Л. Хольберга) (1762)).

²⁰ Исключениями из общего правила являются, например, вхождения, в которых якорь и признак сравнения находятся на расстоянии друг от друга, ср.: «...чтожь касается до отношенїя къ пушному товару, то сырость его не портить, а солнце и пыль **не въ примѣръ ему вредительнѣе**...» (М. Чулков. Историческое описанїе російской коммерціи (1785). Google Books). Заметим, что здесь *ему* не обозначает стандарт сравнения и синтаксически относится к *вредительнее*.

- (51) ...войско запорожское состоитъ на основательныхъ обыкновеніяхъ и сверхъ того утверждается на особливыхъ правахъ и вольностяхъ, **не въ примѣръ прочихъ казацкихъ войскъ**... (Днев. зап. ком. Нов. Ул. IV, 1768 г. — Картотека ДРС).

Наконец, причиной появления двух разных конструкций с одним якорем могла быть многозначность слова *пример*: если в контекстах-источниках для *не в пример-1* оно значило ‘образец для подражания’, то при формировании *не в пример-2* могло иметь иную семантику. Среди толкований, предложенных в [СлРЯ XI–XVII вв.; САР 1794], — ‘измерение, прикидка’, ‘излишек, получившийся при измерении’, ‘примеривание, определение’ — подходящего нет; тем не менее гипотезу поддерживает ряд других свидетельств. Так, помимо идиомы *не в пример*, в русском языке существовали выражения *не в приклад* и *не в образец*, см.:

- (52) *Однако же буди не в образец нам, яко Христианом, и вышшею и не суетной небесной бо славе простирающымся, не в образец, не в приклад нам, глаголю, буди обычай язык славы истинныя непознавших* (архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о баталии Полтавской (1717)).

Выражение *не в образец*, как уже было показано в разделе 3, во вхождениях XVII в. демонстрировало формальный, функциональный и дистрибутивный параллелизм с *не в пример*, однако впоследствии его постигла иная судьба. В [САР 1794] для словосочетания *не в образец другим* приводится единственное толкование: «не въ примѣръ другимъ; *оказать кому милость не въ образецъ другимъ*»; в таком значении оно встречается в НКРЯ на протяжении XVII–XVIII вв., а затем выходит из русского языка и употребляется лишь окказионально — например, в текстах, посвящённых историческим событиям, или при цитировании (см. (53), (54)). При этом в роли интенсификатора *не в образец* не использовалось — в НКРЯ, Картотеке ДРС и Google Books не зафиксировано ни одного случая, когда выражение сочеталось бы с прилагательным или наречием в форме сравнительной степени. Можно предположить, что такое различие в пути развития двух схожих единиц связано с тем, что в употреблении типа *не в пример/образец другим* значения слов *пример* и *образец* совпадали, а в словосочетаниях вроде *не в пример лучше* слово *пример* имело значение, которого не было у слова *образец*.

- (53) *Все его многочисленные подворья освобождались от постоя и полицейских повинностей, но эта привилегия давалась с оговоркою, что она пожалована не в образец другим монастырям* (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Выпуск седьмой: XVIII столетие (1862–1875)).
- (54) *«Шеин мне не в образец!»* — кричал князь (И. Андреев. Об измене неизменявшего // «Родина» (1997)).

Выражение *не в приклад* оказалось крайне мало представлено в источниках: оно зафиксировано в НКРЯ только в композициональном употреблении (52), а сервис Google Books даёт ещё одно его вхождение, по-видимому, уже некомпозициональное (см. (55)). Однако примечательно, что одно из толкований слова *приклад* по [СлРЯ XI–XVII вв.] — ‘сравнение’ (56); кроме того, там же приводится выражение *без приклада*, имеющее значение ‘без сравнения, несравненно’ (57). В [САР 1794] отмечаются также прилагательное *безприкладный* ‘беспримерный, несравненный, бесподобный’ и наречие *безприкладно*; их вхождения обнаруживаются в Картоотеке ДРС (см., например, (58)). Дериваты, образованные по такой же модели и имеющие схожее значение, — *беспримерный* (см. (59)), *беспримерно*, *беспримерность* — указаны и для слова *пример*, но не для слова *образец*.

- (55) *А чтобъ ничего въ Польшѣ не оставитъ, въ томъ зглю опасуюсь; ибо Поляки (хотя Я ихъ весьма обнадежилъ) зглю сумнѣваются, и говорятъ, что Мы ихъ покинемъ, и не въ прикладъ тому стали ласковы, какъ были въ Ярославль* (Письма Петра Великаго писанные к генерал-фельдмаршалу... графу Борису Петровичу Шереметеву (1774). Google Books).
- (56) *Ангели... безплоти и безвеществи, еже к нам прикладом; все же к богу прилагаемое дебело суть, вечно* [СлРЯ XI–XVII вв.].
- (57) *Бѣтъство и славоу беспреклада имы* [Иов] (...) (Ж. Нифонта, 286. 1219 г. — Картоотека ДРС).
- (58) (...) *вы же видите обитие тѣла моего подобно вашему, азъ же видѣхъ объятие Господне безмѣрно и безприкладно, ему же нѣсть конца* (...) (Кн. Енохова, 94. XVII в. ~ XIII в. — Картоотека ДРС).
- (59) *О любовь превосходная, любовь безпримерная! коликую имаши у Бога цену; Сам Христос большинством тебе почтил есть...* (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700–1722)).

Все эти наблюдения наводят на мысль, что *не в приклад* было близко выражению *без приклада* и буквально значило ‘не в сравнение’ — т. е. ‘несравненно’ — и могло использоваться с прилагательными и наречиями в сравнительной степени; при этом либо слово *пример* имело значение ‘сравнение’, не зафиксированное в [СлРЯ XI–XVII вв.] и других словарях, либо *пример* в какой-то момент заменило *приклад* в конструкциях типа *не в приклад лучше*, поскольку контексты употребления этих единиц пересекались. В пользу второго сценария свидетельствует тот факт, что само слово *приклад* вышло из употребления, а слово *пример*, вероятно, появилось в русском языке несколько позже *приклада*: так, в [СДРЯ XI–XIV вв.] и в [Срезневский 1912] оно, в отличие от *приклада*, не зафиксировано²¹. Впрочем, ни один из этих сценариев не удалось подтвердить на материале НКРЯ и других источников. Версию о том, что у слова *пример* было значе-

²¹ Однако, как отмечает рецензент, существовал глагол *примѣривати* и однокоренные ему слова, в том числе восходящие к древнеболгарским переводам.

ние ‘сравнение’, косвенно подтверждает интерпретация идиомы *не в пример*, предложенная в [Потебня 1899: 374]: «сравнивая с чем и эвфемистично оговариваясь, отрицая сравнение». В [Там же] приводится предложение (60), в котором, как кажется, эквивалентом *не в пример* является ‘не в сравнение’, — А. А. Потебня поясняет это употребление следующим образом: «так как земного сравнивать с небесным не годится».

- (60) *Посмотриши по Царюграду, как те-та огни везде, ин бутто Царьград каменем драгим унизан или, не в пример, что небо звездами украшено* (Хождение в святую землю московского священника Иоанна Лукьянова (1701–1703)).

5. Заключение

Наши наблюдения показывают, что, хотя конструкции *не в пример-1* и *не в пример-2* развивались по независимым «маршрутам» и не взаимодействовали друг с другом²², как минимум одна черта сходства в их историях присутствует: это процесс грамматикализации идиомы-якоря. С другой стороны, вопрос, есть ли у конструкций точка соприкосновения в самом начале их пути, остаётся открытым. Поскольку для *не в пример-1* оказалось возможным объяснить предполагаемый механизм перехода от композиционных употреблений к реализациям конструкции, видится естественным и для *не в пример-2* считать источником именно композиционные употребления — с той оговоркой, что восстановить переход от них к *не в пример-2* пока не удалось. Во всяком случае, сценарий, при котором интенсификатор первичен, а композиционные примеры и *не в пример-1* появляются позднее [Черкасова 1967: 33–34], обнаруживает свою хронологическую недостоверность: уже в XVII в. были возможны вхождения типа (17), (18).

Наличие двух конструкций с одним якорем позволяет говорить о полифункциональности этого якоря: так, в русском языке нередки случаи, когда одна и та же единица выполняет функции и наречия, и предлога (см., например, [Урысон 2017; Виноградова 2021]). Как отмечает Е. Н. Виноградова, рассматривая ряд «наречий-предлогов» *по итогам, по праву, по случаю* и т. д., значения полифункциональной единицы в наречных и предложных употреблениях обычно сильно расходятся; из этого можно сделать вывод, что мы «имеем дело... с разными процессами: лексикализацией в случае онаречивания и грамматикализацией в случае опредложивания конструкции» [Виноградова 2023: 62–63]. Относительно идиомы *не в пример* расхождение значений налицо, однако, на наш взгляд, есть основания оба процесса считать грамматикализацией. Поскольку *не в пример-наречие* —

²² Исключением здесь являются, безусловно, современные контаминации вроде (15), (16).

интенсификатор, в его истории прослеживаются некоторые признаки грамматикализации, свойственной многим единицам данного класса: развитие более абстрактного значения, расширение сочетаемости, тенденция к незаполнению одного слота конструкции.

Наконец, тот факт, что два разных пути развития и результирующих состояния наблюдаются у исходно одной единицы *не в пример* может быть аргументом в пользу того, что грамматикализация происходит не обособленно, а в рамках определённой конструкции — в полном соответствии с современными представлениями диахронической грамматики конструкций (см. [Gildea, Barðdal 2023: 18–22]).

С л о в а р и

Ананьев и др. 1862 — А. Ф. Ананьев, И. И. Лебединский, И. С. Яценецкий. Полный латинский словарь, составленный по современным латинским словарям. М., 1862.

Андрейчина и др. 1980 — К. Андрейчина, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запryanова. Руско-български фразеологичен речник. София, 1980.

Баранов, Добровольский 2020 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (ред.). Академический словарь русской фразеологии. М., 2020.

Вейсман 1879 — А. Д. Вейсман. Греческо-русский словарь. СПб., 1879.

Влчек 1974 — Й. Влчек. Русско-чешский словарь. М., 1974.

Георг 1847 — К. Е. Георг. Ручной латино-русский словарь. СПб., 1847.

ГСБМ XIV–XVIII вв. — Гістарычны слоўнік беларускай мовы / А. М. Булыка, А. І. Жураўскі (ред.). Вып. 1–37. Мінск, 1982–2017.

Даль 1866 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. М., 1863–1866.

Даль 1907 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. / И. А. Бодуэн де Куртенэ (ред.). СПб.; М., 1903–1909.

Дворецкий 1950 — И. Х. Дворецкий (ред.). Русско-польский словарь. Варшава, 1950.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / А. П. Евгеньева (ред.). М., 1999.

Миллер 1829 — С. Миллер. Słownik polsko-rossyjski. Польско-российский словарь. Томъ второй. Вильно, 1829.

Молотков 1968 — А. И. Молотков (ред.). Фразеологический словарь русского языка. М., 1968.

Морковкин 1997 — В. В. Морковкин (ред.). Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.

ПФРЛ 1786 — Полной французской и российской лексиконъ, съ послѣдняго изданія лексикона Французской академіи на російской языкъ переведенный собраніем ученыхъ людей. Ч. I. СПб., 1786.

Рейф 1835 — Ф. Рейф. Русско-французский словарь, въ которомъ русскія слова расположены по происхожденію, или этимологическій лексиконъ русскаго языка. СПб., 1835.

Рогожникова 2003 — Р. П. Рогожникова. Толковый словарь словосочетаний, эквивалентных слову. М., 2003.

- САР 1794 — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
- СДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XII. М., 1988–.
- СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–.
- Срезневский 1912 — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912.
- Станковић 1998 — Б. С т а н к о в и ћ (ред.). Руско-српски речник. Нови Сад, 1998.
- СЦРЯ 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. I–IV. СПб., 1847.
- Тагищев 1816 — И. Т а т и щ е в. Полный французско-российский словарь. Часть первая. М., 1816.
- Ушаков 1940 — Д. Н. У ш а к о в (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.
- Фёдоров 2008 — А. И. Ф ё д о р о в. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
- Шишуков 1811 — И. Ш и ш у к о в. Росийско-англиский словарь. Часть вторая. СПб., 1811.
- Шмидт 1894 — И. А. Э. Ш м и д т. Новый карманный польско-русский и русско-польский словарь. Лейпциг, 1894.
- Neum 1798 — J. Neum. Vollständiges Russisch-Deutsches Wörterbuch nach dem grossen Wörterbuche der Russischen Akademie bearbeitet. Riga; Leipzig, 1798.
- Λογοθέτης 1987 — Κ. Λ ο γ ο θ έ τ η ς. Μεγάλο Ρωσο-Ελληνικό Λεξικό. Αθήνα, 1987.

Литература

- Астахина 2001 — Л. Ю. А с т а х и н а. История Картоteki. Авторский состав (биобиблиографический словарь) // Г. А. Богатова (ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001. С. 7–265.
- Буденная и др. 2023 — Е. В. Б у д е н н а я, М. О. Б а ж у к о в, Л. А. Б а р к о в а, Д. С. Х а р л а м о в а, А. М. Д у г р и ч и л о в, Т. И. Р е з н и к о в а, А. В. Я к о в л е в а, К. В. Л и т в и н ц е в а, А. А. А н д р е е в а. Диахроникон: новый ресурс для изучения русских конструкций в микродиахронической перспективе // В. П. Селегей (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 22. Дополнительный том. 2023. С. 1041–1051.
- Виноградова 2021 — Е. Н. В и н о г р а д о в а. Вплотную к наречным предложениям (к вопросу о полифункциональных единицах) // Русский язык за рубежом. 2021. № 1. С. 37–45.
- Виноградова 2023 — Е. Н. В и н о г р а д о в а. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог *ПО*) // Вопросы языкознания. 2023. № 1. С. 54–87.
- Востоков 1844 — А. Х. В о с т о к о в. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнѣе изложенная. СПб., 1844.
- Всеволодова 2012 — М. В. В с е в о л о д о в а. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2. Фрагмент системы — мотивированные (вто-

ричные) предлоги // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 6. С. 9–56.

Герасимов 2016 — Д. В. Герасимов. Интенсификатор «до ужаса» в русском языке на пути грамматикализации // Н. Н. Казанский (ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. XII, ч. 1. СПб.: Наука, 2016. С. 336–363.

Ермакова 2005 — О. П. Ермакова. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Н. Д. Арутюнова (ред.). М.: Индрик, 2005. С. 272–279.

Золотова 2006 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2006.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки русской культуры, 2007.

Кустова 2005 — Г. И. Кустова. Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Н. Д. Арутюнова (ред.). М.: Индрик, 2005. С. 295–305.

Летучий 2015 — А. Б. Летучий. Сравнительные конструкции. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Потебня 1899 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. III. Об изменении значения и заменах существительного. Харьков, 1899.

Рахилина 2010 — Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковик, 2010.

Рахилина и др. 2010 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, О. С. Карпова. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций / Е. В. Рахилина (ред.). М.: Азбуковик, 2010. С. 396–455.

РГ 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. I.

Урысон 2017 — Е. В. Урысон. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.

Черкасова 1967 — Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967.

Bast et al. 2021 — R. Bast, A. Endresen, L. A. Janda, M. Lund, O. Lyashchevskaya, J. McDonald, D. Mordashova, T. Nessel, E. Rakhilina, F. M. Tyers, V. Zhukova. The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions. 2021. URL: <https://constructicon.github.io/russian/>

Blanco Suárez 2017 — Z. Blanco Suárez. Death-related intensifiers in the history of the English language: grammaticalisation and other processes of language change. [Doctoral dissertation, University of Santiago de Compostela]. 2017.

Bolinger 1972 — D. Bolinger. Degree words. Hague; Paris: Mouton, 1972.

Bordet 2017 — L. Bordet. From vogue words to lexicalized intensifying words: the renewal and recycling of intensifiers in English. A case-study of *very*, *really*, *so* and *totally* // Lexis [Online]. 2017. № 10. URL: <http://journals.openedition.org/lexis/1125>

Brinton, Traugott 2005 — L. Brinton, E. Traugott. Lexicalization and Language Change (Research Surveys in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Gildea, Barðdal 2023 — S. Gildea, J. Barðdal. From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm // *Studies in Language*. 2023. № 47 (4). P. 743–788.

Goldberg 2006 — A. Goldberg. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Heine 2002 — B. Heine. On the role of context in grammaticalization // I. Wischer, G. Diewald (eds.). *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 83–101.

Heine et al. 1991 — B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. *Grammaticalization: A Conceptual Framework*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Himmelman 2004 — N. P. Himmelman. Lexicalization and grammaticalization: Opposite or orthogonal? // *What Makes Grammaticalization — a Look from its Fringes and Components* / W. Bisang, N. P. Himmelman, B. Wiemer (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 19–40.

Hoffmann, Trousdale 2013 — T. Hoffmann, G. Trousdale (eds.). *The Oxford Handbook of construction grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Hopper, Traugott 2003 — P. Hopper, E. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Ito, Tagliamonte 2003 — R. Ito, S. Tagliamonte. *Well weird, right dodgy, very strange, really cool: layering and recycling in English intensifiers* // *Language in society*. 2003. № 32. P. 257–279.

Lehmann 2002 — C. Lehmann. New reflections on grammaticalization and lexicalization // *New reflections on grammaticalization* / I. Wischer, G. Diewald (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 1–19.

Méndez-Naya 2008 — B. Méndez-Naya. On the history of *downright* // *English Language and Linguistics*. 2008. № 12 (2). P. 267–287.

Tagliamonte 2008 — S. Tagliamonte. So different and pretty cool! Recycling intensifiers in Toronto, Canada // *English Language and Linguistics*. 2008. № 12 (2). P. 361–394.

Статья получена 25.03.2024

Anastasia A. Andreeva

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
a.andreeva@hse.ru

Ksenia O. Dunaeva

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
ksodunaeva@gmail.com

TOWARDS THE HISTORY OF TWO CONSTRUCTIONS WITH THE IDIOM *NE V PRIMER*

The paper is dedicated to the Russian idiom *ne v primer* that serves as an anchor in two comparative constructions. The constructions, referred to as *ne v primer-1* ‘in con-

trast to' (*Vasja, ne v primer Pete, sdal èkzamen* 'Vasya, in contrast to Petya, has passed the exam') and *ne v primer-2* 'by far (better, etc.)' (*Vasja ne v primer lučše Peti* 'Vasya is by far better than Petya'), are examined in terms of their semantic and formal properties, status in contemporary Russian language, and diachrony (18th–21st centuries). Initially, in the 17th–18th centuries, the expression (*ne*) *v primer* exhibited compositional semantics. However, it later underwent lexicalization and became the anchor for *ne v primer-1* and *ne v primer-2*. The paper explains the nature of the shift from compositional uses of the expression to *ne v primer-1* and explores the further diachronic path of the construction, showing how it was grammaticalized and began to function as a preposition. A similar conclusion is drawn for *ne v primer-2*: some features observed during its evolution may indicate grammaticalization of *ne v primer*. Yet the origin and the exact mechanism of the development of *ne v primer-2* remains unclear, as the examined written sources are insufficient to reconstruct it. Four hypotheses are proposed about how the construction *ne v primer-2* might have arisen.

Keywords: history of the Russian language, idiom, Construction Grammar, intensifier, grammaticalization, lexicalization.

References

- Astakhina, L. Yu. (2001). *Istoriia Kartoteki. Avtorskii sostav (biobibliograficheskii slovar')*. In G. A. Bogatova (Ed.), *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Spravochnyi vypusk* (pp. 7–265). Moscow: Nauka.
- Bast, R., Endresen, A., Janda, L. A., Lund, M., Lyashevskaya, O., McDonald, J., Mordashova, D., Nessel, T., Rakhilina, E., Tyers, F. M., & Zhukova, V. (2021). *The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions*. Retrieved from <https://constructicon.github.io/russian/>
- Blanco Suárez, Z. (2017). *Death-related intensifiers in the history of the English language: grammaticalisation and other processes of language change* (Doctoral dissertation). University of Santiago de Compostela.
- Bolinger, D. (1972). *Degree words*. Hague; Paris: Mouton.
- Bordet, L. (2017). From vogue words to lexicalized intensifying words: the renewal and recycling of intensifiers in English. A case-study of *very*, *really*, *so* and *totally*. *Lexis [Online]*, 10. Retrieved from <http://journals.openedition.org/lexis/1125>
- Brinton, L., & Traugott, E. (2005). *Lexicalization and Language Change (Research Surveys in Linguistics)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Budennaia, E. V., Bazhukov, M. O., Barkova, L. A., Kharlamova, D. S., Dugrichilov, A. M., Reznikova, T. I., Yakovleva, A. V., Litvintseva, K. V., & Andreeva, A. A. (2023). Diakhronikon: novyi resurs dlia izucheniia russkikh konstruktiv v mikrodiakhronicheskoj perspektive. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Vyp. 22. *Dopolnitel'nyi tom* (pp. 1041–1051). Retrieved from <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/878859609.pdf>
- Cherkasova, E. T. (1967). *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi*. Moscow: Nauka.
- Ermakova, O. P. (2005). Perekhod kachestva v kolichestvo (o prirode intensivatorov). In N. D. Arutiunova (Ed.), *Logicheskii analiz iazyka. Kvantitativnyi aspekt iazyka* (pp. 272–279). Moscow: Indrik.

- Gerasimov, D. V. (2016). Intensifikator «do uzhasa» v russkom iazyke na puti grammatikalizatsii. In N. N. Kazanskii (Ed.), *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 12(1), 336–363.
- Gildea, S., & Barðdal, J. (2023). From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm. *Studies in Language*, 47(4), 743–788.
- Goldberg, A. (2006). *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
- Heine, B. (2002). On the role of context in grammaticalization. In I. Wischer, & G. Diewald (Eds.), *New Reflections on Grammaticalization* (pp. 83–101). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Heine, B., Claudi, U., & Hünnemeyer, F. (1991). *Grammaticalization: A Conceptual Framework*. Chicago: University of Chicago Press.
- Heine, B., & Kuteva, T. (2002). *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Himmelman, N. P. (2004). Lexicalization and grammaticalization: Opposite or orthogonal? In W. Bisang, N. P. Himmelman, & B. Wiemer (Eds.), *What Makes Grammaticalization — a Look from its Fringes and Components* (pp. 19–40). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Hoffmann, T., & Trousdale, G. (Eds.). (2013). *The Oxford Handbook of construction grammar*. Oxford: Oxford University Press.
- Hopper, P., & Traugott, E. (2003). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ito, R., & Tagliamonte, S. (2003). *Well weird, right dodgy, very strange, really cool: layering and recycling in English intensifiers*. *Language in society*, 32, 257–279.
- Kniazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaia semantika. Russkii iazyk v tipologicheskoi perspektive*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Kustova, G. I. (2005). Kolichestvennye znacheniiia kachestvennykh slov. In N. D. Arutunova (Ed.), *Logicheskii analiz iazyka. Kvantitativnyi aspekt iazyka* (pp. 295–305). Moscow: Indrik.
- Lehmann, C. (2002). New reflections on grammaticalization and lexicalization. In I. Wischer, & G. Diewald (Eds.), *New reflections on grammaticalization* (pp. 1–19). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Méndez-Naya, B. (2008). On the history of *downright*. *English Language and Linguistics*, 12(2), 267–287.
- Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu*. Moscow: Nauka.
- Rakhilina, E. V. (Ed.). (2010). *Lingvistika konstruktivii*. Moscow: Azbukovnik.
- Rakhilina, E. V., Reznikova, T. I., & Karpova, O. S. (2010). Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktiviiakh: metafora, metonimiia i rebrending. In E. V. Rakhilina (Ed.), *Lingvistika konstruktivii* (pp. 396–455). Moscow: Azbukovnik.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika* (Vol. 1). Moscow: Nauka.
- Tagliamonte, S. (2008). So different and pretty cool! Recycling intensifiers in Toronto, Canada. *English Language and Linguistics*, 12(2), 361–394.
- Uryson, E. V. (2017). Predlog ili narechie? Chasterechnyi status narechnykh predlogov. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 36–55.
- Vinogradova, E. N. (2021). Vplotnuiu k narechnym predlogam (k voprosu o poli-funktional'nykh edinit'sakh). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 37–45.

Vinogradova, E. N. (2023). Grammatikalizatsiia, leksikalizatsiia i pragmatikalizatsiia (na materiale konstruktсии, vkluchaiushchikh predlog PO). *Voprosy jazykoznanija*, 1, 54–87.

Vsevolodova, M. V. (2012). Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkikh predlogov. Stat'ia 2. Fragment sistemy — motivirovannye (vtorichnye) predlogi. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 6, 9–56.

Zolotova, G. A. (2006). *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa*. Moscow: Editorial URSS.

Received on March 25, 2024

Л. А. БАРКОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
lovechan@yandex.ru

ИСТОРИЯ ИДИОМЫ *НЕ ЗАНИМАТЬ*: РЕАНАЛИЗ, СВЕРНУВШИЙ С ПУТИ*

В статье рассматривается история идиомы *не занимать* в контексте диахронической грамматики конструкций. Источником возникновения этой идиомы был отрицательный инфинитив, выступавший вершиной модальной клаузы, являющейся главной в предложении. Поэтому сама идиома в самых ранних контекстах выступала вершиной клауз, чей синтаксис идентичен клаузам с модальным инфинитивом. Затем начал происходить реанализ идиомы *не занимать* в единый предикат, и под его действием изменился синтаксис клауз, вершина которых — эта идиома. Однако примерно в середине XX в. маркирование субъекта в клаузах с вершиной *не занимать* застывает в дативе, характерном для субъекта модальных инфинитивных клауз. В статье показано, с какими особенностями эволюции семантики идиомы *не занимать* связан этот эффект и чем он необычен с точки зрения диахронической грамматики конструкций.

Ключевые слова: диахроническая грамматика конструкций, идиомы, модальный инфинитив, неглагольные предикаты, предикаты количества, русский язык.

1. Введение

Диахроническая грамматика конструкций [Hilpert 2013; Traugott, Trousdale 2013; Barðdal et al. 2015; Sommerer, Smirnova 2020; Gildea, Barðdal 2023] придает большое значение тому, как семантические изменения становятся триггером для синтаксических изменений и как за счет этого происходит реанализ исходных конструкций, который приводит к возникновению новых. База данных «Диахроникон» позволяет собрать и подробно описать множество случаев таких изменений — и это, в свою очередь, позволяет проверить те теоретические обобщения о принципах изменения языковых единиц, которые сделаны в рамках диахронической грамматики конструкций.

* Статья подготовлена по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций “Diachronicon”» при поддержке Фонда академического развития факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 гг.

В работе [Gildea, Barðdal 2023] механизм диахронических изменений, как он понимается в рамках диахронической грамматики конструкций, описан так.

1. Коллокация формы и значения (т. е. конструкция) со значением *sem1* начинает использоваться в определенных контекстах, где у нее появляется новое значение. Это значение конвенционализируется и тогда синтаксис конструкции начинает ассоциироваться с новым значением *sem2*.
2. Благодаря появлению *sem2* происходит реанализ (в терминологии [Harris, Campbell 1995]) синтаксиса конструкции и парой к *sem2* в конструкции становится синтаксис *syn2*, внешне неотличимый от синтаксиса *syn1*¹. Однако новая синтаксическая структура не идентична предыдущей по своему внутреннему устройству².
3. Изменения в анализе синтаксиса новой конструкции запускают поверхностное изменение в ее синтаксисе или фонетике [Gildea, Barðdal 2023: 20].

Идиома *не занимать*, которой посвящено наше исследование, интересна тем, что динамика развития ее употребления, на первый взгляд, противоречит описанному выше механизму. Эта идиома встречается в текстах, самые ранние из которых датируются концом XVIII в., а самые поздние — XXI в. За весь этот период семантика идиомы оставалась стабильной — идиома указывает на большое количество чего-либо; этот факт эмоционально оценивается говорящим; оценка может быть как положительной, так и отрицательной. То, что квантифицирует идиома, всегда является внутренним аргументом предиката *не занимать*. Однако синтаксис клауз, вершиной которых может быть эта идиома, сильно меняется с течением времени.

Таким образом, в настоящей статье мы будем различать идиому *не занимать* и конструкции с якорем *не занимать*. Идиома — это устойчивое сочетание слов с некомпозиционным значением. На первый взгляд, термин «конструкция» (его можно определить, например, как «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19]) означает то же, что и термин «идиома». Однако *конструкцию* образуют не только конкретные слова, но и слоты в синтаксической структуре, которые могут занимать те или иные языковые единицы. В классической работе [Goldberg 1995] анализируется «английская дитранзитивная конструкция» (вроде конструкции *Chris faxed her the news*). В этой конструкции каждый слот может быть занят многими словами; А. Е. Гольдберг анализирует закономерности, по которым это происходит.

¹ Согласно СxG, у конструкции есть семантический и синтаксический уровни, неотделимые друг от друга; синтаксис не автономен от семантики.

² Например, *be going to* из коллокации глагола-связки и лексического глагола реанализируется в единый вспомогательный глагол.

Идиомы тоже могут быть частями конструкций: так, в другой классической работе СхG — [Fillmore 1988] — анализируется конструкция *X, let alone Y*. Однако если *идиомой* является только коллокация *let alone*, то конструкцией — коллокация *let alone*, синтаксические единицы, которые она связывает, и семантика и прагматика употребления *X, let alone Y*. Идиомы типа *let alone* в терминологии проекта «Даихроникон» называются *якорем* конструкции.

Необычна траектория изменения конструкций, якорем которых была идиома *не занимать*. Изменения, проанализированные в рамках диахронической грамматики конструкций (как те, которые подпадают под более распространенный термин «грамматикализация», так и те, которые не подпадают под него), чаще всего однонаправленны (таков, например, анализ английского *be going to* в [Bybee, Thompson 1997; Traugott 2015]). Однако история изменения употребления *не занимать* противоречит этой тенденции: как будет показано в статье, примерно до второй половины XX в. постепенно происходил реанализ рассматриваемой идиомы из сочетания отрицательной частицы и инфинитива в неглагольный предикат, чей синтаксис не отличается от большинства других неглагольных предикатов в русском языке. Но примерно в середине XX в. этот процесс останавливается и синтаксис клауз с вершиной *не занимать* сближается с тем, каким он был в конце XVIII — первой половине XIX в. В работе будет подробно разобран механизм данных изменений и причины, которые могли на него повлиять.

Исследование опирается на выборку из Панхронического корпуса НКРЯ; все примеры, для которых не указано иное, взяты из НКРЯ. Сначала был сделан запрос: токен «не» на расстоянии 0 или 1 от токена «занимать», — затем вручную были отобраны примеры, где *не занимать* употреблено в значении большого количества. После отбора в выборке оказалось 304 примера.

Статья состоит из нескольких разделов, каждый из которых посвящен синтаксическим и семантическим свойствам идиомы *не занимать* в определенный период времени, равный примерно пятидесяти годам, и влиянию этих свойств друг на друга. Раздел 2 охватывает период конца XVIII — первой половины XIX в., раздел 3 — вторую половину XIX в., раздел 4 — первую половину XX в., раздел 5 — вторую половину XX в., раздел 6 — XXI в. В разделе 7 подводятся итоги и обсуждаются причины динамики развития идиомы, описанной в предыдущих разделах.

2. *Не занимать* в конце XVIII — первой половине XIX в.

2.1. Модальная инфинитивная конструкция как источник возникновения идиомы

Впервые идиома *не занимать* фиксируется в НКРЯ в конце XVIII в., в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» (см. (1)). Семантика идиомы —

наличие у субъекта какого-либо свойства в большом объеме. Субъект, которым управляет идиома-предикат, стоит в дательном падеже, а объект — в родительном.

- (1) *Не думай того, чтоб он нашел на дуру!.. Мне, слава богу, ума не занимать! Я тотчас пойду...* (Д. И. Фонвизин. Бригадир (1783–1786)).

Более ранние этапы возникновения в корпусе не зафиксированы. Однако более поздние примеры, а также некоторые особенности субкатегоризационных возможностей идиомы *не занимать* позволяют восстановить механизм ее возникновения: она возникает с помощью метафоры; источником этой метафоры служит одно из значений глагола *занимать* — ‘брать займы’ [Ожегов, Шведова 1992]. Во-первых, в корпусе есть небольшое количество контекстов, где виден механизм метафоризации: посессивные отношения между субъектом и объектом *не занимать* уподобляются обладанию большим количеством денег, а деньги — то, что чаще всего берется займы, — прототипический объект глагола *занимать* в таком значении. Маркер обладания большим количеством денег — отсутствие необходимости брать их у других. Один из контекстов, где сохраняется связь с семантикой глагола до идиоматизации, приведен в примере (2), в котором от идиоматического *не занимать* зависит группа *у людей*.

- (2) *Грамоты тебе у людей не занимать, — говорил тесть Евдоким, кутаясь в длинный овчинный тулуп* (Г. М. Марков. Строговы. Кн. 1 (1936–1948)).

Еще одним аргументом, подтверждающим путь идиоматизации, описанный выше, служит тот факт, что в первой половине XIX в. валентность обладаемого могут занимать только неисчисляемые существительные (*mass nouns*). Те существительные, которые встретились в нашей выборке из НКРЯ за этот период, можно разделить на несколько семантических классов:

- физические и ментальные качества человека: ум, здоровье, терпенье, силы;
- жидкости: слезы, хмельное;
- другие вещества: снег, лес (в значении «строительный материал»).

При этом набор типов посессивных отношений, которые называет эта идиома, разнороден. В первой половине XIX в. встречаются следующие типы (классификация взята из [Aikhenvald 2013: 3, 5]):

- 1) свойство (например, *мне ума не занимать*);
- 2) обладание (например, *лесу им не занимать*).

Это показывает, что *не занимать* субкатегоризует именно неисчисляемые имена вне зависимости от того, какой тип посессивных отношений

оно означает. Такую субкатегоризацию можно связать с тем, что источником метафоры при возникновении идиомы тоже стало неисчисляемое имя — деньги — и при результате метафоры валентность обладаемого сохраняет свойство заполняться только неисчисляемым именем. Уже отмечалось, что при возникновении метафорического знания валентность, которая в конструкции-источнике метафоры заполнялась одним из типов неисчисляемых имен, в конструкции-результате метафоры тоже может заполняться только неисчисляемыми именами. Так, в работе [Су-Хен, Рахилина 2009] исследована грамматикализация лексических квантификаторов (*куча дел, капля надежды* и т. д.); здесь показано, что слова, которые в своем прямом значении называют жидкости (*море, капля, река* и т. д.), часто грамматикализуются как квантификаторы при именах, называющих эмоции. И жидкости, и эмоции — неисчисляемые имена.

В первом вхождении в НКРЯ идиома представляет собой конструкцию с модальным инфинитивом несовершенного вида. В русском языке инфинитив может появляться в матричных клаузах, и тогда он передает одно из модальных значений; выбор конкретного значения зависит от вида глагола [Fortuin 2007]. Конструкции с инфинитивом совершенного вида чаще всего передают значение эпистемической модальности, при этом для конструкции характерно сочетание с отрицанием, которое имеет более широкую сферу действия, чем модальный оператор. Конструкции же с инфинитивом несовершенного вида передают значение деонтической модальности, и если в них появляется отрицание, то это отрицание часто имеет более низкую сферу действия, чем модальный оператор. Такую конструкцию см. в следующем примере:

(3) *Нам не вставать рано* [Fortuin 2007: 205].

Значение отсутствия необходимости одалживать у кого-либо денег, которое стало источником для идиомы, — частный случай значения, характерного для модальных инфинитивов несовершенного вида.

После инфинитива *не занимать* часто (в первой половине XIX в. — в 7 из 11 контекстов) употребляется частица *стать*. Эта частица, сейчас устаревшая, употреблялась после отрицательного модального инфинитива и означала уверенность говорящего в пропозиции, названной в инфинитивной клаузе [Ожегов, Шведова 1992]. В примере (4) можно увидеть эту частицу в сочетании с модальным инфинитивом *не привыкать*:

(4) *Оставалось убедить отца, но ведь матушке было не привыкать **стать** к домашним ценам* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)).

Высокая сочетаемость идиомы с этой частицей — еще один признак того, что идиома возникла именно из употреблений коллокации *не занимать* в модальной инфинитивной конструкции.

2.2. Возникновение у идиомы возможности быть вершиной непосессивной предикации

В конце XVIII — первой половине XIX в. модальная инфинитивная конструкция — не единственная, чьей вершиной может быть идиома *не занимать*. Эта идиома получает возможность быть вершиной клаузы, означающей большое количество чего-либо, при том что у этого объекта нет конкретного обладателя, см. такое употребление в следующем примере:

- (5) *Много ли человеку надобно: кусок хлеба для утоления голода — он у меня в котомке; чашка воды для спасения от жажды, но — возьми горсть снега, так и напился, а снегу в Руси видишь сколько — не занимать стать* (...) (Н. А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)).

В первой половине XIX в. обнаружено только два вхождения *не занимать* не в посессивной конструкции (далее мы будем называть ее экзистенциальной). Одно из них приведено в примере (5), а второе — в (6).

- (6) *Ну, этого, милая, и в деревне не занимать стать: все есть: и цветы, и любовь, и излияния, и даже тетка* (И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)).

Эти примеры позволяют предположить, как возникла возможность употребления идиомы в экзистенциальной конструкции. В них дативный аргумент идиомы не выражен, при этом он не просто опущен, а является генерическим. В каком-то месте есть большое количество чего-либо, и потенциальный обладатель этого чего-либо — любой, кто окажется в этом месте.

3. Не занимать во второй половине XIX в.

Ко второй половине XIX в. в нашей выборке относятся 47 примеров. В этом разделе мы рассмотрим, какие изменения происходят в синтаксической и семантической сочетаемости идиомы в обозначенный период.

3.1. Эволюция конструкций, вершиной которых может быть не занимать

Во второй половине XIX в. внешний аргумент конструкции получает возможность маркироваться с помощью предлога *у* (см. одно из первых вхождений такого способа маркирования в примере (7)).

- (7) *Это, разумеется, дает повод к толкам; ну, и знакомых-то у меня, слава богу, не занимать стать — довольно!..* (И. С. Никитин. Письма (1853–1861)).

Посредством этого предлога в русском языке маркируется посессор в предикативной посессивной конструкции. Таким образом, *не занимать* из сочетания частицы и инфинитивной формы глагола, которая приписы-

вает субъекту датив, реанализируется в единый неглагольный предикат. Синтаксис этого предиката — такой же, как и у других предикатов, называющих количество (т. е., например, как у предиката *много*).

Однако говорить о том, что *не занимать* утратило возможность употребляться в той синтаксической рамке, которая была изначально у модальной инфинитивной конструкции, неверно: почти в половине контекстов (а именно в 22 случаях) с идиомой *не занимать*, зафиксированных во второй половине XIX в., ее внешний аргумент стоит в дативе (в п. 3.3. будет показано, почему про такие случаи нельзя сказать, что *не занимать* является вершиной именно модальной инфинитивной конструкции).

Данные о том, сколько раз в клаузах, вершиной которых является *не занимать*, встречается посессор и как он может маркироваться, приведены в Таблице 1.

Таблица 1

Маркирования посессора во второй половине XIX в. в клаузах, вершиной которых является *не занимать*

Есть ли в предикации посессор	Как маркируется посессор	Сколько раз встречается
Нет	Посессора нет	19
Да (человек)	Дательный падеж	22
	Никак (не выражен, но ясен из контекста)	6
	Предлог <i>у</i>	10

3.2. Эволюция внутреннего аргумента *не занимать*

Маркирование внутреннего аргумента *не занимать* во второй половине XIX в. не меняется: как и раньше, он может маркироваться исключительно генитивом. Однако изменяется набор таксономических классов, к которым может принадлежать внутренний аргумент.

Во-первых, снимается существовавшее в первой половине XIX в. ограничение, согласно которому внутренний аргумент *не занимать* мог быть только неисчисляемым. При этом исчисляемые аргументы могут появляться как в посессивной конструкции (см. (8)), так и в экзистенциальной (см. (9)).

- (8) *Это, разумеется, дает повод к толкам; ну, и знакомых-то у меня, слава богу, не занимать статей — довольно!..* (И. С. Никитин. Письма (1853–1861)).
- (9) *⟨...⟩ в случае возникавших сомнений, постоянно указывал на примеры разбогатевших золотопромышленников, которых на Урале не занимать статей* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золотая ночь (1884)).

Если внешний аргумент *не занимать* — посессор, то внутренний аргумент может быть исчисляемым и в случае, если посессор маркируется да-

тивом, и в случае, если он маркируется конструкцией с предлогом *у*. Однако количество контекстов с исчисляемым обладаемым распределено между этими двумя конструкциями неравномерно: если среди контекстов с предлогом *у* исчисляемое обладаемое встречается более чем в половине случаев, то среди контекстов с дативным маркированием посессора исчисляемое обладаемое фиксируется только в одной десятой части контекстов. Точное количество контекстов обоих типов с исчисляемым и неисчисляемым обладаемым см. в Таблице 2.

Таблица 2

**Исчисляемость обладаемого в зависимости от маркирования посессора
во второй половине XIX в.**

Маркирование посессора	Исчисляемость обладаемого	Количество вхождений
Предлог <i>у</i>	Исчисляемые	6
	Неисчисляемые	4
Дательный падеж	Исчисляемые	2
	Неисчисляемые	10

Чтобы понять, откуда возникает этот эффект, необходимо более подробно рассмотреть, к каким таксономическим классам может относиться внутренний аргумент (и в частности — внутренний аргумент в роли обладаемого) идиомы *не занимать*. Список этих таксономических классов в зависимости от конструкции, якорем которой является *не занимать*, представлен в Таблице 3 (жирным выделены те таксономические классы, которые уже встречались в конкретной конструкции в первой половине XIX в.).

Из Таблицы 3 видно, что количество таксономических классов, к которым может принадлежать внутренний аргумент конструкции *не занимать*, расширилось по сравнению с предыдущим периодом. Кроме того, это расширение произошло для всех конструкций, якорем которых *не занимать* могло быть в первой половине XIX в.

Рассмотрим, как внутри посессивной конструкции связаны расширение набора таксономических классов обладаемого и возникновение вариативности маркирования посессора. Для этого обратимся к классификации посессивных отношений, разработанных А. Ю. Айхенвальд [Aikhenvald 2013: 3, 5]. Она выделяет шесть типов посессивных отношений, три из которых являются ядерными, а три — периферийными. Ядерные отношения отличаются от периферийных тем, что в языках мира посессивные конструкции могут передавать периферийные значения только в том случае, если они передают хотя бы одно из ядерных значений. Список этих типов отношений приведен ниже:

Таблица 3

**Таксономические классы внутреннего аргумента *не занимать*
во второй половине XIX в.**

Тип конструкции	Таксономический класс внутреннего аргумента	Исчисляемость имен, входящих в этот класс	Количество вхождений
Экзистенциальная	Вещество (например, лес)	Неисчисляемые	3
	Жидкость (вода)	Неисчисляемые	1
	Навык (ворожба)	Неисчисляемые	1
	Часть тела (зенки, т. е. глаза)	Исчисляемые	1
	Человек (золотопромышленники, больные)	Исчисляемые	2
	Место ³	Исчисляемые	1
Посессивная	Вещество (например, железо)	Неисчисляемые	4
	Время	Неисчисляемые	1
	Деньги	Неисчисляемые	2
	Животное (кони)	Исчисляемые	1
	Жидкость (вода, дождь)	Неисчисляемые	2
	Физическое или психическое качество (например, талант, терпение, энергия)	Неисчисляемые	21
	Место (местности, земли)	Исчисляемые	2
	Фрагмент дискурса (слова, примеры)	Исчисляемые	2
	Человек (знакомые, красавицы, женихи)	Исчисляемые	3

Ядерные отношения:

- 1) собственность;
- 2) отношения часть-целое;
- 3) родственные отношения.

Периферийные отношения:

- общая ассоциация (т. е. связь между обладателем и обладаемым, похожая на собственность или родственные отношения, но более слабая, например *Paul's dentist*),
- ориентация и локализация (например, *top of the mountain*),
- свойство объекта (например, *the man's temperament*).

В Таблице 4 приведены таксономические классы внутреннего аргумента *не занимать* в посессивной конструкции, тип посессивных отношений между этим аргументом и посессором и количество контекстов, где посессор маркирован дательным падежом или конструкцией с предлогом *у*.

³ Если в Таблице 3 нет примера в скобках, это значит, что лексема в контекстах из выборки совпадает с названием таксономического класса.

Таблица 4

**Маркирование посессора в зависимости от таксономического класса
обладаемого и типа посессивных отношений во второй половине XIX в.**

Таксономический класс внутреннего аргумента	Исчисляемость имен, входящих в этот класс	Тип посессивных отношений	Маркирование посессора	
			Дательный падеж	Предлог у
Вещество	Неисчисляемые	Обладание	1	2
Время	Неисчисляемые	Ассоциация	1	0
Деньги	Неисчисляемые	Обладание	1	1
Животное	Исчисляемые	Обладание	0	1
Жидкость	Неисчисляемые	Обладание	0	1
Физическое или психическое качество	Неисчисляемые	Свойство	17	0
Место	Исчисляемые	Ассоциация	1	1
Фрагмент дискурса	Исчисляемые	Ассоциация	1	1
Человек	Исчисляемые	Ассоциация / родственные отношения	0	3

Не занимать может означать четыре типа посессивных отношений: два ядерных — обладание и родственные отношения и два периферийных — ассоциацию и свойство. Кроме того, при обладании и ассоциации посессор может маркироваться с помощью обеих стратегий, но стратегия с предлогом у — более частотная (контекст, где конструкция с якорем *не занимать* означает родственные отношения, встречается только один раз, и в этом случае посессор маркируется конструкцией с предлогом у). В примерах (10) и (11) показаны разные способы маркирования посессора при одинаковом таксономическом классе обладаемого (это класс «деньги»).

- (10) *Материальных средств выдержать стачку у вас не занимать* статья (Народная воля. Социально-революционное обозрение. № 2 // «Народная воля», 1879).
- (11) — *А денег ей не занимать* статья, сказала папочка, — она не съумъетъ и счесть ихъ (Е. В. Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур). Княжна Дубровина (1885)).

Иначе ведут себя контексты, где внутренний аргумент называет свойство внешнего. Во всех контекстах этого типа внутренний аргумент называет физическое или психическое качество человека, а внешний аргумент мо-

жет маркироваться только дательным падежом. В этих контекстах внутренний аргумент всегда неисчисляемый, и именно поэтому в контекстах с дативным внешним аргументом неисчисляемый внутренний аргумент встречается в целом чаще, чем в контекстах, где внешний аргумент маркируется предлогом *у*, см., например:

- (12) *Вкусу-то мне не занимать статья*, — сама портниха (А. Н. Островский. Старый друг лучше новых двух (1860)).

Таксономический класс физических или психических качеств — один из распространенных в первой половине XIX в. Однако для других классов обладаемого, которые были общеупотребительны в этот период — веществ и жидкостей, — тенденции к сохранению дативного маркирования посессора нет.

3.3. Возникновение сочетаемости со связкой

В первой половине XIX в. контекстов, где бы *не занимать* употреблялось с выраженной связкой, нет. Но во второй половине XIX в. такие контексты, например с референцией к прошлому, возникают (первый из них приведен в (13)).

- (13) *Этого таланта иезуитскому воспитаннику было не занимать статья* (Кондратий Биркин (П. П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга третья (1871)).

В [Fleisher 2006] утверждается, что модальные инфинитивы могут сочетаться с выраженной связкой. Однако в этой статье анализируются только инфинитивы совершенного вида (контексты, которые рассматривает Н. Флейшер, приведены в примере (14)).

- (14) *Мне было/будет не сдать экзамен* [Ibid.: 5].

Тем не менее, по данным НКРЯ, сочетание модального инфинитива несовершенного вида с выраженной связкой гораздо уже, чем у модального инфинитива совершенного вида: оно возможно только в ограниченном наборе контекстов⁴. Для второй половины XIX в. он идентичен набору контекстов в XXI в.

Отрицательный модальный инфинитив несовершенного вида может употребляться исключительно в частных вопросах, см., например:

- (15) *Как же ему было не быть министром при Бонапарте?* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862–1866)).

⁴ В НКРЯ мы искали контексты по запросам «было/будет» + инфинитив несовершенного вида на расстоянии друг от друга от 0 до 1 и «было/будет» + не на расстоянии друг от друга от 0 до 1 + инфинитив несовершенного вида. Контексты с модальными инфинитивами были отобраны из них вручную.

Контекстов, где бы отрицательный модальный инфинитив несовершенного вида сочетался с выраженной связкой в декларативных предложениях, в НКРЯ не обнаружено. Кроме того, автору статьи и другим носителям русского языка, опрошенным нами неформально, предложения, приведенные в примерах (16) и (17), представляются неграмматичными.

(16) **Мне было не сдавать экзамен.*

Ожидаемое значение: 'В прошлом я не был/а обязан/а сдавать экзамен'.

(17) **Мне будет не сдавать экзамен.*

Ожидаемое значение: 'В будущем я не буду обязан/а сдавать экзамен'.

Что касается положительно поляризованных контекстов с инфинитивом несовершенного вида, то в них выраженная связка тоже встречается в частных вопросах, см., к примеру:

(18) *Все ее навыки, все ее вкусы были старинные русские. Кому было угождать им, кому было разделять их с нею?* (Ф. Ф. Вигель. Записки (1850–1860)).

Кроме того, выраженная связка встречается в предложениях с отрицательным местоимением-субъектом, см., например:

(19) *Чума разлилась и вскоре опустошила Багдад. Мертвых некому было хоронить* (Е. И. Чириков. Путевой журнал (1849–1852)).

Таким образом, можно заметить, что, по данным НКРЯ, в модальных инфинитивных клаузах несовершенного вида связка может быть выражена, только если:

- 1) это контексты со снятой утвердительностью — т. е. такие, из которых не следует истинность названной в них пропозиции [Падучева 2014: 4];
- 2) в них есть местоимение, референтом которого является множество объектов.

О природе этих ограничений мы не будем говорить в настоящей статье. Однако важно заметить, что в веридикативных контекстах, один из которых приведен в примере (13), в модальной инфинитивной конструкции связка не может быть выражена. Тем не менее в посессивной конструкции связка может быть выражена (см. (20)). Следовательно, возможность употребляться с выраженной связкой — еще одно свойство посессивной конструкции, которое возникает у *не занимать*.

(20) *У Маши было/будет много книг.*

Важно заметить, что два свойства посессивной конструкции — возможность маркирования посессора конструкцией с предлогом *у* и возмож-

ность употребляться с выраженной связкой — не обязательно возникают у предложений с предикатом *не занимать* одновременно. В (13), например, посессор маркирован дативом. Всего в нашей выборке четыре контекста с выраженной связкой, которые относятся ко второй половине XIX в., и из них посессор в трех случаях маркирован дативом и только в одном — конструкцией с предлогом *у*.

Таким образом, неверно говорить, что *не занимать* может быть вершиной как в конструкции с модальным инфинитивом, так и в посессивной конструкции с неглагольным предикатом. Скорее, благодаря контаминации этих двух конструкций *не занимать* становится якорем конструкции, у которой есть некоторые свойства первой и свойства второй. При этом в п. 3.2 показано, что набор данных свойств может зависеть от типа посессивных отношений, которые называет конструкция с якорем *не занимать*.

4. *Не занимать* в первой половине XX в.

В нашей выборке первой половиной XX в. датируются 33 контекста, содержащие идиому *не занимать*.

В этот период *не занимать* является вершиной тех же клауз с той же семантикой, что и во второй половине XIX в. (они рассмотрены в п. 3.1). *Не занимать* является вершиной клауз с посессивной семантикой 27 раз, с экзистенциальной семантикой — 5 раз. Любопытно отметить, что встречается контекст, где отношение свойства возникает не между посессором-человеком и его качеством, а между посессором-нематериальным объектом и его свойством (см. пример (21)). Посессор в этом случае маркируется предлогом *в*, т. е. возникает контаминация между посессивной и экзистенциальной конструкциями.

- (21) <...> *Оокава стал на защиту православного учения и в свою очередь напал на протестантизм, и так как в нем дефектов не занимать* статья, и все сквозят, точно дырявая рубаха, то невзрачную наготу протестантства Павлу Оокава нетрудно было обнаружить <...> (архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1903)).

Внутренний аргумент *не занимать*, как и в предыдущие периоды, может маркироваться только генитивом. Набор таксономических классов, к которым может относиться внутренний аргумент, продолжает быть таким же разнообразным, как во второй половине XIX в. Кроме того, как и во второй половине XIX в., самый распространенный таксономический класс внутреннего аргумента — это качество человека. Полный список таксономических классов приведен в Таблице 5.

Типы посессивных отношений, которые может означать посессивная конструкция с вершиной *не занимать*, остаются теми же, что и во второй

Таблица 5

**Таксономические классы внутреннего аргумента *не занимать*
в первой половине XX в.**

Семантика предикации с вершиной <i>не занимать</i>	Таксономический класс внутреннего аргумента	Количество вхождений
Экзистенциальная	Материальный объект (кабаки, замки)	2
	Свойство (беда, т. е. проблемы, дефекты)	2
	Человек (палачи, невесты)	2
Посессивная	Вещество (соль)	1
	Деньги (средства, капитал)	2
	Животное	1
	Физическое или психическое качество человека (например, силы, здоровье, ум, мужество)	17
	Материальный объект (замки)	1
	Навык (грамотность)	1
	Фрагмент дискурса (попытки создать положительных героев)	1
	Свойство (пакость, зацепки)	2
	Часть тела (волосы)	1

Таблица 6

**Маркирование посессора в зависимости от типа посессивных отношений
в первой половине XX в.**

Тип посессивных отношений	Количество вхождений маркирования посессора конструкцией с предлогом у	Количество вхождений маркирования посессора дательным падежом
Собственность	3	0
Ассоциация	2	1
Свойство	5	10

половине XIX в.: собственность, ассоциация и свойство. В Таблице 6 показано, какие способы маркирования посессора встречаются в предложениях, означающих каждый из этих типов отношений.

Эта таблица показывает, что, в отличие от второй половины XIX в., обе стратегии маркирования посессора возможны в клаузах, где между обладателем и обладаемым отношением свойства, хотя дательный падеж остается более распространенной стратегией. См., например, контексты с разными способами маркирования посессора:

- (22) — *А храбрости да усердия к делу нашему им не занимать стать* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934–1945)).
- (23) *Ведь мужества у него было не занимать стать* {...} (Н. М. Ежов. Алексей Сергеевич Суворин (Мои воспоминания о нем, думы, соображения) (1914)).

Однако в клаузах, передающих отношение собственности, возможно только маркирование посессора конструкцией с предлогом *у* (во второй половине XIX в. в таких клаузах посессор мог маркироваться обоими способами), см., например:

- (24) *Средствъ у васъ, кажется, не занимать стать* (Н. А. Лейкин. Купец пришел! (1903)).

Это может быть связано с тем, что отношение собственности, в отличие от отношений ассоциации и свойства, является ядерным — и поэтому в клаузах, означающих это отношение, посессор маркируется способом, наиболее характерным для маркирования в русском языке в целом.

В первой половине XX в. в клаузах с вершиной *не занимать* продолжает быть возможным употребление выраженной связки. Кроме того, в этот период зафиксировано сочинение *не занимать* с другим посессивным предикатом, см.:

- (25) *Ну, это не один год тянулось, потому у немецкого начальства при царе рука была и своей хитрости не занимать* (П. П. Бажов. Иванко Крылатко (1943)).

Тот факт, что возможно сочинение *не занимать* с другим предикатом, в семантике которого нет компонента деонтической модальности, показывает, что сам предикат *не занимать* утратил модальный компонент своей семантики.

5. *Не занимать* во второй половине XX в.

Ко второй половине XX в. в нашей выборке относятся 103 текста. Если в периоды, которые мы рассматривали ранее, сочетаемость идиомы *не занимать* расширялась, то в этот период возникает тенденция к ее сужению.

Модальная частица *стать*, с которой идиома раньше часто сочеталась, в обозначенный период употребляется редко: в выборке только семь таких контекстов. В Таблице 7 показано, что доля контекстов, где после *не занимать* употребляется *стать*, во второй половине XX в. резко уменьшилась.

В XXI в. частица *стать* фиксируется в нашей выборке только один раз, хотя к этому периоду относится больше контекстов, чем ко второй половине XX в.

Таблица 7

Доля вхождений *не занимать* с частицей *стать* в разные периоды

Период	Первая половина XIX в.	Вторая половина XIX в.	Первая половина XX в.	Вторая половина XX в.
Количество вхождений <i>не занимать</i> с частицей <i>стать</i>	7	36	19	7
Общее количество вхождений <i>не занимать</i>	11	47	33	103
Доля вхождений <i>не занимать</i> с частицей <i>стать</i>	0,64	0,77	0,58	0,07

Во второй половине XX в. *не занимать* утрачивает возможность быть вершиной непосессивной предикации — нам встретилось лишь два таких контекста:

- (26) *Тепла вокруг нас не занимать* *стать* (А. И. Китайгородский, Л. Д. Ландау. Физика для всех. Молекулы (1978)).
- (27) *Это была кинопародия на коммерческие фильмы, которых тогда тоже было не занимать* *стать* на наших экранах (В. Катанян. Прикосновение к идолам (1998)).

В обоих контекстах после *не занимать* употреблена частица *стать*. Это показывает, что и возможность быть вершиной непосессивной предикации, и сочетаемость со *стать* во второй половине XX в. утратились в речи большинства носителей.

В отличие от утраты сочетаемости со *стать*, утрата возможности быть вершиной непосессивной предикации происходила для идиомы *не занимать* постепенно. Таблица 8 демонстрирует, что в каждый из рассматриваемых нами периодов доля вхождений, в которых *не занимать* является вершиной непосессивной предикации, уменьшается.

Таблица 8

Доля непосессивных предикаций среди всех предикаций с вершиной *не занимать* в разные периоды

Период	Первая половина XIX в.	Вторая половина XIX в.	Первая половина XX в.	Вторая половина XX в.
Количество непосессивных предикаций с вершиной <i>не занимать</i>	3	9	5	2
Количество посессивных предикаций с вершиной <i>не занимать</i>	8	38	28	101
Доля непосессивных предикаций с вершиной <i>не занимать</i>	0,27	0,19	0,15	0,02

Еще одно свойство, которое утрачивает идиома *не занимать*, — возможность быть вершиной в посессивных предикациях, где посессор маркируется конструкцией с предлогом *у*. Последний контекст, где встречается такое маркирование посессора, датируется 1977 г.:

- (28) С одной стороны, в этом нет ничего удивительного: **хулиганства у нас не занимать** (А. А. Тарковский. Мартиролог. Дневники 1970–1986 (1977)).

Можно было бы предположить, что утрата маркирования посессора конструкцией с предлогом *у* и утрата возможности быть вершиной непосессивной предикации — составные части единого процесса. Оба этих свойства характерны для стандартных русских неглагольных предикатов. Однако Таблица 9 показывает, что эти процессы не шли параллельно: вплоть до второй половины XX в. доля вхождений, где посессор маркируется предлогом *у*, среди всех посессивных предикаций не уменьшалась, а увеличивалась.

Таблица 9

Доля предикаций, где посессор маркируется предлогом *у*, среди посессивных предикаций в разные периоды

Период	Первая половина XIX в.	Вторая половина XIX в.	Первая половина XX в.	Вторая половина XX в.
Количество предикаций, где посессор маркируется предлогом <i>у</i>	0	10	10	4
Количество посессивных предикаций с вершиной <i>не занимать</i>	8	38	28	101
Доля предикаций, где посессор маркируется предлогом <i>у</i> , среди посессивных предикаций	0	0,26	0,36	0,04

Чтобы понять, с чем связано исчезновение маркирования посессора предлогом *у*, необходимо рассмотреть особенности таксономических классов внутреннего аргумента *не занимать* в данный период. В Таблице 10 представлен набор этих классов.

Из таблицы видно, что качество человека, как и в предыдущие периоды, — самый распространенный таксономический класс. Более того, во второй половине XX в. доля вхождений, где *не занимать* является вершиной клаузы, означающей, что человек обладает каким-либо качеством, — самая высокая среди всех периодов, рассмотренных нами (см. Таблицу 11).

Однако во второй половине XX в. наблюдаются тенденции, которые показывают ощутимую преемственность по отношению к предыдущим периодам. Так, *не занимать* продолжает сочетаться с выраженной связкой.

Таблица 10

**Таксономические классы внутреннего аргумента *не занимать*
во второй половине XX в.**

Тип предикации	Таксономический класс внутреннего аргумента	Количество вхождений	Количество вхождений, где посессор маркируется предлогом у
Непосессивные предикации	Нематериальный объект (фильмы)	1	
	Материальный объект (тепло)	1	
Посессивные предикации	Время (годы)	1	
	Физическое или психическое качество человека (решимость, убежденность, здоровье)	92	3
	Нематериальный объект (лишения, идеи)	3	
	Вещество (азот)	1	
	Фрагмент дискурса (темы, сравнения)	2	1
	Событие (трагедия)	1	
	Человек (актеры)	1	

Таблица 11

Доля посессивных предикаций с вершиной *не занимать*, где обладаемое — качество человека, среди посессивных предикаций в разные периоды

Период	Первая половина XIX в.	Вторая половина XIX в.	Первая половина XX в.	Вторая половина XX в.
Количество посессивных предикаций с вершиной <i>не занимать</i> , где обладаемое — качество человека	6	21	17	92
Количество посессивных предикаций с вершиной <i>не занимать</i>	8	38	28	101
Доля посессивных предикаций с вершиной <i>не занимать</i> , где обладаемое — качество человека, среди посессивных предикаций	0,75	0,55	0,61	0,91

Таблица 12

Доля клауз с выраженной связкой в разные периоды

Период	Первая половина XIX в.	Вторая половина XIX в.	Первая половина XX в.	Вторая половина XX в.
Количество клауз с выраженной связкой	0	4	2	25
Общее количество вхождений	11	47	33	103

Таблица 12 демонстрирует, что такие конструкции в этот период даже более распространены, чем раньше.

Таким образом, *не занимать* продолжает быть единым неглагольным предикатом; в отличие от семантики и способа кодирования посессора, внешний синтаксис идиомы не меняется.

Кроме того, в этот период зафиксирован контекст, в котором внутренний аргумент конструкции кодирован не генитивом, а аккузативом:

- (29) И силой воли, **которую ему не занимать** статью, он воспитал в себе и слух, и чувство ритма, что сразу же проявилось в «Карнавальная ночи» (В. Катанян. Прикосновение к идолам (1998)).

До начала идиоматизации генитив внутреннего аргумента *не занимать* — это генитив отрицания. Е. В. Падучева [2006] показывает, что в отрицательных предложениях генитив объекта означает нереферентный объект, а аккузатив — референтный. Референтный объект, по [Там же], — это такой, для которого верна пресуппозиция существования. Однако данное противопоставление осложняется разницей между старой и новой нормой: согласно старой норме, при отрицании генитив объекта немаркирован (он может означать и нереферентные объекты, и референтные), а аккузатив может означать только референтные объекты. Согласно же новой норме, при отрицании аккузатив немаркирован, а генитив может означать лишь нереферентные объекты.

Когда *не занимать* было вершиной модальной инфинитивной конструкции, внутренний аргумент *не занимать* мог быть исключительно нереферентным, т. к. он называл объект, не существующий в актуальном мире. Аккузатив в примере (21) можно анализировать двояко. С одной стороны, можно считать, что отрицание продолжает лицензировать его, а возможен он потому, что внутренний аргумент *не занимать* является референтным. Отдельно отметим, что это предложение порождено носителем старой языковой нормы (о чем свидетельствует частица *статья*), а в рамках этой нормы аккузатив при отрицании мог означать только референтные объекты. С другой стороны, *не* как часть идиомы *не занимать* могла утратить семантику отрицания и то, какие падежи она лицензирует. В таком случае

генитив внутреннего аргумента *не занимать* — это партитив, и его распространение связано не с особенностями референтности внутреннего аргумента, а с маркированием большого количества обладаемого.

Несмотря на то, что, как мы показали, сочетаемость идиомы *не занимать* во второй половине XX в. в основном сужается, есть параметр, по которому она, наоборот, расширяется — это набор таксономических классов посессора в посессивной конструкции. Во все предыдущие периоды посессором в клаузах с вершиной *не занимать* был лишь человек. Однако в этот период встречаются три контекста, где посессором является неодушевленный объект:

- (30) *Только инертного азота. Благо его комбинату не занимать* (Г. Филановский. Репортаж из города «N» // «Техника — молодежи», 1975).
- (31) *А ничего себе ручки, заgreбистые, внушительные, и чувствительности им, похоже, не занимать!* (В. Володин. Повесть о настоящем человеке // «Волга», 2000).
- (32) *Ее собственное супружество не состоялось, хотя уж пылкости ее тогдашним эмоциям было не занимать* (П. Акимов. Плата за страх (2000)).

Во всех трех случаях у неодушевленного объекта возникла возможность быть посессором благодаря метонимическому переходу: «члены организации — сама организация» в примере (30) и «человек — его часть (часть тела или элемент сознания)» в (31) и (32).

6. Не занимать в XXI в.

В выборке НКРЯ к XXI в. относятся 110 контекстов. В этот период продолжают усиливаться те тенденции, возникновение которых описано в разделе 5.

Все предикации с вершиной *не занимать* — посессивные. Единственный способ маркирования посессора — дательный падеж. Обладаемое практически всегда маркируется генитивом (см., например, (33)), только в одном контексте — аккузативом (см. (34)).

- (33) *А полковнику Федину ни желания, ни умения было не занимать* (Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч» (2001)).
- (34) *Деньги, здоровье и все остальное ему было не занимать, я брал его на протухшие честь и достоинство* (В. Скворцов. Каникулы вне закона (2001)).

Не занимать продолжает сочетаться с выраженной связкой; причем помимо контекстов, в которых связка стоит в прошедшем времени, зафиксирован контекст, где она стоит в будущем времени. Кроме того, *не зани-*

мать практически перестало сочетаться с частицей *стать* — в выборке лишь один такой контекст.

В этот период зафиксированы только три возможных таксономических класса обладаемого (см. Таблицу 13).

Таблица 13

Таксономические классы обладаемого в XXI в.

Таксономический класс обладаемого	Количество вхождений
Физическое или психическое качество человека (например, фантазия, терпение)	107
Свойство неодушевленного объекта (зрелищность, упорядоченность)	2
Человек (юрист)	1

Качество человека продолжает быть наиболее распространенным таксономическим классом, его доля в выборке (0,97) — самая высокая для всех периодов.

Практически всегда в предикациях с вершиной *не занимать* обладаемое является свойством обладателя. Единственное исключение — контекст, приведенный в примере (35), в котором между обладаемым и обладателем существует отношение часть — целое:

- (35) *Коммунистической партии не занимать опытных юристов в своих рядах* <...> (Е. И. Уриновский. Мерзкие игры (2003) // «Советская Россия», 01.09.2003).

Как и во второй половине XX в., в XXI в. человек — самый распространенный, но не единственный таксономический класс посессора. Список всех таксономических классов посессора приведен в Таблице 14.

Таблица 14

Таксономические классы посессора в XXI в.

Таксономический класс посессора	Количество вхождений
Человек	107
Нематериальный объект	1
Организация	1
Событие	1

Интересно, что в этот период зафиксирован контекст (см. пример (36)), где посессором является не просто неодушевленный объект, но объект, для которого возможность быть посессором в предикации с вершиной *не занимать* не может быть объяснена с помощью метонимического перехода, источником которого был бы человек.

- (36) Например, порождать **фракталы** — особые симметричные структуры, которым как раз **внутренней упорядоченности не занимать** (Б. Козловский, А. Торгашев. Теорема светофора // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января — 7 февраля 2008).

Таким образом, если набор отношений между посессором и обладаемым в XXI в. оказывается практически сведен к отношению свойства, то набор таксономических классов того, что может обладать этим свойством, начинает постепенно расширяться от человека к любому объекту.

7. Заключение

Развитие идиомы *не занимать*, описанное в разделах 2–6, можно разделить на три основных этапа:

- На первом из этих этапов, в который входят самые ранние зафиксированные контексты, идиома возникает в рамках употребления глагола *занимать* в модальной инфинитивной конструкции.
- На втором этапе, охватывающем период примерно второй половины XIX — первой половины XX в., *не занимать* реанализируется как единый неглагольный предикат и получает набор свойств, характерный для таких предикатов в русском языке.
- На третьем этапе, который начался примерно во второй половине XX в. и продолжается до сих пор, у идиомы *не занимать* формируются синтаксические и семантические ограничения, наследующие особенностям предыдущих периодов.

Ключевые свойства конструкций, в которых могла употребляться идиома *не занимать* и которые мы рассматривали в разделах 2–6, представлены в Таблице 15.

Таблица 15

Свойства клауз с вершиной *не занимать* в разные периоды

Свойство	Клаузы с вершиной <i>не занимать</i> в начале возникновения идиомы	Клаузы с вершиной <i>не занимать</i> во второй половине XIX — первой половине XX в.	Клаузы с вершиной <i>не занимать</i> со второй половины XX в.
Обязательность посессора с точки зрения семантики	–	–	+
Маркирование посессора	датив	датив и предлог у	датив
Семантика обладаемого	неисчисляемые объекты	нет ограничений	качества и свойства
Сочетаемость с выраженной связкой	–	+	+

Заметим, что свойства клауз с вершиной *не занимать* можно разделить на три типа:

- 1) наследующие модальной инфинитивной конструкции, источнику возникновения идиомы — маркирование посессора дативом;
- 2) наследующие конструкции с вершиной-неглагольным предикатом, потенциальной цели реанализа идиомы — сочетаемость со связкой в веридикативных контекстах;
- 3) характерные исключительно для клауз с идиомой *не занимать*, не наследующие ничему, — обязательность посессора с точки зрения семантики, возможность только для качеств людей и — реже — свойств объектов быть внутренним аргументом идиомы.

Таким образом, можно сказать, что *не занимать* является якорем конструкции, синтаксис и семантика которой не идентичны никакой другой конструкции русского языка. Следовательно, для современного состояния русского языка целесообразно выделить отдельную конструкцию; ее синтаксис: «X-Dat не занимать Y-Gen», ее семантика: «X обладает большим количеством Y; Y — качество или свойство X».

Свойства клауз с вершиной *не занимать*, наследующие другим конструкциям, относятся к ее синтаксису, а не наследующие ничему — к ее семантике. Это показывает, что именно сужение семантики — от существования в большом количестве до обладания в большом количестве качеством или свойством — стало триггером для закрепления особого синтаксиса конструкции с якорем *не занимать*. Такой механизм возникновения конструкции не противоречит модели диахронических изменений, представленной в [Gildea, Barðdal 2023] и приведенной в разделе 1, но показывает нетривиальные механизмы работы этой модели. При цепочке диахронических изменений, запущенных новыми семантическими свойствами, конструкция может не только обретать новые синтаксические свойства, но и закреплять «старые», которые были характерны для нее на этапах развития, предшествующих актуальному этапу не непосредственно.

У идиомы *не занимать* был ожидаемый «путь» реанализа — из коллокации частицы и глагола в единый неглагольный предикат. Однако идиома «свернула» с этого «пути»: ее семантика сузилась, благодаря чему синтаксис конструкции, в которую она входит, не полностью совпадает с синтаксисом большинства неглагольных предикатов в русском.

Словари и источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. ruscorpora.ru.

Ожегов, Шведова 1992 — С. И. О ж е г о в, Н. Ю. Ш в е д о в а. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Литература

Падучева 2006 — Е. В. Падучева. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21–43.

Падучева 2014 — Е. В. Падучева. Снятая утвердительность и неверидикативность. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 1–14.

Рахилина, Кузнецова 2010 — Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.

Су-Хен, Рахилина 2009 — Ли Су-Хен, Е. В. Рахилина. Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 13–40.

Aikhenvald 2013 — A. Y. Aikhenvald. Possession and ownership: A cross-linguistic perspective // Possession and ownership: A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1–64.

Barðdal et al. 2015 — J. Barðdal, E. Smirnova, L. Sommerer, S. Gildea (eds.). Diachronic Construction Grammar. Amsterdam: John Benjamins, 2015.

Bybee, Thompson 1997 — J. Bybee, S. Thompson. Three frequency effects in syntax // Berkeley Linguistics Society 23. Linguistic Society of America, 1997. P. 378–388.

Fillmore 1988 — Ch. J. Fillmore. The mechanisms of ‘Construction Grammar’ // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society 14. 1988. P. 35–55.

Fortuin 2007 — E. Fortuin. Modality and aspect: Interaction of constructional meaning and aspectual meaning in the dative-infinitive construction in Russian // Russian Linguistics. 2007. № 31 (3). P. 201–230.

Fleisher 2006 — N. Fleisher. Russian dative subjects, case, and control. Unpublished manuscript. UC Berkeley, 2006.

Gildea, Barðdal 2023 — S. Gildea, J. Barðdal. From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm // Studies in Language. 2023. № 47 (4). P. 743–788.

Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. University of Chicago Press, 1995.

Harris, Campbell 1995 — A. C. Harris, L. Campbell. Historical syntax in cross-linguistic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Hilpert 2013 — M. Hilpert. Constructional change in English: Developments in allomorphy, word formation and syntax. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Sommerer, Smirnova 2020 — L. Sommerer, E. Smirnova (eds.). Nodes and networks in Diachronic Construction Grammar. Amsterdam: John Benjamins, 2020.

Traugott 2015 — E. C. Traugott. Toward a coherent account of grammatical constructionalization // Diachronic Construction Grammar / J. Barðdal, E. Smirnova, L. Sommerer, S. Gildea (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 51–79.

Статья получена 25.03.2024

Lubov' A. Barkova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
lovechan@yandex.ru

**THE HISTORY OF THE IDIOM “NE ZANIMAT’”:
REANALYSIS THAT HAS STRAYED OFF THE PATH**

The article investigates the history of the idiom *ne zanimat'* in the context of the Diachronic Construction Grammar. The starting point for the emergence of this idiom was the negative infinitive with the meaning ‘not to borrow’ that was the head of a matrix modal clause. That is why the idiom itself, in its earliest occurrences, was the head of the clauses whose syntax was identical with the syntax of modal infinitive clauses. Next began the reanalysis of the idiom *ne zanimat'* into a single predicate, which brought about changes in the syntax of clauses headed by it. However, approximately in the middle of the 20th century subject marking in the clauses with *ne zanimat'* as a head “freezes” in the Dative case, which is the standard means of subject marking in modal infinitive clauses. The article shows which features of the semantic evolution of the idiom caused this effect, and why it is unusual from the viewpoint of the Diachronic Construction Grammar.

Keywords: Diachronic Construction Grammar, idioms, modal infinitive, nonverbal predicates, predicates of quantity, Russian language.

References

- Aikhenvald, A. Y. (2013). Possession and ownership: A cross-linguistic perspective. In A. Y. Aikhenvald, & R. M. W. Dixon (Eds.), *Possession and ownership: A cross-linguistic typology* (pp. 1–64). Oxford: Oxford University Press.
- Barðdal, J., Smirnova, E., Sommerer, L., & Gildea, S. (Eds.). (2015). *Diachronic Construction Grammar*. Amsterdam: John Benjamins.
- Bybee, J., & Thompson, S. (1997). Three frequency effects in syntax. *Berkeley Linguistics Society*, 23, 378–388.
- Fillmore, Ch. J. (1988). The mechanisms of ‘Construction Grammar’. *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 14, 35–55.
- Fortuin, E. (2007). Modality and aspect: Interaction of constructional meaning and aspectual meaning in the dative-infinitive construction in Russian. *Russian Linguistics*, 31(3), 201–230.
- Gildea, S., & Barðdal, J. (2023). From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm. *Studies in Language*, 47(4), 743–788.
- Goldberg, A. E. (1995). *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. University of Chicago Press.
- Harris, A. C., & Campbell, L. (1995). *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hilpert, M. (2013). *Constructional change in English: Developments in allomorphy, word formation and syntax*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Li Su-Hen, & Rakhilina, E. V. (2009). Semantika leksicheskoi mnozhestvennosti v russkom iazyke. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 13–40.

Paducheva, E. V. (2006). Genitiv dopolneniia v otritsatel'nom predlozhenii. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 21–43.

Paducheva, E. V. (2014). Sniataia utverditel'nost' i neveridikativnost'. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (pp. 1–14). Moscow: Izd-vo RGGU.

Rakhilina, E. V., & Kuznetsova, Yu. L. (2010). Grammatika konstruksii: teoriia, stonniki, blizkie idei. In E. V. Rakhilina (Ed.), *Lingvistika konstruksii* (pp. 18–79). Moscow: Azbukovnik.

Sommerer, L., & Smirnova, E. (Eds.). (2020). *Nodes and networks in Diachronic Construction Grammar*. Amsterdam: John Benjamins.

Traugott, E. C. (2015). Toward a coherent account of grammatical constructionalization. In J. Barðdal, E. Smirnova, L. Sommerer, & S. Gildea (Eds.), *Diachronic Construction Grammar* (pp. 51–79). Amsterdam: John Benjamins.

Received on March 25, 2024

Д. С. ХАРЛАМОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
dasha.kh18@gmail.com

ИЗУЧИТЬ *ОТ КОРКИ ДО КОРКИ*: ИСТОРИЯ ОДНОГО ИНТЕНСИФИКАТОРА*

В статье исследуется история возникновения и эволюции идиомы *от корки до корки*. Мы использовали словарные данные и материалы НКРЯ и Google Books, чтобы установить примерное время появления данного выражения, а также предложить возможные объяснения его происхождения. Развитие конструкции *от корки до корки* связано с расширением ее сочетаемости: на этом пути можно выделить несколько этапов, которые отражают постепенное смещение выражения в сторону интенсификатора абстрактной семантики и позволяют сравнивать его эволюцию с историей близких конструкций — в частности, идиомы *от доски до доски*. Согласно нашему предположению, *от корки до корки* и *от доски до доски* могут быть частью более широкого кластера конструкций вида *от X до Y* — их подробное исследование позволит выявить более общие свойства, касающиеся семантики и диахронического развития неоднословных лексических единиц.

Ключевые слова: русский язык, диахрония, устойчивые выражения, Грамматика конструкций, сочетаемость, глагольный модификатор.

Введение

К числу наиболее влиятельных современных теорий в рамках функционального подхода к языку относится парадигма Грамматики конструкций. Изначально предложенная Ч. Филлмором и определенная в [Fillmore 1988; Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995], она получила развитие во множестве работ и сборников: например, [Gries 2008; Рахилина 2010; Haspelmath 2023] и т. д. В частности, заложенная в этой теории идея конструкции как основной единицы языка воплотилась в ряде проектов, посвященных со-

* Статья подготовлена по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций «Diachronicon» при поддержке Фонда академического развития факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 гг.

Автор статьи выражает огромную благодарность Т. И. Резниковой за помощь в работе над текстом и крайне ценные комментарии. Также автор благодарит анонимных рецензентов за их содержательные замечания и идеи, которые позволили существенно улучшить рукопись.

ставлению конструкторов конкретных языков — баз данных, содержащих сведения о синтаксических и семантических свойствах отдельных конструкций. Одним из наиболее объемных ресурсов такого рода является «Русский конструктор» [Orlov et al. 2023].

Вместе с тем в последние годы в лингвистике в целом прослеживается тенденция к объяснению различных явлений диахроническими процессами. Среди прочего в историческом ракурсе рассматриваются и неоднословные лексические выражения (см. [Даниэль, Добрушина 2016; Рахилина, Рыжова 2019]). Основная идея такого подхода заключается в том, что диахроническое развитие конструкции во многом определяет ее синхронное положение в языковой системе. Кроме того, располагая данными о пути эволюции того или иного выражения, мы можем как предсказывать его дальнейшую судьбу, так и строить правдоподобные гипотезы относительно «белых пятен» в истории развития других конструкций. Так, обширной коллекцией данных о диахронических изменениях конструкций русского языка призвана стать база «Диахроникон», создаваемая в настоящее время на факультете гуманитарных наук НИУ ВШЭ [Буденная и др. 2023].

Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, выполнено в рамках проекта «Диахроникон» и посвящено истории развития конструкции *от корки до корки* (и близко связанной с ней синонимичной конструкции *от доски до доски*) на материале Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и Google Books. Работа построена следующим образом: в разделе 1 мы опишем основные морфосинтаксические свойства выражения *от корки до корки* в его синхронном состоянии, а также проанализируем данные, содержащиеся в исторических и толковых словарях разного времени. Раздел 2 будет посвящен первым корпусным свидетельствам функционирования данного выражения, а также его компонента *корка* в том значении, которое реализуется в составе идиомы. В разделе 3 мы обсудим возможные причины появления этого значения у существительного *корка*. В разделе 4 мы проследим, как изменялась сочетаемость конструкции *от корки до корки* по данным НКРЯ и тем самым выделим несколько этапов в ее развитии. В разделе 5 речь пойдет о связи выражения *от корки до корки* с более общей конструкцией вида *от X до Y*. Наконец, в разделе 6 мы сформулируем основные итоги работы.

1. Выражение *от корки до корки* и его словарное описание

От корки до корки — устойчивое выражение, которое зафиксировано в ряде современных фразеологических словарей. Согласно [Баранов, Добровольский 2009: 236–237], оно имеет два значения: «Внимательно и целиком (без исключений) (прочитать какой-л. текст, осмысляемый как нечто вроде книги в твердом переплете, прочитанной от начала до конца)»; «Целиком и подряд (заполнить текстом тетрадь, блокнот, записную книжку и т. п.),

осмысляемые как нечто вроде книги в твердом переплете, заполненной от начала до конца». [Молотков 1968: 206] и [Фёдоров 2008] фиксируют у конструкции значение «от начала до конца, ничего не пропуская (прочитать, выучить и т. п.)». [Телия 1995: 196; Мокиенко, Никитина 2007: 315] дают очень близкие к приведенным выше определения. В современном русском языке *от корки до корки* чаще всего является адъюнктом и присоединяется в основном¹ к финитным формам глагола прошедшего времени, ср. характерный пример:

- (1) *Мне подарила толстого-претолстого Пушкина и Гайдара, тоже объёмного, которых я и прочитал от корки до корки не один раз* (О. Афанасьев. Монологи 77-летнего // «Ковчег», 2014)².

Однако ограничений на сочетаемость с глагольными формами у выражения *от корки до корки* нет: оно может модифицировать финитные глаголы настоящего и будущего времени, а также нефинитные формы — инфинитивы, причастные и деепричастные обороты и т. д. Вместе с тем отмеченное нами преобладание контекстов с глаголами прошедшего времени явно не случайно: как кажется, оно имеет семантическое объяснение — к этому вопросу мы вернемся в разделе 4.

Прежде чем перейти к описанию выражения на основе доступных корпусных источников, проследим его историю в словарях. При этом мы будем обращать внимание на лексикографические данные, касающиеся не только самого исследуемого выражения, но и синонимичной конструкции *от доски до доски*, которая будет интересна нам в качестве исторического фона для нашего выражения. Ср. толкование *от доски до доски* в словаре [Фёдоров 2008], почти совпадающее с толкованием *от корки до корки*, которое мы приводили выше: «Полностью; с самого начала до конца, ничего не пропуская (прочитать, выучить)». Кроме того, нас будут интересовать существительные *корка* и *доска* в тех значениях, которые сближаются с идеей обложки, т. е. с той семантикой, которую *корка* и *доска* должны были исходно выражать в составе рассматриваемых конструкций.

Судя по данным исторических словарей, у лексемы *доска* значение, так или иначе связанное с письмом, появляется раньше, чем у существительного *корка* (интересно, что и выражение *от доски до доски*, как мы увидим дальше, фиксируется в словарях чуть раньше, чем его аналог со словом *корка*). Так, в словарях древнерусского языка для слова *дѣска* среди прочих отмечаются следующие значения: «надпись», «письмена, писание», «письменный акт» [Срезневский 1893: 762]; «доска с изображением» [Ава-

¹ Согласно выборке из НКРЯ (дата обращения здесь и далее — январь 2024 г.), 101 из 141 найденного контекста (71 %) характеризуется сочетанием с финитной формой глагола; 71 контекст из 141 (50 %) иллюстрирует употребление *от корки до корки* с финитной формой прошедшего времени.

² Здесь и далее, если не указано иное, источником примеров выступает НКРЯ.

несов 1990: 126], ср. также толкование «дощечка для записей» для диминутивных дериватов *дъщица*, *дъщйка* в [Там же: 126].

Статья для слова *дъска* в [Бархударов, Богатова 1977] примечательна для нас в нескольких отношениях. Во-первых, здесь впервые фиксируется собственно то значение, которое *доска* реализует в конструкции *от доски до доски* при ее композициональном прочтении, — «деревянная крышка книжного переплета» [Там же: 329]; это значение в словаре иллюстрируется примером, датированным 1660 г. Во-вторых, в этой словарной статье отмечается устойчивое выражение, совпадающее с первой частью современного *от доски до доски*: *от дъски* — «от начала». Обратим внимание, что в приведенном авторами примере сочетание *от доски* употреблено с глаголом ‘читать’, характерным и для его расширенного современного аналога: «Начни чести книгу сию от доски, и тако по ряду доидеши до начяла Рускыя земля» [Там же].

Если слово *доска*, как мы видели, уже в древних памятниках начинает описывать реалии, связанные с письмом и книгой, то существительное *корка* (а также его вариант без диминутивного суффикса *кора*) в этот период такого значения, по-видимому, не имеет — по крайней мере в вышеупомянутых словарях, а также в старославянских источниках [Kurz 1958; Цейтлин и др. 1994] оно не фиксируется.

О следующих по хронологии периодах развития языка мы судим уже не по современным историческим словарям, а по ресурсам, создававшимся непосредственно в ту эпоху, язык которой они описывают. Правда, нужно иметь в виду, что словари этого времени не всегда полностью отражают реально используемый язык. Показательно, например, что в [Дашкова 1792: 660] в словарной статье для существительного *книга* упоминается слово *переплетъ* как обозначение ее обложки, но при этом отдельной словарной статьи для *переплета* не приводится, так что у нас нет более детальных сведений о том, какая экстралингвистическая реалья стояла за данным словом в то время.

[Срезневский 1986] (первое издание: 1847 г.) приводит словарные статьи для всех интересующих нас лексем. Однако описание слов *доска* и *корка/кора* не содержит никаких указаний на книги или их части, не упоминается здесь и выражение *отъ доски*. В словарной статье существительного *переплетъ* отмечается значение «оболочка книги», но опять же не содержится никаких подробностей, касающихся ее материала и внутренней структуры.

Особый интерес в силу своего лексического разнообразия представляет для нас словарь В. И. Даля [1905] (первое издание: 1865 г.): в нем, как известно, собраны как литературные, так и региональные и просторечные лексемы. Для нашего анализа существенно, в частности, что здесь впервые фиксируется конструкция *от доски до доски* в том виде и с тем значением, которые известны нам сегодня: «Прочитать отъ доски до доски (переплеть книгу встарь былъ дощаной)» [Там же: 408–409]. Ремарка в скобках говорит нам о том, что именно дощаные переплеты на момент составления словаря уже ушли в прошлое. Тем не менее собственно слово *переплетъ*

в интересующем нас значении толкуется следующим образом: «Обложка книги, из бумажных досок, оклеенных чем-либо; разумеют и всю отделку книги». Иными словами, хотя сами доски для оборачивания книг в ту пору уже не использовались, материал для твердых переплетов, по-видимому, всё еще назывался «досками».

Следующий по времени словарь, из которого мы можем извлечь данные о рассматриваемых конструкциях, — это словарь Д. Н. Ушакова [1935]. Следует, однако, заметить, что тем самым достаточно длительный промежуток в истории конструкций после словаря В. И. Даля оказывается не охваченным лексикографическими источниками: в период с конца XIX по середину XX в. новые толковые словари большого объема не издавались. В словаре Д. Н. Ушакова, во-первых, засвидетельствована конструкция *от доски до доски* с уже выделенным ранее значением «от начала до конца» и пометой «разг.», во-вторых, здесь впервые встречается искомое выражение *от корки до корки* с пометой «простореч.». В качестве его толкования приводится сочетание *от доски до доски* — это говорит о том, что две идиомы к этому времени уже осмыслились как полные синонимы. Интересно также заметить, что в словаре Д. Н. Ушакова мы впервые видим выделение «обложки» как одного из значений самого слова *корка*: «картонная обложка книги, крышка переплета (устар. спец.)». Получается, что при первой кодификации значение «крышка переплета» у слова *корка* уже помечено как устаревшее. Если исходить из того, что отсутствие этого значения в словаре В. И. Даля, известном своей подробностью, действительно свидетельствует о его отсутствии у слова на момент составления словаря, то семантика обложки должна была появиться у *корки* не раньше середины XIX в. Вместе с тем, по данным словаря Д. Н. Ушакова, к 40-м гг. XX в. это значение уже устаревает, т. е. пик его употребления, по-видимому, пришелся на последнюю четверть XIX — первую четверть XX в. И хотя, как мы увидим в следующем разделе, корпус недостаточно репрезентативен в отношении этого значения, тот факт, что им мотивирована композициональная семантика идиомы *от корки до корки*, а также то, что значение обложки было так или иначе унаследовано диминутивным дериватом слова *корка* — существительным *корочка* (отдельно заметим, что впервые современная семантика — «твердая обложка документа, а впоследствии и сам документ в такой обложке» — как одно из значений *корочки* отмечается как раз в словаре [Ушаков 1935]), — всё это свидетельствует об употребимости значения «крышка переплета» для слова *корка* в русском на определенном этапе развития его лексической системы.

2. Первые корпусные вхождения

В этом разделе мы попытаемся восстановить самые ранние этапы в истории исследуемого выражения, опираясь на материалы НКРЯ.

Для сбора данных НКРЯ мы воспользовались поиском по лемме *корка* в Панхроническом корпусе. Далее из выдачи был вручную отобран подкорпус, который содержал вхождения лексемы в интересующем нас значении. Из этой же выдачи также вручную был составлен подкорпус контекстов, включающих устойчивое выражение *от корки до корки*. Кроме того, отдельный подкорпус был собран на основе выдачи Панхронического корпуса НКРЯ для лексемы *корочка* в значении ‘обложка, документ, обернутый в плотную обложку’.

Размер подкорпусов составил 45 вхождений для слова *корка* вне устойчивого выражения, 142 вхождения для сочетания *от корки до корки*, 205 вхождений для существительного *корочка*. Отметим, что слово *корочка* в нашем подкорпусе гораздо чаще употребляется в значении ‘обложка документа’, чем в значении ‘обложка книги или тетради’.

Самые ранние употребления слова *корка* в подкорпусе согласуются с нашей гипотезой о времени появления этого слова в значении ‘обложка’, выдвинутой на основе лексикографических данных. Действительно, рассмотрим по два хронологически первых контекста для каждого из трех подкорпусов: примеры (2), (3) представляют самые ранние употребления слова *корка* в рассматриваемом значении, примеры (4), (5) иллюстрируют первые вхождения выражения *от корки до корки*, примеры (6), (8) отражают самые ранние случаи использования слова *корочка* для указания на обложку чего-л. Пример (7) необычен тем, что в составе идиоматической конструкции здесь задействовано не слово *корка*, а диминутив *корочка*.

- (2) *Карс. 1 января 1878 г. Сейчас только отправил или, лучше сказать, отдал Розанову письмо для тебя, моя бесценная детка. В ящичке наверху лежит альбом, а в альбоме под **коркой** письмо тебе* (Н. И. Сперанский. Письма Н. И. Сперанского (1878)).
- (3) *⟨...⟩ я оборвал с своих тетрадей **корки** переплета* (Н. А. Морозов. Введение к рассказу «В начале жизни» (1906)).
- (4) *⟨...⟩ не только сам ежедневно прочитывал **от корки до корки** «Times», но и ⟨...⟩* (Э. К. Ватсон. Артур Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность (1891)).
- (5) *почитайте комментарии к ней «**от корки до корки**» всей пресс* (Н. Н. Суханов. Записки о революции. Книга 5 (1918–1921)).
- (6) *Только два больших тома «Histoire des voyages», в красных переплетах, чинно упирались в стену; а потом и пошли, длинные, толстые, большие и маленькие книги, — **корочки** без книг и книги без **корочек**; ⟨...⟩* (Л. Н. Толстой. Детство (1852)).
- (7) *Отец читал старые журналы сплошь **от корочки до корочки**, а мама читала только романы* (В. В. Брусянин. Кладбищенские люди (1915)).
- (8) *Девушка вынула блокнот в кожаной **корочке** и солидно спросила ⟨...⟩* (А. С. Бухов. Рассказ для клуба (1936)).

Как мы видим, первые случаи употребления слов *корка* и *корочка* в нужном значении относятся как раз к тому времени, когда мы их ожидали увидеть исходя из словарных данных — ко второй половине XIX — началу XX в. При этом обращает на себя внимание довольно низкая частотность появления интересующих нас примеров в НКРЯ: так, временной промежуток между самым первым и вторым употреблениями слова *корка* вне контекста идиомы составляет 28 лет, для *корочки* этот интервал и вообще 84 года. Иными словами, рассматриваемая лексика крайне редко попадает в письменные тексты. Возможно, это объясняется ее просторечным характером (напомним, просторечность приписывается конструкции *от корки до корки* в словаре Д. Н. Ушакова). Дополнительным аргументом в пользу стилистической маркированности выражения и его именного компонента могут служить и особенности текстов в (2)–(8) — большинство из них в том или ином отношении отклоняются от нейтральной письменной речи: (2) представляет собой личное письмо, (3) содержит не вполне чистый пример, поскольку в контексте речь идет об освобождении героя из заключения (см. развернутую версию в (14)), так что сочетание *оборвал корки переплета* может подразумевать скрытую метафору (ср. *сбросить цепи рабства*), (6) и (7) предполагают стилизованную детскую речь, (8) — это юмористическая миниатюра.

Необычно также, что появление в корпусе *корок/корочек* в значении ‘обложка’ совсем немного опередило первую фиксацию конструкции *от корки до корки*: временной интервал между этими контекстами составил лишь 13 лет. Если исходить из того, что обычно этот временной интервал бывает более продолжительным, то можно предложить два варианта развития системы — в зависимости от того, как мы трактуем пример (4). Если мы интерпретируем его как идиому, то более вероятно, что значение ‘обложка’ всё же появилось у слова *корка* несколько раньше — скорее всего, еще до составления словаря В. И. Даля — не попав в него в силу отмеченной нами выше ограниченности словарных источников. С другой стороны, «пограничность» этого примера допускает и неидиоматичное прочтение — в таком случае первым вхождением самой идиомы в корпус будет пример (5), что даст нам интервал в 40 лет между первой фиксацией слова *корка* и появлением идиомы — такой интервал более правдоподобен с точки зрения как наблюдаемых корпусных данных, так и проанализированных нами выше словарных описаний данного слова.

3. Корка как «обложка»: возможные источники

Попробуем ответить на вопрос о том, какая логика может стоять за появлением у слова *корка* значения ‘обложка’.

Естественно предположить, что это значение сформировалось за счет метафорического сдвига. Действительно, диминутивы часто закрепляются

за объектами, сходными по функции с теми, которые обозначаются производящей основой, ср. *нога* → *ножка* (стула), *крыша* → *крышка* (кастрюли), *пила* → *пилка* (для ногтей), см. [Спиридонова 1999]. В нашем случае *корка* служит для книги таким же внешним защитным слоем, как *кора* для дерева, т. е. значение ‘обложка’ мотивировано метафорой, основанной на сходстве по функции.

В то же время возможно, что семантика слова *корка* не сводится только к идее твердой обложки или переплета: это существительное со своих первых употреблений в НКРЯ выступает преимущественно в контекстах, где речь идет не о книгах, а о других бумажных изделиях — блокнотах, тетрадях³, альбомах, т. е. о предметах, которые прототипически — по крайней мере в современном представлении — имеют не твердый, а гибкий переплет, ср. примеры (2), (3), (5), (6), (8)⁴, а также контексты (9)–(13):

- (9) ⟨...⟩ *большую записную книжку в клеенчатых корках* (А. А. Богданов. Смерти нет (1908)).
- (10) *Черная книжечка моя кончилась, но осталась еще корка, — в конце и в начале. Буду продолжать, как можно мельче на корке* (З. Н. Гиппиус. Дневники (1914–1928)).
- (11) *Достать бы нам эту тетрадку и были бы мы с тобою, Сергеевич, первые люди по здешнему прииску!.. Была она в красной сафьяновой корке* (М. А. Кравков. Зашифрованный план (1923)).
- (12) *Перед ним на столе лежали мои, таинственно исчезнувшие из матраца на 6-м лагпункте тетради. Все! Я узнала их потрепанные серые корочки* (Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936–1979)).
- (13) *Шигаев отпер, впустил Хлопушу, принял от него тетрадь в синей корочке, поблагодарил его* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1–2 (1939–1945)).

На основе этих примеров можно было бы предположить, что слово *корки* описывало не любые обложки, а только гибкие, т. е. мягкий переплет.

³ Отметим, что у слова *тетрадь* были также и другие значения, в рамках которых можно поставить под сомнение наличие у тетрадей скорее гибкой и мягкой обложки, ср.: *Сего Свода составлено на первые две части Гражданского Уложения 15 частей, или тетрадей: это суть отчасти выписки, а отчасти перепечатанные указы, между коими вся связь состоит только в одном общем их заглавии* (М. М. Сперанский. Обзорение исторических сведений о Своде законов (1833)). Тем не менее, согласно поверхностному анализу словарных и корпусных источников, в рассматриваемый нами период (конец XIX — XXI вв.) такие значения уже практически не встречались.

⁴ Предложения (4) и (7) не включаются в этот список из-за того, что это устойчивые выражения, не позволяющие нам точно судить об объекте, который они описывают. Интересно, однако, что в данных предложениях устойчивое выражение тоже соотносится с объектами, близкими к тем, с которыми сочетаются *корка* и *корочка*.

Однако эту гипотезу едва ли можно считать достаточно убедительной. Во-первых, примеры употребления слова *корка* в НКРЯ слишком малочисленны, чтобы служить надежным аргументом в пользу той или иной конкретной семантики. К тому же, если считать, что слово *корка* было просторечным и функционировало в устной речи и до своего появления в письменных текстах, то корпусные примеры тем более не исчерпывают всего многообразия допустимых контекстов употребления рассматриваемой лексемы.

Во-вторых, нельзя с уверенностью утверждать, что у предметов, с которыми сочеталось слово *корка*, действительно была мягкая обложка, как у соответствующих современных объектов. Иногда из расширенного контекста становится понятно, что речь идет об объекте другого типа, чем можно было бы предположить исходя из современных представлений о нем. Так, в примере (3), пусть речь, на первый взгляд, идет о *тетради*, под денотатом слова *корка* скрывается жесткая обложка из плотного картона, ср. (14). Более того, в корпусе Google Books находим сочетание *корка книги* («Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание» (1864)). Книги выступают и в контексте выражения *от корки до корки*, см. (15) — обратим внимание, что здесь особо отмечено, что речь идет о толстых томах с кожаными переплетами.

- (14) *⟨...⟩ Взяв черновики моей рукописи, я пошел в переплетную камеру и смазал все их листы жидким раствором желатина. Затем я сложил их четырьмя пачками и крепко зажал под прессом. Вся рукопись превратилась в четыре листа плотного картона, расщепить который обычными способами не было никакой возможности, а рассмотреть рентгеновыми лучами, что это картон искусственный, было тоже нельзя ⟨...⟩. Затем я переплел в этот картон две из моих работ по физике ⟨...⟩. Приехав домой, я оборвал с своих тетрадей **корки переплета** и положил на несколько дней в горячую воду (Н. А. Морозов. Повести моей жизни. Т. 1).*
- (15) *Старикъ вручилъ ему одинъ изъ техъ толстыхъ томовъ въ темномъ кожаномъ переплете, изъ которыхъ самъ почерпнулъ все свои познания, всю свою премудрость. Митя читалъ ⟨...⟩. Следуя совету дяди, каждую книгу должно было прочитать **отъ корки до корки** разъ по крайней мере десять... (М. Л. Михайлов. В провинции (1859)).*

Итак, значение ‘обложка’ у слова *корка* могло появиться в результате метафорического сдвига, однако имеющиеся данные не позволяют точно установить, какой тип обложки при этом имелся в виду — преимущественно гибкий переплет или же произвольный, т. е. была ли семантика слова *корка* специфицирована по этому параметру. Возможно, после того, как НКРЯ будет пополнен и нам будет доступно большее количество контекстов с данной лексемой, это обстоятельство удастся прояснить.

Тем не менее малочисленность примеров существительного *корка* вне идиомы позволяет нам выдвинуть другое предположение относительно его семантического развития. Выражение *от корки до корки* могло быть калькировано — тогда слово *корка* в значении ‘обложка’ могло появиться в узусе как результат разложения идиомы в ее буквальном прочтении (возможно даже, что на это разложение повлияло выражение *от доски до доски* — как свидетельствуют словарные описания, рассмотренные нами в разделе 1, и данная идиома, и слово *доска* в значении ‘обложка’ имеют длинную историю в русском языке). В таком случае перед нами стоит задача поиска источника, из которого могло произойти заимствование. Аналог нашего выражения удалось обнаружить в болгарском. Согласно данным Google Books, первое употребление *от кора до кора* зафиксировано в болгарско-французском словаре 1869 г. («Френско-български и българско-френски речник»). Существенно, что в болгарской лексикографии XIX в. отмечается и слово *кора* в значении ‘cover of a book’ (An English and Bulgarian vocabulary in two parts: English and Bulgarian, Bulgarian and English, 1860). В то же время мы едва ли можем предположить прямое калькирование из болгарского в русский — для русского языка XIX в. заимствования из болгарского скорее нехарактерны. Предположительно, оба славянских языка могли калькировать это выражение из какого-то внешнего источника, но в тех языках, из которых русский того периода калькировал лексику, т. е. прежде всего во французском и немецком, близких эквивалентов для конструкции *от корки до корки* нам найти не удалось. Таким образом, версия о внутриязыковом развитии пока остается наиболее вероятным объяснением для семантической эволюции слова *корка*, но, возможно, дальнейшие этимологические исследования позволят сделать более определенные выводы об исконном или заимствованном характере рассматриваемой конструкции и ее компонентов.

4. Эволюция семантики и сочетаемости по данным НКРЯ

Дополнительным подтверждением того факта, что выражение *от корки до корки* не пришло в русский язык из внешнего источника, а возникло в результате внутриязыковых процессов, может служить его соотношение с синонимичной конструкцией *от доски до доски*. По графику встречаемости двух идиом в НКРЯ (см. рис. 1) видно, что по мере падения частотности *от доски до доски* частотность *от корки до корки* возрастает. Это говорит о том, что второе выражение пришло, по-видимому, на смену первому, что нередко происходит тогда, когда внутренняя форма идиомы хорошо понятна носителям, но при этом какой-то ее элемент устаревает или становится неактуальным для данного контекста, ср. переход от выражения *с Х пива не сварить* на современное *с Х каши не сварить*. В нашем случае исчезновение досок как основы книжного переплета, по всей вероятности, привело к появлению выражения с элементом *корка*.

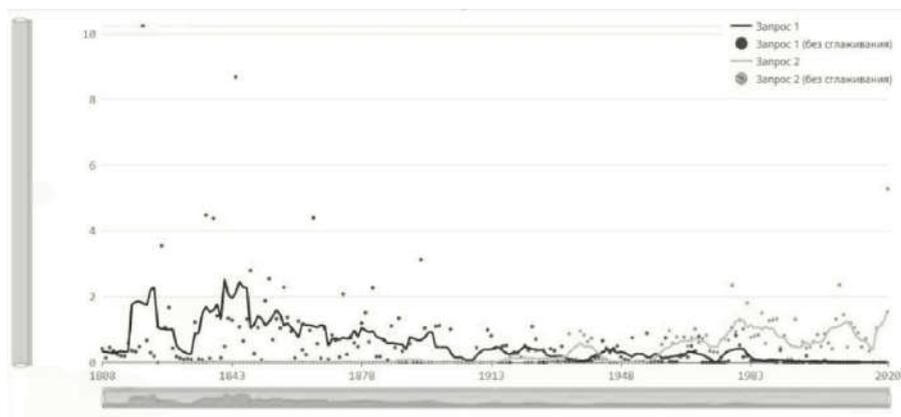

Рис. 1. Частотность *от доски до доски* (черный) и *от корки до корки* (серый) в Панхроническом корпусе НКРЯ

То, что в качестве нового якоря конструкции было выбрано именно существительное *корка*, а не другое слово с похожей семантикой (ср. *переплет*, *обложка*), как кажется, вполне ожидаемо: и *переплет*, и *обложка* скорее осмысляются как единый объект, включающий в себя не только первую и последнюю — «твердые» — страницы книги или другого издания, но и корешок между ними. Например, в (6) слово *переплет* использовано, когда говорящий смотрит только на корешок книги, стоящей на полке. *Корка* же исходно обозначает, по-видимому, «покрытие» лишь с одной стороны объекта, ср. пословицы, зафиксированные В. И. Далем, в которых *корка* отсылает к верхней или нижней поверхности хлеба: *Корка на корку упала, а мякишу не стало*, *Корка на корке, а мякиши на затворке* [Даль 1905: 409]. Соответственно, необходимость указания на переднюю и заднюю стороны обложки без включения корешка требовал выбора слова *корка* в качестве фиксированного элемента конструкции.

Обсудив начальное становление конструкции, перейдем теперь к анализу ее семантического развития — основному предмету настоящего исследования. Наиболее существенная тенденция, которая прослеживается по нашим данным, состоит в постепенном расширении сочетаемости рассматриваемого выражения. По типу сочетаемости в рассматриваемой выборке можно выделить несколько классов употребления, каждый следующий из которых соответствует новому этапу развития конструкции.

На начальном этапе *от корки до корки* подразумевает прочтение книги или другого издания (газеты, журнала) либо рукописи от начала до конца, целиком (ср. (4), (5), (7)). Это значение является самым частотным для этой конструкции: в нашем подкорпусе свыше 80 % контекстов относятся к данному типу (при подсчете учитывались примеры, в которых *от корки до корки* выступает при глаголе *читать* и его дериватах, а также других

предикатах, отсылающих к ситуации чтения: *одолеть, изучать, осилить, штудировать* и т. д.). Собственно, с этим типом употребления, вероятно, и связано доминирование индикативных глаголов прошедшего времени: именно индикатив прошедшего времени чаще других временных форм обозначает завершённое действие, идея которого заложена в семантике конструкции.

В дальнейшем сочетаемость выражения расширяется: теперь оно допускается не только при предикатах, описывающих ситуацию чтения, но и при любых предикатах, указывающих на взаимодействие с уже существующим или создаваемым текстом книги, газеты и т. д., ср. *знать, учить, исписать, вычитывать* (см. (16)–(18)). Эта категория гораздо менее частотна, чем первая: она составляет примерно 10 % от собранной нами выборки.

- (16) *Мальчик знал эту книжку от корки до корки наизусть* (С. Т. Григорьев. *Детство Суворова* (1938)).
- (17) *В двадцать пять лет другой мой приятель, показав стопку из штук двадцати от корки до корки исписанных тетрадей, сказал, что уже десять лет чувствует себя литератором* (В. Ф. Горб. *Невесомая тяжесть* (1969) // «Волга», 2010).
- (18) *Причем за это время новелла была им самим дважды перепечатана от корки до корки* (В. Конецкий. *На околонаучной параболе* (Путешествие в Академгородок). *Повесть* (1978)).

Во втором классе употреблений, как мы видим, действие, которое характеризуется устойчивым выражением, всё ещё связано с какой-то формой текста. Тем не менее для оставшихся 10 % нашего подкорпуса это ограничение не действует: конструкция *от корки до корки* здесь используется для квантификации объектов, скорее далеких от классических бумажных носителей информации книжного формата. Мы предлагаем разделить эти 10 % на ещё два подкласса. В первый из них мы включаем примеры (ср. (19)–(21)), где выражение применяется к некоторому объёму информации.

- (19) *⟨...⟩ Белянец все от корки до корки наврала* (А. Я. Аросев. *Дневник* (1937)).
- (20) *Сколько раз вам указывалось, чтобы анкеты заполнялись от корки до корки...* (А. Вампилов. *Провинциальные анекдоты*. Трагикомическое представление в двух частях (1968)).
- (21) *Да, это тот редкий случай, когда люди смотрят рекламу «от корки до корки», но что до продвижения рекламируемого товара, ролик оставляет желать лучшего* (Nike и Reebok сделали смешную рекламу, но забыли об основных принципах (2003) // «Рекламный мир», 31.03.2003).

Второй подкласс образуют контексты, в которых выражение дальше всего отошло от своего композиционного источника, — в них речь идет

о полном охвате действия, лишь опосредованно связанного с информацией (ср. (22), (23)). В таких употреблениях *от корки до корки* выступает в качестве максимайзера достаточно широкой сочетаемости (ср. термин *Maximizer* как обозначение одного из видов интенсификаторов в [Quirk et al. 1985]).

- (22) — *Я всю войну от корки до корки* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)).
- (23) *Несправедливо жизнь от корки до корки хаять, обижать ее!* (С. Залыгин. Комиссия (1976)).

Таким образом, четыре рассмотренные нами категории отражают эволюцию выражения *от корки до корки* от модификатора с узкой сочетаемостью и конкретной семантикой к интенсификатору с более абстрактным значением и широкими сочетаемостными возможностями. Схематически эту эволюцию можно изобразить так:

Рис. 2. Иллюстрация эволюции сочетаемости *от корки до корки*

Мы допускаем, что третью и четвертую категории можно рассматривать вместе. Тем не менее в данной работе нам представляется целесообразным разделить их, поскольку четвертая категория наиболее явно иллюстрирует, насколько далеко наша идиома ушла от «информационных» контекстов.

Интересно сопоставить схему развития, предложенную нами для *от корки до корки*, с сочетаемостью синонимичной конструкции *от доски до доски*. Абсолютное большинство среди ста ее вхождений в Панхроническом корпусе относится к первой и второй категориям, лишь два из ста примеров (см. (24), (25)) могут претендовать на попадание в третий класс случаев:

- (24) *Пройдя от доски до доски всю школу надувательства, он позволял теперь надувать себя самым жалким образом* (Д. В. Григорович. Кошка и мышка (1857)).
- (25) *Процесс Бернара я проследил от доски до доски, я был все заседания в Old Bailey (раз только часа два опоздал) и не раскаиваюсь в этом* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)).

При этом стоит заметить, что оба примера фиксируются в текстах XIX в. и предшествуют широкому распространению выражения *от корки до корки*. После его появления в письменном узусе метафорические употребления *от доски до доски* уже не встречаются, и конструкция в целом постепенно практически перестает использоваться.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к выборкам из газетных корпусов и корпуса социальных сетей НКРЯ: они в наибольшей степени отражают современное словоупотребление и приближены к повседневной речи. Показательно, что в этих корпусах конструкция *от доски до доски* почти не встречается: она не зафиксирована ни в корпусе региональных СМИ, ни в корпусе социальных сетей, а среди текстов центральных СМИ обнаруживается лишь один пример ее употребления:

- (26) *Тот, кто прочитывал газету от доски до доски (объем от 2 до 22 страниц), мог есть и пить бесплатно* (И. Пуля. Черным по белому // Труд-7, 18.09.2003).

Напротив, выражение *от корки до корки* в современных текстах довольно частотно: 133 вхождения в корпусе центральных СМИ, 11 вхождений в корпусе региональных СМИ, 128 вхождений в корпусе социальных сетей. При этом среди употреблений встречаются контексты, которые можно отнести не только в первую, но и во вторую (см. (27)–(29)), третью (см. (30)–(33)) и четвертую (см. (34)–(36)) категории из выделенных выше:

- (27) *Юрист Розина убежденно доказывала в суде, что Погребной имеет неотъемлемое право от корки до корки копировать материалы из российских газет* (Убытки от действий газетных, телевизионных, музыкальных «пиратов» составляют миллиарды долларов. Как ограбили «АиФ» в Нью-Йорке // Аргументы и факты, 1996.09.11).
- (28) *Но если вызубрить материал от корки до корки, все равно останутся вопросы практического свойства: куда именно бежать во время ЧП в своем районе и где можно взять противогаз, способный защитить не только от химических выбросов, но и от радиации?* (ОБЖ и НВП: есть ли разница? // Аргументы и факты, 2003.07.02).
- (29) *Во-первых, многие наши журналы, в которых по-прежнему содержатся подлинные приращения нового знания, за рубежом просто переводятся (от корки до корки) на английский язык* (Национальную систему рейтингования университетов должны создавать независимые эксперты, а не ректорский корпус // Ведомости, 2010.04.09).
- (30) *Есть и специальные издания сатирического типа — «Крокодил», киножурнал «Фитиль», радиожурнал «Сатирический микрофон», которые пронизаны критикой, что называется, «от корки до корки»* (Норма нашей жизни. Свобода критики в СССР // Аргументы и факты, 1983.04.26).

- (31) — *Это очень непростое дело. Мы изучили его, что называется, «от корки до корки» и обнаружили чудовищные процессуальные ошибки, которые были допущены следователями* (С. Базавлук. Надежда только на Бога и государство // Труд-7, 25.06.2002).
- (32) — *Я имел возможность посмотреть всю игру — от корки до корки* (Мнения. Прав ли судья Ключников? // Советский спорт, 09.07.2007).
- (33) *Пьют редко, в основном выпивают да закусывают, а на старости лет пишут выдуманные от корки до корки мемуары* (vk (04.05.2011)).
- (34) *На Западе тетралогия чаще всего ставится от корки до корки одной постановочной командой и в едином идейно-образном ключе* (Пытка Вагнером // Аргументы и факты, 2003.01.15).
- (35) *По мнению специалиста, закон доработан от корки до корки* (А. Глушкова. На Ставрополье за усыновление детей заплатят по 150 тысяч // Комсомольская правда, 28.10.2009).
- (36) *Долгое время гости успешно играют вторым номером. «Ястребы» никак не могут подобрать ключик к воротам Галимова. На 35-й минуте становится тревожно за стадион — как бы он не сложился, словно картонный домик, от неопишуемого рева зрителей. За 28 секунд сибиряки от корки до корки переписывают сценарий матча. Две шайбы — и игра переворачивается за полминуты* (С. Галайдо. Ягр платит по долгам. Чудо-гол великого чеха перевернул игру и позволил «Ястребам» взять реванш за поражение в плей-офф).

Таким образом, выражение *от корки до корки* постепенно расширило круг своих употреблений и в современном языке продолжает функционировать в четырех выделенных нами типах контекстов. Между тем развитие синонимичной ему конструкции *от доски до доски*, по-видимому, тоже могло пойти в этом направлении, но фактически остановилось на втором из четырех этапов и было вытеснено более поздним аналогом — рассматриваемой нами идиомой *от корки до корки*. В современных текстах выражение *от доски до доски* практически не встречается.

5. От X до Y

Очевидно, что две конструкции, которые мы обсуждали выше, сходны по своей внутренней структуре. Ранее мы объяснили это тем, что выражение *от корки до корки*, вероятно, возникло на основе идиомы *от доски до доски* посредством замены компонента якоря. Вместе с тем подобную структуру реализуют не только два рассмотренных выражения — к этому же ряду относятся сочетания *от края до края*, *от рассвета до заката*, *от*

альфы до омеги, от а до я, от и до — и это явление, которое требует более глубокого осмысления. Следуя общей логике Грамматики конструкций, можно постулировать для этой группы устойчивых выражений более общую формулу: *от X до Y* или *от X до X*, где *от... до* будет выступать якорем для всех вариантов конструкции, а *X, Y* — слотами, заполнение которых определяет сочетаемость и особенности семантики каждого выражения. Так, идиома *от края до края* задает пространственную протяженность действия, *от зари до зари* характеризует протяженность действия во времени, а *от и до* — конструкция, в которой оба слота остаются незаполненными, — демонстрирует более широкую сочетаемость.

Кроме того, поиск в Панхроническом корпусе НКРЯ по запросу «от + N + до + N» (+ обозначает «на расстоянии 1») показывает, что разные конструкционные «кластеры» появляются в определенной хронологической последовательности (в скобках приведен год, которым датирован первый встреченный пример):

- пространство: *от востока до запада* (1176–1362), *от края до края* (1560), *от моря до моря* (1560–1563), *от города до города* (1614);
- время: *от года до года* (1550), *от недели до недели* (1570–1590), *от утра до ночи* (1765), *от утра до полночи* (1783);
- полнота информации: *от слова до слова* (1640), *от аза до ижицы* (1806), *от крышки до крышки* (1876), *от корки до корки* (1891);
- человек: *от уха до уха* (1769), *от головы до пят* (1855).

Кажется, что этот хронологический порядок тоже не случаен: в частности, предшествование «пространственного кластера» «временному» согласуется с универсальной метафорой ПРОСТРАНСТВО — ВРЕМЯ, предложенной в [Джонсон, Лакофф 1990]. Более детальное изучение этих конструкций позволит нам понять, насколько универсальными являются этапы развития, которые мы зафиксировали для выражения *от корки до корки*, и тем самым сформулировать общие тенденции эволюции для сочетаний такого типа. К тому же подробный анализ этой группы единиц может способствовать построению их классификации на более высоком уровне обобщения.

Явления, в некотором смысле сходные с предлагаемым здесь единством вида *от X до Y*, рассматривались ранее в теоретической литературе в терминах *фразеологизмов-конструкций* (см. [Баранов, Добровольский 2023]). Тем не менее нам представляется, что выражение *от X до (X/Y)* несколько отличается от характерных случаев фразеологизмов-конструкций: так, оно не обладает «синтаксической автономностью», в отличие, например, от сочетаний *X и в Африке X*; *тоже мне X* и т. д. В своей статье А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский приводят и ряд других терминов, которые используются для обозначения сходных явлений, ср. *фразеосхемы, синтаксические фразеологизмы, синтаксические фраземы*.

Однако, на наш взгляд, ни один из этих терминов не отражает специфики выделенной структуры *от X до (X/Y)*, которая, как представляется,

устроена несколько сложнее. Кажется уместным разделить эту структуру на два уровня, соответствующих ее «внутренним» и «внешним» слотам. Слоты «внутреннего» набора, по всей видимости, заполняются в первую очередь и позволяют нам получить многообразие вариантов выражений вида *от X до (X/Y)*, примеры которых были приведены ранее в данном разделе. В свою очередь, слоты «внешнего» набора заполняются уже непосредственно при употреблении конкретного варианта в речи, ср. *V от корки до корки*. Все известные нам термины, так или иначе аналогичные конструкциям, позволяют описать заполнение «внешних», но не «внутренних» слотов — тем самым обобщенные структуры, подобные выделенной здесь *от X до (X/Y)*, всё еще ждут более подробного исследования.

6. Заключение

Итак, в настоящей работе мы рассмотрели историю развития выражения *от корки до корки*. Мы проследили, как эта конструкция и ее близкий синоним *от доски до доски* фиксировались в лексикографических описаниях, отражающих разные этапы функционирования языковой системы. Совместив словарные данные с корпусными, мы установили, что идиома *от доски до доски* вошла в употребление существенно раньше, чем *от корки до корки*, — последняя появляется в письменном узусе не ранее второй половины XIX в. Предметом отдельного обсуждения стало развитие у слова *корка* семантики ‘обложки’, т. е. значения, которое *корка* реализует в составе рассматриваемой идиоматической конструкции.

Свидетельством семантической эволюции самого выражения *от корки до корки* стала его сочетаемость с предикатами: на основе данных НКРЯ мы убедились в том, что круг глаголов, в контексте которых выступала наша конструкция, постепенно расширялся, так что ее значение смещалось в сторону всё более абстрактного интенсификатора. В этом развитии можно выделить четыре этапа, каждый следующий из которых предполагает расширение сочетаемостных возможностей идиомы за счет нового класса глаголов:

- 1) сочетаемость с предикатами, описывающими чтение книги или иного письменного источника с обложкой;
- 2) сочетаемость с предикатами, которые описывают действия, смежные с чтением письменного источника;
- 3) сочетаемость с объектами-носителями информации, у которых нет конвенциональной обложки;
- 4) сочетаемость с объектами, которые не являются носителями информации, и с более широким кругом предикатов.

Для уточнения особенностей функционирования конструкций *от корки до корки* и *от доски до доски* на современном этапе мы дополнительно

привлекли материал газетных корпусов и корпуса социальных сетей. Эти данные подтвердили тенденции, выявленные на основе других источников: широкую сочетаемость выражения *от корки до корки* и уход из языка его синонима *от доски до доски*

Наконец, мы предложили объединить конструкции *от доски до доски*, *от корки до корки* и другие выражения сходной структуры в одну группу, которая характеризуется семантикой интенсификации и общей формулой *от X до (X/Y)*. В этом случае элементы *от... до* можно считать своеобразным якорем обобщенной конструкции, а *X* и *Y* — ее слотами. Однако правомерность и целесообразность такого рода генерализаций еще только предстоит исследовать.

С л о в а р и

Аванесов 1990 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Р. И. Аванесов (гл. ред.). Т. 3. М., 1990.

Баранов, Добровольский 2009 — Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (ред.). М., 2009.

Бархударов, Богатова 1977 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / С. Г. Бархударов, Г. А. Богатова (ред.). Т. 4. М., 1977.

Даль 1905 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1905.

Дашкова 1792 — Словарь Академии Российской / Е. Р. Дашкова (ред.). Т. 3. СПб., 1792.

Мокиенко, Никитина 2007 — Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина (ред.). М., 2007.

Молотков 1968 — Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков (ред.). М., 1968.

Срезневский 1893 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.

Телия 1995 — Словарь образных выражений русского языка / В. Н. Телия (ред.). М., 1995.

Ушаков 1935 — Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков (ред.). М., 1935.

Фёдоров 2008 — А. Фёдоров. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

Цейтлин и др. 1994 — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

Kurz 1958 — Slovník jazyka staroslověnského / J. Kurz (ed.). Praha, 1958.

Л и т е р а т у р а

Баранов, Добровольский 2023 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Об одном классе фразеологизмов в русском языке (фразеологизмы-конструкции) //

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание: Реферативный журнал. 2023. 3. С. 130–139.

Буденная и др. 2023 — Е. В. Буденная, М. О. Бажуков, Л. А. Баркова, Д. С. Харламова, А. М. Дугричилов, Т. И. Резникова, А. В. Яковлева, К. В. Литвинцева, А. А. Андреева. Диахроникон: новый ресурс для изучения русских конструкций в микродиахронической перспективе // В. П. Селегей (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 22. Дополнительный том. 2023. С. 1041–1051.

Даниэль, Добрушина 2016 — Два века в двадцати словах / М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина (ред.). М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

Джонсон, Лакофф 1990 — М. Джонсон, Д. Лакофф. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова (ред.). М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

Рахилина 2010 — Лингвистика конструкций / Е. В. Рахилина (ред.). М.: Азбуковник. 2010.

Рахилина, Рыжова 2019 — Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова. Славный корабль-омулевая бочка... К микро-истории семантических переходов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 20. С. 241–256.

Спиридонова 1999 — Н. Ф. Спиридонова. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. № 58 (2). С. 13–22.

Срезневский 1986 — И. И. Срезневский. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук // Русское слово: Избранные труды. М.: Просвещение, 1986.

Fillmore 1988 — C. J. Fillmore. The Mechanisms of “Construction Grammar” // Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1988. P. 35–55.

Fillmore et al. 1988 — C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O’Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone // Language. 1988. 64. P. 501–538.

Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Gries 2008 — S. T. Gries. Phraseology and linguistic theory: a brief survey // Phraseology. An interdisciplinary perspective / S. Granger, F. Meunier (eds.). John Benjamins Publishing Company. 2008. P. 3–25. URL: <https://doi.org/10.1075/z.139.06gri>

Haspelmath 2023 — M. Haspelmath. On what a construction is. Constructions. 15 (1). 2023. P. 1–15. URL: <https://doi.org/10.24338/cons-539>

Orlov et al. 2023 — A. Orlov, Z. Butenko, D. Demidova, V. Starchenko, E. Rakhilina, O. Lyashevskaya. Russian Constructicon 2.0: New Features and New Perspectives of the Biggest Constructicon Ever Built. Computational Linguistics and Intellectual Technologies // Papers from the Annual International Conference “Dialogue”. 2023. 20. P. 378–385.

Quirk et al. 1985 — R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Pearson Longman, 1985.

Статья получена 25.03.2024

Darya S. Kharlamova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
dasha.kh18@gmail.com

History and development of the intensifier *ot korki do korki*

This article investigates the appearance and evolution of the idiom *ot korki do korki* ‘from cover to cover’. Based on dictionaries and data from the RNC and Google Books, we have estimated the approximate period at which the construction started to be actively used in written speech, and attempted to explore its possible sources, specifically, the similar idiom *ot doski do doski*. We distinguish four stages that allow to observe the broadening of the semantic compatibility of these two idioms as they developed from maximizers into abstract intensifiers. It is suggested that both idioms, together with other similar constructions (*ot rassveta do zakata* ‘from dawn to sunset’, etc.), may be instances of a wider construction cluster *from X to Y (ot X do Y)*. This cluster should be further investigated to identify other common traits of similar expressions.

Keywords: Russian language, diachrony, idioms, Construction Grammar, semantic compatibility, verbal modifier.

References

- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2023). Ob odnom klasse frazeologizmov v russkom iazyke (frazeologizmy-konstruktsii). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 6: Iazykoznanie: Referativnyi zhurnal*, 3, 130–139.
- Budennaia, E. V., Bazhukov, M. O., Barkova, L. A., Kharlamova, D. S., Dugrichilov, A. M., Reznikova, T. I., Yakovleva, A. V., Litvintseva, K. V., & Andreeva, A. A. (2023). Diakhronikon: novyi resurs dlia izucheniia russkikh konstruktsii v mikrodiakhronicheskoi perspektive. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Vol. 22, pp. 1041–1051). Moscow: Izd-vo RGGU.
- Daniel, M. A., & Dobrushina, N. R. (Eds.). (2016). *Dva veka v dvadtsati slovakh*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Fillmore, C. J. (1988). The Mechanisms of “Construction Grammar”. *Proceedings of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 35–55.
- Fillmore, C. J., Kay, P., & O'Connor, M. C. (1988). Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone. *Language*, 64, 501–538.
- Goldberg, A. E. (1995). *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Gries, S. T. (2008). Phraseology and linguistic theory: a brief survey. In S. Granger, & F. Meunier (Eds.), *Phraseology. An interdisciplinary perspective* (pp. 3–25). John Benjamins Publishing Company. Retrieved from: <https://doi.org/10.1075/z.139.06gri>
- Haspelmath, M. (2023). On what a construction is. *Constructions*, 15(1), 1–15.
- Johnson, M., & Lakoff, J. (1990). Metafory, kotorymi my zhivem. In N. D. Arutiunova (Ed.), *Teoriia metafory* (pp. 387–415). Moscow: Progress.

Orlov, A., Butenko, Z., Demidova, D., Starchenko, V., Rakhilina, E., & Lyashevskaya, O. (2023). Russian Constructicon 2.0: New Features and New Perspectives of the Biggest Constructicon Ever Built. Computational Linguistics and Intellectual Technologies. In V. P. Selegei (Ed.), *Papers from the Annual International Conference "Dialogue"* (Vol. 20, pp. 378–385). Moscow: Izd-vo RGGU.

Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Pearson Longman.

Rakhilina, E. V. (Ed.). (2010). *Lingvistika konstruktivii*. Moscow: Azbukovnik.

Rakhilina, E. V., & Ryzhova, D. A. (2019). *Slavnyi korabl' — omulevaia bochka... K mikro-istorii semanticheskikh perekhodov*. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 20, 241–256.

Spiridonova, N. F. (1999). Russkie diminutivy: problemy obrazovaniia i znachenii. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 58(2), 13–22.

Sreznevskii, I. I. (1986). *Russkoe slovo: Izbrannye trudy*. Moscow: Prosveshchenie.

Received on March 25, 2024

А. В. ПАНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
panova.anna.2004@gmail.com

Е. В. БУДЕННАЯ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
jane.sdrv@gmail.com

**НАШ КРУГ ЧАС ОТ ЧАСУ РЕДЕЕТ:
О ДИАХРОНИИ СЕМАНТИКИ И СОЧЕТАЕМОСТИ
КОНСТРУКЦИИ ЧАС ОТ ЧАСУ***

В статье с привлечением аппарата Грамматики конструкций рассматривается эволюция семантики и сочетаемости конструкции *час от часу* в диахронической перспективе. Данная конструкция принадлежит к более общему ряду конструкций *X от X-a* со значением времени (*день ото дня, год от года* и др.), но подвержена процессам, не происходящим с другими конструкциями ряда, — в частности, только она с течением времени прагматизируется в оценочную дискурсивную формулу. В ходе корпусного анализа в статье прослеживается этимология конструкции *час от часу*, ее происхождение путем наращения из более ранней конструкции *от часу*, по аналогии с более ранней конструкцией *день ото дня* и одновременное уподобление семантики последней конструкции, с развитием общей протоконструкции вида *X от X-a*.

Ключевые слова: русский язык, Грамматика конструкций, диахрония, семантика, прагматизация.

1. Введение

В русском языке представлены конструкции вида *X от X-a* со значением времени. Ряд существительных, способных выступать в роли *X*, ограни-

* Статья подготовлена по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций “Diachronicon”» при поддержке Фонда академического развития факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 гг. Авторы выражают благодарность Е. В. Рахилиной, А. В. Яковлевой и анонимным рецензентам журнала «Русский язык в научном освещении» за ценные замечания в процессе подготовки материала.

чен, и сама модель непродуктивна (**минута от минуты*, **неделя от недели*), что характерно для лексикализованных единиц [Trousdale 2012]. Хотя конструкции строятся по одной и той же модели, на синхронном уровне и в диахронии они демонстрируют неоднородное поведение. Так, некоторые конструкции — *час от часу*, *день ото дня*, *год от года* — в современных толковых словарях трактуются как имеющие значение постепенного изменения ситуации [Ожегов, Шведова 2006: 877, 160, 135]. Тем не менее словари древнерусского языка [Аванесов 1988] фиксируют отличное от современного значение конструкции *день ото дня* 'ежедневно'. Конструкция *время от времени*, строящаяся по той же аналогии, не разделяет инвариативную для ряда семантику. Ряд конструкций *X от X-а* в целом и конструкция *час от часу* в частности, которая является основным объектом нашего исследования, ранее не изучались на корпусном материале.

Конструкция *час от часу* заслуживает особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) указывают на то, что изначально она не была устроена по модели *X от X-а*, а выровнялась по аналогии с конструкцией *день ото дня*. Во-вторых, насколько возможно судить, *час от часу* образовалась раньше всех конструкций вышеописанного ряда, за исключением *день ото дня*. Позднее развитие конструкций *время от времени* и *год от года* может свидетельствовать о том, что именно *день ото дня* и *час от часу* задали ряд временных конструкций *X от X-а*. В-третьих, в настоящее время, судя по корпусу, конструкция *час от часу* чаще выступает в составе выражения *час от часу не легче*, чем употребляется самостоятельно. Это может свидетельствовать о сужении сочетаемости конструкции и ее фразеологизации.

В данном исследовании мы постараемся ответить на вопросы о том, как возникла конструкция *час от часу*, как менялись ее типичные предикаты, когда начался процесс фразеологизации и как эта конструкция семантически и синтаксически вписывается в ряд других конструкций со значением времени — *день ото дня*, *год от года*, *время от времени*. Для анализа семантики и сочетаемости конструкции *час от часу* мы обратимся к теоретическому фрейму диахронической Грамматики конструкций (Diachronic Construction Grammar, или DCxG, см., в частности, [Hilpert 2008; Barðdal et al. 2015; Sommerer, Smirnova 2020; Gildea, Barðdal 2023]). Материалом исследования послужили тексты НКРЯ, а именно — Панхронический и Газетный подкорпусы. Для анализа семантики и сочетаемости было отобрано 910 примеров употребления конструкции *час от часу* с XVI по XXI в., на которых исследовались дальнейшие изменения семантики и сочетаемости конструкции в диахронической перспективе.

Статья построена следующим образом. В разделе 2 мы обсудим, как конструкция *час от часу* представлена во фразеологических и толковых словарях. Раздел 3 посвящен диахроническому исследованию семантики и сочетаемости данной конструкции. В разделе 4 мы сравним конструкцию *час от часу* с другими конструкциями с семантикой времени из ряда *X от X-а*. Наконец, в разделе 5 мы подведем итоги исследования.

2. Лексикографические описания

Поиск лексикографических статей, посвященных конструкции *час от часу*, осуществлялся во фразеологических и толковых словарях, вышедших в период с XVIII по XXI в.: [СЦРЯ], [ТСРЯ], [ФСРЛЯ] и др. Всего было проанализировано 18 словарных статей, грамматика русского языка Ф. И. Буслаева и рецензия К. С. Аксакова на последнюю. В рамках данной статьи мы представим несколько самых иллюстративных отрывков из словарных источников, которые далее помогут нам в исследовании диахронии семантики и сочетаемости конструкции.

В словаре Академии Российской [САР 1794], первом толковом словаре русского языка, не нашлось упоминания конструкции *час от часу*. Впервые она фиксируется в СЦРЯ:

- (1) *Час от часу*: зн. возрастающую постепенность чего либо по времени. *Больному час от часу хуже. На дворе час от часу темнее* [СЦРЯ IV: 426].

Ф. И. Буслаев в своем «Опыте исторической грамматики русского языка» в том числе обсуждает происхождение конструкции *час от часу*:

- (2) *Когда обстоятельственное слово бывает остатком целого предложения, для восстановления которого нужно подразумевать опущенный глагол. Напр. обстоятельство: час от часу, в предложении: «час от часу становится темнее» — предполагает глагол, означающий движение от одного пункта к другому, и, вместе с предполагаемым и подразумеваемым глаголом, составляет свое особенное предложение (напр. вроде следующих: «по мере того как идет час за часом, или как отходит один час от другого, одна минута от другой» и т. п.). Но такие предложения говорящий не находит нужды высказывать, потому что они послужили бы к тягостению речи многословием* [Буслаев 1858: 363].

К. С. Аксаков в своей рецензии на упомянутую грамматику критически рассматривает слова Ф. И. Буслаева насчет конструкции *час от часу* как «остатка» от не проговоренного предложения и делает релевантный для нашего исследования вывод касательно семантики конструкции:

- (3) *И так мы думаем, что час от часу выражение самостоятельное, первичное, вовсе никакого при себе опущенного глагола и предложения не имеет и не предполагает; что само по себе оно имеет значение неопределенное, сообщаемое общим смыслом предлога от, и не показывает усиления (точно как и выражение: с каждым часом); но что смысл этот дается ему сказуемым, показывающим усиление, именно, напр., темнее (в выражении: час от часу темнее): сказуемое придает смысл, придает выражению известное направление, известное значение, и само определяется тем, что*

лежит в выражении **час от часу**. Таким образом выражение **час от часу**, получает значение градации, возрастания по часам; а сказуемое **темнее**, означающее усиление (темноты) вообще, получает смысл усиления по часам, ежечасно [Аксаков 1859, VI: 84–86].

Мы не будем оценивать здесь валидность аргументации обоих авторов, но обратим внимание на несколько моментов. Во-первых, к середине XIX в. происхождение конструкции носителям уже неочевидно, следовательно, она появилась раньше, хотя не была зафиксирована в более ранних словарях. Во-вторых, ни один из авторов XIX в. не упоминает фразеологизм *час от часу не легче*. В-третьих, значение конструкции в XIX в. трактуется как ежечасное изменение («усиление») ситуации, т. е. уже как современное.

Впервые фразеологический оборот *час от часу не легче* фиксируется в словаре В. И. Даля [1866], без первого элемента и при этом без каких-либо помет или толкования, а только как пример употребления слова *час*:

(4) *От часу не легче!* [Там же, 4: 533].

Эта цитата позволяет нам засвидетельствовать тот факт, что носители русского языка XIX в. могли использовать фразеологический оборот *от часу не легче* вместо современного его варианта *час от часу не легче*. Такое употребление наводит на мысль о возможной конструкции *от часу*, не представленной ни в уже рассмотренных лексикографических источниках, ни в тех, что мы увидим далее. В следующих разделах мы расскажем, как такое использование фразеологизма В. И. Далем влияет на построение гипотез о происхождении конструкции и о ее использовании в диахронии.

Впервые на разговорный функциональный стиль фразеологизма указывает Д. Н. Ушаков в толковом словаре [ТСРЯ 2]. Примечательно, что Д. Н. Ушаков упоминает фразеологизм дважды в двух разных томах, причем впервые он появляется как устойчивое словосочетание в лексикографической статье о слове *легче*, а во второй раз — как пример употребления конструкции *час от часу* в рамках статьи о слове *час*:

(5а) *Час от часу не легче (разг.)* — о появлении всё новых и новых затруднений, неприятностей [ТСРЯ 2: 37].

(5б) *Час от часу [часу без удар.]*¹ — с каждым проходящим часом (для обозначения постепенности усиления или ослабления степени чего-н.). (...) *Час от часу не легче* [Там же, 4: 1238].

А. И. Федоров в своем фразеологическом словаре [ФСРЛЯ] разделяет *час от часу* и *час от часу не легче* в разные лексикографические статьи, в отличие от своих предшественников. Кроме того, он, как и Д. Н. Ушаков, относит фразеологизм к разговорному стилю речи и помечает его как экспрессивный.

¹ Следует отметить, что акцентологические особенности конструкции *час от часу* отличались широким варьированием, однако изучение данного вопроса выходит за рамки настоящей работы.

- (6а) **Час от часу.** *С течением времени, постепенно. О постепенном усилении или ослаблении чего-либо.*
- (6б) **Час от часу не легче.** *Разг. Экспрес. Чем дальше, тем хуже, тем больше новых неприятностей, затруднений [ФСРЛЯ: 737].*

Помимо этого, у А. И. Федорова мы находим фразеологизм *от часу не легче*, который он характеризует как устаревший:

- (6в) **ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ.** *Устар. Чем дальше, тем хуже, больше неприятностей, затруднений [Там же: 338].*

Наконец, в одном из самых новых словарей — [Дмитриев 2003] — присутствует только толкование фразеологизма *час от часу не легче*:

Когда вы говорите в какой-либо трудной ситуации, что час от часу не легче, вы имеете в виду, что она становится всё хуже [Там же].

В словаре С. А. Кузнецова [БТСРЯ] тоже есть толкование лишь фразеологизма:

Час от часу не легче. *Чем дальше, тем хуже (больше новых неприятностей, затруднений) [Там же: 1467].*

Данные словарей позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, появление фразеологизма *час от часу не легче* в словарях в XIX в., его выделение как отдельного частного случая конструкции *час от часу* в XX в., а также дальнейшее становление тенденции к выделению в словарях исключительно фразеологизма указывают на возможность сужения сочетаемости конструкции за счет фразеологизации. В разделе 3 это будет проверено на эмпирическом материале. О времени появления самой конструкции на основе словарей сказать можно мало, однако этот вопрос также будет более подробно рассмотрен в разделе 3. Кроме того, лексикографические данные дают нам очень ценные сведения о варианте фразеологизма *от часу не легче*, отсутствующем в современном языке, и указывают на возможность существования родственной конструкции *от часу*.

Во-вторых, за исключением появления в словарных статьях фразеологизма *час от часу не легче* как одного из вариантов употребления конструкции *час от часу* или как самостоятельной лексической единицы, толкование конструкции практически не изменилось за 150 лет. Все лексикографические описания так или иначе толкуют ее как постепенное, возрастающее изменение ситуации. К тому же ни в одном из лексикографических описаний не фиксируется полисемия конструкции. Возможность изменения семантики конструкции, не представленную в словарных статьях, мы рассмотрим в разделе 3.

Стоит отметить, что в некоторых словарях конструкция и особенно фразеологизм характеризуются как разговорные, в других же эта помета отсутствует, но нет основания полагать, что мы наблюдаем здесь измене-

ние семантики. Фразеологизм появляется в экспрессивном контексте в словаре В. И. Даля в XIX в., затем помета обнаруживается в словарях Д. Н. Ушакова 1940 г. и А. И. Федорова 2008 г. (см. примеры (5) и (6) соответственно). В самом деле, неудивительно, что составители словарей характеризуют фразеологизм как принадлежащий к разговорному стилю речи. В частности, авторы «Современного русского языка» пишут, что такой тип фразеологизмов составляет большую часть в русском языке, причем разговорные фразеологизмы скорее принадлежат к пласту нейтральной лексики для разговорной и художественной литературы, в отличие от просторечных [Розенталь и др. 2014: 121]. Отсутствие помет в большинстве словарей тоже скорее типично для разговорных фразеологизмов [Там же].

3. Семантика и сочетаемость: диахрония

3.1. Выборка и методы

Первоначально в корпусе осуществлялся поиск конструкции *час от часу*. Для получения эмпирических данных были выбраны Панхронический подкорпус НКРЯ и Газетный подкорпус, тексты которого близки по стилю к текстам из Панхронического подкорпуса (художественно-публицистический функциональный стиль) и дополнили выборку примерами из XXI в. Поиск в подкорпусе соцсетей, который теоретически мог расширить выборку новыми примерами, не дал подходящих результатов: встретившиеся вхождения не позволяют сделать релевантных выводов об употреблении этой конструкции в XXI в.

Найденные в словарях В. И. Даля и А. И. Федорова примеры употребления фразеологизма *от часу не легче* оставляют пространство для нескольких возможных гипотез. Во-первых, исходным употреблением мог быть уже сформировавшийся к моменту издания словаря В. И. Даля фразеологизм *час от часу не легче*, образованный от конструкции *час от часу*, в котором был возможен эллипсис элемента *час*, причем эллиптированный вариант, очевидно, проиграл исходному, т. к. в современном языке он не закрепился. Во-вторых, фразеологизм *час от часу не легче* может быть инновацией по сравнению с более архаичным употреблением *от часу не легче*, произошедшим, в свою очередь, от конструкции *от часу*. Вопрос сводится к тому, какая конструкция была исходной: либо *от часу* подверглась эллипсису элемента *час*, либо *час от часу* образовался наращением элемента *час* по аналогии с другими временными конструкциями. Для проверки гипотез о происхождении было принято решение расширить выборку за счет, вероятно, родственной конструкции *от часу* (и ее орфографической вариации *от часу*).

С исторической точки зрения форма *часу* представляет собой форму старого родительного падежа на -у (для лексем, сохранивших его до наших дней и частично развивших также партитивную семантику, во многих ра-

ботах употребляется термин «второй родительный падеж» [Кустова 2011; Daniel 2014]). В подавляющем большинстве случаев формы на -у с течением времени уступили место формам современного родительного падежа на -а, однако с конструкцией *час от часу* такого не произошло: примеры вида *час от часа* в корпусе единичны (всего шесть вхождений начиная с XVIII в.). Все они были включены в выборку и анализировались вместе с основным вариантом *час от часу*.

Из конкорданса были удалены примеры с цитатами — например, частое цитирование фрагмента стихотворения «19 октября 1825» А. С. Пушкина, содержащего строки «наш круг час от часу редет». После удаления выборка содержала 663 вхождения для конструкции *час от часу* и 241 пример употреблений конструкции *от часу* и его орфографического варианта *отчасу*.

Исследование возможных типов сочетаемости конструкции позволило выделить следующую классификацию допустимых для этой конструкции предикатов, в соответствии с которой была размечена выборка.

1. Фразеологизм *час от часу не легче* и его варианты *отчасу не легче* и *от часу не легче*.

2. Предикат с глаголом-связкой: в настоящем времени представляет из себя прилагательное в сравнительной степени, например *час от часу темнее*, в настоящем и будущем используется как *час от часу было темнее* и *час от часу будет темнее* соответственно.

3. Аналитический предикат с копулой: копулятивный глагол *становиться/делаться* (и его каузативный вариант *делать*) + прилагательное в сравнительной степени, например *час от часу становится холоднее*.

4. Глагольный предикат с семантикой градуальности, например *час от часу возрастает*.

5. Аналитический предикат с наречным градуатором: глагол без значения градуальности + наречие в сравнительной степени, например *час от часу более удивлялся*, *час от часу реже улыбается*.

Как видно из групп сочетаемости, большую роль в выборе предиката для конструкции играет градуальность глагола. Особенности употребления каждого подтипа сочетаемости конструкций и градуальность как один из факторов, влияющий на выбор предиката, мы обсудим более подробно в следующем подразделе.

3.2. Анализ типов сочетаемости

Если отталкиваться от определений, данных конструкции *час от часу* в лексикографических источниках, она обозначает постепенное изменение некоторого признака. Сочетаемость этой конструкции во многом определяется ее семантическими свойствами. Во-первых, конструкция практически исключительно присоединяет к себе глаголы несовершенного вида. Выбор формы несовершенного вида у предиката этой конструкции соотносится с актуально-длительной семантикой несовершенного вида в русском

языке [Сичинава 2013]. В тех редких случаях, когда конструкция допускает глагол совершенного вида, выбирается инхоативный глагол *стать*, как в следующем примере:

- (7) Такие мысли **час от часу стали заглядывать** в голову Балыке и начинали будить в нем тревогу; а она возрастала по мере того, как сторона Семена сообщала ему какие-либо неоспоримые факты, говорившие за правоту обиженного... (М. П. Старицкий. Первые коршуны (1893)).

Инфинитивный комплемент фазового глагола в русском языке обязательно стоит в форме несовершенного вида, поэтому семантика постепенного изменения ситуации у конструкции в этих контекстах сохраняется. Единственный пример (8) из выборки почти в 1000 примеров, не содержащий инхоативный глагол, наталкивает на мысль об окказиональном употреблении конструкции, а не о развитии у нее нового значения.

- (8) — *Уже мы перестроили дом и сделали новый час от часу огромнее; поля наши неизмеримы, стада неисчетны, слуги блестят в золоте и серебре, и, наконец, мы поехали в карете, запряженной шестью вороных коней, — сказал я улыбаясь* (В. Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)).

Другой важный фактор для выбора типа сочетаемости с конструкцией *час от часу* — это градуальность глагола, представленная в типе 4. В русском языке градуальные глаголы обозначают размерность, абстрактное количество, силу и скорость и ряд других величин, способных изменяться с течением времени [Исаева 2008: 8]. Градуальность отличает контексты типа 4 от контекстов типа 5, в которых глагольные предикаты не несут значения постепенного изменения состояния и нуждаются в наречном градуаторе, чтобы предложение было грамматичным и трактовалось в соответствии со значением конструкции. Это можно видеть при сравнении примера (9а) с (9б):

- (9а) *Иван Савич терялся в этих мыслях и час от часу всё более тревожился* (И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842)).
 (9б) ^{??} *Иван Савич терялся в этих мыслях и час от часу тревожился.*

Приемлемым пример (9б) становится, если заменить исходную конструкцию на конструкцию *время от времени*, в силу своей семантики периодичности, очевидно, не налагающей ограничения на градуальность предиката.

Иногда к конструкции без дополнительного градуатора присоединяются канонически неградуальные глаголы. В таких случаях либо оптимальной интерпретацией является интерференция с конструкцией *время от времени* (см. (10)) или с конструкцией *с часу на час* (см. (11)), либо допол-

нительные наречные модификаторы исполняют функцию градуатора (см. (12)), либо несовершенный вид глагола позволяет градуировать изменение ситуации (см. (13)):

- (10) *⟨...⟩ и я час от часу откладываю перо, чтобы отдаться постоянному чувству зависти, которую испытываю к певцам и музыкантам* (А. З. Добровольский. Письмо В. Т. Шаламову (1955)).
- (11) *Поджидали час от часу, что Буденный взбунтуется и вызовет Русскую армию* (Н. Карпов. Крым — Галлиполи — Балканы (2002)).
- (12) *Постепенно, час от часу, она шла своим чередом* (Е. Чижова. Лавра // «Звезда», 2002).
- (13) *Но час от часу такое же положение создавалось и в войсках Петербургского гарнизона* (Н. Н. Суханов. Записки о революции. Книга 4 (1918–1921)).

В абсолютном большинстве контекстов интерференции с другими конструкциями не происходит и выбирается стандартный для градуальных глаголов предикат.

Контексты четвертого типа с градуальным глаголом также могут использоваться с градуатором и не считаться неграмматичными, т. е. выражать допустимую избыточность. Это видно на примере (14), относящемуся к пятому типу сочетаемости с неградуальным глаголом и наречием в сравнительной степени, и на примере (15), принадлежащему к четвертой группе:

- (14) *Приметив, однако же, что между тем Антоний час от часу более слабеет ⟨...⟩* (И. М. Муравьев-Апостол. Взгляд на заговор Катирины (1818)).
- (15) *Евгений час от часу слабеет от монашеской жизни и старости и нередко становится скучен своей болтовней* (И. С. Аксаков. Письма родным (1849–1856)).

Пятый тип предикатов не накладывает ограничений на градуальность глагола, поэтому в основном к нему присоединяются неградуальные глаголы:

- (16) *А свет час от часу мне незначительнее и хуже кажется* (Н. И. Тургенев. Письма Николая Ивановича Тургенева к Сергею Ивановичу Тургеневу 1811–1822 гг. (1816)).

Часто в роли дополнительного градуатора к прилагательному в сравнительной степени добавляется модификатор *все*:

- (17) *И точно, небо час от часу все сильнее нахмуривалось; утро давно уже началось, но окрестность и самая деревня окутывались каким-то полусумрачным, синеватым светом, напоминавшим осенние сумерки* (Д. В. Григорович. Переселенцы (1855–1856)).

Градуальность обязательна для прилагательных, входящих в глагольную группу предиката. В отличие от качественных, прилагательные, вы-

ступающие как часть конструкции *час от часу*, являются скалярными [Kennedy, McNally 2005]. Возведение их в сравнительную степень предполагает движение по шкале, что соотносится с семантикой постепенного изменения конструкции. Иногда вместо прилагательного сравнительной степени к предикату присоединяется прилагательное в превосходной степени, чья семантика напоминает семантику действительных причастий:

- (18) *⟨...⟩ простирать успехи злых дел своих, которые, внушая мерзкой душе его от часу дерзновеннейшие замыслы, попустили наконец его и на все покушения* ([Екатерина II]. Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту (1773)).

Роль градуатора прилагательное исполняет во втором и третьем типах сочетаемости.

Второй и третий типы сочетаемости были разделены нами на две группы, несмотря на функциональную схожесть их предикатов (глагол-связка (у второго типа) и копулятивный глагол (у третьего типа) и прилагательное в сравнительной степени), по нескольким причинам. Первая причина — семантическая: глагол *быть* предполагает статичность и постоянность ситуации, в то время как глагол *становиться* или *делаться* допускает изменение признака во времени. Разделение на два типа сочетаемости обусловлено и прагматической дистрибуцией: один из видов употребления конструкции со вторым типом сочетаемости функционально близок дискурсивной формуле и также выступает в качестве ответной реплики в диалоге (см. (19)). Конструкция с третьим типом сочетаемости в таком прагматическом окружении никогда не встречается, употребляясь только в полных повествовательных предложениях (см. (20)).

- (19) — *Виконт Монморанси!* — пробормотал Лепсиус, снова снимая шляпу и кланяясь, хотя никто его не заметил. — **Час от часу страннее!** *Что им нужно в такое время в Нью-Йорке?* (М. С. Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде (1923–1924/1954)).
- (20) *Изредка продолжал я видаться с Н. И. Ильным, который делался как-то час от часу страннее и начинал как будто заговариваться* (С. Т. Аксаков. Литературные и театральные воспоминания (1858)).

Фразеологизм *час от часу не легче* в современном языке представляет собой дискурсивную формулу с отрицательно-оценочной семантикой, типичную для ответных диалогических реплик² [Жукова и др. 2019; Бычкова

² Следует отметить, что корпусные данные свидетельствуют о несколько большем разнообразии контекстов употребления рассматриваемого фразеологизма, выходящем за рамки исключительно ответных реплик. Так, *час от часу не легче*, как правило, выражает отрицательную реакцию говорящего на некоторые новые обстоятельства, которые говорящий воспринимает как ухудшение ситуации, однако эти обстоятельства могут фигурировать не только в диалоге, но и в рамках единого

2020; Yaskевич et al. 2022]. Относительно других типов конструкции *час от часу* выделение градуальности во фразеологическом обороте представляет некоторые трудности. Неиспользуемость отрицания с конструкцией, за исключением фразеологизма и редких случаев дефразеологизации (см. (21)), указывает на нетипичность градуальной семантики под отрицанием.

- (21) — *Ах, — говорит, — не скрою от вас, что совершенная правда, и много уже было смертных случаев; поговаривают, что будут карантинны, что Москву кругом оцепят и не будет ни выезда, ни въезда. Час от часу не легче. Ушел Герард, села я писать к Грушеньке и к Клеопатре; пишу той и другой* (Д. Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877–1880)).

В связи с этим возникает вопрос о том, как отрицание влияет на семантику фразеологизма *час от часу не легче*: сохраняется ли здесь семантика исходной конструкции? В зависимости от статуса сферы действия отрицания возможно увидеть два потенциальных значения фразеологизма: с каждым часом падает легкость ситуации, т. е. ситуация меняется в худшую сторону, либо же ситуация постоянно находится в состоянии «нелегко», т. е. остается неизменной и не становится ни лучше, ни хуже. В первом случае семантика фразеологизма сохраняет исходный градуальный компонент значения конструкции, во втором можно говорить о достаточно нетривиальном семантическом переходе *постепенно* → *постоянно*.

Изучение более широкого, чем реплика с конструкцией, контекста употребления дискурсивной формулы *час от часу не легче* склоняет нас к мысли, что больше соответствует реальности первая интерпретация. В левом контексте фразеологизма, как правило, в дискурс вводится обстоятельство, которое говорящий оценивает как новую проблему, т. е. ситуация для него, по его мнению, усложняется (см. примеры (22), где автор описывает причины своего недовольства новостями в правом контексте, и (23), где неприятное удивление подчеркивается переспросом). Фразеологизм не употребляется в контекстах, когда ситуация для говорящего продолжает быть сложной, т. е. в ней не происходят изменения.

- (22) *Час от часу не легче. Сегодня пришел Писнячевский мне доложить, что история дифтерита у девочки школьной служительницы чистый вымысел. Оказывается, никакого дифтерита не было, и дезинфекция, о которой так много говорили, чистейший вздор* (В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1902)).
- (23) — *Уехали?! Бросили детей?!! Час от часу не легче!* (И. Пивоварова. Однажды Катя с Манечкой (1986)).

монологического дискурса, см., в частности, (22). Тем не менее наиболее частотным контекстом для *час от часу не легче*, по данным НКРЯ, выступают именно диалоги.

Таким образом, более близкой к реальности оказывается первая интерпретация фразеологизма *час от часу не легче*, с сохранением исходного градуального компонента.

3.3. Корпусное исследование

3.3.1. Возникновение. XVI–XVII вв.

Корпусное исследование конструкции *час от часу* возвращает нас к гипотезам о происхождении конструкции. На рис. 1 представлено общее распределение конструкций *час от часу* и *от часу* в Панхроническом корпусе НКРЯ.

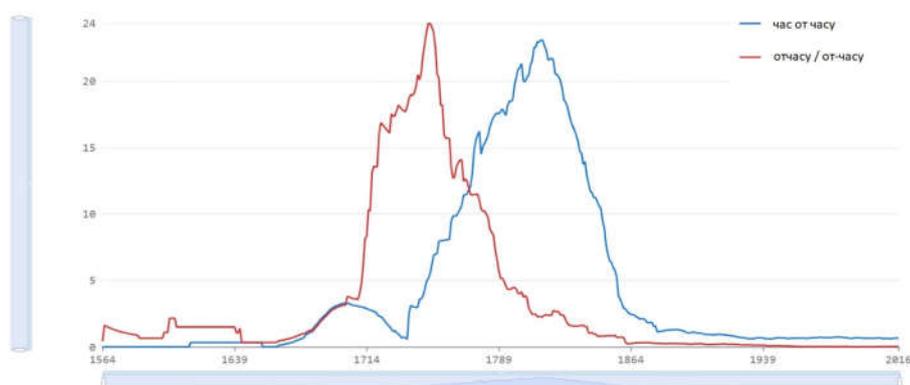

Рис. 1. Распределение конструкций *час от часу* и *от часу/от(-)часу* в Панхроническом корпусе НКРЯ (частота на миллион словоформ, со сглаживанием 20)

Первое вхождение конструкции *час от часу* в корпусе относится к 1634 г. (см. (24)), в то время как родственная конструкция *от часу* впервые появляется в Панхроническом корпусе на 70 лет раньше, в 1564 г. (см. (25)):

- (24) *А вамъ бы, брату нашему, вашему королевскому величеству <...> братцкая дружба и любовь множилась и **часъ отъ часу прибавлялась*** (Царская грамота к датскому королю Христиану IV с извещением о кончине патриарха Филарета Никитича (1634.08.20)).
- (25) *И тако убо намъ в сицевомъ гонении и утеснении пребывающимъ, и такова злая не токмо от дни до дни, но **от часу** растяху; и еже убо намъ сопротивно, сия умножахуся, а еже убо намъ послушно и покойно, сия умаляхуся* (Иван Грозный. Первое послание Ивана Грозного Курбскому (1564)).

Конструкция *от часу* до возникновения родственной используется только с четвертым типом предикатов. На протяжении XVII в. конструкции *от часу* и *час от часу* сосуществуют, сочетаясь с одними и теми же

типами предикатов: уже упомянутым четвертым, вторым (см. (26) и (27)) и пятым (см. (28) и (29)):

- (26) <...> а н(ы)не **от часу дороже** и купит не добудут в лутчеи в торговои день четверика хлѣба на торгу не станет <...> (В. Брехов. В. Брехов Ф. В. Бородину (1662)).
- (27) <...> и то нам зело дивно и смеху достойно, что мы **час от часу от Москвы дале** <...> (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709)).
- (28) <...> чтоб вера наша **от часу** больше множилась и ращение прияла <...> (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709)).
- (29) Между тем же стрельба от часу более от неприятеля умножалась з батарей, однако ж не гораздо вредила (А. М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)).

Стоит отметить, что в XVI–XVII вв. обе конструкции встречаются в корпусе всего 15 раз, поэтому нельзя сказать с уверенностью, что конструкция сочеталась только с этими типами предикатов. Тем не менее можно сделать несколько предварительных выводов.

Во-первых, конструкция *от часу* фиксируется в письменных источниках раньше *час от часу* — на протяжении XVI в. используется исключительно *от часу* (см. рис. 1). Эти данные говорят в пользу гипотезы, что *от часу* был исходным вариантом конструкции, а вариант *час от часу* образовался в результате наращеня позже. Само по себе наращение элемента конструкции противоположно эффектам грамматикализации, при которых в связи с возрастанием частотности токена сокращается фонетическая структура (см. [Lehmann 1995: 164; Bybee 2003; Haspelmath 2004; Traugott, Trousdale 2013: 100ff.] о связи частотности и грамматикализации). Однако оно может быть объяснено с позиции аналогического выравнивания — еще одного механизма, лежащего в основе языковых изменений [Fischer 2011; Traugott, Trousdale 2013: 37–38], по образцу других конструкций со значением времени вида *X от X-а* (*год от года, день ото дня* и др.), см. раздел 4.

Во-вторых, в XVII в. конструкции *от часу* и *час от часу* употребляются с одинаковой частотностью и функционально взаимозаменяемы. Есть основания подозревать вариативность двух этих конструкций: помимо того, что они, очевидно, находятся в свободном варьировании относительно типов предикатов, они в равной степени оказываются употребимыми одним и тем же автором. Так, примеры (27) и (28) принадлежат перу одного и того же автора в рамках одного текста; похожая ситуация наблюдается и с несколькими другими примерами из выборки.

В-третьих, примеры XVI–XVII вв., самые ранние в выборке, следуют тем же стратегиям выбора предиката, что и примеры за все другие столетия. В XVI–XVII вв. мы не наблюдаем возможных контрпримеров к выделенным правилам сочетаемости: вершиной глагольной группы выбирается

глагол несовершенного вида, без градуатора присоединяются градуальные глаголы, с градуатором — в том числе и неградуальные. Стандартное для выборки поведение конструкции может свидетельствовать о том, что семантика первых примеров не отличается от определенной в словарях семантики постепенного изменения признака. Изучение контекстов с примерами за XVI–XVII вв. согласуется с этим предположением.

3.3.2. Вариативность. XVIII в.

В XVIII в. частотность конструкций *от часу* и *час от часу* значительно возрастает, (см. рис. 1). По метрике ipm суммарная частотность конструкций составляет 37,82 употреблений на миллион токенов. Они обе принимают новый тип предикатов — с копулятивным глаголом (см. (30), (31)), причем эта инновация происходит именно с конструкцией *от часу*, и адаптируют появившийся в конце прошлого столетия шестой контекст с градуальным наречием (см. (32), (33)). Единственный из выделенных нами типов предикатов, не употребляющийся к этому моменту ни с одной из конструкций, — фразеологический оборот *час от часу не легче*.

- (30) *А от Петровых лет толь от часу приятнейшим во многих писателях становится оный, что нимало не сомневаюсь, чтоб достославная Анна в лета к совершенной не пришел своей высоте и красоте* (В. К. Тредиаковский. Речь, которую в Санкт-Петербургской императорской академии наук к членам бывшего российского собрания во время первого их заседания марта 14 дня 1735 года о чистоте российского языка говорил В. Т. (1735)).
- (31) *Она хотя и всегда меня мучила, однако ныне примечаю, что сила ее становится час от часу нестерпимее* (Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину (1763–1774)).
- (32) *⟨...⟩ но Тактамышь, которой тогда получаль изъ своего государства отъ часу больше неприятныхъ извъстий ⟨...⟩* (И. К. Таубертъ. Краткое описание всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ создания сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу [перевод книги Готлиба Байера с немецкого] (1738)).
- (33) *⟨...⟩ отнимали у Мауровъ часть отъ часу больше городовъ ⟨...⟩* (Политическая Географія (1758)).

В XVIII в. конструкция *от часу* и ее появившийся тогда же орфографический вариант *отчасу* употребляются гораздо чаще инновативной конструкции *час от часу*. В первой половине XVIII в. в текстах встречается только конструкция *от часу*. Ближе к середине столетия конструкции снова начинают соперничать, наблюдается внутрличностная вариативность, но в абсолютных значениях *час от часу* все равно проигрывает в частотности. Тем не менее в последнем десятилетии века в текстах разных авторов уже употребляется исключительно инновативная конструкция (см. рис. 1).

Что касается предпочтений двух конструкций относительно типов предикатов, они обе сочетаются со всеми из них, дополнительная дистрибуция не возникает. Единственная тенденция, которую можно выделить, заключается в том, что градуальные глаголы чаще присоединяются к конструкции *час от часу*, а неградуальные с наречием — к конструкции *от часу*, но в целом различия незначительны. В Таблице 1 представлена частотность всех типов предикатов безотносительно конструкции.

Таблица 1

Распределение контекстов в XVIII в.

Тип контекста	<i>связка</i>	<i>становится</i>	<i>градуальный глагол</i>	<i>неградуальный глагол</i>	Всего
Примеров с этим контекстом	8	58	76	118	260
Процент от всех	3 %	22 %	29 %	45 %	100 %

Основной вывод, который можно сделать на основании данных XVIII в., — к этому моменту фразеологизм *час от часу не легче* еще не фиксируется. В текстовых источниках наблюдается вариативность в использовании конструкций *от часу* и *час от часу*, при этом первый вариант превалирует. Судя по типам предикатов, которые присоединяет каждая из них, и лексической семантике их вхождений, они не развили специфического значения и остались сосуществующими вариантами. На этом этапе нет причин предполагать изменения значения или развития полисемии конструкции.

3.3.3. Фразеологизация. XIX в.

Примеры за XIX в. составляют практически половину нашей выборки. Мы поделим этот период хронологически на три части и рассмотрим подробнее каждую из них, чтобы получить детальное представление о семантических и синтаксических процессах, происходящих в этом столетии с рассматриваемой конструкцией.

С первой трети XIX в. вариант конструкции *час от часу* начинает лидировать (см. рис. 1). Так, на каждое употребление конструкции *от часу* приходится 3,5 употреблений конструкции *час от часу*. Суммарная частотность обеих конструкций в первой трети XIX в. по сравнению с ее частотностью в прошлом столетии несколько падает (данные метрики *irm*: 24,82 для первой трети XIX в.). За это время значительно возрастает употребление копулятивного глагола с прилагательным в сравнительной степени.

Фразеологический оборот впервые появляется в выборке именно в том варианте, как он был записан в словаре В. И. Даля: *от часу не легче*. Первое употребление датируется 1817 г. и встречается у А. С. Грибоедова (см. (34)). Как мы уже говорили, выражение употребляется в характерном для кон-

текстов типа 2 с глаголом-связкой в прагматическом окружении, близком к дискурсивной формуле (см. пример (19) в разделе 3.2, а также (35) ниже).

- (34) Ну, Евлампий Аристархович, *от-часу не легче* (А. С. Грибоедов. Студент (1817)).
- (35) *Час от часу все у нас краше!* (В. Л. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, 20–21 февраля 1818 г. Москва (1818.02.21)).

Его появление именно в этом типе контекстов — самом редком в выборке — может свидетельствовать о том, что фразеологизм образовался путем прагматикализации ([Бычкова 2020], см. также [Onodera 2011]) контекста с глаголом-связкой, а не упрощением контекстов третьего (*Час от часу легче не становится*) или четвертого (*Час от часу не легчает*) типов. Этот пример также является первым употреблением конструкции при отрицании. Как мы уже отмечали, только фразеологизм и примеры с дефразеологизацией (см. (21)) лицензируют отрицание в конструкции.

Во всей выборке до этого примера, содержащей 364 вхождения, такое употребление не встречалось. В первой трети XIX столетия конструкция употребляется в таком же прагматическом окружении и с той же сочетаемостью еще два раза — в 1830 и 1833 гг.

Во второй трети XIX в. частотность конструкции значительно снижается (4,28 по метрике ipm). Выборка за этот период содержит 88 % примеров конструкции *час от часу*. В этот же период встречается первое употребление фразеологизма *час от часу не легче*, образованного, очевидно, от уже имеющегося варианта *от часу не легче* путем наращивания элемента *час* по аналогии с более частотной конструкцией *час от часу* (см. (36)). Частотность других типов сочетаемости сохраняется почти без изменений по сравнению с первой третью века.

- (36) *Час от часу не легче!* подумал я про себя; к чему послужило мне то, что еще в утробе матери я был уже гвардии сержантом! (А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)).

За этот период встречается еще 10 примеров с фразеологизмом *час от часу не легче*. Его краткая версия появляется во всей выборке всего лишь два раза, а к началу XX в. ее использование сходит на нет. Можно полагать, что даже если вариант *час от часу не легче* употреблялся и до А. С. Пушкина, но не был зафиксирован в литературных текстах, динамика его употребления до и после «Капитанской дочки» указывает на то, что публикация этого произведения способствовала его распространению. К середине XIX в. конструкция *час от часу* вытесняет первоначальную конструкцию *от часу* как в самостоятельном употреблении, так и в составе фразеологизма.

В последней трети века частотность конструкции снижается еще заметнее: на миллион токенов она встречается 1,15 раз. В этот период более чем половину употреблений составляет дискурсивная формула *час от часу не легче*. Разница в частотности среди других типов предикатов сглаживается.

В Таблице 2 представлены данные о сочетаемости конструкции *час от часу* за весь XIX в. Если резюмировать данные этого подраздела, то стоит отметить несколько фактов: 1) частотность конструкций *час от часу* и *от часу* по сравнению с прошлым веком существенно снижается; 2) в XIX в. впервые фиксируется употребление фразеологизма в форме *от часу не легче*; 3) период вариативности заканчивается победой варианта *час от часу*; 4) конструкция все чаще начинает использоваться в составе дискурсивной формулы.

Таблица 2

Распределение контекстов в XIX в.

Тип контекста	фразеологизм	связка	становится	градуальный глагол	неградуальный глагол	Всего
Примеров с этим контекстом	42	18	144	81	127	412
Процент от всех	10 %	4 %	35 %	20 %	31 %	100 %

3.3.4. Сужение сочетаемости. XX–XXI вв.

В нашей выборке за XX в. 97 % примеров составляют употребления конструкции *час от часу*, окончательно вытесняющей конструкцию *от часу*. Тенденция к снижению частотности на миллион токенов наблюдается и в этом периоде, значение метрики *ipm* достигает 0,772 употреблений. Фразеологизм *час от часу не легче* составляет большую часть употреблений конструкции *час от часу*, фигурируя в 63 % примеров. В выборке по-прежнему фиксируются все нефразеологические типы предикатов, однако частотность большинства из них стремится к нулю. Так, предикаты второго и пятого типов в сумме отмечаются менее чем в 7 % случаев.

Тот факт, что конструкция *час от часу* сокращает свою сочетаемость с неградуальными глаголами (пятый тип предикатов) говорит о том, что она уже не реализует все множество возможных употреблений. Ранее именно этот тип сочетаемости накладывал на предикат наименьшее количество ограничений: за счет градуатора с ним могли сочетаться как градуальные, так и неградуальные глаголы. Практически полное отсутствие контекстов пятого типа, однако, не означает, что неградуальные глаголы стали сочетаться с конструкцией *час от часу* без дополнительного градуатора и данный тип стал избыточным: в XX–XXI вв. без градуатора с конструкцией употребляются только градуальные глаголы. Предикат, состоящий из неградуального глагола и градуатора, также не перестал быть грамматичным в сочетании с конструкцией *час от часу*: так, интроспективно представляется, что пример (37), как и прежде, допустим.

- (37) **Час от часу более удоставеряюсь, что мне надобно оставить отечество, которое так люблю и для которого так бы охотно всем пожертвовал бы; но тьма препон, невозможность с моей стороны быть полезным заставляють более и более знакомиться с мыслью разлуки** (А. К. Виноградов. Повесть о братьях Тургеневых (1932)).

Причину снижения частотности большинства нефразеологических предикатов мы видим в сужении сочетаемости самой конструкции: *час от часу* имеет все более возрастающую тенденцию использоваться только в составе фразеологизма *час от часу не легче*. В рамках диахронической Грамматики конструкций можно говорить о том, что на этом этапе происходят реанализ [Traugott, Trousdale 2013: 35; Gildea, Barðdal 2023: 19] и конвенционализация идиомы как дискурсивной формулы с семантикой негативной оценки постоянно ухудшающегося положения дел [Yaskevich et al. 2022]. Ситуации же постепенного изменения признака, очевидно, стали описываться другими лексическими единицами — в частности, временной конструкцией этого же ряда *день ото дня*, ставшей, как мы рассмотрим позднее, в современном языке синонимичной конструкции *час от часу* (см. раздел 4). Тенденция к сужению сочетаемости конструкции *час от часу* и возрастание частотности фразеологизма прослеживается и на данных XXI в. Все нефразеологические типы предикатов, кроме четвертого, в сумме встречаются менее чем в 15 % примеров.

Распределение контекстов за весь рассматриваемый период с XX по XXI в. продемонстрировано в Таблице 3. Здесь мы видим значительное сокращение сочетаемости у конструкции *час от часу*: половина выделенных в рамках нашего исследования типов сочетаемости практически не употребляется. Сочетаемость конструкции постепенно сужается до фразеологизма *час от часу не легче*.

Таблица 3

Распределение контекстов в XX–XXI вв.

Тип контекста	фразеологизм	связка	становится	градуальный глагол	неградуальный глагол	Всего
Примеров с этим контекстом	137	6	25	48	7	223
Процент ото всех	61 %	3 %	11 %	22 %	3 %	100 %

Прежде чем перейти к следующему подразделу, где мы проанализируем частотность конструкции и фразеологизма, следует поделиться несколькими наблюдениями касательно изменений, произошедших с конструкцией *час от часу* в диахронии. Согласно корпусным данным, конст-

рукция *час от часу* в ее современном виде произошла из конструкции *от часу* путем наращивания элемента *час* — по всей вероятности, по аналогии с другими временными конструкциями вида *X от X-а* (см. раздел 4). К началу XIX в. первоначальная конструкция *от часу* расширяет сочетаемость с прилагательным в сравнительной степени и в составе единого оборота *от часу не легче* прагматизируется в дискурсивную формулу, с отрицательной оценкой сообщения о некоторой ухудшающейся ситуации. Таким образом, градуальный компонент значения конструкции в формате дискурсивной формулы распространяется за рамки высказывания, на внешний контекст ([Яскевич и др. 2022], о грамматикализации на дискурсивном уровне в целом см. [Narrog, Heine 2011: 5]). Параллельно с этим инновативный вариант конструкции *час от часу* и образованный от него фразеологизм *час от часу не легче* вытесняют ранее используемые варианты с *от часу*. В тот же период, с XIX в., фразеологизм начинает использоваться чаще других типов сочетаемости, к XXI в. становясь самым частым типом употребления конструкции.

3.4. Частотность

В этом разделе мы рассмотрим два вопроса, которые остались без ответа в предыдущих подразделах: когда именно образовался фразеологизм *час от часу не легче* и почему снижается частотность конструкции.

Как уже упоминалось в подразделе 3.3.3, первое употребление фразеологизма было зафиксировано у А. С. Грибоедова в произведении «Студент» 1817 г. (см. пример (34)). Версия, что к тому моменту еще не фразеологизованное выражение ввел в использование А. С. Грибоедов, представляется несостоятельной, поскольку пьеса была опубликована в 1860 г. и до смерти автора не ставилась на сцене. Фразеологизм же *час от часу не легче* появляется в выборке и начинает активно использоваться до публикации пьесы. Стоит также отметить, что для первого фразеологического употребления выбирается более архаичная конструкция *от часу*, которая даже за короткий период с 1800 по 1817 г. употребляется уже более чем в два раза реже, чем конструкция *час от часу*. Эти два факта наводят нас на мысль о том, что фразеологизация произошла раньше, когда конструкция *от часу* выигрывала в частотности, но ранее не фиксировалась в рассматриваемых письменных источниках. Причиной невидимости фразеологизма для источников может быть их функциональный стиль. В Таблице 4 представлены данные (в процентах) о распределении текстов по стилю: художественные выделяются в одну группу, нехудожественные разбиты на пять групп по сфере функционирования. Таблица 5 иллюстрирует, как часто конструкция *час от часу* (и все ее вариации) встречается в текстах разных стилей³.

³ Данные таблиц от марта 2024 г.

Таблица 4

Распределение текстов по стилям в основном корпусе XVIII–XIX вв.

Стиль текста Век	Художественный	Публицистика	Бытovo-обихoдный	Учебно-научный	Официально-деловой	Церковный
XVIII в. (6 480 997 слов)	19,42	26,49	3,21	26,82	14,39	12
XIX в. (77 207 951 слово)	47,57	33,1	8,18	10,44	1,35	0,7

Таблица 5

Распределение вхождений с конструкцией *час от часу* по стилям с XVIII по XXI в., %###

Стиль текста Век	Художественный	Публицистика	Бытovo-обихoдный	Учебно-научный	Официально-деловой	Церковный	Всего вхождений
XVIII в.	21 %	33 %	5 %	32 %	5 %	4 %	260
XIX в.	49 %	32%	8%	9%	2%	0%	412

Если классифицировать примеры с конструкцией *час от часу* по стилям, можно видеть, что почти в 80 % случаев она употребляется в художественных текстах. Судя по этим данным, фразеологизм *час от часу не легче* гораздо более свойственен художественному стилю, чем какому-либо другому. Если снова обратиться к Таблице 4, можно увидеть, что корпуса XVIII и XIX вв. различаются процентным содержанием художественных, публицистических и научно-учебных текстов. Отсутствие фразеологизма в письменных источниках XVIII в. мы объясняем как раз стилистической природой этих источников. Мы полагаем, что фразеологизм «невидим» для выборки не потому, что он еще не устоялся, а потому, что его использование было неуместно в большинстве примеров за этот период.

Теоретически похожая логика могла бы использоваться для ответа на вопрос о причинах снижения частотности конструкции. Так, с учетом стилистических различий между текстами XVIII и XIX вв. встает вопрос о том, может ли частотность конструкции быть связанной со стилем источника? Сравнение Таблиц 4 и 5 скорее противоречит этому предположению. Жанрово-стилистическая контекстная дистрибуция конструкции *час от часу* практически во всех сферах употребления соответствует процентному соотношению разных жанров в корпусе за взятый период времени. Исключения составляют официально-деловая и церковная сфера употребления,

в которых конструкция используется реже. Согласно корпусным данным, конструкция *час от часу* принадлежит к нейтральному стилю речи, и в этом случае перевес корпуса в сторону художественных текстов не должен был вызвать столь наблюдаемого падения частотности конструкции.

Принимая во внимание этот факт, можно предполагать, что очень резкое падение применения конструкции *час от часу* в XIX в. по сравнению с предыдущим столетием непосредственно связано с распространением фразеологизма *час от часу не легче* и его актуализацией как дискурсивной формулы. Первое бросающееся в глаза снижение частотности конструкции наблюдается во второй половине XIX в.: чем чаще в выборке встречается фразеологизм, тем сильнее падает употребимость конструкции на миллион токенов. Можно полагать, что эта тенденция связана с прагматическим статусом фразеологизма как дискурсивной формулы, представляющей собой реакцию говорящего на предыдущий контекст. В исходной конструкции *час от часу* такого контекстного ограничения не было, но, поскольку конструкция начала все чаще употребляться в качестве дискурсивной формулы, ее новое прагматическое значение конвенциализировалось, повлекло за собой реанализ синтаксиса и запустило поверхностные изменения, связанные с контекстной специфичностью (подробнее о данном процессе в рамках диахронической Грамматики конструкций см. [Hilpert 2008; Gildea, Barðdal 2023: 763]).

4. *Час от часу* в ряду временных конструкций

В этом разделе мы кратко рассмотрим диахронию семантики и сочетаемости некоторых конструкций со значением времени вида *X от X-а* в сопоставлении с конструкцией *час от часу*. В фокусе внимания будут конструкции *день ото дня*, *год от года* (*году*), *время от времени*, по аналогии с которыми, предположительно, возник вариант *час от часу* из более раннего *от часу*.

4.1. *День ото дня*

На синхронном уровне конструкция *день ото дня* синонимична конструкции *час от часу* и означает ежедневное изменение некоторого признака. В примере (38) представлено толкование конструкции в современных словарях, в примере (39) — употребление.

(38) *День ото дня* — постепенно, меняясь с каждым днём [Шведова 2011: 190].

(39) *Настроение горбуна менялось день ото дня: иногда он бывал сумрачен, как снеговая туча, иногда резок и яростен, иногда вдохновен и игрив; но вне зависимости от настроения язык Гофмана работал быстро, как и мысль* (Г. Яхина. Дети мои (2018)).

В отличие от *час от часу*, конструкция *день ото дня* представлена в различных словарях древнерусского языка — в частности, словарях Р. И. Аванесова (40) и И. И. Срезневского (41):

- (40) *днь дне, днь отъ дње* — постоянно, ежедневно [Аванесов 1988: 134].
 (41) *днь ѿ дње* (ἡμέραν ἐξ ἡμέρας, diem ex die). *Быт. XXXIX 10 по сп. XIV в.* [Срезневский 1893: 771].

Пример (40) интересен тем, что его толкование отличается от современной семантики конструкции. В (41) составитель словаря приводит конструкции древнегреческого и латинского языков, на месте которых в переводе Книги Бытия появляется конструкция *день ото дня*, с семантикой постоянности, аналогичной (40). Этимология конструкции *день ото дня* выходит за рамки настоящего исследования, однако важно зафиксировать факт, что она использовалась еще в древнерусском языке.

В современном языке данная конструкция принимает все те же нефразеологические типы сочетаемости, что и *час от часу*. При этом она активнее сочетается с неградуальными глаголами без дополнительного градуатора (см. (42)). Последнее косвенным образом позволяет предположить, что на каком-то этапе своего развития конструкция могла быть полисемична.

- (42) *Но теперь, всемилоствеишая государыня, настигшая с летами дряхлость день ото дня приводит меня в изнеможение* <...> (Я. П. Шаховской. Воспоминания (1766–1777)).

Корпусные данные подтверждают, что *день от дня* появилась гораздо раньше конструкции *час от часу*. Так, ее можно встретить в значительном количестве древнерусских (см. (43), (44)) и старорусских текстов (см. (45), (46)).

- (43) <...> *Не жьди обратитиса къ боу и не отълагаи днь отъ дње напрасно бо изидеть <гнѣ>въ гнѣ: и въ врѣма мьсти погыбнеши* (Изборник 1076 г. (перевод X в. [Болгария]), л. 135).
 (44) *Блговѣстите днь ѿ дњи. спсєние е(ѣ)* (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (1110-е), л. 45 за 6496 г.).
 (45) *Собра же и множество инокъ боголюбезных и всеми ту, и всякими потребными удовли и сокровище день ото дни положаше ту* (Из Хронографа 1512 года (первая четверть XVI в.)).
 (46) <...> *и день отъ дње понужаху его ити ратию къ Володимерю на князя Всеволода Юрьевича* <...> (Никоновская летопись (1176–1362 гг.) (1526–1530), л. 2 за 1177 г.).

По корпусным данным, а также словарям древнерусского языка (см. (40), (41)) можно видеть, что первоначально конструкция не содержала значения постепенного изменения признака и могла быть синонимична наречию *ежедневно*. Однако к XVIII в. конструкции *день ото дня* и *час от*

часу начинают употребляться в одинаковых контекстах, иногда даже в рамках одной клаузы:

- (47) *Продолжение средней комедии было от Лизандра Лакедемонянина до времен Александра Великого, который, утвердив за собою Греческую державу разбитием тебанцев, был причиною, что и сие своеволие пиитов обуздано, кое день от дня и от часу более умножалось* (В. К. Тредиаковский. Рассуждение о комедии вообще (1750)).

Пример (47) интересен тем, что в нем представлен более архаичный вариант *от часу*, который мог нарастить первый элемент как раз по аналогии с *день ото дня*. Возникновение у конструкции *день ото дня* значения постепенности соотносится с первыми вхождениями конструкции *час от часу*. По-видимому, именно в это время конструкция *от часу* начинает взаимодействовать с *день ото дня*. Стоит отметить, что в корпусе мы не видим конструкции *от (ото) дня*, что может свидетельствовать о самостоятельном развитии конструкции *от часу* до ее интерференции с конструкцией *день ото дня*. Учитывая вхождения вида (47), предшествующие закреплению конструкции *час от часу*, с первоначальным элементом *час*, и конструкции *день ото дня*, с уже современным значением постепенного изменения ситуации, можно предполагать взаимную интерференцию обеих конструкций: синтаксис *час от часу* развивается по аналогии с *день ото дня*, а семантика конструкции *день ото дня* — наоборот, путем аналогического выравнивания с конструкцией *час от часу*, где соответствующее значение уже развилось к XVIII в.

4.2. Год от года

Конструкция *год от года* и ее более ранний вариант со вторым родительным падежом *год от году* также входят в семантический ряд конструкций со значением изменения ситуации за некоторый промежуток времени. В современном языке она синонимична конструкциям *час от часу* и *день ото дня* с той разницей, что в ней наблюдаемый период изменений длиннее. Согласно корпусным данным, конструкция *год от года* появилась позже *день ото дня*. В древнерусском периоде фиксируется только конструкция *от года до года*, синонимичная, судя по контекстному окружению, современным сочетаниям *каждый год* и *из года в год* (см. (48), (49), для (49) также можно предполагать семантику единого протяженного периода [Харламова 2024]):

- (48) *⟨...⟩ да каѣтсѧ велѣми ѿ года до года ⟨...⟩* (Ответы митрополита Георгия (вторая пол. XI в.)).
- (49) *ярославу сущу в новѣгородѣ и оурокомъ дающею 2000 гривень. ѿ года до года. {кыеву}* (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (1110-е)).

К концу старорусского периода в текстах появляется вариант конструкции *год от году*, с исторической формой второго родительного падежа на -у. В примере (50), где говорится о воротнике сорочки Богородицы, показанной русским послам в Грузии, выделить значение конструкции затруднительно, но, руководствуясь контекстом, мы полагаем, что она могла иметь значение 'каждый год' или 'с каждым годом', схожее с древними контекстами вида (48) и (49). Однако в (50) конструкция уже фигурирует в сочетании с градуальным глаголом *зарастать*, вместе с которым ее значение приобретает знакомую семантику постепенного изменения признака.

- (50) *И мы про то спросили: «Чего ради ворот мал?». И архиморит Микулаз сказал: «Волею де божью год от году ворот зарастает» (Статейный список Федота Елчина (Грузия) (1639–1640)).*

В конце XVII в. также фиксируется вариант *от году* (51). Однако единичность этого употребления и отсутствие более ранних вхождений с ним предполагает, что, в отличие от *час от часу*, в данной конструкции первый элемент либо всегда был обязательной ее частью, либо ее первичное состояние до наращения не было зафиксировано в источниках.

- (51) *Соделавши убо из них онаго сорбет[у], блюдут от году в великих сосудех порцелляновых, на то учиненных, к потребе самому султану (А. Лызлов. Скифская история (1692)).*

К XVIII в. конструкция начинает употребляться чаще. Ее сочетаемость совпадает со всеми нефразеологическими типами предикатов конструкции *час от часу*. Изучение контекстов, где она употребляется, позволяет сделать вывод о том, что она принимает современное значение изменения каждый год, которое сохраняется до наших дней:

- (52) *Находящаяся предъ устьемъ Невы рѣки мгли годъ отъ году становятся выше, а по прошествіи одного или двухъ вѣковъ безспорно подымутся выше воды, и со встѣмъ въ острова превратятся, какъ уже и дѣйствительно помалу появляться начинаютъ (А. М. Разумов (перевод трактата В. Крафта с немецкого). Руководство къ Математической и Физической Географіи (1764)).*

В отличие от *час от часу*, конструкция *год от года / год от году* к XIX в. постепенно утрачивает старую форму второго родительного падежа на -у и начинает использоваться в современном варианте *год от года* (см. рис. 2).

По данным НКРЯ сложно сделать вывод о том, произошел ли какой-нибудь семантический переход у конструкции в рассматриваемый период. До XVIII в. лишь несколько контекстов скорее имеют семантику постоянности, в то время как позже конструкция начинает употребляться в значении постепенного изменения.

Таким образом, согласно корпусным данным, конструкция *год от года* (в более раннем варианте — *год от году*) уже с самых первых вхождений

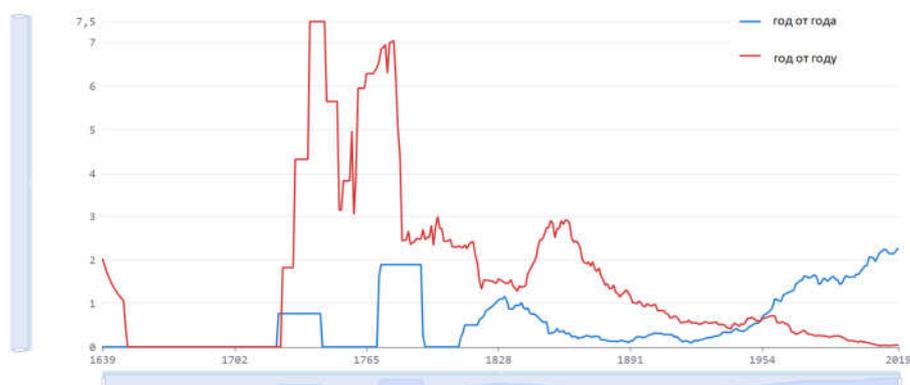

Рис. 2. Распределение конструкций *год от году* и *год от года* в НКРЯ (частота на миллион словоформ)

(конец XVII — начало XVIII в.) употребляется в контекстах, маркирующих постепенное изменение ситуации, схожих с современными. Теоретически конструкция *год от году* также могла повлиять на синтаксическое выравнивание конструкции *от часу*, но в силу большей частотности конструкции *день ото дня* и ее более длительного сосуществования с конструкцией *час от часу* (см. рис. 3) мы предполагаем, что именно конструкция *день ото дня* сыграла значительную роль в процессе уподобления.

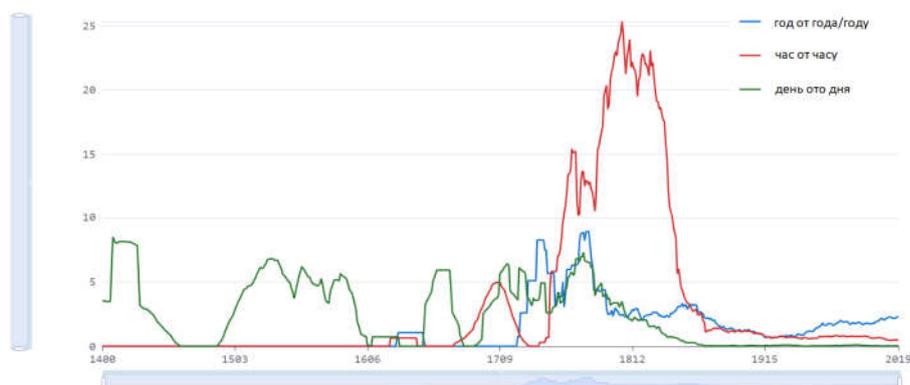

Рис. 3. Распределение конструкций *год от года / году*, *час от часу* и *день ото дня* (Панхронический корпус НКРЯ, период с XIV по XXI в., частота на миллион словоформ, со сглаживанием 20)

С учетом развития семантики постепенного изменения ситуации у всех трех конструкций к XVIII в. (изначально у *час от часу*, далее у *день ото дня* и у *год от года*) можно полагать, что с постепенной конвенционализацией конструкции *час от часу* и ее контекстуальным взаимодействием с конст-

рукцией *день ото дня* в сознании носителя развивается абстрактная конструкция⁴ вида *X от X-а* [Goldberg 2006: 98; Traugott, Trousdale 2013: 118], с общей категориальной семантикой постепенного изменения во времени и сочетающаяся с градуальными глаголами (ср. пример (50)). Данная протоконструкция выступает в качестве аттрактора [Traugott 2008: 237–238; Traugott, Trousdale 2013: 118] и задает общую схему, по аналогии с которой начинают интерпретироваться отдельные частные конструкции — в том числе *год от года*.

4.3. *Время от времени*

На синхронном уровне конструкция *время от времени* семантически выбивается из ряда временных конструкций, к которому она принадлежит в силу своего синтаксического сходства с ними. У Н. Ю. Шведовой [2011: 118] конструкция трактуется как синонимичная наречию *иногда*. Синтаксическая близость и семантическая различность *время от времени* и других временных конструкций ряда наводит нас на мысль о семантическом переходе. Ниже эта версия будет рассмотрена на корпусных данных.

В древнерусских текстах конструкция *время от времени* не фиксируется. В старорусских источниках используется композиционное темпоральное сочетание *от времени*, с дейктическим распространителем (53) употребляющаяся, по-видимому, в значении современной адвербиальной группы *со временем*. Кроме того, в корпусе с середины XVII в. фиксируются единичные вхождения сочетания *от времени до времени* (54), обозначающего совокупный протяженный промежуток времени службы (о подобной семантике конструкции см. также [Харламова 2024]):

- (53) *И от времени того во всех оных пристанищных градах нача султан турецкий соблюдения ради их имети многия воинства* (А. Лызлов. Скифская история (1692)).
- (54) *А исповедует за благо дареньем и памятует {л. 299} его царского величества милость и жалованье от времени до времени, что от его милости учинено ее большим гостем, Ивану Мерику, и почает то, что ему то учинено для ее* (Выписка в посольском приказе об англо-русских отношениях в XVI–XVII вв. (1615.01.03)).

В XVIII–XIX вв. конструкция *от времени до времени* идиоматизируется и расширяет сферу своего использования, развивая значение, близкое к со-

⁴ В англоязычных работах по Грамматике конструкций это понятие носит название схемы («schema»): «In our view linguistic schemas are abstract, semantically general groups of constructions, whether procedural or contentful» [Traugott, Trousdale 2013: 14]. В русскоязычных исследованиях, опирающихся на Грамматику конструкций, для обозначения единой серии конструкций, объединенных по общим синтаксическим и/или семантическим признакам, также фигурирует термин «(мезо)конструкция» [Герасимов 2016]. В нашей работе мы будем называть подобные схемы протоконструкцией.

временному 'иногда' (см. (55), (56)) и к современной конструкции *время от времени*. Параллельно в текстах начинает массово употребляться и сама конструкция *время от времени*. На протяжении XVIII–XX вв. можно видеть, что она фактически сосуществует с более ранней конструкцией *от времени до времени*, а затем вытесняет последнюю (см. рис. 4).

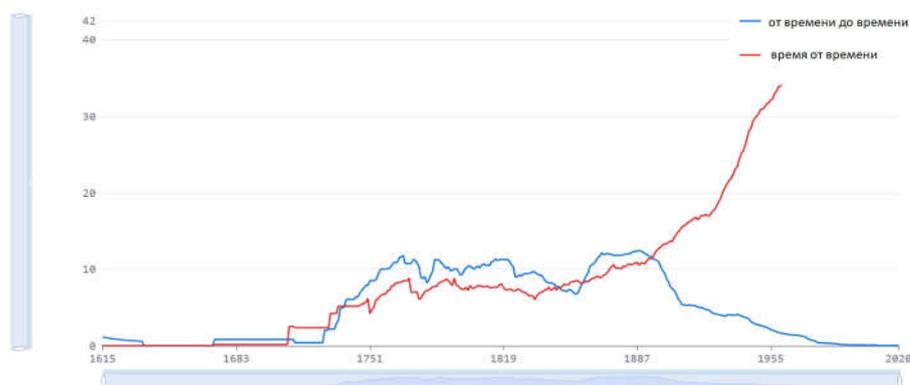

Рис. 4. Распределение конструкций *время от времени* и *от времени до времени* в Панхроническом корпусе НКРЯ (частота на миллион словоформ, сглаживание 20)

Тем не менее в период XVIII в. конструкция *от времени до времени* еще полисемична: она развивает как семантику эпизодичности (см. (55), (56)), так и семантику постепенности (см. (57), (58)):

- (55) *Свахина и одного дружки должность состоитъ въ томъ, чтобы плясать и подносить; а другой дружка стоя передъ невѣстою безмолвень, держитъ въ рукахъ обнаженную саблю, которою помахиваетъ **отъ времени до времени** и ударяетъ въ потолокъ или въ матицу* (И. И. Лепехин. Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 году (1768–1769)).
- (56) *Собравшаяся въ нѣдрахъ горы вода, **время отъ времени** разводя каменной составъ, открывала себѣ путь далѣе; а вешняя вода, застоившаяся въ неровностяхъ на поверхности горы, подобнымъ же образомъ разводя каменное вещество, дѣлала глубокія ямы и борозды...* (И. И. Лепехин. Продолженіе Дневныхъ записокъ путешествія академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1770 году (1770)).
- (57) *Всякъ легко понять можетъ, что сіе говорится не о натуральномъ, но о моральическомъ состояніи свѣта, несмотря на то что есть люди, кои утверждаютъ, что свѣтъ, по натуральному и тѣлесному своему состоянію, мало по малу ветшая и приходя **отъ***

времени до времени въ большее несовершенство, становится хуже (Хуже ли свѣтъ сталь прежняго? (перевод с нем.) // Праздное время въ пользу употребленное. 1759 Годъ съ Юля мѣсяца, 1759).

- (58) *Приступим же ко временам, по истории гораздо просвещеннейшим, и поищем сих добродетелей: ибо сия часть истории российской от времени до времени* начинает показываться известною по иностранным писателям, потому что многие иностранцы начали приезжать в Россию (Н. И. Новиков. Кошелек. Еженедельное сочинение 1774 года (1774)).

Конструкция же *время от времени*, массовое употребление которой начинается в тот же период, также полисемична. В частности, она фиксируется с семантикой изменения с течением времени (59), схожей со значением конструкции *час от часу*, и употребляется с теми же предикатами. Вместе с тем конструкция встречается и в современном значении 'иногда' (см. (60), (61)). Кроме того, некоторые контексты семантически могут быть охарактеризованы как синонимы современной конструкции *спустя время* за счет используемого с ними совершенного вида (см. (62), (63)). По корпусным данным можно видеть, что в XIX в. за конструкцией закрепляется привычное нам значение 'иногда'.

- (59) *Понеже Царствующий Град Санктпетербург ныне, за Помощию Всевышняго Бога, имеет наиразширнейшее селение, которое **время от времени** всюду далее разпростирается* (...) (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)).
- (60) ***Время от времени** нравы переменяются, а с ними и нравоучительные правила подвержены такой же перемене: ваша древняя любовь к отечеству переменилася на новую любовь к самому себе* (Н. И. Новиков. Кошелек. Еженедельное сочинение 1774 года (1774)).
- (61) *Дней черезъ десять дѣйствительно почувствовалъ я въ себѣ нѣкоторую перемѣну: сонъ и позывъ на пищу сдѣлались лучше, а особливо обрадовался я, что голова моя стала меньше кружиться, и хотя **время отъ времени возвращались** те же припадки однако рѣже и не такъ сильны* (А. С. Шишков. Записки (1780–1814)).
- (62) *Но ныне, Помощию Всевышняго, чрезъ сорокъ осемь летъ, Санктпетербург **время от времени умножился** довольно своими природными жителми, такъ что уже ныне видитъ сей Градъ своихъ сыновъ природныхъ* (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)).
- (63) *Прежде писывали одною только краскою, а потомъ **время отъ времени** нашли разные, и стали писать и приводить въ совершенство, такъ какъ нынѣ видимъ* (В. Тузов. Поденьшина, или Ежедневныя изданія (1769)).

К середине XIX в. конструкции *от времени до времени* и *время от времени* постепенно сужают поле своих возможных значений, закрепляя в качестве единственного значение периодичности, близкое к современному *иногда*:

- (64) *Но у Трифонова хотя и было очень много вещей, совершенно не напоминавших современности, однако же не получалось и полного успокоения, потому что и сюда **от времени до времени** залетали слухи о новых судах, о честности, о железной дороге...* (Г. И. Успенский. Наблюдения Михаила Ивановича // Из цикла «Разоренье» (1869)).
- (65) *Все они, по-видимому, воскрешали перед отцом протопопом целый мир воспоминаний, к которым старший поп Старого Города любил **от времени до времени** обращаться* (Н. С. Лесков. Божedomы (1868)).
- (66) — *Настоящие ловцы зимние, я говорю, в два невода ловят: это двойники, начал рассказывать Леонтий Иванович, **от времени до времени** прихлебывая чаек, вот соберется народъ, человекъ двадцать ловцовъ, или тамъ тридцать, у кажинаго ловца шестнадцать сажень стьей, а у кажинныхъ двухъ ловцовъ есть по лошади съ санями, со всею снастю, какъ запречь надлежитъ* (П. И. Якушкин. Из Новгородской губернии (1859)).
- (67) *Но забавнее всего было положение Гриши; он **от времени до времени** задавал себе вопрос: когда же, наконец, новый учитель начнет свой урок?* (И. В. Оммулевский. Шаг за шагом (1870)).
- (68) *Пока немецки-прелестная особа была еще «в поре» — превосходительный ловелас и покровитель оказывал ей **время от времени** знаки своего сердечного благоволения — в силу старой привычки* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5 (1867)).

Развившаяся синонимия конструкций дает почву для языковой избыточности, которая впоследствии устраняется путем постепенной утраты конструкции *от времени до времени* (см. рис. 4) и закреплением конструкции *время от времени* как основной немаркированной идиомы с данной семантикой.

Таким образом, конструкция *время от времени* хоть и могла в начале своего употребления в XVIII в. иметь значение постепенности (59) — по-видимому, по аналогии с *час от часу* и *год от года*, в соответствии с актуализацией более общего якоря вида *X от X-а* (см. раздел 4.2), — в период XVIII–XIX вв. она тесным образом интерферировалась с другой, ранее существовавшей конструкцией *от времени до времени* и постепенно переняла ее семантику, отойдя от инвариантного значения постепенного изменения в ряду *X от X-а*. Дополнительным аргументом, объясняющим отход идиомы *время от времени* от данного ряда, может быть морфология якоря: парадигма лексемы *время* отличается от парадигмы прототипических односложных слов мужского рода вида *год, час, день*.

Что касается наращения у конструкции *от часу* элемента *час*, то конструкция *время от времени* теоретически могла отчасти способствовать данному процессу, но, судя по датам ее первых употреблений, она скорее не спровоцировала, а ускорила этот процесс (см. рис. 5).

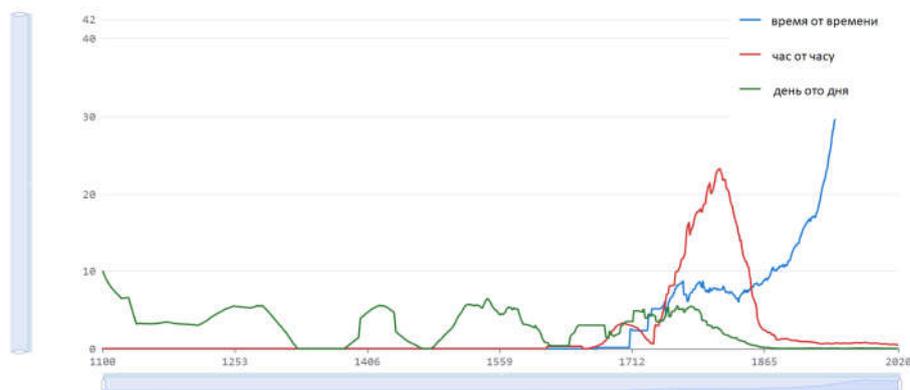

Рис. 5. Распределение конструкций *время от времени*, *час от часу* и *день ото дня* в Панхроническом корпусе НКРЯ (частота на миллион словоформ, сглаживание 20)

5. Заключение

Подводя итог изучению семантики и сочетаемости конструкции *час от часу*, стоит резюмировать основные выводы, полученные в ходе исследования. Так, с помощью корпусного анализа удалось выяснить, что конструкция возникла не позднее XVI в., хотя в лексикографических источниках ее толкование впервые фиксируется только в первой половине XIX в. Первичной же была конструкция *от часу*, которая активно употреблялась до середины XIX в., пока ее не вытеснила конструкция *час от часу*, образованная наращением первого элемента по аналогии с конструкцией *день ото дня*. Конструкция присоединяла к себе шесть разных типов предикатов в зависимости от градуальности глагола и прагматической ситуации, последний из которых — фразеологизированная дискурсивная формула *час от часу не легче* — оформилась как наиболее частый тип употребления к концу XIX в. Вместе с учащением распространенности фразеологизма сочетаемость конструкции с другими предикатами начинает массово сужаться.

Сопоставительный анализ временных конструкций вида *X от X-а* дает нам возможность сделать несколько выводов, релевантных для конструкции *час от часу* и для всего ряда конструкций в целом. Если рассматривать весь ряд, в разное время его элементы обозначали постоянность, постепенное изменение, а также периодичность признака. Значения в ряду как развивались по аналогии, так и, наоборот, расподоблялись. Раньше всех в языке образовалась конструкция *день ото дня* в значении ‘каждый день’. Конструкция *от часу*, появившаяся не позднее XVI в., по аналогии с ней к XVIII в. наращивает элемент *час*, тогда как *день ото дня*, напротив, развивает семантическое значение постепенного изменения признака, упо-

добляясь инновативной конструкции *час от часу* и формируя абстрактную протоконструкцию по модели *X от X-a*, куда в дальнейшем встраивается ранее полисемичная конструкция *год от года*. К XVIII в. в корпусе фиксируется и конструкция *время от времени*, также изначально полисемичная и допускающая инвариантную семантику постепенного изменения признака. Однако в дальнейшем данная конструкция интерферируется с более ранней конструкцией *от времени до времени*, с семантикой периодичности, и покидает инвариантный ряд *X от X-a*.

Впоследствии *час от часу*, в отличие от конструкции *год от года*, не адаптирует современную форму родительного падежа на *-а* вместо устаревающего второго родительного. Кроме того, по сравнению с конструкциями *день ото дня*, чья семантика выравнивается по аналогии с *час от часу*, и *время от времени*, которая развивает отличную от инвариативного значения ряда семантику, конструкция *час от часу* на пути своего развития претерпевает иного рода семантический переход, а именно — прагматикализацию в качестве дискурсивной формулы *час от часу не легче*.

Поскольку основное внимание в работе уделялось конструкции *час от часу*, отдельные изменения, произошедшие с другими конструкциями ряда *X от X-a* остались за рамками данного исследования. Более детальное изучение этимологии и семантики других временных конструкций с теми же временными лексемами позволит расширить выборку и уточнить выводы о происхождении и диахроническом развитии описанных здесь конструкций. Тем не менее даже данная выборка показывает, какие разные процессы могут происходить с, на первый взгляд, близкими конструкциями на небольшом временном отрезке.

Источники

Аванесов 1988 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3: добродетельно — изгнана / Р. И. Аванесов (ред.). М., 1988.

Аксаков 1859 — К. С. Аксаков. Критический разбор: опыта исторической грамматики русского языка, Ф. Буслаева. Ч. 2 // Русская беседа. 1859. № 6 (18). С. 1–122.

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (ред.). СПб., 2000.

Буслаев 1858 — Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка Ф. Буслаева. М., 1858.

Даль 1866 — Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р–V. / Сост. В. И. Даль. М., 1866.

Дмитриев 2003 — Толковый словарь русского языка (электронный документ) / Д. В. Дмитриев (ред.). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/fc/slovar-215-1.htm#zag-5833>

Ожегов, Шведова 2006 — Толковый словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. М., 2006.

САР 1794 — Словарь Академии Российской. Ч. VI: от Т и до конца. СПб., 1794.

Срезневский 1893 — Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 1: А — К / Сост. И. И. Срезневский. СПб., 1893.

СЦРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. IV: P–V. СПб, 1847.

ТСРЯ 2 — Толковый словарь русского языка. Т. 2: Л — Ояловеть / Д. Н. Ушаков (ред.). М., 1938.

ТСРЯ 4 — Толковый словарь русского языка. Т. 4: С — Ящурный / Д. Н. Ушаков (ред.). М., 1940.

ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц / Сост. А. И. Федоров. М., 2008.

Шведова 2011 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слова / Сост. Н. Ю. Шведова. М., 2011.

Литература

Бычкова 2020 — П. А. Бычкова. Свойства дискурсивных формул на примере русских конструкций *ты что* и *что ты* // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2 (40). С. 88–111.

Герасимов 2016 — Д. В. Герасимов. Интенсификатор «до ужаса» в русском языке на пути грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. XII, № 1. С. 336–363.

Жукова и др. 2019 — С. Ю. Жукова, Б. В. Орехов, Е. В. Рахилина. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 21. С. 142–164.

Исаева 2008 — И. А. Исаева. Градуальная семантика глагола в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Кустова 2011 — Г. И. Кустова. Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Розенталь и др. 2014 — Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. Современный русский язык. М.: Айрис-пресс, 2014.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Несовершенный вид. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2013.

Харламова 2024 — Д. С. Харламова. Изучить *от корки до корки*: история одного интенсификатора // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 127–147.

Яскевич и др. 2022 — А. А. Яскевич, П. А. Бычкова, Е. А. Слепак, Е. В. Рахилина. База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 45–62.

Barðdal et al. 2015 — J. Barðdal, J. E. Smirnova, L. Sommerer, S. Gildea (eds.). Diachronic Construction Grammar. Amsterdam: John Benjamins, 2015.

Bybee 2003 — J. Bybee. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // B. Joseph, R. Janda (eds.). The Handbook of Historical Linguistics. Oxford: Blackwell, 2003 P. 602–623.

Daniel 2014 — M. Daniel. The Second Genitive in Russian // Partitive cases and related categories / S. Luraghi, T. Huomo (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2014. P. 347–378.

Fischer 2011 — O. Fischer. Grammaticalization as analogically driven change? // The Oxford Handbook of Grammaticalization / H. Narrog, B. Heine (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 31–42.

Gildea, Barðdal 2023 — S. Gildea, J. Barðdal. From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm // Studies in Language. 2023. Vol. 47 (4). P. 743–788.

Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. On directionality in language change with particular reference to grammaticalization // Up and down the Cline — The nature of Grammatixalization [Typological Studies in Language] / O. Fischer, M. Norde, H. Peridon (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 17–44.

Hilpert 2008 — M. Hilpert. Where did this future construction come from? A case study of Swedish komma att V // Constructions and language change / A. Bergs, G. Diewald (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2008. P. 107–131.

Kennedy, McNally 2005 — C. Kennedy, L. McNally. Scale structure and the semantic typology of gradable predicates // Language. 2005. 81 (2). P. 345–381.

Lehmann 1995 — Ch. Lehmann. Thoughts on Grammaticalization. Munich: LINCOM EUROPA, 1995. (2nd revised ed. of Thoughts on Grammaticalization: A Programmatic Sketch, 1982).

Narrog, Heine 2011 — The Oxford handbook of grammaticalization / H. Narrog, B. Heine (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2011.

Onodera 2011 — N. O. Onodera. The grammaticalization of discourse markers // The Oxford Handbook of Grammaticalization / H. Narrog, B. Heine (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 450–461.

Sommerer, Smirnova 2020 — Nodes and networks in Diachronic Construction Grammar / L. Sommerer, E. Smirnova (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2020.

Traugott 2008 — E. C. Traugott. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English // Variation, Selection, Development: Probing the Evolutionary Model of Language Change / R. Eckardt, G. Jäger, T. Veenstra (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 219–250.

Traugott, Trousdale 2013 — E. C. Traugott, G. Trousdale. Constructionalization and constructional change. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Trousdale 2012 — G. Trousdale. Grammaticalization, constructions, and the grammaticalization of constructions // Grammaticalization and Language Change: New Reflections / K. Davidse, T. Breban, L. Brems, T. Mortelmans (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 167–198.

Yaskevich et al. 2022 — A. Yaskevich, P. Vychkova, E. Koziuk, E. Rakhilina, E. Slepak, A. Utkina, S. Zhukova, T. Zotova. The Russian Pragmaticon. An electronic database of the Russian pragmatic constructions. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru/exp/879>

Anna V. Panova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
panova.anna.2004@gmail.com

Evgeniya V. Budennaya

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
Institute of Linguistics RAS
(Moscow, Russia)
jane.sdrv@gmail.com

**OUR CIRCLE IS *HOURLY* THINNING OUT: ON DIACHRONY
OF SEMANTICS AND COLLOCATIONS OF THE CONSTRUCTION *ČAS OT ČASU***

In the article, the evolution of semantics and collocations of the construction *čas ot času* ‘hour by hour’ is considered within the framework of Diachronic Construction Grammar. This construction belongs to the type *X ot X-a* ‘*X by X*’ with the temporal meaning (*den’ oto dnja* ‘day by day’, *god ot goda* ‘year by year’, etc.), but is subject to semantic processes that do not occur with other constructions of the series. In particular, it has undergone pragmaticalization and has evolved into a pragmatic marker of negative assessment of a course of events. Based on the analysis of the corpus data, the article traces the etymology of the construction *čas ot času*, its origin by accretion from the earlier construction *ot času*, by analogy with the construction *den’ oto dnja* ‘day by day’, and its semantic alignment with the latter, with the development of the general model *X ot X-a*.

Keywords: Russian, Construction grammar, diachrony, semantics, pragmaticalization.

References

- Barðdal, J., Smirnova, J. E., Sommerer, L., & Gildea, S. (Eds.). (2015). *Diachronic Construction Grammar*. Amsterdam: John Benjamins.
- Bybee, J. (2003). Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. In B. Joseph, & R. Janda (Eds.), *The Handbook of Historical Linguistics* (pp. 602–623). Oxford: Blackwell.
- Bychkova, P. A. (2020). Svoistva diskursivnykh formul na primere russkikh konstruktivnykh *ty chto i chto ty*. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(40), 88–111.
- Daniel, M. (2014). The Second Genitive in Russian. In S. Luraghi, & T. Huomo (Eds.), *Partitive cases and related categories* (pp. 347–378). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Fischer, O. (2011). Grammaticalization as analogically driven change? In H. Narrog, & B. Heine (Eds.), *The Oxford Handbook of Grammaticalization* (pp. 31–42). Oxford: Oxford University Press.
- Gerasimov, D. V. (2016). Intensifikator «do uzhasa» v russkom iazyke na puti grammatikalizatsii. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 12(1), 336–363.
- Gildea, S., & Barðdal, J. (2023). From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm. *Studies in Language*, 47(4), 743–788.

Goldberg, A. E. (2006). *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press.

Haspelmath, M. (2004). On directionality in language change with particular reference to grammaticalization. In O. Fischer, M. Norde, & H. Peridon (Eds.), *Up and down the Cline — The nature of Grammatixalization [Typological Studies in Language]* (pp. 17–44). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Hilpert, M. (2008). Where did this future construction come from? A case study of Swedish komma att V. In A. Bergs, & G. Diewald (Eds.), *Constructions and language change* (pp. 107–131). Berlin: De Gruyter Mouton.

Iskevich, A. A., Bychkova, P. A., Slepak, E. A., & Rakhilina, E. V. (2022). Baza diskursivnykh formul russkogo iazyka «Pragmatikon». *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 2(32), 45–62.

Isaeva, I. A. (2008). *Gradual'naiia semantika glagola v sovremennom russkom iazyke* (Doctoral dissertation summary). Mordovian State Pedagogical Institute, Moscow.

Kennedy, C., & McNally, L. (2005). Scale structure and the semantic typology of gradable predicates. *Language*, 81(2), 345–381.

Kharlamova, D. S. (2024). *Izuchit' ot korki do korki: istoriia odnogo intensivikatora. Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 127–147.

Lehmann, Ch. (1995). *Thoughts on Grammaticalization*. Munich: LINCOM EUROPA.

Narrog, H., & Heine, B. (Eds.). (2011). *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.

Onodera, N. O. (2011). The grammaticalization of discourse markers. In H. Narrog, & B. Heine (Eds.), *The Oxford Handbook of Grammaticalization* (pp. 450–461). Oxford: Oxford University Press.

Rozental', D. E., Golub, I. B., & Telenkova, M. A. (2014). *Sovremennyi russkii iazyk*. Moscow: Airis-press.

Sommerer, L., & Smirnova, E. (Eds.). (2020). *Nodes and networks in Diachronic Construction Grammar*. Amsterdam: John Benjamins.

Traugott, E. C. (2008). Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English. In R. Eckardt, G. Jäger, & T. Veenstra (Eds.), *Variation, Selection, Development: Probing the Evolutionary Model of Language Change* (pp. 219–250). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Traugott, E. C., & Trousdale, G. (2013). *Constructionalization and constructional change*. Oxford: Oxford University Press.

Trousdale, G. (2012). Grammaticalization, constructions, and the grammaticalization of constructions. In K. Davidse, T. Breban, L. Brems, & T. Mortelmans (Eds.), *Grammaticalization and Language Change: New Reflections* (pp. 167–198). Amsterdam: John Benjamins.

Zhukova, S. Yu., Orekhov, B. V., Rakhilina, E. V. (2019). Diskursivnye formuly russkogo iazyka: diakhronicheskii podkhod. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 21, 142–164.

Received on March 25, 2024

А. Н. БАРАНОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
baranov-anatoly@hotmail.com

М. М. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
voznesh-masha@yandex.ru

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
dm-dbrv@yandex.ru

К. Л. КИСЕЛЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
xkisseleva@gmail.com

А. Д. КОЗЕРЕНКО

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
akozerenko@mail.ru

Е. В. ШАРАПОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
katyasharapik@gmail.com

РУССКАЯ ИДИОМАТИКА В ДИНАМИКЕ: ИСТОЧНИКИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье освещаются основные направления изучения динамики системы идиом с XIX по XX–XXI вв. в рамках проекта, который осуществляется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Рассматриваются лексикографические источники проекта: толковые словари XVIII–XIX вв. и собственно фразеологические словарные издания. Описываются и характеризуются особенности представления словарной информации об идиомах в каждом источнике. Основной источник корпусных данных об употреблении идиом — Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Особое внимание обращается на сложности, которые возникают при изучении идиом XIX в. Эти сложности связаны в первую очередь с ограниченностью корпусных данных. В НКРЯ собраны преимущественно письменные тексты, а подкорпус XIX в. состоит исключи-

тельно из письменных текстов. Лишь небольшая группа писателей, вероятно, отражала устные речевые практики XIX в., хотя и в художественном преломлении. Еще одна сложность связана с тем, что интуиции носителей русского языка XX–XXI вв. недостаточно для правильной интерпретации семантики идиом XIX в. В статье рассматриваются примеры изменения формы и значения русских идиом.

Ключевые слова: фразеология, идиомы, диахронические изменения, русский язык XIX в.

1. Постановка задачи

Исследование динамики функционирования фразеологической системы предполагает выделение временного периода, который достаточен для иллюстрации тенденций развития этой части лексики русского языка. По нашим представлениям, период с XIX по начало XXI в. репрезентативен для решения этой задачи. В настоящей статье основное внимание обращается на сбор данных по идиоматике языка XIX в. При этом делаются также некоторые предварительные выводы о тенденциях развития идиом для всего указанного временного периода.

Русский язык XIX в. недостаточно изучен в современной русистике и в отношении синтаксиса, и в отношении лексического состава — даже на уровне словарного описания. Петербургский проект словаря русского языка XIX в. [Материалы 2008], судя по публикациям, находится в стадии подготовки. Аналогичная ситуация наблюдается с исследованиями фразеологии XIX в. Имеющиеся прецеденты относятся к творчеству отдельных писателей и поэтов. Фразеологизмы присутствуют в словарных статьях авторских словарей: в [Словарь языка Пушкина 2000; Словарь языка Достоевского 2001], а также в «Словаре языка Грибоедова» (см. [Поляков 2008]) как «заромбовая» часть словарной статьи. Существуют и специальные фразеологические словари отдельных авторов XIX в. Так, фразеология А. Н. Островского представлена в [Ломов 1988], крылатые выражения А. С. Пушкина — в [Мокиенко, Сидоренко 1999], фразеология Л. Н. Толстого — в [Ломакина 2018], элементы фразеологии И. С. Тургенева описаны в [Марканова 1968]. Таким образом, последовательное, системное изучение состава и функционирования идиом русского языка рассматриваемой эпохи в современной русистике отсутствует.

При формировании генерального словника идиом XIX в. исследователь сталкивается с целым рядом проблем. Во-первых, известные словари [Максимов 1955; Даль 1989; Снегирев 1999], в которых фрагментарно фиксируется идиоматика, не отвечают современным представлениям о сущности идиомы и включают разнообразную — в том числе непроверенную — информацию об образных выражениях различной структуры, семантики и прагматики. Хотя словарь М. И. Михельсона и называется фразеологическим: «⟨...⟩ опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказа-

ний», — по существу он включает самые различные речевые формы — то, что автор считает интересным.

Во-вторых, русский язык XIX в. доступен только в письменной фиксации, иными словами, невозможно провести анализ разговорного языка XIX в.

В-третьих, русский язык XIX в. отличается от современного русского языка и лексически, и часто грамматически. Следовательно, интуиция носителя современного русского языка не всегда позволяет правильно квалифицировать те или иные выражения и судить об их значениях. Тем не менее задача описания идиоматики XIX в. остается актуальной и требует своего решения — даже с учетом указанных ограничений.

В проекте, который осуществляется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова (участники проекта: А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко, Е. А. Осокина, Е. В. Шаропова), ставится задача формирования генерального словника идиоматики XIX в., выявления контекстов употребления идиом и описания их значения с точностью до тех возможностей, которые предоставляют современные корпусные технологии и способы хранения текстовой информации.

Один из важнейших этапов — это создание генерального словника в виде компьютерной базы данных, которая включает информацию о словарной форме идиомы, ее употреблении, фиксации в словарных источниках, о специфических характеристиках семантики. По имеющимся оценкам, объем генерального словника — более 4000 идиом.

2. Характеристика источников

Генеральный словник идиом составляется по словарям, которые отражают динамику фразеологии на протяжении XIX в.: первый по времени издания — Словарь Академии Российской (конец XVIII в.) [САР 1789–1794], последний — словарь, составленный М. И. Михельсоном (начало XX в.) [Михельсон 1912]. При этом последний по времени издания словарь — М. И. Михельсона — одновременно первый, в котором говорится о фразеологии как о самостоятельной научной дисциплине и об отдельной подсистеме внутри системы языка и ставится цель ее сколько-нибудь полного описания. Словари фразеологизмов в нашем понимании в XIX в. не составлялись по той простой причине, что отсутствовало современное представление о фразеологии и об отдельных типах фразеологических единиц — в частности, об идиомах. Как и свободные словосочетания, идиомы присутствуют в словарях как иллюстративные примеры. Отдельные идиомы включались в сборники разнообразных устойчивых и образных выражений, поэтому в состав источников для генерального словника идиом вошли такие словари указанного типа, как [Максимов 1955] и [Даль 1989], а также толковые словари [САР 1789–1794] и [Даль 1903–1909].

[САР 1789–1794] — первый академический толковый словарь русского языка. Словарь построен по принципу словообразовательных гнезд и часто содержит устойчивые выражения (идиомы и коллокации) в иллюстративных примерах: *хоронить концы, хлебное место, правая рука*. Отдельно задача описания идиоматики в словаре не ставилась. Описание подобных разговорных и экспрессивных выражений — «низки, а некоторые и не благопристойны» [Там же, т. 1, XIV] — одновременно отражало представления той эпохи об иерархии стилей и жанров.

Объектом описания в словаре является «язык Славенороссийский» [Там же: V], т. е. словарь отражает ситуацию диглоссии (дополнительное распределение церковнославянского и русского языков в различных сферах жизни общества), поэтому содержит большое количество церковнославянских слов и выражений, которые впоследствии стали идиоматичными: *мир дому сему, влить вино новое в мехи новые* и др.

«Толковый словарь живого великорусского языка» создавался В. И. Далем с 1819 г., первое издание вышло в 1863–1866 гг., второе — в 1880–1882 гг. В нашей работе в качестве источника использовалось третье издание под редакцией И. А. Бодуэна-де-Куртене [Даль 1903–1909], который, устраняя необоснованные сближения на основе этимологии, исправил распределение слов по гнездам с учетом значения слов. Кроме того, он дополнил словарь лексическими единицами из собственных записей, из «Опыта областного великорусского словаря» и дополнений к нему (изданных в 1852 и 1858 гг. соответственно) [Опыт 1852], а также некоторыми выражениями из [Словарь 1891–1930]. Основным источником словаря В. И. Даля была устная народная речь, записанная самим автором и его современниками.

При создании сборника [Даль 1989] (первое издание вышло в 1862 г.) В. И. Даль ориентировался прежде всего на народную речь и фольклор. Среди печатных источников сборника автор называет словарь [Снегирев 1999], изданный в 1848 г., а также сборник [Княжевич 1822]. По этой причине последние два источника мы не использовали для составления генерального словника.

[Максимов 1955] представляет собой не строго научный и не строго лексикографический, а скорее беллетристический опыт толкования «крылатых слов». Книга состоит из очерков, которые содержат много экстралингвистического — исторического и культурно-этнографического — материала. В нашем понимании «крылатые слова» не являются идиомами. Крылатые слова — это разнообразные устойчивые сочетания, которые определяются на нелингвистических основаниях: говорящие воспринимают их как цитату из общеизвестного источника [Баранов, Добровольский 2008: 70–73]. Хотя термин «крылатые слова» входит в название сборника С. Максимова, его интересовали не столько «крылатые слова», сколько слова и словосочетания из народной речи с неясной внутренней формой, поэтому в его сборник попало большое количество идиом (*в дугу гнут, впросак попасть, лясы точат* и др.).

При работе с фразеологическим словарем М. И. Михельсона использовалось второе издание [Михельсон 1912]. Состав словника определяется тем, что автор понимает под фразеологией. Словарь содержит собственно идиомы, а также пословицы, крылатые выражения (цитаты), коллокации с терминологическим значением и отдельные слова в переносном значении. В проекте, разумеется, учитывались только идиомы.

Поиск примеров употребления идиом осуществлялся в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ), в работе над проектом использовались тексты основного корпуса с XVIII в. по настоящее время, тексты газетных корпусов, корпусов «Русская классика» и «Социальные сети». Некоторые примеры на современные употребления идиом-неологизмов взяты из рунета. Нижняя временная граница соответствует языку, который представлен в [САР 1789–1794]. При определении временной границы между подкорпусами XIX и XX вв. мы считали, что заметные изменения в лексическом составе происходят не по календарным датам, а под влиянием социально-политических и экономических событий. Начало Первой мировой войны в 1914 г. естественно рассматривать как рубеж в развитии лексической системы русского языка. В силу сказанного все контексты употребления идиом до 1914 г. относились нами к XIX в.

В ряде случаев в словник включались идиомы из произведений художественной литературы XIX в., отсутствующие в указанных словарных источниках и обнаруженные участниками проекта в процессе работы по сбору материала.

3. Структура генерального словника

Единицами словника являются идиомы, т. е. «сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости» [Баранов, Добровольский 2013: 69].

Технически словник включен в реляционную базу данных в формате таблиц, выполненных на платформе Google, тем самым технические возможности обработки лексикографической информации определяются выбранным компьютерным инструментарием. Каждая запись в базе данных имеет девять позиций: 1) исходная форма в словаре-источнике; 2) значение; 3) указание на словарь-источник; 4) предлагаемая лемма (с номером значения); 5) компонент идиомы, по которому осуществляется алфавитизация; 6) примеры из словарных и корпусных источников XIX в.; 7) примеры из НКРЯ (подкорпусов XX и XXI вв.); 8) показатель динамики (исчезновение единицы, ее сохранение и изменение); 9) примечания.

Охарактеризуем кратко каждую из этих позиций. Одна из известных особенностей фразеологических единиц состоит в том, что фразеологизмы допускают значительное варьирование формы. Это варьирование по-разному фиксируется в различных словарных источниках. Поскольку априори

не ясно, какая из форм была основной для русского языка XIX в., в процессе сбора материала фиксировались все формальные варианты, представленные в исследованных словарях. Соответствующая информация помещалась в позицию 1 «Исходная форма в словаре-источнике».

Описание значения идиомы — сложная исследовательская задача, и проанализированные словари решали ее по-разному. В некоторых случаях она не ставилась в принципе, например в [Даль 1989] (при этом могло быть краткое замечание автора — особенно тогда, когда выражение было исключительно диалектным или малоизвестным). В других случаях (например, в [Михельсон 1912]) толкования присутствовали. Информация такого типа представлена в позиции 2 «Значение».

В позиции 3 «Указание на словарь-источник» давалось сокращение, обозначающее соответствующий словарь, — одно или несколько. Зафиксированные варианты идиомы (позиция 1) сводились к одной базовой форме. При этом учитывались как информация из НКРЯ о функционировании идиомы, так и интуиция исследователя, а также принимался во внимание словник [Тезаурус 2007], содержащий более 8000 русских идиом в лемматизированной форме, многие из которых присутствовали и в русском языке XIX в. Унифицированная словарная форма идиом фиксируется в позиции 4 «Предлагаемая лемма (с номером значения)».

Принципы выбора базового компонента для алфавитизации идиом описаны в [Баранов, Добровольский 2013: 265–266]. Эти правила соблюдались при лемматизации генерального словника. Наличие позиции 5 «Компонент идиомы, по которому осуществляется алфавитизация» позволяет сгруппировать идиомы по внешним формальным характеристикам и избежать повторов.

Важная часть осуществляемого проекта — иллюстративные примеры, источником которых служит НКРЯ и проанализированные словари. Отобранные примеры представлены в позиции 6 «Примеры из словарных и корпусных источников XIX в.» и 7 «Примеры из НКРЯ (подкорпусов XX и XXI вв.)». Сопоставление употреблений, относящихся к различным временным периодам, позволяет исследовать динамику изменений в русской фразеологической системе. Результаты сопоставления отражаются в позиции 8 «Показатель динамики», в которой фиксируются исчезновение единицы, ее сохранение и изменение.

Последняя позиция 9 «Примечания» носит вспомогательный характер и заполняется лишь в тех случаях, когда необходимо сделать комментарий, касающийся формы и семантики идиомы и других особенностей ее бытования в дискурсе.

4. Динамика развития русской идиоматики

4.1. Динамика состава

Под динамикой состава мы понимаем изменение словника русских идиом от XIX в. к началу XXI в., т. е. возникновение новых идиом в XX

и XXI вв. и исчезновение идиом, имевшихся в текстах XIX в. Соответственно, можно говорить о трех группах идиом:

- новые идиомы, возникшие в XX–XXI вв.,
- старые идиомы, употреблявшиеся в текстах XIX в. и исчезнувшие в XX в.,
- неизменная часть — идиомы, сохранившиеся в текстах от XIX к XXI в.

При этом данные об идиоматике XIX в. мы черпаем из источников, основанных на материалах в том числе XVIII в. (ср. [САР 1789–1794]).

4.1.1. Возникновение новых идиом

По нашим наблюдениям за языком XIX в. именно в этот период происходит идиоматизация целого ряда разговорных выражений русского языка. Если разнообразие библеизмы и цитаты из прецедентных текстов встречаются и ранее (ср. *агнец непорочный, принять свой крест, отец лжи*)¹, то многие распространенные современные разговорные выражения формируются именно в проанализированных нами текстах XIX в. Об этом свидетельствует, в частности, неустойчивость формы и набора значений ряда идиом, ср. описание идиом с компонентом *глаза*, а также описание изменения набора значений идиомы *иметь в виду* от XIX к XX в. в [КМИД 2021, разделы 3.2 и 3.3].

Нас, однако, будет интересовать не возникновение новых идиом в XIX в. как таковое, поскольку мы не имеем достаточных сведений об инвентаре идиом, использовавшихся в текстах XVIII в., а последующая динамика инвентаря идиом с XIX в. по XX–XXI вв. Исходный пункт анализа — словник идиом XIX в., который был сформирован по имеющимся словарным и корпусным источникам. Отметим, что отсутствие идиомы в словарных источниках и корпусах XIX в. еще не означает, что она не употреблялась в XIX в. — такое отсутствие может указывать на недостаточность корпусов или неполноту словарей (подробнее см. выше, в разделе 2). С определенностью можно судить о том, что идиома не была представлена в текстах XIX в., только для следующих типов идиом:

- идиомы с новыми лексическими компонентами;
- идиомы, обозначающие новые реалии;
- идиомы, возникшие на основе прецедентных текстов XX и XXI вв.;
- идиомы, возникшие на основе официального или общественного дискурса XX и XXI вв.

Рассмотрим их подробнее. Идиомы с новыми лексическими компонентами — это такие фразеологизмы, где в компонентном составе есть слова или словосочетания, которых не было в XIX в.: *на автопилоте* — ‘не задумываясь’; *под дулом автомата* — ‘под принуждением’; *авоськой сте-*

¹ Ср. более подробное обсуждение истории библейских фразеологизмов в исследовании В. Г. Гака [1997].

банутый — ‘странный, заторможенный’; *интересное кино* — ‘нечто неожиданное и странное’; *страшнее атомной войны* — ‘очень некрасивый’.

Ср. современные примеры употребления таких идиом:

- (1) Жил в Елабуге мужик Коля. Нормальный мужик вроде, столяр, но был у него бзик нехилый — крепко двинулся на пасанской теме. <...> Взял друга своего, пузатого Саньку и под кассету «Кровосток» тронулся срубать налик по району. А времена уже не те, с духовым ружьём коммерции не сделаешь. Крепко доставалось ему от мордатых секьюрити — хорошо хоть живым отпускали, видели что *авоськой стебанутый* (LiveJournal (2006)).
- (2) — Мне стало известно, что Литваку предлагали очень большую взятку за то, чтобы Ольга не получила эту премию. — *Интересное кино*, — протянул я, невольно останавливаясь. — А кто, если не Ольга? (А. Маринина. Черный список (1995)).
- (3) Вот подтверждение: товарищ маленького роста и *страшнее атомной войны*, а энергия через край бьет и от баб отбоя нет (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)).

Новые идиомы могут обозначать новые артефакты и реалии (*большой брат* — в значении ‘видеокамера’; *голубой экран* — ‘телевизор’; *однорукий бандит* — ‘игровой автомат’) или называть явления, открытые только в XX–XXI вв. (*черная дыра*; *броуновское движение*; *белый карлик*). Сюда же относятся идиомы с именами собственными людей, литературных персонажей или явлений XX–XXI в. (*богатынский Буратино*; *работать как папа Карло*; *старик Батулин*; *железный Феликс*; *папа Зю*; *Софья Власьевна*):

- (4) С тех пор, как в игорных залах Австралии запретили курить, выручка от *«одноруких бандитов»* упала на 14 % («Наука и жизнь» (2008)).
- (5) КППРФ — единственная партия, которая имеет среди источников дохода, кроме поддержки крупного бизнеса (она тоже таковую имеет) пожертвования частных лиц, простых людей. Отколупливают от своих нищенских зарплат и шлют *папе Зю* (В. Лебедев. Отечество в опасности (2003)).
- (6) В Крым они навевывались лишь в гости или для бизнеса, ни один не осел на Острове Окей: не для того мы драпали от *Степаниды Власьевны*, чтобы снова она сунула себе под подол (В. Аксенов. Остров Крым (1979)).

Идиомы, возникшие на основе прецедентных текстов XX и XXI вв., — это, например, идиомы-цитаты из романов Ильфа и Петрова (*лед тронулся, господа присяжные заседатели!*; *мы чужие на этом празднике жизни; ключ от квартиры, где деньги лежат*), из известных кинофильмов советского и постсоветского периодов (*Муля, не нервируй меня!*; *элементарно, Ватсон!*; *какая гадость эта ваша заливная рыба!*; *резать, не дожидаясь перетонита; заметьте, не я это предложил!*):

- (7) — Так пойдем в другое кино. Там идет «Любимая девушка», — он зашагал так быстро, что я едва поспевал за ним. — *Муля, не нервируй меня*, — пробовал я шутить, но он не обращал на меня внимания и умерил пыл лишь возле привокзальной площади (В. А. Швец. Дневник (1940)).
- (8) Даже гостиница ваша нам не нужна. Нужна земля, на которой она находится. — Ни хрена себе! А может ещё и *ключ от квартиры, где деньги лежат*?! — Не умничайте! Если через неделю мы не договоримся, мы сделаем так, что вы сами всё бросите... Сейчас одна цена, а через неделю она будет совершенно другой... (А. Мацанов. Бабник (2012)).
- (9) — Так что вы хотите? — *Элементарно, Ватсон*. Мы немедленно в счет ваших долгов выведем на мои структуры весь холдинг и филиалы (С. Данилюк. Рублевая зона (2004)).

К идиомам, возникшим на основе официального или общественного дискурса XX и XXI вв., прежде всего можно отнести всю идиоматику, пришедшую из официального советского дискурса (*лучший друг пожарников; великий кормчий; отец народов; ум, честь и совесть нашей эпохи*). Кроме того, это новейшие идиомы, имеющие своим источником высказывания ньюсмейкеров (*денег нет, но вы держитесь; хайли лайкли*), а также геймерский и иные жаргоны (*изи катка* — ‘легкая задача’; *ван лав* — ‘не-что очень любимое’; *заскамить мамонта* — ‘обмануть пожилого человека, неопытного в современных реалиях’; *по фану* ‘для удовольствия’) или блогги и социальные сети (*выгуливать... белое пальто* — ‘демонстрировать собственное моральное превосходство над окружающими’; *бомбить Воронеж* — ‘наказывать собственных граждан вместо внешних врагов’; *спасибо, кэп* — ‘ироническое выражение благодарности за сообщение чего-то очевидного’)².

- (10) Даже средняя продолжительность жизни китайцев, несмотря на повсеместное насилие, выросла за период правления «великого кормчего» (А. В. Цветков. После прочтения уничтожить (2009)).
- (11) Ну перестань, снова одернет меня кто-то, разве фейки, манипуляции и прочие «хайли лайкли» — оружие только российской пропаганды? (С. Кучер. Вери хайли лайкли (2018)).
- (12) Зато все готовы обсудить, затереть до дыр горяченькое, придумать несколько теорий, упрекнуть, облачившись в *белое пальто*, обвинить во всех смертных грехах, плюнуть тебе в спину и высказать своё мнение, которого не спрашивали (К. Покусаева. Стилист (2020)).

Легко заметить, что несколько указанных свойств могут совмещаться в одной идиоме: новые реалии могут обозначаться новыми словами и происходить, например, из советского дискурса (ср. *лучший друг советских физкультурников; лампочка Ильича*).

² См. подробнее [Киселева, Козеренко 2024].

4.1.2. Исчезновение имевшихся идиом

Некоторые идиомы, присутствующие в проанализированных нами словарях и употреблявшиеся в текстах XIX в., отсутствуют в текстах XX и XXI вв. Это такие идиомы, как *выжить из памяти* — ‘сойти с ума’, *воздать осмерицею* — ‘отблагодарить во много раз больше’, *смотреть/глядеть вон* — ‘хотеть покинуть какое-л. место’, и многие другие. Эти идиомы содержатся в рассмотренных нами источниках, по данным НКРЯ, встречаются в текстах XIX в., однако не фиксируются в более поздних текстах — XX и XXI вв.:

- (13) Пророчески угадали вы мое положение, — писал Кольцов Белинскому в 1840 году. — У меня самого давно уже лежит на душе грустное это сознание, что в Воронеже долго мне несдобровать. Давно живу я в нем и *гляжу вон*, как зверь... Тесен мой круг, грязен мой мир, горько жить мне в нем, и я не знаю, как я еще не потерялся в нем давно... (В. В. Огарков. Алексей Кольцов. Его жизнь и литературная деятельность (1891)).

Аналогично идиома *как/ровно клад от аминя рассыпался* представлена в НКРЯ только в примерах XIX в.:

- (14) Стрелинский, правда, составлял исключение, но и он уже не раз испытал на себе, что природа и светская любовь не делают скачков, а потому, как ни уверен был, что его любят взаимно, но роковое слово «люблю!» двадцать раз замирало на устах, прежде чем он его выговорил, как будто с ним он должен был *рассыпаться, как клад от аминя* (А. А. Бестужев-Марлинский. Испытание (1830)).
- (15) — Как же это вдруг ни с того ни с сего пропал человек, *ровно клад от аминя рассыпался?*.. (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)).

Так же как и в случае появления новых идиом для обозначения новых сущностей, исчезновение старых сущностей зачастую влечет за собой и выход из употребления соответствующей идиомы: ср. *красная подкладка* со значением ‘генерал’ (и с отсылкой к генеральской форме в определенный исторический период); *значковый товарищ* в значении ‘военный чиновник в Малороссии’:

- (16) Там на постоялом дворе у одной старухи-казачки видел я портреты во весь рост, писанные в 1743 году с ее предков: одного *значкового товарища* и его жены, бывшей, по словам старухи, в услужении у царицы Елизаветы Петровны во время ее путешествия по Малой России (И. С. Аксаков. Письма родным (1849–1856)).

Однако есть и такие идиомы, которые исчезли из употребления в XX в. несмотря на то, что описываемые ими сущности или явления продолжают существовать (ср. *брать девицу* в значении ‘жениться’; *знать себя* в значении ‘не вмешиваться в чужие дела’):

- (17) И потом, я вам скажу — у нее есть прескверный роман с Омнепотенским. — Да черт с нею; стоит о ком говорить. Пусть у нее хоть с целым миром романы идут. Мы с вами будем *знать себя* (Н. С. Лесков. *Божедомы* (1868)).

Что касается устаревших лексически или морфологически компонентов, идиомы с такими компонентами могут как сохраняться (ср. *переть на рожон; денно и ночью; один как перст*), так и исчезать из употребления в XX в. (ср. *нести/молоть гиль; воздать осмерицею*):

- (18) Анна Степановна немного расстроена здоровьем, впрочем, здорова *нести гиль* и чепуху по-прежнему (И. С. Аксаков. *Письма родным* (1849–1856)).

Здесь следует отметить, что есть несколько авторов XX в., которые умышленно употребляют в своих произведениях устаревшие идиомы, таким образом как бы заново вводя их в обиход. Однако обращение к корпусным данным показывает, что ни у каких других авторов в текстах эти идиомы не выявлены. К таким авторам относятся прежде всего Е. Лукин и А. И. Солженицын. Так, ряд выражений, встречающихся в словаре В. И. Даля, в текстах XX в. обнаруживаются только у этих авторов (*пальцы торчат — работать мешают; работать по конец пальцев; обое рябое*):

- (19) Не видишь, что ли, горе у них: *пальцы торчат — работать мешают...* (Е. Лукин. *Катали мы ваше солнце* (1997)).
 (20) Да и прочие роптать примутся. *Работает-де по конец пальцев*, а отпущать — отпущают... Нешто справедливо? (Там же).
 (21) Но стоял у наших ног заветный чемоданчик со всеми рукописями, и я не смел: после драки неизбежно было потянуться в милицию, хотя бы свидетелем, с чемоданчиком ли, без — *обое рябое* (А. И. Солженицын. *Бодался теленок с дубом* (1967–1974)).

4.1.3. Неизменная часть идиоматики

Существенная часть словника идиом осталась неизменной от XIX к XX и XXI вв. Некоторые из таких единиц сегодня расцениваются как устаревшие (*питаться акридами и диким медом; мышинный жеребчик; почить в бозе*), однако здесь следует учитывать, что мы не обладаем инструментом объективной оценки стилистического регистра употребления таких идиом в XIX в. Многие идиомы сохраняются с изменением компонентного состава или значения (набора значений), см. ниже в разделах 4.2 и 4.3. Тем не менее некоторые идиомы сохранились в неизменном виде и используются в XX и XXI вв. в той же форме и с тем же значением, что и в XIX в., и при этом они не воспринимаются (по крайней мере старшими и средними возрастными группами) как устаревшие, ср. *губа не дура; итука капитана Кука; (кого-л.) след простыл; сыт по горло; задеть за живое; кинуть жребий; твердить зады; родиться под счастливой звездой; не видно ни зги* и многие другие.

Оценку процентного соотношения указанных групп в общем корпусе русской идиоматики XIX–XXI вв. можно будет дать по результатам выполнения проекта.

4.2. Динамика формы

Под динамикой формы мы понимаем изменение компонентного состава идиомы (его расширение, сокращение, замену компонентов, изменение форм отдельных компонентов). Для каждой отдельной идиомы такое варьирование мало предсказуемо, однако апостериори можно выделить несколько наиболее распространенных типов подобных изменений.

4.2.1. Грамматические изменения

Грамматическая форма идиомы отличается устойчивостью и в ряде случаев сохраняется в застывшем виде, даже когда соответствующие грамматические формы вне идиомы уже не встречаются. Это не только экзотические архаизмы вроде *семо и овамо*, *темна вода во облацех* или *ничтоже сумняшеся*, но и гораздо более распространенные формы. Так, например, мы видим форму *положа* (а не *положив*) в идиоме *положа руку на сердце*, а краткие прилагательные, которые больше не употребляются в позиции к существительному, в идиомах часто сохраняются в этой позиции и в XXI в. (*красна девица*; *на скору руку*; *лиха беда начало*; [весь] *сыр-бор*).

Однако так бывает не всегда: в случае идиомы *выйти сухим из воды* в текстах, написанных после 1930 г., не встречается обычный для XIX в. вариант с краткой формой прилагательного, представленный в следующих примерах:

- (22) Его уже раз пять судили в окружном суде за диффамацию и клевету, и он с торжеством *выходил сух из воды* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)).
- (23) — Это не я один, а вся Москва утверждает, и говорят, что не он собственно убил, а какой-то негодяй есть там, по прозванию Калмык, держащий у себя открытый картежный дом, который подкупил полицию и *вышел сух из воды*... (А. Ф. Писемский. Масоны (1880)).

Иногда динамика формы оказывается мнимой. Например, в случае идиомы *плакать/заливаться... горючими слезами/слезьми* может создаться впечатление, что грамматическая форма *слезьми* устарела и больше не используется. Однако в корпусе мы видим немало примеров употребления идиомы в этой форме в XX в.:

- (24) В прошлую войну указанный гром не очень-то раздавался, и рос не только не веселился, а *горючими слезьми обливался* (Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932)).
- (25) Придет, бывало, на заре, *закричу горючими слезьми*, попрекну его, ну он и даст кулакам волю... (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая (1928–1940)).

Еще один пример варьирования формы связан с тем, что в состав идиомы входит устаревшая форма местного падежа мн. ч. слова *облако*, которая в русском литературном языке не используется, поэтому в ее написании возникают ошибки, представленные в примерах ниже:

- (26) Светлым тоже было не до работы — маги ссорились по пустякам, простейшие документы из архива приходилось ждать по полдня, аналитики на предложение рассчитать прогноз погоды зло изрекали: «*Темна вода в облацях*» (С. Лукьяненко. Ночной дозор (1998)).
- (27) 14 октября. *Темна вода во облацях*. За вчерашний день было продвижение, но небольшое (Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1943–1946)).

Порой редкая грамматическая форма может быть не устаревшей, а авторской. Так, например, у Ф. М. Достоевского трижды встречается форма *порядки вещей* при стандартной *порядок вещей*; у других авторов мы не обнаружили в НКРЯ употреблений идиомы в этой форме:

- (28) Во-первых, что же и есть либерализм, если говорить вообще, как не нападение (разумное или ошибочное, это другой вопрос) на существующие *порядки вещей*? (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

Однако в ряде случаев мы наблюдаем именно динамику грамматической формы. Например, анализ показывает, что у идиомы [*ни*] *аза в глаза не смыслить / не видеть / не знать*; *ни аза не смыслить...* вариант без частицы *ни* в XX в. не встречается. Она стала обязательной, в отличие от языка XIX в.:

- (29) Припомните, как агитировал он учащуюся молодежь, назойливо доказывая, что поучающий ее профессор *аза в глаза не смыслит!* (М. Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874–1877)).

Вариант без частицы *ни* встречается в произведениях XX в. один раз в тексте, стилизованном под русский язык более раннего времени:

- (30) Они выпили хмельного меду. — Пошто, сынок, привел старца? — Учиться письму хочу. — Тогда повременим, а то пить я ладил, чтоб по бороде текло... хмельное подвинем — недобро замкнуть, *аза в глаза не увидишь!* Улька очистила стол. Подьячий разложил бумагу, клеенную в столбцы, чернильницу с кушака на стол поставил, обмакнул перо; щупая пальцем конец пера, приказал: — Зачинай из двора в ворота! (А. П. Чапыгин. Гулящие люди (1937)).

4.2.2. Сокращение / расширение компонентного состава

Хотя фразеологизмы имеют достаточно устойчивый компонентный состав, он может меняться с течением времени под влиянием различных

факторов. Эти изменения могут касаться как количества компонентов в составе идиомы (в том числе факультативных), так и вариантов конкретного компонента.

Начнем с количества компонентов. В XIX в. идиома *темна вода во облацех* имела еще один (факультативный) компонент — определение *небесных*, которое не встречается в XX в.:

- (31) Она знала, что все это для Аграфены Петровны будет *темна вода во облацех небесных* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881)).

Отдельная яркая разновидность уменьшения количества компонентов — случаи усечения пословиц и поговорок. Подобные примеры регулярно встречаются в нашем материале и находятся на стыке динамики состава и динамики формы. С одной стороны, в результате такого развития пословиц и поговорок возникают новые выражения, которые пополняют словарь фразеологизмов. С другой стороны, это усечение касается именно изменения формы, точнее количества компонентов.

Например, современная идиома *ума палата* входила в состав целой серии поговорок двухчастной структуры, где первая часть — *ума палата* (у кого-л.), а вторая существенно варьирует: *у него ума палата, да не покрыта*; *ума палата, да другая не почата*; *ума палата, да денег не полуполы*; *ума палата, да ключ потерял*; *ума палата, а спина горбата*.

Все эти выражения приведены в исследованных нами словарях и отражают идею недостаточности ума как такового для достижения практических целей. В результате идиома *ума палата*, обозначая очень умного человека, в то же время легко допускает иронические употребления.

Более редкий случай — появление в составе идиомы новых дополнительных компонентов (см. также раздел 4.2.4). Часто такое происходит при авторских играх с идиоматикой. Заметим, однако, что контекстное расширение состава идиомы (введение определения или обстоятельства) делается возможным, когда идиома уже хорошо освоена. Ср., например, современные употребления идиомы *поставить крест* (на ком-л./чем-л.) (32)–(34), в которых присутствуют определения к компоненту *крест*; в корпусе текстов XIX в. такие варианты не встречаются.

- (32) Отступив по всем пунктам перед натиском русской и заграничной буржуазии, *поставив крупный крест* на пресловутом русском коммунизме, она делает новые и новые уступки (А. В. Жиркевич. Дневник (1921)).
- (33) Однако оригинальный проект, которым бедная Марина, наконец-то допущенная к своему эфиру, гордилась несколько недель, совсем не собрал рекламы, директор «Студии А» {...} собственноручно *поставил* на Маринином шоу *начальственный крест* (О. Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке (2000–2001)).

- (34) Некоторые люди, достигнув так называемого пенсионного возраста, *ставят* на своей сексуальной жизни *большой и жирный крест* (Ю. Грачева. Секс-ликбез (1998)).

4.2.3. Увеличение / уменьшение вариативности одного из компонентов

Самый простой случай — это когда один из компонентов незначительно меняет форму. Так, например, идиома *как об стену / об стенку горох* в XIX в. встречается только в варианте с компонентом *об стену*. Вариант *об стенку* впервые появляется в корпусе в 1921 г.:

- (35) Но ведь делать это можно только изнутри, а если стать вне правого лагеря, то все поучения будут *об стенку горох* (С. С. Ольденбург. Из писем П. Б. Струве (1921)).

При этом вариант *об стену* сохраняется, так что мы наблюдаем увеличение вариативности формы у данной идиомы. С другой стороны, эта идиома в XIX в. употреблялась еще и в форме *как к стене горох*, которая постепенно исчезла. Последнее единичное упоминание в корпусе относится к 1964 г.:

- (36) <...> хоть кол ему на голове теши, хоть вычитывай ему страницами то, что пишется о «Лесе» и «Крыльях» другими авторами — все, как *к стене горох* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради (1964)).

Таким образом, здесь мы имеем одновременно исчезновение одного варианта идиомы и появление другого.

Есть ряд идиом с динамикой, аналогичной случаю *как об стену / об стенку горох*, например *как на иглах / на иголках (сидеть)*. В XIX в. был возможен вариант *как на иглах*, который затем исчез:

- (37) До окончания стола он сидел *как на иглах* (И. И. Лажечников. Последний Новик (1833)).

Приведем еще несколько примеров уменьшения вариативности. У идиомы *воды не замутит* раньше варьировала именная часть *воды/водой*, затем остался один вариант — *воды*:

- (38) — С виду такая тихая, смиренная — просто, кажется, *водой не замутит...* (П. В. Засодимский. История одной уставной грамоты (Из деревенских летописей) (1886)).

Глагольные компоненты идиом часто имеют несколько вариантов, и их набор может меняться со временем. Так, например, у идиомы *вскружить голову* (кому-л.) раньше был также более редкий вариант *свертеть голову* (кому-л.):

- (39) <...> будь в меня влюблен Минович, я, не задумавшись, постаралась бы *свертеть* ему голову, *закружить* его окончательно... (А. Ф. Писемский. Ваал (1873)).

В идиоме [и] *пальцем не пошевелить* возможны были глаголы *поднять, согнуть и разогнуть*:

- (40) ⟨...⟩ я хочу, чтобы с меня этого никто не смел требовать, заставлять меня, как господина Крафта; моя полная свобода, если я даже *и пальца не подыму* (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).
- (41) Я теперь, что хошь мне давай, — *пальца не согну* для мира — шабаш!.. (Д. В. Григорович. Пахатник и бархатник (1860)).
- (42) Домнушке очень понравилось, как умненько и ловко муж донимает Макара, и ей даже сделалось совестно, что сама она никогда *пальца не разогнула* для Татьяны (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Три конца (1890)).

Именные компоненты тоже допускают лексическое варьирование. Так, у идиомы *бабушка надвое сказала* компонент *бабушка* в XIX в. встречается еще и в варианте *старуха*, который в современном языке не представлен:

- (43) Сыщешь ли, нет ли попа в Городце, *старуха надвое сказала*... (П. И. Мельников-Печерский. В лесах (1871–1874)).
- (44) — «Ну, говорит, Петруша, никому, говорит, николи не говорила, а тебе скажу: твой старый батька заедает мой молодой век!» — «Это, мамонька, говорю, *старуха надвое сказала*, кто у вас чей век заедает!» (А. Ф. Писемский. Плотничья артель (1855)).

У идиомы *круговая порука* в XIX в. был возможен вариант с прилагательным *круглая*:

- (45) — Партия хоть куда. Человек в ходу, не в летах, имеет состояньице. ⟨...⟩ Честнейший, благороднейший, в этом я тебе *круглая порука* (А. Ф. Вельтман. Эротика (1835)).

Важно отметить, что наши представления об идиоматике XIX в., полученные из анализа словарей, часто не могут быть подтверждены или опровергнуты в силу ограниченности материала корпуса XIX в. в НКРЯ. В частности, многие фразеологизмы и варианты фразеологизмов, описанные В. И. Далем, не удается найти в корпусе. Так, вариант *ась до Киева доведет* есть у В. И. Даля, но не в корпусе. Не исключено, что такой вариант был, а затем исчез, и вариант *язык до Киева доведет* стал единственным.

Идиома *мокрого места не останется* (от кого-л./чего-л.) в XIX в. варьировала в широких пределах и производила впечатление еще не устоявшейся:

- (46) — Прихлопну тебя, так *только мокро будет на том месте*, где ты находился (И. С. Тургенев. Степной король Лир (1870)).
- (47) Вот его и прихлопнут теперь за это, так что *только мокренько будет* (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).

В НКРЯ форма *мокрого места не останется* впервые зафиксирована в 1910 г., форма [только] *мокрое место останется* — в 1893 г.:

- (48) Да ты знаешь ли, что, если я захочу, так от тебя *мокрого места не останется* (Н. А. Тэффи. Новый циркуляр (1910)).
- (49) Вот так придавил — и *только мокрое место останется* (М. П. Старицкий. Первые коршуны (1893)).

Далее в XX в. форма этой идиомы стабилизировалась, число вариантов сократилось.

Такое же снижение вариативности мы наблюдаем у идиомы *укатали сивку крутые горки*. В таком виде она стабилизировалась в середине XX в., а до этого были возможны варианты с именным компонентом *бурку* (вместо *сивку*) и глагольным компонентом *заездили/уходили/обломали/замыкали/умыкали*.

Возможны и ситуации появления новых вариантов у одного из компонентов идиомы, но они, по нашим оценкам, встречаются значительно реже. Например, идиома *на вкус и цвет товарища нет* в современном языке может употребляться в усеченном виде (50) или с заменой второй части (51):

- (50) По поводу фасадов — конечно *на вкус и цвет...*, но я очень пластик люблю, он цветной (Форум: Апгрейд дачной кухни (2011–2013)).
- (51) Как говорится «*На вкус и цвет все фломастеры разные*» (Форум: Парни с длинными волосами (2006)).

Полуанекдотический случай полного изменения формы при сохранении значения — судьба речевой формулы *тихий ангел пролетел*, которую произносят, если в общем разговоре наступает молчание. В советское время в этой же коммуникативной ситуации использовалась речевая формула «милиционер родился». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что два варианта этой реплики присутствовали изначально:

- (52) Молчание настало: либо *тихий ангел пролетел*, либо *дурак родился* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881)).
- (53) ⟨...⟩ наступила минута того мертвого, тупого молчания, когда в России говорят: «*Дурак народился*» или «*Тихий ангел пролетел*», — смотря по вкусам (С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия [автоперевод] (1883–1893)).

В советское время один из вариантов (с *ангелом*) стал по понятным причинам употребляться реже, а второй говорящие адаптировали к новым реалиям, заменив *дурака* на *милиционера* (а *родился* в ряде случаев на *умер/сдох*):

- (54) Ты заметила, как дурнеют в русском народе нравственные принципы? Даже в прибаутках. Прежде, когда посреди разговора наступала внезапная тишина, — русский мужик говорил обычно: «*Тихий ангел пролетел*»... А теперь, в этом же случае: «*Где-то милиционер издох!*» (Вен. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора (1985)).

4.2.4. Динамика прозрачности внутренней формы

Нельзя не отметить и такой интересный аспект диахронического развития русских идиом, как изменение восприятия их внутренней формы. Под внутренней формой мы понимаем «образ, фиксированный в плане содержания фразеологизма, а также осознаваемая носителем языка образная мотивация фразеологизма его составляющими — словами или морфемами» [Баранов, Добровольский 2013: 130]. Однако в XIX в. образ, лежащий в основе внутренней формы многих идиом, был гораздо очевиднее и понятнее, чем сейчас. Это касается не только выражений типа *бить баклуши* и *играть в бирюльки*, которые связаны с ушедшими реалиями, но и, например, ряд выражений, связанных с религиозными текстами и представлениями, такими как *ангел во плоти* или *ангел-хранитель*. Тем самым мы можем утверждать, что для многих идиом непрозрачность внутренней формы в XXI в. по сравнению с XIX в. увеличилась.

С этой непрозрачностью, возможно, связаны встречающиеся у некоторых авторов XX в. попытки деконструкции идиом: введение дополнительных компонентов, контаминация двух или более идиом, замена компонентов по формальному сходству и другие языковые игры. Особенно часто такие приемы используются в произведениях Юза Алешковского и Саши Соколова. Так, у последнего встречаются выражения *непреклонных лет человек* (вместо *преклонных*), *не манной единой* (*не хлебом единым* + *манна небесная*), *все прахом пропало* (*все пошло прахом* + *все пропало*); машинист ⟨...⟩ пережевывал то же самое — дорожное, железное, скучное, *переливая из Орехова в Зуево* (вместо *переливая из пустого в порожнее*).

4.3. Динамика значения

Рассмотренные выше тенденции в развитии русской идиоматики (динамика ее состава и формы) тесно связаны с динамикой значения идиом. Изменение фразеологического состава, появление и исчезновение той или другой идиомы, естественно, подразумевают появление или исчезновение ее значения, выражаемого определенной формой. Динамика формы идиомы, изменение ее компонентного состава, может происходить как при сохранении ее семантики, так и свидетельствовать о трансформации значения фразеологической единицы. Ниже будут рассмотрены основные тенденции в динамике значения идиом, которая в самом общем виде заключается в сохранении, изменении или исчезновении уже существовавших значений и в появлении новых. Для удобства изложения сначала опишем динамику значения идиом, имеющих только одно значение, а потом отдельно остановимся на семантических процессах, характеризующих развитие многозначных идиом.

4.3.1. Динамика значения идиом с одним значением

Как уже отмечалось, определенная часть русских идиом остается неизменной — многие идиомы сохраняют свою семантику на протяжении

XVIII–XXI вв. Так, в [САР 1789–1794] зафиксированы такие фразеологизмы, как *Бог судья*; *бок о бок*; *вить веревки*; *врачу, исцелися сам*; *во время оно*; *вить волком*; *до зарезу* и др., которые имеют то же значение, что и в современном русском языке.

Наряду с семантической стабильностью в русской фразеологии представлены случаи изменения значения идиом, которые могут быть нескольких типов.

Во-первых, изменение значения идиомы может быть связано с высвечиванием разных признаков в ее образной основе. Примером такого типа изменения семантики является выражение *кисейная барышня*. В XIX в. эта идиома использовалась для обозначения целого комплекса характеристик молодой девушки — ‘легкомысленная’, ‘простая’, ‘скромная’, ‘не эмансипированная’, ‘плохо образованная’, ‘с мещанским кругозором’, ‘жеманная’, ‘изнеженная’:

- (55) Рассуждение резонное, но дело в том, что Вера Павловна вовсе не титаническая натура, а очень обыкновенная будничная женщина со всеми свойствами *кисейной барышни* (Н. В. Шелгунов. Русские идеалы, герои и типы (1868)).
- (56) Все в доме любили Верочку и считали ее простушкой и *кисейной барышней* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)).
- (57) — Ужели обычная колея — траур? явится новый жених, добрый, обыкновенный человек, и я, *кисейная скромная барышня*, выйду за него? (Г. П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)).
- (58) Уверяю вас и клянусь, чем угодно, что если бы у меня, положим, была сестра и если б вы ее полюбили и сделали ей предложение, то вы бы этого никогда себе не простили, и вам было бы стыдно показаться на глаза вашим земским докторам и женщинам-врачам, стыдно, что вы полюбили институтку, *кисейную барышню*, которая не была на курсах и одевается по моде (А. П. Чехов. Леший (1890)).

В результате семантической эволюции рассматриваемой идиомы многие из этих признаков исчезли, произошла генерализация значения идиомы, и в современном русском языке *кисейной барышней* называют ‘изнеженного, не приспособленного к жизни человека’ [Молотков 2006: 32]³:

- (59) Длилось это недолго. Паша Горбенко уставился на меня по-прежнему загадочно, спросил: — Серега, у тебя нервы вроде бы крепкие? — Да не жалуюсь, — сказал я. — Не *кисейная барышня*. Они расхотались, Паша продолжал: — Вот и ладушки. Диковину посмотреть хочешь? Такое, чего ты в жизни не видел? (А. А. Бушков. Дверь в чужую осень (сборник) (2015)).

³ Более подробно о семантическом развитии идиомы *кисейная барышня* см. [Бабкин 1970: 129–141].

- (60) Она не корчила из себя «*кисейную барышню*», «воздушную принцессу», как это делала жеманная Кира Каплина (С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева (2006–2007)).
- (61) Каратист — это не «*кисейная барышня*», ему свойственно переносить тяготы, проявлять дух аскетизма и большой силы воли (А. Яшкин. Питание каратиста (2003) // «Боевое искусство планеты», 18.10.2003).

Во-вторых, семантическое изменение идиомы может заключаться в том, что у идиомы в XX в., наряду с сохранением существовавшего в XIX в. значения, появляется новое, и идиома становится многозначной. Выражение *волчий билет* в дореволюционной России обозначало 'документ, закрывавший доступ на государственную службу, в учебное заведение и т. п.' [Федоров 1995: 22]:

- (62) Выпустили его из арестантских рот и *волчий билет* ему дали (как есть волчий, почет везде, как волку бешеному, — ни тебе работа, ни тебе ночлег!) (Вл. А. Гиляровский. Трущобные люди / Человек и собака (1887)).
- (63) — Будущий Рафаэль? Которого из училища выкинули? — Тише! — Оч-чень нужно стесняться всякой... сволочи! — фыркает Герасим Герасимович. — Ему — *волчий билет* дать надо. Потому — они р-революцию... баррикады устраивают! Щенки! И все вверх дном... А, черт! (М. К. Первухин. Квартирант (1908)).

В современном русском языке у идиомы отмечается второе значение — 'резко отрицательные характеристики о работе кого-л.' [Там же]. Следует добавить, что эти отрицательные характеристики, как правило, имеют письменную фиксацию — например, записи в трудовой книжке работника, в результате чего он не может получить работу, занять определенную должность и пр.:

- (64) Дома он муж и отец, проверяющий у детей домашнее задание; на работе — продавец гамбургеров, а не проклятый поэт, отверженный небесами и плюющий на мироздание (один раз попробуешь плюнуть — останешься с *волчьим билетом*, без выходного пособия) (Д. Бавильский, И. Манцов. У каждого ума свой телескоп // «Частный корреспондент», 2010).
- (65) Иначе человек становился изгоем с «*волчьим билетом*» — характеристикой с места работы, с которой устроиться на другое место можно было с трудом и с серьезными потерями (Р. А. Соколовский. Стихи: опус 58, пункт 10, или Другой Николай Шатров // «Волга», 2015).

4.3.2. Динамика значений многозначных идиом

Несмотря на распространенное среди лингвистов мнение, что полисемия во фразеологии или представляет собой малораспространенное явление

ние по сравнению с лексической полисемией, или вообще не существует (см., например, [Пермяков 1974; Павлова 2010]), уже в [САР 1789–1794] присутствует ряд многозначных идиом. Процессы, характеризующие развитие многозначных идиом, весьма разнообразны и касаются как количественных, так и качественных (семантических) характеристик набора значений многозначной идиомы.

Многозначные идиомы могут сохранять структуру своей полисемии, имея тот же самый набор значений на протяжении XVIII–XXI вв. Например, у выражения *Бог с вами / с тобой* в [АСРФ 2020: 38] выделяются три значения ('пожелание кому-л. избежать плохого'; 'выражение несогласия с собеседником' и 'неохотное согласие с собеседником'), те же значения фиксируются и в [САР 1789–1794]. Ср. контексты употребления фразеологизма *Бог с вами / с тобой*, демонстрирующие указанные значения, в текстах XIX в. (66) и XX–XXI вв. (67):

- (66) а. А отец мой!.. этот заслуженный, покрытый ранами и крестами дряхлый старик, который, прощаясь со мною, говорил мне: «Ну, друг мой! пришло горе и на святую Русь! *Бог с тобой* — ступай, умирай за царя и веру православную (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)).
- б. Селифонт Михеич стоял, слушал, гладил бороду, потирал лоб и молчал, а перепуганная Марья Ивановна повторяла на вопли Дунечки: «Что ты, что ты это, Дунечка! *Бог с тобой!* Пригодно ли такие вещи говорить!» (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)).
- в. — Ну, *бог с тобой*, расписывай, — проговорил уже потерявший совсем терпение Антон Федотыч, махнул рукой, вздохнул и вышел из комнаты на крыльцо (А. Ф. Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына (1851)).
- (67) а. «Ту зиму почти не могла ходить. Сидор мне помогает, ему будет большая награда. Венчайся сразу теперь. Любовь мою тебе посылаю, и *Бог с тобой*. Медея». Медея нашла это письмо спустя несколько лет после смерти родителей и скрыла его от братьев и сестер (Л. Улицкая. Медея и ее дети (1996)).
- б. Отцы слушали непривычно серьезные. — А вы, оказывается, Виктор Сергеевич, талант, — уважительно сообщил Чебыкин. — *Бог с тобой*, — отрекся Служкин. — В этом стихе нет ничего особенного. Хороший посредственный стих (А. Иванов. Географ глобус пропил (2002)).
- в. — Я вроде со всей душой... — Врешь ты, а я не люблю, когда мне врут, — сказал Гуров. — Знаешь ты, кому моя смерть нужна была, но помалкиваешь. Ну да *бог с тобой*, тебе виднее... (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)).

Количество значений у многозначных идиом может меняться — увеличиваться или сокращаться. Так, выражение *приказать долго жить* использовалось в текстах XIX в. в двух значениях — ‘умереть’ (68) и ‘перестать существовать’ (69):

- (68) Но, увидевши, что чем дальше в лес, тем больше дров, и получивши известие, что батюшка *приказал долго жить*, пробыл еще два года и, с согласия матушки, вступил потом в П*** пехотный полк (Н. В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка (1831–1832)).
- (69) Ты меня слишком огорчил предположением, что твоя живая поэзия *приказала долго жить* (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому (1822.09.01)).

В современном русском языке при сохранении этих двух значений у идиомы появилось третье значение — ‘сломаться, испортиться’, употребляющееся для характеристики различных технических устройств [АСРФ 2020: 186–187]:

- (70) Например, мигание красной лампочки сигнализации или индикатора неисправности двигателя подскажет, что иммобилайзер «*приказал долго жить*» и его отключили, а вся электроника работает в аварийном режиме (А. Тимофеев. Renault Megane (годы выпуска 1995–1998) § 6500 (2002) // «Автопилот», 15.04.2002).

Семантическое развитие идиомы *под рукой/рукою* демонстрирует противоположную тенденцию — количество ее значений уменьшилось. В XVIII–XIX вв. идиома употреблялась в следующих значениях.

1. Находиться ‘под властью чей-л./кого-л.’

- (71) Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под властью старшин, выбранных миром, приказчиков, назначенных помещиком, и наконец непосредственно *под рукою* самих помещиков (А. С. Пушкин. История села Горюхина (1830)).

2. Делать что-либо, обычно сообщать, передавать какую-либо информацию ‘тайно, скрытно, неявно’

- (72) Сейчас принесли известие, что в доме французского посла поговаривают *под рукою*, что крепость Бадаиос передалась от французам Испанцам (М. Я. фон Фок. Осведомительные письма (1812)).

3. Находиться ‘рядом, в непосредственной близости’

- (73) Софроныч тоже очень доволен был этим соседством: он любил, чтоб всё, для него необходимое, находилось у него близко *под рукою* (А. Погорельский. Монастырка (1833)).

В наши дни в активном употреблении осталось только третье значение:

- (74) Этот Михеич выходил у меня помесью лихого ковбоя с дедом Мазаем, а каждая очередная история напоминала походный суп, в который бросают все, что есть *под рукою*, — тушенку, рыбные консервы, колбасу, макароны (Д. Рубина. Двойная фамилия (1986)).

Изменение структуры многозначной идиомы может включать в себя одновременно и сокращение, и увеличение количества значений, а также семантические модификации самих значений. Так, употребления идиомы *иметь в виду* в текстах XIX в. позволяют выделить у нее следующие значения: ‘подразумевать что-л./кого-л. под кем-л./чем-л.’ (75а); ‘учитывать что-л.’ (75б); ‘учитывать кого-л.’ (75в); ‘планировать сделать что-л.’ (75г); ‘рассчитывать на что-л. положительное в будущем’ (75д) и ‘стремиться к какой-л. цели в будущем’ (75е):

- (75) а. Ему было слишком тяжело обличать перед Катей ее же жениха. Но чуткое ухо девушки тотчас уловило какую-то особую нотку в его голосе. — Что вы этим хотите сказать? Кого вы *имеете в виду*? — спросила она вспыхнув (С. М. Степняк-Кравчинский. Домик на Волге (1889)).
- б. Нам в Восточном вопросе необходимо *иметь в виду* неустанно одну истину: что славянская главная задача не в том только, чтоб освободиться от своих мучителей, а и в том, чтоб освобождение это совершить, хоть и с помощью русских (нельзя же иначе, и — если б только они могли обойтись без русских!), но по крайней мере оставаясь как можно меньше обязанными русским (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)).
- в. Тагер принял ее в передней, не протягивая руки, и сказал, что будет *иметь* ее мужа *в виду* и, если что навернется подходящее, известит ее (В. В. Вересаев. Два конца (1800–1903)).
- г. Последние, однако ж, действовали не совсем добросовестно: они возбуждали и кафров, и готтентотов к восстанию, *имея в виду* образовать из них один народ и обеспечить над ним свое господство (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)).
- д. Особа пользовалась большим весом в бюрократической иерархии и *имела в виду* еще более веское будущее (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886–1887)).
- е. Руководители *имеют в виду* благо общества и потому действуют безвозмездно, исполнители же блага общества *в виду не имеют* и, взамен того, пользуются соответствующим вознаграждением (М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1887–1883)).

В XX в. количество значений у идиомы изменилось: два последних — (75д) и (75е) — исчезли, второе и третье объединились в одно — ‘учитыв-

вать кого-л./что-л.’ [АСРФ 2020: 77] и появилось новое — ‘игнорировать кого-л./что-л.’⁴:

- (76) Самодеятельность эту он глубоко *имел в виду*, он хотел показать всем, какой он — нарядный, даже шикарный, сколько (немало!) заколачивает в городе, может запросто угостить водкой... (В. Шукшин. Вечно недовольный Яковлев (1974)).
- (77) Только хитроглазый Валя Брудер, из ТюЗа, <...> сказал: «А *имел* я их всех *в виду*, покажи мне что-нибудь про совокупление» (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть (1986)).

5. Основные тенденции развития русской идиоматики

На настоящем этапе выполнения проекта любые обобщающие выводы с неизбежностью носят предварительный характер. Кроме того, сам характер исследования и состояние имеющихся источников не позволяют надеяться на получение однозначных и строго доказанных положений относительно фразеологии XIX в. Тем не менее, даже с учетом всех ограничений, сама постановка вопроса имеет смысл и существенна для понимания развития лексической системы языка. Отметим также, что чем выше уровень, на котором делается обобщение, тем оно достовернее. Понятно, что тезис об изменении лексической и фразеологической системы неоспорим. А конкретные способы изменения и особенно превалирование тех или иных способов — это уже тезисы, требующие репрезентативности материала, что не всегда достижимо для исследований данных, ограниченность которых обусловлена экстралингвистическими причинами.

Значительная часть изменений идиоматики русского языка может быть описана в терминах преобразований формы и смысла. Отметим основное.

Состав идиоматики менялся: часть идиом по разным причинам исчезла из реального употребления (ср. *держат в хлопках кого-л.*; *отдать/упечь под красную шапку*; *какова пора ни мера*), в то же время появились новые идиомы (*авоськой стебанутый*; *работать как папа Карло*). При этом базовая часть русской идиоматики сохранилась; особенно это касается идиом, не имеющих стилистически нейтральных однословных синонимов (например, *губа не дура у кого-л.*; *сойти с ума*). Часто исчезновение идиомы объясняется уходом реалии, обозначаемой этой идиомой. Аналогично новая реалия может вызвать к жизни новую идиому, ср. идиому *быть на одной волне с кем-л.*, которая могла появиться только с возникновением радиосвязи.

Изменение семантики было разнонаправленным: значение идиомы могло как упрощаться (ср. идиому *на отлете*, которая в XIX в. имела два

⁴ Подробнее об идиоме *иметь в виду* см. в [КМИД 2021: 72–86].

утраченных сегодня значения — ‘в преклонном возрасте’ и ‘накануне отъезда’), так и усложняться.

Еще одна достаточно очевидная тенденция — стабилизация состава идиомы в одном из вариантов: идиома *выйти сухим из воды* имела в XIX в. довольно распространенный вариант с краткой формой прилагательного *выйти сух из воды*. В текстах, написанных после 1930 г., этот вариант не встречается.

Ряд словосочетаний, которые в XIX в. воспринимались практически как свободные, в речевой практике XX в. фиксировались в ограниченном наборе вариантов и вошли в состав фразеологии: ср. фразеологизмы *на короткой/дружеской/равной ноге*, возникшие из формы *на какой-л. ноге*, валентность которой в XIX в. могла заполняться почти любыми актантами (*на ноге фрейлин, на высокой ноге, на барской ноге, на ноге холостяка*).

- (78) Девицы призваны были ко двору и приняты *на ноге фрейлин* (А. С. Пушкин. Богородицыны дочери (1831)).
- (79) Знатные, богатые люди, во мзду ее угодливости, старались окружить ее новою роскошью и дом ее поставить *на высокой ноге* (Ф. Ф. Вигель. Записки (1850–1860)).
- (80) Путаница во взаимных отношениях была полная, так как те дети, которых любил барин-отец, жили *на барской ноге*, а нелюбимые изображали прислугу (Е. А. Салиас. Владимирские Мономахи (1891)).
- (81) Он имел красный воспаленный носик, рыженький паричок, жил *на ноге холостяка*, и его комната, где он спал, встречала всякого входящего тем острым и особенно противным запахом, каковой имеют таковые комнаты на Руси обыкновенно у всех французов-техников, точно так же, как его имели в старину подобные же комнаты французов-губернеров (Г. П. Данилевский. Воля (1863)).

Предварительный анализ показывает, что по сравнению с языком XIX в. расширяется набор фразеологизмов-конструкций, которые попали в сферу нашего исследования из-за того, что многие из них порождают идиомы. Так, по данным НКРЯ, выражение *X — это Y для бедных* появляется только в начале XX в. (ср. *театр не должен быть ни «библией для бедных», ни...* (А. А. Блок. Дневники (1918)); *форменная Венера Милосская для бедных* (А. Т. Аверченко. Шутка мецената (1923)); *БиБиСи для бедных* (К. И. Чуковский. Дневник (1957)); *Ибсен для бедных* (Е. Л. Шварц. Дневник (1957)) и т. п.).

Выявленные тенденции изменения состава фразеологии разнонаправлены и указывают как на усложнение речевых форм, так и на их упрощение. Превалирование той или иной тенденции можно установить только на статистически достоверном материале, что в силу специфики объекта исследования в настоящий момент недостижимо. Тем не менее это не отменяет необходимости описания тех, пока разрозненных фактов, которые удастся установить.

Источники и словари

- АСРФ 2020 — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
- Даль 1903–1909 — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб., 1903–1909.
- Даль 1989 — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля: В 2 т. М., 1989.
- Княжевич 1822 — Д. М. Княжевич. Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. С присовокуплением таблицы содержания оных, для удобнейшего их приискания. СПб., 1822.
- Ломов 1988 — А. Г. Ломов. Фразеологический словарь драматургии А. Н. Островского. Вып. 1. Ташкент, 1988.
- Максимов 1955 — Крылатые слова по толкованию С. Максимова / Предисл. и примеч. Н. С. Ашукина. М., 1955.
- Марканова 1968 — Ф. А. Марканова. Словарь народноразговорной лексики и фразеологии, составленной по собранию сочинений И. С. Тургенева. Ташкент, 1968.
- Материалы 2008 — Материалы к «Словарю русского языка XIX века»: Пробные статьи // Т. 4, ч. 3: Русский язык XIX века: динамика языковых процессов: Труды института лингвистических исследований: Acta Linguistica Petropolitana / Ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2008. С. 311–364.
- Михельсон 1902–1903 — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1902–1903.
- Михельсон 1912 — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912.
- Мокиенко, Сидоренко 1999 — В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999.
- Молотков 2006 — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 2006.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>.
- Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / Ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852.
- Павлова 2010 — Н. А. Павлова. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка. М., 2010.
- Поляков 2008 — А. Е. Поляков. Словарь языка А. С. Грибоедова. Т. 1: А–З. М., 2008.
- САР 1789–1794 — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
- Словарь 1891–1930 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1891–1930.
- Словарь языка Достоевского 2001 — Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Авт.-сост.: Е. Л. Гинзбург и др.; гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2001.
- Словарь языка Пушкина 2000 — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000.
- Снегирев 1999 — И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М., 1999.
- Тезаурус 2007 — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 2007.

Федоров 1995 — Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX вв. / Под ред. А. И Федорова. М., 1995.

Л и т е р а т у р а

Бабкин 1970 — А. М. Б а б к и н. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970.

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Баранов, Добровольский 2013 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Основы фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2013.

Гак 1997 — В. Г. Г а к. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 55–65.

Киселева, Козеренко 2024 — К. Л. К и с е л е в а, А. Д. К о з е р е н к о. *Изи катка, ван лав, Добби свободен* и другие частотные разговорные неологизмы: источники и механизмы идиоматизации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 3. С. 170–184.

КМИД 2021 — Корпусная модель идиостиля Достоевского / Е. А. Балашов, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко, М. М. Коробова, М. Н. Михайлов, Е. А. Осокина, Н. А. Фатеева, Л. Л. Федорова, Е. В. Шарпова / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Лексрус, 2021.

Ломакина 2018 — О. В. Л о м а к и н а. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: Монография / Под ред. В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018.

Пермяков 1974 — Г. Л. П е р м я к о в. О явлениях паремиологической омонимии и синонимии // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1974. С. 228–332.

Статья получена 30.11.2023

Anatoly N. Baranov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
baranov-anatoly@hotmail.com

Maria M. Voznesenskaya

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
voznesh-masha@yandex.ru

Dmitrij O. Dobrovol'skij

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
dm-dbrv@yandex.ru

Kseniia L. Kiseleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
xkisseleva@gmail.com

Anastasiia D. Kozerenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
akozerenko@mail.ru

Ekaterina V. Sharapova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
katyasharapik@gmail.com

RUSSIAN IDIOMS IN DYNAMICS: SOURCES AND PRELIMINARY RESULTS

The article presents the main areas of research within the framework of the project for the study of changes in the inventory of Russian idioms from the 19th to the 21st century, both in formal and semantic aspects. We discuss the lexicographic sources relevant for the project: both general explanatory dictionaries of the 18th–19th centuries and special ones focusing on various aspects of phraseology. We briefly describe and characterize the specifics of presenting information about idioms in every dictionary under discussion. The main data source for the project is the Russian National Corpus (RNC). Special attention is paid to the difficulties that accompany the study of nineteenth-century Russian idioms. These difficulties are due, firstly, to the limitations of corpus data. The RNC-data mostly consist of written texts. As for the 19th century, oral data do not exist in principle. Secondly, the linguistic intuition of modern Russian speakers differs from the nineteenth-century spoken practices. In this paper, we also analyze several idioms that demonstrate trends in the development of the Russian phraseology system.

Keywords: phraseology, idioms, diachronic dynamics, nineteenth-century Russian language

References

- Babkin, A. M. (1970). *Russkaia frazeologija, ee razvitie i istochniki*. Leningrad: Nauka.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii*. Moscow: Znak.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2013). *Osnovy frazeologii*. Moscow: Flinta; Nauka.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (Eds.). (2021). *Korpusnaia model' idiositilija Dostoevskogo*. Moscow: Leksrus.
- Gak, V. G. (1997). Osobennosti bibleiskikh frazeologizmov v russkom iazyke (v so-postavlenii s frantsuzskimi bibleizmami). *Voprosy jazykoznanija*, 5, 55–65.

Kiseleva, K. L., & Kozerenko, A. D. (2024). *Izi katka, van lav, Dobbi svoboden i drugie chastotnye razgovornye neologizmy: istochniki i mekhanizmy idiomatizatsii. Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 3, 170–184.

Lomakina, O. V. (2018). *Frazeologiya v tekste: funktsionirovanie i idiosstil'*. Moscow: RUDN.

Permiakov, G. L. (1974). O iavleniiakh paremiologicheskoi omonimii i sinonimii. In *Materialy Vsesoiuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruiushchim sistemam* (Vol. 5, pp. 228–332). Tartu: Tartuskii gos. un-t.

Received on November 30, 2023

Е. А. БАЛАШОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
eblshv@yandex.ru

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ АВТОРСКИЕ ИДИМАТИЧНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются образные словосочетания, обладающие идиоматичностью, но не получившие распространения за пределами текстов конкретного автора (во всяком случае, на момент написания статьи). В рамках исследования они называются окказиональными авторскими идиоматичными словосочетаниями.

Механизм их возникновения связан с метафорическим переосмыслением компонентов так, чтобы отвечать авторской задаче в коммуникативной ситуации, например при описании событий или поведения персонажей. При анализе фактор распространённости таких словосочетаний в дискурсе выносятся за скобки: они должны встречаться по крайней мере один раз.

В качестве материала используются художественные тексты Ф. М. Достоевского и, при необходимости, других авторов. На примере случаев, удовлетворяющих заданным критериям, и нескольких контекстов, где мотивация словосочетания оказывается непрозрачной, возможно проследить логику построения авторских окказиональных идиоматичных словосочетаний.

Ключевые слова: фразеология, семантика идиом, авторские идиомы, окказиональные фразеологизмы, Ф. М. Достоевский.

Введение

Статья посвящена определению статуса и анализу окказиональных идиоматичных словосочетаний, которые по крайней мере единожды встречаются в текстах конкретного автора. Объект нашего исследования — словосочетание, которое

- 1) обладает признаком идиоматичности (т. е. его значение не тождественно сумме значений составляющих компонентов),
- 2) не является модификацией уже имеющегося в языке фразеологизма и
- 3) имеет установленного автора.

Из второго критерия следует, что такие окказиональные фразеологизмы, как правило, не получают распространения в дискурсе и воспроизводятся в качестве цитаты из первоисточника, прямой или завуалированной.

Интерес к окказиональным авторским идиомам обусловлен тем, что они практически не рассматривались в лингвистической литературе и, следовательно, не всегда укладываются в существующие классификации фразеологизмов. Наиболее полно это явление описано в работах А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, где под собственно авторскими идиомами понимаются «словосочетания, часто используемые только данным автором и обладающие теми или иными свойствами идиоматичности значения» [Баранов, Добровольский 2008: 502].

Согласно этому определению, идиоматичное словосочетание, которое встречается только один раз, нельзя считать авторской идиомой¹, воспроизводимость идиомы — необходимый (но сам по себе не достаточный) критерий для признания её таковой. В то же время допускаются окказиональные модификации идиом, причём модифицированный фразеологизм не обязательно должен воспроизводиться — достаточно того, что в языке существует фразеологизм, послуживший материалом для модификации. Впрочем, интересующее нас явление не удовлетворяет и этому условию на основании критерия 2 выше.

Можно ли в таком случае считать окказиональные авторские идиоматичные словосочетания, которые встречаются впервые у конкретного автора по крайней мере один раз, полноценными идиомами? Предположительно, если мы не можем отнести их к полноценным идиомам, то можем считать их потенциальными, или окказиональными², авторскими идиомами наравне с теми, что встречаются в текстах одного и того же автора неоднократно. Подобные окказионализмы свидетельствуют не только о творческом подходе автора и его методе работы с текстом, но способны до некоторой степени пролить свет на механизм возникновения идиом в языке.

Для решения этой задачи целесообразно провести анализ внутренней формы и образной составляющей идиомы³. Читатель не просто декодирует

¹ Авторы понимают идиоматичность как более общую категорию, присущую языку в целом. Ср. также: «Заметим, что совпадение корней в терминах “идиома” и “идиоматичность” является чисто случайным, внешним фактором и никоим образом не создает порочного круга. В принципе вместо термина “идиома” можно использовать словосочетание “фразеологизм в узком смысле”» [Баранов, Добровольский 2008: 29]. Ср. также: «Заключая обсуждение категории идиоматичности, подчеркнем, что идиоматичность нельзя рассматривать как достаточное условие отнесения к классу идиом» [Там же: 50]. Для рассмотрения авторских идиом предлагается ослабить критерий устойчивости [Баранов, Добровольский 2024: 246].

² Здесь и далее мы будем употреблять эти понятия синонимично. Ср., впрочем, [Жуков А. В., Жуков К. А. 2021], где потенциальные и окказиональные фразеологизмы разделяются; см. также понятие *фразеологического фантома* [Жуков А. В. 2009].

³ Под внутренней формой здесь и далее понимается концептуальная область знания, которая служит источником (source domain) для семантики идиомы и мотивирует её. Ср. идиому *бросить перчатку* ‘мотивировать X-а вступить в спор или состязание путём прямого или косвенного требования, выраженного вербально

смысл идиомы, но и восстанавливает образы, которые её мотивируют. Поэтому необходимо проанализировать, как устроена образная составляющая идиомы на основе её вербального воплощения.

Материалом исследования послужили авторские словосочетания, удовлетворяющие критериям 1–3, преимущественно в текстах Ф. М. Достоевского и, реже, некоторых других авторов.

Окказиональные идиоматичные словосочетания как часть авторской идиоматики

На ранних этапах становления фразеологии как самостоятельной дисциплины внутри лингвистики, когда определялся объём фразеологических единиц (см. [Телия 1996: 11–12]), не все исследователи признавали за авторской фразеологией право на существование. Эта точка зрения исчерпывающе сформулирована Е. А. Земской [1959: 255]: «“Авторские фразеологизмы”, “индивидуальные фразеологизмы” — это синонимы термина окказиональные фразеологизмы. Окказиональным фразеологизмом не может быть сочетание, созданное по образцу известного с заменой всех компонентов: если в созданном обороте нет ни одного компонента существующего фразеологизма, то каким образом этот оборот будет фразеологизмом?»

Приведённая цитата отражает формальный подход к анализу, опирающийся исключительно на компонентный состав фразеологизма. Таким образом, окказиональными можно считать только те фразеологические единицы, где заменены некоторые компоненты, но не все⁴. Можем ли мы считать такие авторские преобразования фразеологизмами, если они не получают впоследствии распространения? Видимо, до тех пор, пока изначальный фразеологизм опознаётся, а цепочка трансформаций прослеживается⁵. При этом «реконструкция» изначального фразеологизма в некото-

или действием’ и жест бросания перчатки, означающий вызов на дуэль или состязание. Под образной составляющей понимается идея, лежащая в основе образа и могущая частично входить в семантику идиоматичного сочетания. См. также [Dobrovolskij 2016].

⁴ Здесь мы говорим только о нерегулярных модификациях. Таким образом исключается проблема вариантов фразеологизмов, возникающих с различной степенью частотности и отображённых в некоторых словарях. См. также [Кунин 1970: 62; Молотков 1977: 150–155; Мокиенко 1989: 19–23, 29–32; Жуков В. П., Жуков А. В. 2006: 181–191, особенно 190].

⁵ Несколько упрощает задачу описание ограничений на трансформации. Например, запрет на пассивизацию идиом, содержащих переходный глагол и прямое дополнение (типа *kick the bucket*), семантика которых соответствует семантике непереходного глагола (‘умереть’) [Katz, Postal 1963], или принцип [семантической] неразрывности (*the continuity constraint*), предложенный в [O’Grady 1998], согласно которому компоненты идиомы образуют цепочку, где от одного элемента может

рых случаях выполняется интуитивно: доказать факт замены отдельно взятого компонента не всегда возможно, что делает критерий размытым. Кроме того, получается, что воспроизводимость перестаёт быть определяющим фактором, ведь традиционно окказиональные авторские модификации, как правило, признаются фразеологизмами (см. [Fleischer 1982: 209–210; Langlotz 2006: 175 и далее; Баранов, Добровольский 2008: 495–504]).

К сказанному выше следует добавить, что фразеологический состав языка естественным образом меняется со временем: одни выражения выходят из активного употребления, другие, наоборот, получают широкое распространение, в том числе благодаря новаторству писателей, публицистов, авторов рекламных и политических текстов⁶. На это обратил внимание ещё А. И. Молотков [1977: 200], рассматривавший отклонение от словарной формы фразеологизма как нарушение нормативности: «Допустимо, в частности, говорить о развитии значений у фразеологической единицы, о расширении вариантного ряда, о сдвигах в лексико-грамматической характеристике и т. д. под влиянием речевой практики писателей». При этом авторские модификации исследователь относит к «явлени[ям] речи, а не языка» [Там же: 199].

В связи с этим особый интерес для нашей работы представляет концепция, сформулированная в [Жуков А. В. 2018; Жуков А. В., Жуков К. А. 2021] и описывающая модель появления нового фразеологизма, т. е. как явление речи становится фактом языка при соблюдении ряда условий. Выделяются следующие типы употреблений метафорических сочетаний (потенциальных фразеологизмов): разовое (потенциальные ФЕ⁷), регулярное (узуальные ФЕ), словарное (нормативные ФЕ) [Жуков А. В. 2018: 373]. В числе потенциальных фразеологизмов приводятся, например, *вальдишепов стрелять* ‘искать краденое’ (А. П. Чехов. «В овраге») и *делать из слона муху* ‘намеренно преуменьшать что-либо’ [Жуков А. В., Жуков К. А. 2021: 276]. Если первый пример совпадает с предложенным нами описанием окказионального авторского идиоматичного сочетания, то второй мы относим к авторским модификациям: изначальный фразеологизм *делать из мухи слона* здесь легко опознаётся.

В целом можно разделить все сочетания, относимые к авторским фразеологизмам, на три группы:

зависеть другой: если такой компонент удалить из состава идиомы, смысл всего образования окажется нарушен. Тем не менее при анализе авторской фразеологии формальный и трансформационный подходы обнаруживают очевидные недостатки.

⁶ В последних двух случаях реальное авторство часто оказывается анонимным или известным узкому кругу лиц, ср. также окказионализмы, возникающие в интернет-культуре как локальные явления и получающие впоследствии широкое распространение. Не все из подобных случаев будут удовлетворять критерию 3, указанному в начале статьи.

⁷ Фразеологические единицы.

- 1) выражения, созданные авторами и вошедшие в общий словарный фонд языка (т. е. крылатые слова, афоризмы и получившиеся из них идиомы);
- 2) фразеологизмы, уже содержащиеся в словарном фонде языка, но преобразованные тем или иным способом;
- 3) частотные выражения конкретного автора, или фреквенталии⁸.

Каждая из групп подразумевает распространённость фразеологизма в языке⁹. Гораздо труднее определить статус окказиональных образований, которые отвечают всем критериям идиомы, кроме воспроизводимости.

Рассмотрим два примера собственно авторских идиом у Достоевского, приводимых в [Баранов, Добровольский 2008: 502–504]: *в прах* (ср. *застыдить/разобидеться в прах*); *спор/ссора зуб на зуб*. Характерно, что мы можем догадаться, каким образом были сконструированы эти авторские образования. Так, *в прах* представляется усечением идиомы *в пух и прах*. Кроме того, в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) обнаруживаются другие варианты сочетаемости *в прах*, употреблённые задолго до Достоевского:

- (1) Писала она ко мне письмо об известном Вам деле и почти *в прах* меня разбранила за лукавство, что я, отвлекши её от предприятия, которое она имела искать по своему делу, и сам обещания своего не исполнил, то есть что решительного ничего от Вас ей сказать не имел (А. М. Шумлянский. Письмо И. В. Руцкому и Н. К. Карпинскому (1782)).
- (2) С превеликим трудом и насилу, насилу отыскал я их и измучился *в прах*, скакавши из одной улицы в другую (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Письма 91–96 (1800)).
- (3) Все *одеты и разряжены были в прах*, и все в наилучшем своем платье и убранствах (Там же).

Ругаться зуб на зуб (именно с предлогом *на*) также присутствует и в текстах других авторов, ср:

- (4) — То слезьми прежде, какъ рѣка, разливалась, то напустила теперь на себя отчаянность, хоть сейчас на большую дорогу разбойни-

⁸ Термин, предложенный в [Баранов, Добровольский 2008: 502].

⁹ Так, крылатые слова распространены в языке и, как правило, отмечаются специальными словарями. В отношении пунктов 2 и 3 требуется пояснение: авторская окказиональная модификация применяется в отношении уже существующего (т. е. отвечающего всем критериям) фразеологизма; частотными фразеологизмами для автора могут быть также индивидуальные окказиональные образования. В рамках данной статьи мы не станем касаться этого вопроса подробнее, поскольку установить, в каких случаях количественный параметр становится качественным, затруднительно и не столь необходимо для нашей задачи.

чать идти. *Зубь на зубь* ругаться готова. Вот так барышня!
(А. К. Шеллер-Михайлов. Конец бирюковской дачи (1868)).

Трудно судить, насколько замена предлога в более распространённых вариантах типа *зуб за зуб*, *зуб о зуб* оказывается авторским приёмом.

Не менее сложно обстоит дело, когда мы сталкиваемся с фразеологизмом впервые и не находим его в иных источниках. Например, в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» неоднократно используется выражение *выбросить кусок*, ср.:

- (5) Тогда Арина Петровна решилась на крайнюю меру: она «*выбросила сыну кусок*», который, впрочем, в то же время должен был изображать собою и «родительское благословение». Кусок этот состоял из дома в Москве, за который Арина Петровна заплатила двенадцать тысяч рублей.
- (6) И с дочерью Арина Петровна поступила столь же решительно, как и с постылым сыном: взяла и «*выбросила ей кусок*».

Автор-хроникёр берёт словосочетание в кавычки, показывая, что это «чужое слово», которое принадлежит лексикону Арины Петровны, в то время как он лишь цитирует её индивидуальную манеру выражаться. Ср. прямую речь героини, где словосочетание дано уже без кавычек:

- (7) *Выброшу тебе кусок*, как Стёпке-балбесу — вот ты и узнаешь тогда, как я понимаю твои «уверения»!

Согласно данным НКРЯ, впервые это выражение в образном значении появляется в «Господах Головлёвых», но важнее другое: *выбросить кусок* есть и в других текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина, и только у него. При этом ни в одну из трёх перечисленных категорий авторской фразеологии словосочетание *выбросить кусок* отнести нельзя.

Во-первых, оно не удовлетворяет группе 1 потому, что не вошло в общий словарный фонд языка, как, например, афоризмы или крылатые выражения (даже учитывая диффузность и неоднозначность этих терминов).

Во-вторых, доказать, что здесь имеется преобразование, весьма затруднительно. Не всегда возможно провести границу между авторским преобразованием, так называемым образованием по модели¹⁰ и собственно ав-

¹⁰ В. М. Мокиенко [1989: 53] предлагает определение структурно-семантической модели: «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающий относительную стабильность их формы и семантики». В других работах [Шанский 1996: 177–179; Мелерович, Мокиенко 2014: 238–241] понятие модели и вовсе представляется как априорно понятное читателю, потому исследователи не дают ему исчерпывающего определения, ограничиваясь примерами. Но если под моделью понимать только поверхностную синтаксическую структуру, то одной и той же модели могут удовлетворять совершенно разные фразеологизмы. Например, *зуб за зуб*, *слово за слово*, *услуга за услугу* или *жить душой в душе*, *идти*

торской идиомой. Так, например, формально сочетание *выбросить кусок* могло бы быть образовано от *бросить/кинуть кость* ввиду наличия общего компонента. Ср. любопытный фразеологизм, отмеченный М. И. Михельсоном [1912: 359]: *кость кинуть (иноск.) — дать повод к спору, к ссоре*, а также пример, но уже с синонимичным глаголом:

- (8) Тут повар на беду из кухни *бросил кость* (И. А. Крылов. Собачья дружба (1815)).

Следующий пример — последняя строчка из той же басни, здесь уже выражение обладает большей идиоматичностью¹¹ и появляется в том виде, в котором его фиксирует лексикограф:

- (9) А только *кинь* им *кость*, так что твои собаки!

По-видимому, басня И. А. Крылова и есть источник этой идиомы: более ранних случаев употребления поиск по НКРЯ не даёт. Публикации басни И. А. Крылова и романа М. Е. Салтыкова-Щедрина разделяет 60 лет. За этот период корпус обнаруживает только два контекста с идиомой *бросить кость*, носящей характер цитаты, т. е. говорить о распространённости словосочетания не приходится:

- (10) Сумасшедшие! беспрерывно ссорятся, дуются друг на друга, ревнуют, потом мирятся на минуту, чтоб сильнее поссориться: это у них любовь, преданность! а всё вместе, с пеной на устах, иногда со слезами отчаяния на глазах, упрямо называют счастьем! А дружба ваша... *брось-ка кость*, так что твои собаки! (И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)).
- (11) В таком обществе люди, которых интересы совершенно тождественны, по недоразумению или из-за вздора, из-за *брошенной кости*, побивают друг друга... (М. Е. Салтыков-Щедрин. Лесная глушь. Картины народного быта. С. Максимова (1871)).

Можно ли считать формальное сходство двух словосочетаний аргументом в пользу того, что одно образовано от другого? Рассмотрим их подробнее.

нога в ногу. Следовательно, чтобы отличить преобразование от образования по модели, приходится полагаться на интуицию, что может привести к неудовлетворительному результату. Если учитывать и семантические особенности, то инвариант редуцирует семантику фразеологизма до предельно абстрактного значения, лишая его какой бы то ни было экспрессивности или образной детализации — в то же время именно эти качества авторской фразеологии представляют для исследователя особый интерес.

¹¹ Как правило, финальная сентенция, венчающая развязку басни, обобщает сюжет всего текста. Соответственно, здесь речь идёт уже не о собаках, а о взаимоотношениях между людьми вообще.

Бросить кость сочетается с существительными в дательном падеже множественного (но не единственного) числа. Такая сочетаемость возникает в результате интерпретации компонента *кость* как причины конфликта. В английском языке существует формально идентичная идиома *to throw sb a bone*, однако её значение совершенно иное: ‘пойти на уступку’, ‘сделать одолжение’, ‘дать подсказку’. Компонент *bone* означает здесь ‘нечто полезное или выгодное для бенефициара’. Возвращаясь к сочетанию *выбросить кусок* у М. Е. Салтыкова-Щедрина, можно отметить следующее: 1) несмотря на формальную схожесть с идиомой *бросить/кинуть кость*, семантика этого выражения совершенно иная, соответственно, связать эти два словосочетания между собой никак нельзя; 2) в отличие от *throw sb a bone*, *выбросить кусок* у М. Е. Салтыкова-Щедрина имеет явно негативную окраску: дети госпожи Головлёвой имплицитно уподобляются в её речи собакам или попрошайкам, от которых героиня пытается отмежеваться, раздавая им своё имущество. Общим является только действие бросания¹², фигурирующее в образах всех трёх идиом, но это нельзя признать достаточным основанием для того, чтобы считать *выбросить кусок* авторским преобразованием.

Наконец, в-третьих, распространённость *выбросить/выкинуть кусок* в «Господах Головлёвых» достаточно относительна: словосочетание употреблено в романе 6 раз, из которых 5 — с глаголом *выбросить* и 1 — с глаголом *выкинуть*. Ещё один раз употребляется существительное *кусок* в значении ‘материальное имущество’. Важно отметить, что слово *кусок* в этом значении обнаруживается и в других текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина:

- (12) Всякий являлся на арену купли, с головы до ног вооружённый тёмными подозрениями, и потому не шёл прямою дорогой к делу, но выбирал окольные пути. Всякий старался не только отбить у другого облюбленный *кусок*, но еще подставить конкуренту ногу и по возможности очернить его (М. Е. Салтыков-Щедрин. *Благонамеренные речи* (1872–1876)).
- (13) Притом же он имеет вполне обеспеченный *кусок*, а потому и в материальном отношении особенного стеснения не предвидит (М. Е. Салтыков-Щедрин. *Сборник* (1875–1879)).
- (14) И точно, едва я успел сойти с Аничкина моста, смотрю, его превосходительство Петр Петрович идёт. — Урвали? — спрашиваю.

¹² Само по себе интересно соотношение значений глагола *throw* и квазиэквивалентных *выкинуть/выбросить*. *To throw sb a bone* в значении ‘дать подсказку’ лучше переводить как *подкинуть кость* (ср. *разговорные подкинуть мысль/идею/халтуру* и подобные сочетания). Префикс *вы-* имеет семантику резкого удаления объекта, ср.: «...некоторые глаголы перемещения на *вы-* могут иметь значения удаления или отправки, для которых противопоставление замкнутых и открытых пространств нерелевантно» [Апресян 1995: 491].

— Помилуйте! на что похоже! *выбросили кусок*, да ещё ограничивают! Говорят, пользуйся так-то и так-то: лесу не руби, травы не мни, рыбы не лови! А главное, не смей продавать, а эксплуатируй постепенно сам! Ведь только у нас могут проходить даром подобные нелепости (М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880–1881)).

Формальный подход дает определённый результат, но более плодотворным оказывается анализ развития значения слова *кусок* с привлечением семантики в широком смысле, т. е. знаний говорящего о мире. В данном случае первичное значение слова ‘отделённая часть целого материального объекта’ переосмысливается автором как ‘оторванная часть пищи’, а всё сочетание переосмысливается по модусу фиктивности («как если бы») и помещается в новый фрейм [Телия 1996: 143–144]: Госпожа Головлёва отдаёт детям часть своего имущества, *как если бы* выбрасывала животным куски еды.

Если рассматривать подобные преобразования в рамках когнитивной лингвистики, то здесь мы имеем дело не только с переосмыслением значения, но и всего образа¹³. С. В. Кабакова [2002: 37] выделяет четыре стратегии понимания идиом. Так, интерпретация может отсылать к:

- 1) «базовой» метафоре (ср. понятие концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона);
- 2) образу (визуальному или аудиальному), который конструируется путём буквального прочтения идиомы;
- 3) обыденному знанию, служащему механизмом конструирования метафоры;
- 4) типовым ситуациям, где употребление идиомы говорящий находит уместным.

Мы предполагаем, что процесс конструирования метафоры (или «шифрования» сообщения) — это обратный процесс для стратегий 1–3. Для авторских идиом стратегия 4 оказывается нерелевантной, поскольку у них нет узуса, и, возможно, никогда не возникнет. На примерах (5)–(7), (12)–(14) легко видеть, что стратегии конструирования идиомы не исключают друг друга, а сочетаются. Идея формируется до словесного выражения и может формироваться в виде образа, который предшествует собственно вербализации¹⁴: имущество достаётся получателю по воле того, кто имеет большее

¹³ Это в общем согласуется с идеей, что идиомы представляют собой не только и не столько феномен языка и речи, сколько концептуализации знания (см. [Kövecses, Szabó 1996: 327–331]), — по крайней мере, это верно для тех идиоматических сочетаний, где образная составляющая оказывается прозрачной для рядового носителя языка и вряд ли соответствует действительности для архаичных или лишённых смысловой прозрачности идиом, ср. *семя и овано*, *выписывать мыслете*, *турусы на колёсах* и т. п.

¹⁴ Ср. постулат о примате когнитивного в [Баранов, Добровольский 1997: 14] и предложенный анализ идиом *без царя в голове* и *белая ворона* [Там же] — одна понятийная область (фрейм) переосмысливается в терминах другой; ср., например,

право им располагать (ср. *выбросить кусок*), или путём присвоения (ср. *урвать/ухватить кусок*) — причём получатель имущества находится не в равноправной позиции с тем, кто владеет имуществом изначально (например, государство, старший родственник или более статусное лицо). В (5)–(7), (12)–(14) такие взаимоотношения между сильным и слабым акторами ситуации представляются как подачка животному.

Именно переосмысление или уточнение образа приводит к появлению новой идиомы. Следовательно, ключевым критерием при идентификации словосочетания как идиомы условимся считать именно вербально выраженный результат этого переосмысления¹⁵, а не такие качества, как воспроизводимость или наличие конкретного автора. За пределами изучения идиостиля важным оказывается не столько автор, сколько сам механизм¹⁶ формирования идиоматичных сочетаний. Тем не менее в ряде случаев важно проанализировать и черты идиостиля, чтобы идентифицировать сочетание как собственно авторскую идиому.

Отдельной проблемой становится интерпретация словосочетания в тексте. Поскольку реципиент движется в обратном автору направлении, от слова к идее или образу, не всегда возможно с точностью установить авторскую интенцию.

фреймы «государство» и «человек»: отсутствие правителя соответствует утрате индивидом здравого смысла. Таким образом, при выборе определённых лексем меняется и содержание (понятийная область): *кусок* становится в речи героини не просто частью чего-то целого, а именно ‘отделённым фрагментом пищи для передачи кому-то’ (ср. *лакомый кусок*, *кусок пирога* в значении ‘часть прибыли или других предпочтений’).

¹⁵ Ср. также определение метафоры у В. Н. Телия: «...метафора — это способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющихся в данной семиотической системе. И при этом для метафоры существенно, что она изначально настроена на диалогическую форму развития её содержания и понимания, благодаря модусу “как если бы”, который ориентирован на “внутреннее” соглашение принять это условие фиктивности (и убедить в ней адресата)» [МЯТ 1988: 48]. То же происходит при создании авторской идиомы, когда выбранная писателем метафора превращается в «ключ» к интерпретации для читателя.

¹⁶ Отметим, что чаще исследователей интересует не механизм возникновения идиом вообще, а этимология конкретных идиом. Среди немногих, кто обратил внимание на процесс порождения идиом до распространения когнитивного подхода в лингвистике, был Ч. Хоккет, посвятивший этому краткий параграф в «Курсе современной лингвистики» [Hockett 1958: 304]. По Ч. Хоккету, спонтанные идиомы — результат соглашения между участниками коммуникативной ситуации, например семьи или сообщества. В советской лингвистике в то же время близкие идеи высказывал С. И. Ожегов, однако для него критерий общепотребимости авторских выражений оставался принципиально важным, чтобы считать авторское сочетание идиомой (в противном случае это не идиома, а скрытая цитата, афоризм или крылатые слова) [Ожегов 1974: 194–197].

Проблема выделения объекта

В начале статьи мы определили теоретические критерии выделения объекта, но на практике оказывается трудно отобрать необходимый материал, который соответствовал бы им в полной мере (ср. примеры (1)–(3)).

Трудности возникают по двум причинам:

- 1) неоднозначность контекста, в котором находится потенциальный объект;
- 2) невозможность доказать, что потенциальный объект представляет собой оригинальное образование, а не модификацию идиомы, уже имеющейся в словарном составе языка.

Рассмотрим примеры, которые можно отнести к первой группе.

- (15) И выходит, что прежде Ваня огороды копал, а нынче Ваня в воеводы попал. А теперь полковник-то, дядюшка-то, отставного шута заместо отца родного почитает, *в рамку вставил* его, подлеца, в ножки ему кланяется, своему-то приживальщику, — тьфу! (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)).

Сочетание *вставить в рамку* здесь можно интерпретировать как в прямом, так и в образном значении. При этом существует употребительное, но не отмечаемое словарями выражение *хоть в рамку вставляй*:

- (16) Читаю В. Астафьева «Уха», «Поминки» — кто мог напечатать такое году в семидесятом хотя бы. Чтоб далеко не ходить. Сибирь не по Г. Маркову. Могуч в описаниях — схватка Ахилла с медведем просто шедевр, *хоть в рамку вставляй*. Вообще в картинах, сценах — классик. Но в характерах — слабина, скелетность (по большей части) (Н. С. Работнов. Дневник (1977)).

В (15) *вставить в рамку* значит ‘очень сильно уважать’, в то время как в других примерах из НКРЯ *хоть в рамку вставляй X* означает ‘X обладает настолько выдающимися качествами, что может служить эталоном X-а для других реципиентов, поэтому уподобляется удачной картине, которую вставляют в рамку и вешают на стену’. Ср. также пример из И. И. Лажечникова:

- (17) Вот и сам посол императорский. На нём бархатный малиновый берет, надетый набекрень, с пуком волнующихся перьев, прикреплённым пряжкой из драгоценных камней; искусно накинута бархатная епанечка, обшитая кругом золотыми галунами. Поппель, прищурясь и важно подбоченясь, рисуется на коне, отягченном блестящею сбруей, которому то и дело поддает пыла острогами своими. И действительно, можно б *вставить его в рамку* на лобном месте, так изученно описана вся конная фигура его! (И. И. Лажечников. Басурман (1838)).

Здесь автор обращает внимание именно на внешнее сходство с картиной, ср. также не отмеченный в словарях фразеологизм *хоть картину/портрет пиши* с частично схожим значением¹⁷:

- (18) А какие попадались деревни и сёла — одно загляденье. *Хоть картину пиши*. Справно жил народ, с тугим крестьянским достатком (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)).

Вторую группу составляют примеры, где невозможно эксплицитно разграничить авторские оригинальные окказиональные фразеологизмы и авторские преобразования. Рассмотрим их подробнее.

- (19) — Какими же он науками занимается, дядюшка?
— Науками, братец, науками, вообще науками! Я вот только не могу сказать, какими именно, а только знаю, что науками. <...> Вот жаль, что я сам мало понял (времени не было), а то бы рассказал тебе всё *как по нитке*¹⁸ (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)).

Фразеологизм *как по нитке* отмечен в [ФСРЛЯ] с таким определением: *Устар. Прост. Подробно, основательно (рассказать что-либо)*. Но обращение к НКРЯ никаких примеров этого фразеологизма с таким значением, кроме (18), не даёт. *Как по нитке* обычно используется как ‘по прямой линии’ или ‘группировать X-ы таким образом, чтобы выстраивалась прямая линия’, ср:

- (20) Рельсы, разбегавшиеся у платформы на много путей, за станцией сходились в одну пару и уходили, блистая на солнце, до самого горизонта без изгиба, *как по нитке* (А. С. Серафимович. Никита (1906)).
(21) Человек сорок крестьян косили, выстроясь в одну линию, *как по нитке*: ярко блестя на солнце, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срезанная густая трава (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)).

Показательно, что в качестве иллюстрации А. И. Фёдоров приводит именно реплику Ростанёва из (19) — судя по всему, иных примеров в русской литературе на момент составления словаря, удовлетворяющих приведённому толкованию, не существовало. Формально вариант Достоевского

¹⁷ Концептуализация здесь иная — ‘конкретный X обладает настолько выдающимися качествами, превышающими качества среднего X, что его следует зафиксировать’, — в отличие от *хоть в рамку вставляй*, где акцент сделан на образцовости, которую необходимо сделать доступной вниманию большого числа людей. Ср. значения слова *образец*: *Образец для подражания* vs. *Образец византийского искусства*.

¹⁸ Этот же пример отмечен Е. А. Осокиной [2021: 422], которая называет подобные случаи *идиомами единичного употребления*, что близко к положениям, высказанным в настоящей статье.

схож с фразеологизмом *как по писаному*, но отличается от него как раз семантикой и прагматикой. Так, фразеологизм можно толковать иначе, чем это делается во [ФСРЛЯ], и указать на значение ‘прямо, не отклоняясь от темы’ (ср. другие употребления сочетания *как по нитке* в (19) и (20)). С другой стороны, все подобные толкования будут интерпретациями Достоевского, поскольку других примеров, проясняющих нюансы употребления фразеологизма, у нас нет.

Предположительно, на основании слова *нитка* выстраивается образ, где нить представлена не как прямая линия, а как способ ориентироваться в пространстве. Ср. расхожий фразеологизм *потерять нить [разговора]* ‘перестать понимать собеседников или логику разговора из-за отклонения от темы, прерывания диалога или иных причин’. У Достоевского встречается несколько раз, но также со словом *нитка*, причём значение самого фразеологизма становится иным, ср.:

- (22) — Когда я рассчитывал купить вас деньгами? — вскричал я.
— Вы зарпортовались и *потеряли вашу нитку*. Если не меня купить, то моё уважение вы думаете купить деньгами (Ф. М. Достоевский. Игрок (1866)).

Если придерживаться логики, что у разговора есть некая *общая нить*, потеря которой ведёт к коммуникативной неудаче, тогда сама *нить* (предмет/тема разговора) принадлежит всем участникам, но уточнение *ваша* в этом примере как будто исключает говорящего из диалога с собеседником. В данном случае *нитка* ~ ‘придуманый X-ом заранее план действий, которого X намерен придерживаться для достижения желаемого результата’. Ср. пример из «Братьев Карамазовых»:

- (23) — Милости просим, гость дорогой, гость долгожданный... С Алексеем Фёдоровичем изволили прибыть-с?
Красоткин присел на постельке, в ногах у Илюши. Он хоть, может быть, и приготовил дорогой, с чего развязно начать разговор, но теперь решительно *потерял нитку* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

В примере (23) разговор между персонажами ещё не состоялся, но Красоткин уже вынужден отказаться от запланированной стратегии (*потерял нитку*). Однако у Достоевского *потерять нитку* может означать и ‘перестать адекватно воспринимать положение вещей из-за нервного возбуждения или изменённого состояния сознания’:

- (24) Из толпы схватили мещанина и еще трёх человек. Эти трое до сих пор отрицают всякое своё участие в злодеянии, упорно уверяя, что их захватили ошибкой; может, они и правы. <...> Я тоже, как очевидец, хотя и отдалённый, должен был дать на следствии моё показание: я заявил, что всё произошло в высшей степени случайно, через людей, хотя, может быть, и настроенных, но мало сознавав-

ших, пьяных и уже *потерявших нитку*. Такого мнения держусь и теперь (Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)).

Этимологию фразеологизма *потерять нить* традиционно возводят к профессиональному жаргону ткачей [СРФ: 403], но в некоторых случаях происходит контаминация этого фразеологизма с *нитью Ариадны*, или *путеводной нитью*, на основании общего компонента, ср., например, у И. М. Долгорукова:

- (25) Я не мог устоять против них, и первый шаг к успеху ознаменовался тем, что я реже стал ездить к Вебер, а всякий вечер проводил у Пожарской, где я в забавах свободных новые питал восторги. Веберовы, *потеряв нитку в этом лабиринте*, перестали также к нам ездить под видом болезни (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Часть 4. 1799–1806 (1788–1822)).

Рассмотренные примеры представляют собой, как кажется, «отголоски» подобной интерпретации. Теперь, если мы вернёмся к примеру (19), то можно предположить, что *как по нитке* здесь должно означать не просто ‘подробно’, но ~ ‘без труда и с пониманием всех нюансов’, т. е. *ориентируясь в пространстве*.

Считать ли вышеперечисленные случаи авторскими потенциальными идиомами — вопрос открытый, поскольку можно привести аргументы как за, так и против отнесения их к полностью оригинальным образованиям.

Окказиональные идиоматичные сочетания у Достоевского

Несмотря на некоторые трудности, обозначенные в предыдущем параграфе, оказывается возможным выделить несколько случаев оригинальных окказиональных идиом в текстах Достоевского. Ниже будут рассматриваться примеры таких сочетаний слов, которые удовлетворяют следующим критериям.

1. Сочетание формально может быть отнесено к фразеологизмам, поскольку обладает такими качествами, как:
 - 1.1. Неоднословность;
 - 1.2. Непрозрачность значения;
 - 1.3. Идиоматичность значения, т. е. невыводимость значения целого сочетания из суммы значений составляющих его компонентов.
2. Авторство принадлежит конкретному человеку, которого можно идентифицировать, при этом
 - a. сочетание встречается только у данного автора;
 - b. сочетание может встречаться у других авторов, но при этом есть основания полагать, что употребление ими указанного сочетания отсылает к автору оригинала.

Те случаи, где идиомы не удовлетворяют вышеперечисленным критериям в полной мере, условимся считать пограничными.

Как говорилось ранее, у Достоевского используется метафора отклонения от прямого пути. В примерах (19), (22)–(24) используется лексика, не позволяющая однозначно утверждать, что идиомы, содержащиеся в них, оригинальные, собственно авторские. В примерах ниже обнаруживаются такие образования, которые отсутствуют в НКРЯ на момент написания Достоевским своих произведений. Ср. примеры из романа «Игрок»:

- (26) — Вы ведь тоже доходите до иступления, до фатализма. Тут есть что-нибудь, какая-то особая цель. *Говорите без извилин*, я так хочу (Ф. М. Достоевский. Игрок (1866)).

Слово *извилина* используется в буквальном значении ‘отклонение, искривление’. Первый раз встречается здесь в значении, близком к *без обиняков*¹⁹, т. е. ‘прямо, как есть’. Ср. также:

- (27) Я не умею себе дать отчета, что со мной сделалось, в иступлённом ли я состоянии нахожусь, в самом деле, или просто *с дороги соскочил* и безобразничаю, пока не свяжут (Ф. М. Достоевский. Игрок (1866)).

Обратим внимание и на характерное для героев Достоевского «иступлённое состояние» в (28) и (29), для описания которого также часто используется авторская фразеология, где компонентами служат слова, характерные для идиостиля Достоевского. Например, частотное слово *мерка*, ср. сочетание *выскочить из мерки*, отчасти схожее с (27):

- (28) — Ну уж это ты, брат, перескакнул! это уж вольнодумство! Я, брат, и сам от рассудительного вольнодумства не прочь, но уж это, брат, *из мерки выскочило*, т. е. удивил ты меня, Сергей (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)).

Понятие *мерки*, как и понятие *границы*²⁰, у Достоевского означает область нормального или, по крайней мере, поддающегося описанию. Соответственно, при описании неординарных ситуаций, состояний и качеств

¹⁹ Ср. в том же значении у Б. Л. Пастернака: «Любить иных — тяжёлый крест, / А ты прекрасна *без извилин*, / И прелести твоей секрет / Разгадке жизни равносильна» (Б. Л. Пастернак. «Любить иных — тяжёлый крест...» (1931)). По всей видимости, автор предпочитал не замечать в этих строках невольный каламбур, осознаваемый уже его современниками [Шапир 2004]. Пример также свидетельствует, что авторский фразеологизм *без извилин* так и не прижился в русском языке, хотя тексты Достоевского и Пастернака разделяет 75 лет.

²⁰ Ср. *вывести из последних границ*: «Эта ленивая бестия может, наконец, *вывести* человека *из последних границ*; где он шатается?» (Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)). См. также [Балашов 2022].

Достоевский использует метафору *выскакивания из мерки* как отклонения от эталона или нормы²¹:

- (29) Тут, очевидно, было что-то другое, подразумевалась какая-то душевная и сердечная бурда, — что-то в роде какого-то романтического негодования, бог знает на кого и за что, какого-то ненасытного чувства презрения, совершенно *высочившего из мерки*, — одним словом, что-то в высшей степени смешное и *недозволенное в порядочном обществе* (курсив наш. — Е. Б.) и с чем встретиться для всякого порядочного человека составляет чистейшее божие наказание (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

Пример выше цитируется в [Лотман 1992] с целью проиллюстрировать повествовательную манеру Достоевского. И действительно, «что-то другое» в приведённом отрывке так и не называется точно, автор только намечает контур явления. Ср. также описание каторжников в «Записках из Мёртвого дома»:

- (30) Приходили в острог такие, которые уж слишком зарвались, слишком *высочили из мерки* на воле, так что уж и преступления свои делали под конец как будто не сами собой, как будто сами не зная зачем, как будто в бреду, в чаду; часто из тщеславия, возбуждённого в высочайшей степени (Ф. М. Достоевский. Записки из Мёртвого дома (1862)).
- (31) Тут-то и начинается странность: на время человек вдруг *выскакивает из мерки* (Там же).

Таким образом, *высочить из мерки* означает ‘выйти за границы допустимого в обществе или объяснимого с рациональной точки зрения’²². Интересна и сама логика образования сочетания: слово *мерка* может быть использовано как минимум в двух значениях: Мерка₁ — измерительный эталон, используемый в портновском деле; Мерка₂ — единица измерения сыпучих и жидких веществ. Строго говоря, в обоих случаях получается абсурдное сочетание. Так, если мы имеем в виду Мерка₁, то интуитивно неясно, как из неё можно *высочить*, поскольку мерка сама по себе не ограничивает объём объекта, который измеряет. Если же имеется в виду Мерка₂, то объект, наполняющий мерку, может из неё *вывалиться, высыпаться, вылиться*, но не *высочить*²³. Как и многие его современники, Достоев-

²¹ То есть слово получает дополнительное развитие в идиостиле, ср. развитие значения слова *кусок* у М. Е. Салтыкова-Щедрина.

²² Ср. внутреннюю форму слова *непомерный*, т. е. не поддающийся измерению.

²³ Ср. фразеологизмы *переполнить чашу* и *хватить через край*, описывающие ту же ситуацию, но с другим фокусом. Ср. близкий пример *река вышла из берегов*, где семантика глагола *выйти* толкуется как «физические изменения тела, приводящие к покиданию им исходно занимаемого пространства» [Соловьёв 2003: 4].

ский использует и фразеологизм *не по мерке*²⁴, однако в некоторых случаях переосмысляет его значение, т. к. *мерка* представляется отдельным и уже индивидуализированным понятием для автора:

- (32) Наследовать же Константинополь одним грекам теперь уже совсем невозможно: нельзя отдать им такую важную точку земного шара, слишком уж было бы им *не по мерке* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)).

Заметим, что, употребляя этот фразеологизм, Достоевский раскрывает понятие *невозможно*, которым кончается предыдущая часть предложения. Поскольку в «Дневнике писателя» мысль о Константинополе выражена подробно и недвусмысленно, с уверенностью можно сказать, что Достоевский имеет в виду здесь «историческую справедливость»²⁵ отношений Российской и Османской империй, как он её понимает, а *мерка* оказывается важным понятием в мировоззрении самого Достоевского и художественных мирах, созданных им²⁶.

По данным НКРЯ, до Достоевского никто не употреблял сочетания *выскочить из мерки*. Зато когда Достоевский утвердился в качестве значимого писателя русской культуры, это выражение появляется в текстах других авторов. Так, например, оно используется Михаилом Арцыбашевым, который, как известно, испытал значительное влияние Достоевского и в следующем отрывке явно подражает ему, доводя описываемую ситуацию до абсурда:

- (33) Обидно!.. За поэзию обидно! Лежит и молчит. И тут-то мне в первый раз пришло в голову, что по каким-то там неизвестным законам природы, а может быть, именно вопреки всем законам я *из общей мерки выскочил* и покойник я не совсем обыкновенный. А раз выскочил, то нечего мне с этими законами природы и считаться (М. П. Арцыбашев. Из дневника одного покойника (1905)).

Характерно, что в таком значении глагол *выйти* употребляется сравнительно редко (ср. татарский глагол *чыгу* с аналогичным значением, но другой сочетаемостью [Там же]).

²⁴ В значении Мерка, ср.: «— Нет, но, если я не ошибаюсь, это Ной или Лот, прогуливающийся с Адамом, который, вместо фиговых листьев, надел *не по мерке* сшитое пальто» (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862–1866)).

²⁵ Ср. относительно близкий фразеологизм *брать не по чину* ‘приобретать материальные блага незаконным путём, нарушая при этом негласные нормы, введённые сторонниками такого способа обогащения’.

²⁶ Ср. очень точное наблюдение Е. А. Иванчиковой [1979: 252]: «Типичной чертой фразового синтаксиса Достоевского является тенденция к высвобождению отдельных лексем из “оков” устойчивых синтаксических или фразеологических связей, чем достигается оживление привычных штампов и смысловая выделенность соответствующих слов».

Мы склонны рассматривать пример (33) как завуалированную цитату, поскольку само выражение *выскочить из мерки* — характерная авторская черта Достоевского, ср. такие слова, как *надрыв, стрюцкий, стушеваться* или *ветошка*²⁷.

Особенно интересен случай переосмысления понятия *точка* как центра, упорядочивающего мысли, ср. *собрать мысли в точку* в повести «Кроткая»:

- (34) а. Представьте себе мужа, у которого лежит на столе жена, самоубийца, несколько часов перед тем выбросившаяся из окошка. Он в смятении и еще не успел собрать своих мыслей. Он ходит по своим комнатам и старается осмыслить случившееся, «*собрать свои мысли в точку*».
- б. Мало-помалу он действительно уясняет себе дело и собирает «*мысли в точку*».
- с. Вот уже шесть часов, как я хочу уяснить и всё *не соберу в точку мыслей*.
- д. Ах, слушайте! слушайте! Вот теперь уже началось, а то я всё путался... Дело в том, что я теперь всё это хочу припомнить, каждую эту мелочь, каждую черточку. Я всё хочу *в точку мысли собрать* и — не могу, а вот эти черточки, черточки...

Примеры (34а–б) взяты из авторского предисловия, поэтому фразеологизм целиком или частично берётся в кавычки — таким образом Достоевский обозначает дистанцию между собой и своим героем и подчёркивает, что фразеологизм является частью чужого лексикона. Соответственно, в самом тексте (примеры (34с–д)) фразеологизм даётся без кавычек. Это сочетание до появления «Кроткой» Достоевского не встречается. В авторском предисловии упоминается повесть В. Гюго «Последний день приговорённого к смерти»: логично предположить, что фразеологизм мог быть заимствован оттуда, однако ни в оригинальном тексте повести Гюго, ни в её переводах такого выражения нет. Это не удивительно, поскольку во французском языке данный фразеологизм вовсе отсутствует. Можно обнаружить только вариант *rassembler les idées/pensées* — *собрать мысли*, ср. рус. *собраться с мыслями*, англ. *to collect one's thoughts*. Характерно, что при переводе повести на французский язык сочетание так и передаётся, ср. пример (34а) в двух самых распространённых переводах:

- (35) а. Figurez-vous un mari qui se trouve chez lui, devant une table, sur laquelle repose le corps de sa femme suicidée. Elle s'est jetée par la fenêtre quelques heures auparavant. Le mari est comme affolé. Il ne parvient pas à *rassembler ses idées* (La Timide, пер. В. Л. Бинштока (J.-Wladimir Bienstock) и Дж.-А. Но (John-Antoine Nau), (1904)).

²⁷ См. [Волгин 1996; Левонтина 2016: 372–275], а также разъяснения самого Достоевского [ПСС 26: 63–66].

- b. Figurez-vous un mari dont la femme, une suicidée qui s'est jetée par la fenêtre il y a quelques heures, gît devant lui sur une table. Il est bouleversé et n'a pas encore eu le temps de *rassembler ses pensées* (La Douce, пер. А. Марковича (André Markowicz) (1992)).

Однако существует ещё один перевод, менее известный — Krotkaia, где переводчица сохраняет аутентичность фразы Достоевского и даже авторские кавычки, однако выбирает глагол *concentrer*²⁸:

- c. Imaginez un mari en présence du cadavre de sa femme étendu sur une table. C'est quelques heures après le suicide de cette femme, qui s'est jetée par la fenêtre. Le mari est dans un trouble extrême, et n'a pu encore rassembler ses pensées. Il marche à travers l'appartement et s'efforce d'élucider cet événement, «*de concentrer ses pensées sur un point unique*» (Krotkaia, пер. Э. А. Гальпериной-Каминской (Ely Halpérine-Kaminsky) (1886)).

Поскольку этот перевод так и не стал популярным во франкоязычной культуре, оригинальное авторское выражение так и осталось неизвестным широкому французскому читателю. В русском литературном языке выражение также не получило распространения. Нами отмечено только два примера по НКРЯ, где аллюзия на Достоевского используется, по всей видимости, сознательно: Ю. Ф. Карякин занимался Достоевским, а В. А. Шевцов — выпускник филологического факультета.

- (36) Хочу наконец *собрать в точку все свои мысли* и чувства насчёт А. Н. Яковлева — А. Н. Я. Суть (до сих пор для меня неразрешимая): не знаю никого ещё из людей, перебивавших на самых вершинах власти, испытывавших всё, что даже мне не снится, — и вдруг «переродившегося». Говорю только о своем личном опыте восприятия: исторические примеры — наизучался... от Апостолов до Блаженного Августина и т. п. (Ю. Ф. Карякин. Дневник (1998) //

²⁸ *Rassembler*, в отличие от глагола *собирать*, не позволяет присоединить к нему *в точку* (*dans/sur un pointe*), поскольку имеет несколько иное значение — 'группировать объекты определённым образом' (ср. англ. *assemble*) или 'каузировать обладание различными объектами так, чтобы они формировали одно множество для последующих действий с ними' (ср. англ. *collect*). Ср. также коллокацию *собрать воедино*, где второй компонент оказывается избыточным для французского языка. Характерно, что и в английских переводах фразеологизм передаётся не дословно, ср. *bring [his] thoughts into focus* (A Gentle Creature, пер. А. Майерса (Alan Meyers)), *to collect [his] thoughts* (The Meek One, пер. Р. Майера (Ronald Meyer)), *focus his thoughts* (The Meek One, пер. К. Ланца (Kenneth Lantz)). В переводах на другие языки можно встретить разные варианты, как описательные: [*die*] *Gedanken sammeln* (Die Sanfte, пер. А. Элиасберга (Alexander Eliasberg)), *uporządkować swe myśli; zdążyćebrać myśli* (Łagodna, пер. Г. Карского (Gabriel Karski)), так и буквальные: *ricondurre i propri pensieri a un punto unico* (La mite, пер. Л. В. Надай (Luigi Vittorio Nadai)).

Карякин Ю. Ф. Дневник русского читателя (Переделкинский дневник), Октябрь. 1997. № 11, Знамя. 2007. № 11, 2009, № 4, 2014. № 11, Звезда. 2016. № 3, 4, 5, 6, 7, 8, 2007–2016).

- (37) Сергей некоторое время стоит, пытаясь сконцентрироваться, *собрать мысли в точку*, потом начинает биться в дверь ванной (В. А. Шевцов. Медленный свинг // «Волга», 2013).

Необходимо сказать, что текстов, собранных в НКРЯ, часто оказывается недостаточно, особенно в тех случаях, когда речь идёт о фразеологии речи персонажа, принадлежащего к определённой социальной группе, — у нас попросту нет данных, за исключением региональных словарей, на основании которых можно судить о самостоятельности некоторых замеченных образований.

Например, известно, что значительная часть окказиональной фразеологии в «Записках из Мёртвого дома» основана на материале, собранном Достоевским за время пребывания на каторге. Соответственно, мы не можем признать авторскими образованиями фразеологизмы, которые автор записал за невольными собеседниками или случайно встреченными людьми.

С другой стороны, нельзя отказать автору и в достаточной изобретательности, помогающей ему в стилизации речи представителей определённой социальной страты²⁹. Последнее можно отнести к речи Семёна Ивановича Прохарчина, чья речь, по «свидетельствам» других персонажей рассказа, и до сумасшествия героя была патологически бедной и практически бессвязной³⁰.

²⁹ Ср. любопытные и хорошо аргументированные ссылки на Достоевского рассуждения С. Дилуорт о языке «Записок из Мёртвого дома», демонстрирующие, что Достоевский хотя и описывал своё пребывание среди каторжников, только имитировал их язык, подражал ему, примешивая фольклорные элементы, сам же сознательно дистанцировался от них в своей речи [Dilworth 2022: 115–118]. Ср. также: «Обращает на себя внимание сложный синкретический характер Сибирской тетради. Творческой волей Достоевский свёл в ней разножанровые и разнородные элементы. Он так отбирал и строил записи, будто хотел прорваться к “свободной” поэтике романа или повести. Казалось бы, военная каторга и солдатская казарма должны были сузить, покоробить и иссушить творческое восприятие жизни писателем. Но Достоевский всюду и всегда оставался самим собой» [Владимирцев, Орнатская 1985: 46].

³⁰ Вот как описывает Прохарчина рассказчик Достоевского: «С своей стороны, Семен Иванович говорил и поступал, вероятно от долгой привычки молчать, более в отрывистом роде, и кроме того, когда, например, случалось ему вести долгую фразу, то, по мере углубления в неё, каждое слово, казалось, рождало ещё по другому слову, другое слово, тотчас при рождении, по третьему, третье по четвёртому и т. д., так что набивался полон рот, начиналась перхота, и набивные слова принимались наконец вылетать в самом живописном беспорядке. Вот почему Семен Иванович, будучи умным человеком, говорил иногда страшный вздор». Ср. рассуждение И. Анненского: «Прохарчин не умеет говорить. (...) Самые слова *выво-*

Ограничимся только несколькими примерами, поскольку речь героя заслуживает отдельного подробного рассмотрения:

- (38) Ты, слышь, дела ты не знаешь, потаскливый ты человек, учёный ты, *книга ты писаная!* А вот возьмёшь, сгоришь, так не заметишь, как *голова отгорит*, вот, слышал историю?! (Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)).

Заметим, что сочетание *голова отгорит* из примера мотивировано контекстуально: по сюжету действительно в одном из домов незадолго до этого диалога произошёл пожар, в котором сгорело всё имущество жильцов. Ср. также *голова горит* [у X-а] в [ФСРЛЯ]: ‘X находится в таком сильном нервном возбуждении, что испытывает болезненное жжение в области головы, это воспринимается X-м так, как будто его голова начинает гореть’. Характерно, что Прохарчин в итоге сошёл с ума и умер из-за сильного нервного расстройства, спровоцированного страхом за свои сбережения и должность.

Речь господина Прохарчина, как и многих других персонажей Ф. М. Достоевского (см., например, [КМИД 2021: 115–132]), способна составить предмет отдельного анализа, включающего тщательную сверку каждого неординарного словосочетания, — в одной статье такой обширный материал уместить невозможно и едва ли необходимо.

Заключение

В статье рассматривалась проблема окказиональных идиоматичных словосочетаний, или потенциальных авторских идиом. Основопологающим в анализе этих образований стал семантический подход, нацеленный на анализ образной составляющей — именно она, на наш взгляд, мотивирует их идиоматичность.

Было предложено три критерия выделения объекта: 1) идиоматичность; 2) отсутствие связи с имеющимися в словаре фразеологизмами; 3) возможность атрибутировать словосочетание конкретному автору. Воспроизводимость и распространённость рассматривались как побочные качества

дятся у Прохарчина наружу каким-то болезненным процессом: они суются, толкутся, не попадают на место и теряют друг друга в бессмысленной толчее, — да и слов-то самих немного. (...) *Князь, шут, пёс, каблук, гулявый детина, мальчишка, празднословный, потаскливый* и *туз* — вот почти весь словарь Прохарчина. (...) Но высшую для Прохарчина форму волнения символизируют слова *учёный, книга* и *стихотворец*. И за этот предел не дерзает уже и фантастическая укоризна, срываясь с его губ. А чтобы придать своим междометиям, эпитетам и пожеланиям в таком же роде хоть подобие речи, Прохарчин склеивает и замыкает их формулами вроде: *слышь ты, понял историю, не твой, сударь, слуга, вот оно тебе* и т. п. И здесь уже решительно все — и *фразеология и словарь*» [Анненский 1979: 32].

подобных образований, связанные преимущественно с социокультурными аспектами текстов, в которых они встречаются.

На материале НКРЯ удалось выделить несколько случаев, которые на данном этапе можно считать полностью удовлетворяющими указанным критериям. Отметим, что для верификации проделанной работы требуется обращение к дополнительным источникам, т. к. объём НКРЯ предоставляет ограниченный материал для наших целей. В частности, нами обнаружено несколько примеров с непрозрачной мотивацией, которые невозможно однозначно отнести к окказиональным авторским идиоматичным словосочетаниям.

Поскольку автор движется от образа к его вербальному выражению, анализ вёлся от формы к образной составляющей, что позволило проследить особенности объекта. Их составляющие компоненты окказиональных авторских идиоматичных сочетаний обладают значительным потенциалом для конструирования образа, который в ряде случаев задаётся буквальным прочтением сочетания.

Источники примеров

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>

ПСС 1 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1: Бедные люди. Повести и рассказы 1846–1847; Т. 3: Село Степанчиково и его обитатели. Униженные и оскорбленные; Т. 26: Дневник писателя 1877. Сент. — Дек.; 1880 Август. Л., 1972.

A Gentle Creature, Dostoyevsky, F. M. // *White Nights. A Gentle Creature and Other Stories* / Translated by Alan Myers. London, 2009.

Die Sanfte, Dostojewski F. M. (aus dem Russischen von Alexander Eliasberg). Köln, 2010.

Krotkaia, Dostoievski, F. M. (traduction de Halpérine-Kaminsky, E. (Ely)). Paris, 1886.

La Douce, Dostoievski, F. M. (traduction de Andre Markowicz). Arles, 1993.

La mite, Dostoevskij F. M. (traduzione di Luigi Vittorio Nadai). URL: <https://www.docsity.com/it/la-mite-di-fedor-dostoevskij/5086248/>

La Timide, Dostoievski, F. M. (Traduction de J.-Wladimir Bienstock et John-Antoine Nau). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/La_Timide

Łagodna Dostojewski F. M. (przełożył Gabriel Karski). URL: http://niniwa22.cba.pl/fiodor_dostojewski_lagodna.htm

The Meek One (translated by Ronald Meyer), Dostoyevsky, F. M. London, 2015.

The Meek One, Dostoyevsky, F. M. // *A Writer's Diary Volume One 1873–1876* / Translated and Annotated by Kenneth Lantz. USA, 1993.

Словари

СРФ — Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / Сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб., 1998.

ФСРЛЯ 2008 — Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. М., 2008.

Литература

- Анненский 1979 — И. Анненский. Книги отражений. М.: Наука, 1979.
- Апресян 1995 — Ю. Д. А пр е с я н. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Балашов 2022 — Е. А. Б а л а ш о в. Некоторые особенности употребления слова *последний* в русском языке XVIII–XIX веков // Русская речь. 2022. № 6. С. 71–80.
- Баранов, Добровольский 1997 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 56, № 1. С. 11–21.
- Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Баранов, Добровольский 2024 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Очерки общей и русской фразеологии. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024.
- Владимирцев, Орнатская 1985 — В. П. В л а д и м и р ц е в, Т. И. О р н а т с к а я. Сибирская записная тетрадь Достоевского // Ф. М. Достоевский. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) / Изд. подгот. В. П. Владимирцев, Т. И. Орнатская. Красноярск: Кн. изд-во, 1985. С. 38–58.
- Волгин 1996 — И. Л. В о л г и н. Homo substitutus: человек подмененный. Достоевский и языческий миф. Октябрь, 3, 1996. С. 172–181. URL: <https://magazines.gorky.media/october/1996/3/homo-substitutus-chelovek-podmenennyj.html>
- Жуков В. П., Жуков А. В. 2006 — В. П. Ж у к о в, А. В. Ж у к о в. Русская фразеология: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006.
- Жуков А. В. 2009 — А. В. Ж у к о в. Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 57–60.
- Жуков А. В. 2018 — А. В. Ж у к о в. О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIII международной научной конференции / Отв. ред. Т. В. Мальцева. 2018. С. 371–380.
- Жуков А. В., Жуков К. А. 2021 — А. В. Ж у к о в, К. А. Ж у к о в. К вопросу о потенциальных и окказиональных фразеологизмах (лексикографический аспект) // Лексикография цифровой эпохи: сборник материалов Международного симпозиума. Томск, 2021. С. 274–277.
- Земская 1959 — Е. А. З е м с к а я. Речевые приёмы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959. С. 215–279.
- Иванчикова 1979 — Е. А. И в а н ч и к о в а. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979.
- Кабакова 2002 — С. В. К а б а к о в а. Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты. München: Verlag Otto Sagner, 2002.
- КМИД 2021 — Корпусная модель идиостиля Достоевского / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: ЛЕКСПУС, 2021.

- Кунин 1970 — А. В. К у н и н. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970.
- Левонтина 2016 — И. Б. Л е в о н т и н а. Русский со словарем. М.: АСТ: CORPUS, 2016.
- Лотман 1992 — Символ в системе культуры // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 191–199.
- Мелерович, Мокиенко 2014 — А. М. М е л е р о в и ч, В. М. М о к и е н к о. Окказиональные преобразования фразеологических единиц // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 8. 2014. С. 234–252.
- Михельсон 1912 — М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. 1. СПб., 1912.
- Мокиенко 1989 — В. М. М о к и е н к о. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989.
- Молотков 1977 — А. И. М о л о т к о в. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977.
- МЯТ 1988 — Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988.
- Ожегов 1974 — С. И. О ж е г о в. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974.
- Осокина 2021 — Е. А. О с о к и н а. Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф. М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 417–435.
- Соловьёв 2003 — В. Д. С о л о в ь ё в. Ещё раз о лексикографическом портрете глагола выйти // Доклады международной конференции Диалог 2003. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/2694/solovjev.pdf>.
- Телия 1996 — В. Н. Т е л и я. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996.
- Шанский 1996 — Н. М. Ш а н с к и й. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная литература, 1996.
- Шапир 2004 — М. И. Ш а п и р. «...А ты прекрасна без извилин...» Эстетика небрежности в поэзии Пастернака // Новый мир. 2004. № 7. С. 149–171. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/7/a-ty-prekrasna-bez-izvilin.html
- Dilworth 2022 — C. D i l w o r t h. Between death and resurrection: Dostoevsky's notes from the House of the Dead on the eve of the peasant emancipation. Stockholm: Stockholm University, 2022.
- Dobrovol'skij 2016 — D. D o b r o v o l ' s k i j. The notion of “inner form” and idiom semantics // Etudes et travaux d'Eur'ORBEM, 2016, Proverbes et stéréotypes: forme, formes et contextes. 1 (1). P. 21–35.
- Fleischer 1982 — W. F l e i s c h e r. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut, 1982.
- Hockett 1958 — C. F. H o c k e t t. A course in modern linguistics. New York: Macmillan, 1958.
- Katz, Postal 1963 — J. K a t z, P. P o s t a l. Semantic interpretation of idioms and sentences containing them // Quarterly Progress Report № 70. Cambridge, MA: MIT Research Laboratory of Electronics. 1963. P. 275–282.

Kövecses, Szabó 1996 — Z. Kövecses, P. Szabó. Idioms: A view from cognitive semantics // *Applied Linguistics*. 1996. 17 (3). P. 326–355.

Langlotz 2006 — A. Langlotz. *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom variation in English*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.

O'Grady 1998 — W. O'Grady. *The Syntax of Idioms // Natural Language & Linguistic Theory*. 1998. Vol. 16. P. 279–312.

Pilz 1981 — K. D. Pilz. *Phraseologie: Redensartenforschung*. Metzler, 1981.

Статья получена 21.01.2024

Evgenij A. Balashov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
eblshv@yandex.ru

OCCASIONAL AUTHOR'S IDIOMS IN THE FICTION WORKS OF F. DOSTOEVSKY

The article deals with occasional idiomatic word combinations coined by a definite author, i.e., such as do not occur outside his texts otherwise than in the form of citations. The material is confined to author's idioms proper, that is, unique expressions created by an author; modifications of common idioms have not been taken into account. The frequency of author's idioms in the corpus of his works is not considered crucial as in the case of common idiomatic expressions. The mechanism underlying the genesis of such combinations is described as metaphorical reinterpreting of their components in a given context, e.g. in a narrative piece or in description of a character's behavior. The analysis is based mainly on the fiction works of F. Dostoevsky; texts by other authors are used as auxiliary material.

Keywords: phraseology, idiom semantics, author's idioms, occasional idioms, Dostoevsky.

References

- Annenskii, I. (1979). *Knigi otrazhenii*. Moscow: Nauka.
- Apresian, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisaniye iazyka i systemnaia leksikografiya*. Moscow: Iazyki russkoi kultury.
- Balashov, E. A. (2022). Nekotorye osobennosti upotrebleniya slova posledniy v russkom iazyke XVIII–XIX vekov. *Russkaya rech'*, 6, 71–80.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (1997). Postulaty kognitivnoi semantiki. *Izvestiia AN. Seriya literatury i iazyka*, 56(1), 11–21.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii*. Moscow: Znak.
- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (2024). *Ocherki obshchei i russkoi frazeologii*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK.

- Baranov, A. N., & Dobrovol'skii, D. O. (Eds.). (2021). *Korpusnaia model' idiostilia Dostoevskogo*. Moscow: LEKSRUS.
- Dilworth, C. (2022). *Between Death and Resurrection: Dostoevsky's Notes from the House of the Dead on the Eve of the Peasant Emancipation*. Stockholm: Stockholm University.
- Dobrovol'skij, D. (2016). The notion of "inner form" and idiom semantics. *Etudes et travaux d'Eur'ORBEM, 1*(1), 21–35.
- Fleischer, W. (1982). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut.
- Hockett, C. F. (1958). *A course in modern linguistics*. New York: Macmillan.
- Ivanchikova, E. A. (1979). *Sintaksis khudozhestvennoi prozy Dostoevskogo*. Moscow: Nauka.
- Kabakova, S. V. (2002). *Obraznoe osnovanie idiom: psikholingvokul'turologicheskie aspekty*. Munchen: Verlag Otto Sagner.
- Katz, J., & Postal, P. (1963). Semantic Interpretation of Idioms and Sentences containing them. *Quarterly Progress Report, 70*, 275–282.
- Kövecses, Z., & Szabó, P. (1996). Idioms: A view from cognitive semantics. *Applied Linguistics, 17*(3), 326–355.
- Kunin, A. V. (1970). *Angliiskaia frazeologija*. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Langlotz, A. (2006). *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom variation in English*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Levontina, I. B. (2016). *Russkii slovar' s slovar'em*. Moscow: AST; CORPUS.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannye stat'i* (Vol. 1, pp. 191–199). Tallinn: Aleksandra.
- Melerovich, A. M., & Mokienko, V. M. (2014). Okkazional'nye preobrazovaniia frazeologicheskikh edinit. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, № 8*, 234–252.
- Mokienko, V. M. (1989). *Slavianskaia frazeologija*. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Molotov, A. I. (1977). *Osnovy frazeologii russkogo iazyka*. Leningrad: Nauka.
- O'Grady, W. (1998). The Syntax of Idioms. *Natural Language & Linguistic Theory, 16*, 279–312.
- Osokina, E. A. (2021). Nekotorye aspekty avtorskoi frazeologii F. M. Dostoevskogo. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika, 12*(2), 417–435.
- Ozhegov, S. I. (1974). *Leksikologija. Leksikografiia. Kul'tura rechi*. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Pilz, K. D. (1981). *Phraseologie: Redensartenforschung*. Metzler.
- Shanskii, N. M. (1996). *Frazeologija sovremennogo russkogo iazyka*. St Petersburg: Spetsial'naia literatura.
- Shapir, M. I. (2004). «...A ty prekrasna bez izvilin...» Estetika nebrezhnosti v poezii Pasternaka. *Novyi mir, 7*, 149–171. Retrieved from https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/7/a-ty-prekrasna-bez-izvilin.html
- Solov'ev, V. D. (2003). Eshche raz o leksikograficheskom portrete glagola vyiti. In V. P. Selegei (Ed.), *Doklady mezhdunarodnoi konferentsii Dialog 2003*. Retrieved from <https://www.dialog-21.ru/media/2694/solovjev.pdf>
- Telia, V. N. (1996). *Russkaia frazeologija. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Telia, V. N. (Ed.). (1988). *Metafora v iazyke i tekste*. Moscow: Nauka.

Vladimirtsev, V. P., & Ornatskaia, T. I. (1985). Sibirskaiia zapisnaia tetrad' Dostoevskogo. In F. M. Dostoevskii, *Moia tetradka katorzhnaia (Sibirskaiia tetrad')* (pp. 38–58). Krasnoiarsk: Kn. izd-vo.

Volgin, I. L. (1996). Khomo substitutus: chelovek podmenennyi. Dostoevskii i iazycheskii mif. *Oktiabr'*, 3, 172–181. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/october/1996/3/homo-substitutus-chelovek-podmenennyj.html>

Zemskaiia, E. A. (1959). Rechevye priemy komicheskogo v sovetskoii literature. In *Issledovaniia po iazyku sovetskikh pisatelei* (pp. 215–279). Moscow: AN SSSR.

Zhukov, A. V. (2009). Frazeologicheskie fantomy v russkom iazyke. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 51, 57–60.

Zhukov, A. V. (2018). O potentsial'nosti frazeologicheskikh edinits. In T. V. Mal'tseva (Ed.), *Pushkinskie chteniia 2018. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 371–380). St Petersburg: LGU.

Zhukov, A. V., & Zhukov, K. A. (2021). K voprosu o potentsial'nykh i okkazional'nykh frazeologizmakh (leksikograficheskii aspekt). In E. A. Yurina, & S. S. Zemichcheva (Eds.), *Leksikografiia tsifrovoi epokhi: sbornik materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma* (pp. 274–277). Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta.

Zhukov, V. P., Zhukov, A. V. (2006). *Russkaia frazeologiiia* (2nd ed.). Moscow: Vysshaia shkola.

Received on January 21, 2024

Е. В. УРЫСОН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
uryson@gmail.com

К ОПИСАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ПЕРИФЕРИИ: СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА ЕДИНИЦЫ *НЕ ДОХОДЯ ДО*

Объект работы — единица *не доходя до* в контекстах типа *Немного не доходя до станции будет хозяйственный магазин*. В академической грамматике эта единица причисляется к классу отглагольных предлогов. В работе продемонстрировано, что данная единица не удовлетворяет определению предлога, т. к. предлог имеет одну активную синтаксическую валентность, по которой подчиняет себе существительное, в то время как эта единица имеет две активные валентности и подчиняет себе две синтаксические группы. Показана цепь семантических переходов от глагола *дойти* — *доходить* в его основном значении к данной единице. Продемонстрировано, что естественно отнести эту единицу к наречиям.

Ключевые слова: деепричастие, наречие, производный предлог, семантическая дери́вация, семантический актáнт, отрицание.

1. Постановка задачи

Объект предлагаемого исследования — единица *не доходя до* в контекстах типа *Не доходя до станции будет супермаркет*. В академической грамматике эта единица считается производным, а именно отглагольным, предлогом — формально она представляет собой деепричастие (с отрицанием) от глагола *доходить до (станции)* и семантически, очевидно, тоже тесно связана с этим глаголом. Цель работы: во-первых, выявить семантический переход или цепь таких переходов от глагола *доходить* к данной единице и, во-вторых, показать, что принятая трактовка этой единицы как предлога не соответствует общепринятым грамматическим определениям. Дело в том, что *не доходя до* совмещает черты разных классов слов — это, по-видимому, особенность многих производных единиц, благодаря которой их естественно отнести к периферии языка. Анализ *не доходя до*, как и других подобных периферийных случаев, требует выявления всех таких черт и выбора той грамматической интерпретации, которая максимально соответствует общепринятым грамматическим определениям. В работе будет предложена интерпретация единицы *не доходя до*, с одной стороны, учитывающая ее грамматические и семантические особенности, а с другой стороны,

удовлетворяющая основным положениям грамматики. Данная работа продолжает исследования [Урысон 2014; 2017а; 2017б; 2023а], посвященные единицам, относимым академической грамматикой к производным предложениям.

В дальнейшем в соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, будем называть слово, взятое в его одном конкретном значении, лексемой.

2. Семантика *не доходя до*

Системное описание семантики единицы *не доходя до* естественно опирается на анализ глагола *доходить*, от которого она произведена. Глагол *доходить* многозначен. Нам понадобится основная лексема этого глагола, представленная в случаях типа *Мы доходили до станции, заходили в здание вокзала и ждали поезда*. Эта лексема *доходить* входит в видовую пару с *дойти*, ср. *Мы дошли до станции, зашли в здание вокзала и стали ждать поезда*. Будут рассматриваться оба члена этой видовой пары¹.

Остановимся прежде всего на актантной структуре выбранной лексемы. Для этого представим общую схему ее значения (упрощенно):

(1) *A1 дошел до A2*:

- ‘(i) Человек A1 имел цель быть в месте A2;
- (ii) A1 перемещался так, что в какой-то момент времени начал быть в A2’.

Примеры: *Он дошел до перекрестка и повернул налево; Она дошла до нужного подъезда и остановилась*.

Отметим специфику указания на цель в этой лексеме: место A2 может быть как «настоящей» целью субъекта, так и некоторой промежуточной точкой на пути к этой цели, ср. *Ну как дойти до цели, / Когда ботинки жмут?* (Б. Окуджава) и *Мы дошли только до тех кустов, до деревни не удалось дойти — началась непроходимая топь*. Мы понимаем, идет ли речь о «настоящей» цели или только о некоторой промежуточной точке, исходя из общего контекста.

В состав нашей единицы *не доходя до* входит отрицание *не*, поэтому требуется выяснить, как взаимодействует глагол *дойти* — *доходить* с отрицанием.

¹ Мы отвлекаемся от вопроса, являются ли *доходить* и *дойти* в данном значении разными видовыми формами одной и той же лексемы (словоизменительная трактовка вида) или же лексемами разных глаголов (словообразовательная, или словоклассифицирующая интерпретация вида). Важно, что в видовую пару объединяются не два многозначных глагола целиком, а формы СОВ и НЕСОВ одной и той же лексемы (при первом подходе) либо лексема глагола СОВ и лексема глагола НЕСОВ (при втором подходе). Для определенности мы будем говорить о единой лексеме *дойти* — *доходить*, считая СОВ *дойти* и НЕСОВ *доходить* ее формами.

Данный глагол входит в группу аналогичных глаголов перемещения с приставкой *до-*, ср. *доехать — доезжать, долететь — долетать, доплыть — доплывать, доползти — доползать* и т. п. (здесь и далее рассматривается только первое, прямое значение каждого глагола). Глаголы этой группы под отрицанием претерпевают уникальную семантическую модификацию: они приобретают еще один семантический актанта [Апресян 2006: 133–134]. Ср.:

(2а) *Он дошел до перекрестка.*

(2б) *Он не дошел до перекрестка ста метров.*

В (2б), во-первых, отрицается, что субъект начал находиться на перекрестке (в месте, куда шел), и, во-вторых, еще и сообщается, какое расстояние до этого места ему осталось преодолеть. В общем виде:

(3) *A1 не дошел до A2 A3:*

(i) Человек A1 имел цель быть в месте A2;

(ii) A1 перемещался по направлению к A2;

(iii) в какой-то точке A1 перестал перемещаться по направлению к A2;

(iv) расстояние от этой точки до A2 равно A3'.

Очевидно, что деепричастия *дойдя* и *доходя* под отрицанием тоже имеют этот дополнительный семантический актанта, ср. *Не дойдя <не доходя> ста метров до перекрестка, он остановился*. Казалось бы, эти деепричастия и не должны обладать никакой особой спецификой по сравнению с личными формами глагола *дойти — доходить*, от которого они образованы. Однако это не совсем так.

Глагол СОВ *дойти* является моментальным и с точки зрения семантической классификации предикатов обозначает событие, ср. *дойти до перекрестка <перевала>*, *дойти до Северного полюса*. Парный ему глагол НЕ-СОВ тоже обозначает событие и ни при каких условиях не может обозначать процесс (действие), ведущий к данному событию, или какую-либо фазу этого процесса (действия)². В полном соответствии с правилами употребления видов, глагол НЕСОВ *доходить*, обозначая событие, предполагает определенный семантический контекст: он должен содержать указание на узуральность события (ср. *Мы обычно доходили до перевала до темноты; Мы всегда доходили до Северного полюса*), или на его неоднократность (ср. *Мы несколько раз доходили до этого перевала; Они трижды доходили на лыжах до Северного полюса*), или же на то, что повествование ведется в настоящем историческом (ср. *Они доходят до перевала*,

² Это утверждение не распространяется на переносные значения глагола *дойти — доходить*, ср. *Постепенно он дошел до крайней нищеты; Помню, один раз он [звонарь] начал с очень высоких серебристых звуков, постепенно снижая и доходя до тревожных, предостерегающих (...) колокольных голосов и подголосков* (А. Цветаева). Благодарим за последний пример Л. Л. Иомдина.

и их настигает непогода; Мы доходим до Северного полюса и решаем остановиться здесь лагерем).

Деепричастие *НЕСОВ доходя* тоже нормально употребляется в узуальном или многократном контексте. Ср.: *Доходя до перекрестка, он каждый раз поворачивал налево* (узуальное действие); *Дважды в неделю доходя до причала, он потом шел назад берегом моря* (неоднократное действие). Что касается настоящего исторического, то деепричастие *доходя*, в отличие от личных форм *дойти*, и в этом контексте не указывает на единичное событие, ср.:

(4) *Доходя до ее дома, он немного замедляет шаг.*

Главная клауза *Он немного замедляет шаг*, взятая отдельно, вполне может пониматься как обозначение единичной ситуации, единичного события в настоящем историческом; ср. *Он подходит к ее дому и немного замедляет шаг*. Однако высказывание (4) целиком может быть понято только как обозначение неоднократной или узуальной ситуации, и это понимание обеспечивается деепричастием *НЕСОВ доходя*. Причина, очевидно, в том, что *доходя* в принципе не может обозначать единичное событие.

Отметим также, что *СОВ дойдя*, в отличие от других форм *СОВ дойти*, может обозначать повторяющееся событие, благодаря чему синонимизируется с *НЕСОВ доходя*. Ср.:

(7) *Дойдя до ее дома, он обычно немного замедляет шаг* [нормально также: *доходя до ее дома, он обычно немного замедляет шаг*].

(8) *Каждый вечер он шел к Пуховым и, доходя до аптеки на углу улицы, поворачивал назад* (И. Эренбург) [возможно также: *Дойдя до аптеки, он каждый раз поворачивал назад*].

(9) *Доходя до Чека, люди свертывают с тротуара и идут по другой стороне, и многие взгляды украдкой на большой трехэтажный дом с многочисленными подъездами* (М. Кравков) [возможно также: *Дойдя до Чека, люди обычно свертывают с тротуара и идут по другой стороне улицы*].

Тем самым в контексте многократности (узуальности) формы *СОВ дойдя* и *НЕСОВ доходя* взаимозаменяемы: семантические различия между ними нейтрализуются³. При этом нейтрализуется и указание на временную последовательность ситуаций, описываемых деепричастием и глаголом-сказуемым. Действительно, в норме форма *СОВ деепричастия* указывает на то, что «второстепенная» ситуация, т. е. та, которая обозначается деепричастием, предшествует «основной» ситуации, выраженной сказуемым; а форма *НЕСОВ деепричастия* указывает на одновременность этих ситуаций. Но *доходя*, как и *дойдя*, указывает на то, что «второстепенная» ситуация предшествует «основной», ср. (8)–(9).

³ Задача описания всех контекстов, в которых глагол *СОВ* обозначает повторяющуюся ситуацию, в работе не ставится.

Что касается остальной массы парных глаголов, то их деепричастия СОВ и НЕСОВ, по-видимому, взаимозаменяемы не только в контексте многократности (узуальности), но и в контексте настоящего исторического. Ср.:

- (10а) *Он медленно бредет по улице, но подойдя (подходя) к ее дому, невольно ускоряет шаги* [наст. ист.; единичное событие].
 (10б) *Пойдя (подходя) к ее дому, он обычно невольно ускоряет шаги* [повторяющееся событие].
 (11а) *Дописывая (дописав) это длинное слово, он от напряжения слегка высовывает кончик языка* [наст. ист.; единичное событие].
 (11б) *Дописывая (дописав) слово, он всегда слегка высовывает кончик языка* [повторяющееся событие].

Однако основное семантическое различие между формами СОВ и НЕСОВ деепричастия сохраняется: деепричастие СОВ в таких контекстах указывает на то, что данная ситуация предшествует ситуации, описываемой сказуемым, а деепричастие НЕСОВ указывает на одновременность этих ситуаций. Описание употребления видов в сфере деепричастия представляет собой отдельную задачу, выходящую за рамки выбранной темы. Для нашей цели достаточно этих предварительных наблюдений.

Сделаем следующий шаг: рассмотрим деепричастие НЕСОВ *доходя* с отрицанием.

Как уже говорилось, глагол *дойти* — *дойти* (как и все глаголы перемещения с приставкой *до-*) под отрицанием подвергается уникальной семантической модификации: он приобретает еще один семантический актанта [Апресян 2006: 133–134], и эта модификация касается всех форм глагола. Оказалось, что деепричастие НЕСОВ *доходя* этого глагола под отрицанием подвергается еще одной, причем нестандартной семантической модификации. Сравним примеры:

- (12) *Он упал, не дойдя пяти метров до цели.*
 (13) [?]*Он упал, не доходя пяти метров до цели.*

Высказывание (13) кажется как минимум шероховатым или смешным. Попробуем объяснить причину этого.

Обратим внимание на то, что сочетание *не доходя до* обычно в объяснении или в описании, как куда-либо пройти, ср.:

- (14) *Идите прямо, вы увидите музей, не доходя до него ста метров поверните направо.*
 (15) *Нужно было свернуть налево, не доходя до базара.*

В подобных случаях А2 обозначает не «истинную» цель субъекта, а лишь промежуточный ориентир, указывающий направление перемещения. Деепричастие СОВ *дойдя* в том же контексте (*не дойдя до*) этой особенностью не обладает. Поэтому (12) и (13) выражают разный смысл.

Действительно, в (12) деепричастие *дойдя*, как и глагол *дойти* (в данном значении), предполагает, что субъект имеет цель — начать быть в некоторой точке, причем сама эта точка обозначена словом *цель*. Отрицание в свою очередь предполагает ожидание: ‘субъект начал быть в этой точке’, т. е. в данном случае ‘субъект достиг цели перемещения’. Следовательно, в (12) идея цели выражена трижды: в самом слове *цель*, в значении глагола *дойти* и в семантике ожидания, которая выражена отрицанием. При этом речь идет только об «истинной» цели субъекта.

В (13) сочетание *не доходя до* указывает на перемещение по направлению к некоторой точке-ориентир. Но этот ориентир обозначен словом *цель*, которое указывает на «истинную» цель. В результате (13) содержит скрытое противоречие: слово *цель* указывает одновременно на «истинную» цель субъекта и на ориентир, задающий направление к этой цели. Это скрытое противоречие и является причиной аномальности высказывания (13).

Аналогичным образом противопоставлены следующие примеры:

(16) *Не дойдя до загса, она расплакалась и убежала.*

(17) [?] *Не доходя до загса, она расплакалась и убежала.*

Из общих знаний мы понимаем, что в (16) и в (17) речь идет о паре, которая направляется в загс, чтобы подать заявление о браке. В (16) на перемещение и его конечную цель указывает деепричастие СОВ *дойдя*. В целом в (16) говорится, что *она* не дошла до цели, поскольку, как мы понимаем из общего контекста, изменила свое намерение. В (17) на перемещение указывает деепричастие НЕСОВ *доходя*, а оно в контексте отрицания *не* указывает всего лишь на ориентир, задающий общее направления перемещения. Это противоречит нашим общим ожиданиям, которые задаются знаниями о жизни: загс в подобном контексте должен быть конечной точкой, целью перемещения, а не просто промежуточным ориентиром (например, на пути в магазин). Аномальность примера (17) порождается противоречием семантики сочетания *не доходя до* и ожидания, порождаемого общим контекстом.

Предлагаемая интерпретация примеров (12)–(13) и (16)–(17) хорошо согласуется с объяснением причин языковой аномалии, данным Ю. Д. Апресяном [1995].

Итак, в сочетании *не доходя до* актант А2 не указывает на цель перемещения как таковую — он обозначает только объект на пути перемещения субъекта. В этом сдвиге семантики актанта А2 и заключается нестандартная семантическая модификация деепричастия НЕСОВ *доходя* в сочетании *не доходя до*.

Если наш анализ правилен, то в (14)–(15) представлено не деепричастие НЕСОВ *доходя*, а особая единица *не доходя*. Семантика этой единицы беднее семантики производящей лексемы глагола: в ней отсутствует указание на цель субъекта как таковую и остается лишь указание на его прерванное перемещение по направлению к некоторой точке, а также на расстояние до этой точки. Схематично:

(18) *P, не доходя до A2 A3:*

- ‘(i) субъект P перемещался по направлению к A2;
- (ii) в какой-то точке он перестал перемещаться по направлению к A2;
- (iii) расстояние от этой точки до A2 равно A3’.

Подчеркнем, что эта единица *не доходя*, подобно своей производящей глагольной лексеме, сохраняет указание на перемещение и, как и полагается деепричастию, указывает на «второстепенное действие», причем основное и второстепенное действия совершаются одним и тем же субъектом. Ср. примеры выше, а также:

- (19) *Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростью неизъяснимой* (А. С. Пушкин).
- (20) *Я (...) направляюсь к нему строевым шагом и строго по уставу, с рукой под козырек, не доходя четырех шагов, останавливаюсь как вкопанный и рапортую* (В. Катаев).
- (21) *Не доходя метров десяти до своего компаньона, Сорин расплылся в улыбке и приветственно помахал рукой* (П. Галицкий).

От этой единицы *не доходя до* всего один шаг до нашего основного объекта исследования, ср.:

(22) *Не доходя километра до станции будет большой супермаркет.*

Очевидно, что этот шаг состоит в трансформации указания на перемещение: данная единица не указывает на чье-либо перемещение, однако говорящий описывает местоположение объекта, мысленно перемещаясь к нему от точки, где находится его адресат⁴.

Схема толкования:

- (23) *A1 не доходя до A2 A3 [Супермаркет будет [A1] не доходя километр [A3] до станции [A2]]:*
 - ‘(i) A1 находится на расстоянии A3 от точки, где находится или может находиться адресат, до места A2;
 - (ii) говорящий мысленно перемещается от этой точки по направлению к A2’.

Обратим внимание на одну особенность управления данной единицы: A3 выражается формой РОД, A2 — группой *до* РОД, ср. (22); однако если A3 не выражен, то A2 может выражаться формой РОД:

- (24) — *Ишь, гад, Романова не знает, — вмешался дневальный. Не доходя конторы живет* (В. Шаламов).

⁴ Тем самым значение этой единицы включает указание на перемещающегося наблюдателя. Фигура такого наблюдателя введена Ю. Д. Апресяном; с ее помощью описывается целый ряд пространственных объектов; ср. *Будь осторожен: дорога там сильно виляет; Тропа кончается у озера* и т. п. [Апресян 2004: ВИТЬСЯ].

Данная единица употребляется как в разговорной речи, так и в нарративе. Ср.:

- (25) *Знаешь, немного не доходя до рынка, там мороженщица всегда стоит* (В. Панова).
- (26) *Там, чуть не доходя до главного здания КГБ, маленький хозяйственный магазин* (В. Войнович).
- (27) *Еще не доходя до Звонкой борины, почти возле самой тропы, стали показываться отдельные кроваво-красные ягоды* (М. Пришвин).
- (28) *Там, не доходя до вершины, была маленькая площадка, заросшая полевыми мальвами и кустами орешника* (Л. Веселитская (Микулич)).

Мы выделили две разные лексемы *доходя*, употребляющиеся только с отрицанием. Первая из них (ср. *Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя*) вполне сохраняет семантическую связь с производящей глагольной лексемой *дойти* — *доходить*, хотя и беднее ее семантически — в ней утрачено указание на цель субъекта. Вторую лексему (ср. *Не доходя (до) конторы живет*) естественно считать производной от этой первой лексемы, причем она еще более опустошена семантически по сравнению с глаголом *дойти* — *доходить*: в ней нет указания ни на цель субъекта, ни, строго говоря, вообще на субъекта перемещения — вместо него имеется фигура мысленно перемещающегося наблюдателя-говорящего. Перейдем к грамматике этих единиц.

3. Грамматика *не доходя (до)*

Начнем с единицы *не доходя*, представленной в случаях (14)–(15), (19)–(21) и сохраняющей указание на перемещение субъекта при модифицированном указании на цель как на ориентир. Ср. *Не доходя ста метров до музея, поверните направо*. На наш взгляд, эту единицу можно интерпретировать как глагольную форму, а именно деепричастие НЕСОВ от глагола *доходить (до)*. Специфика этого деепричастия состоит в следующем.

Во-первых, соответствующая лексема глагола *доходить* имеет только эту форму деепричастия и не имеет ни личных форм, ни формы инфинитива или причастия. Тем самым эта лексема имеет сильно дефектную парадигму — она представлена всего одной, притом неличной формой. Во-вторых, данная лексема (в своей единственной форме) употребляется только с отрицанием.

При всей кажущейся экзотичности такого описания оно вполне соответствует канонам русской грамматики. Так, в выражении *Ни зги (не видно)* представлено слово *зги*, которое естественно интерпретировать как форму родительного падежа единственного числа существительного *зга*, причем это существительное имеет ровно одну данную форму. Более того, эта форма употребляется только с отрицательной частицей *ни* и только в дан-

ном устойчивом сочетании. Столь же дефектную парадигму — с одной заполненной клеткой — имеют уменьшительные существительные *щец* и *дровец* (пример А. А. Зализняка); правда, на употребление этих существительных не накладываются столь жесткие контекстные ограничения.

В целом данная единица *не доходя (до)* сохраняет черты деепричастия, в частности — она предполагает наличие субъекта, совпадающего с субъектом глагола-сказуемого. Сложнее обстоит дело со второй единицей *не доходя (до)*: ее нельзя считать деепричастием хотя бы потому, что она не предполагает никакого субъекта. В сущности, эта единица указывает только на расстояние.

Казалось бы, довольно естественно считать, что единица *не доходя (до)* в случае типа *Не доходя (до) конторы живет* является производным (отглагольным) предлогом: русской грамматике известен переход деепричастия в предлоги, ср. единицы *благодаря (хорошей погоде)* и *несмотря на (дождь)*, которые формально совпадают с деепричастием, но функционируют как предлоги. Тогда перед нами составной производный предлог *не доходя (до)*, в состав которого входит единица *доходя*, формально совпадающая с деепричастием, отрицание *не* и — факультативно — первообразный предлог *до*.

Этот подход принят в академической грамматике [АГ-80]. Однако перед тем как отнести ту или иную единицу к какой-либо части речи, необходимо убедиться в том, что она удовлетворяет определению этой части речи. Рассмотрим поэтому определение предлога⁵.

Предлог — это морфологически неизменяемое слово, и данная часть речи определяется прежде всего через ту синтаксическую функцию, которую она выполняет в предложении. [ЛЭС] дает следующее определение предлога: это «разряд служебных, морфологически неизменяемых слов, выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь» [ЛЭС: статья «Предлог»]. Современная академическая грамматика дополняет это определение указанием на семантическую функцию предлога: это служебное слово не только оформляет подчинительную связь, но и выражает определенные отношения между объектом (ситуацией), обозначаемым главным членом словосочетания, и тем объектом (ситуацией), который обозначается зависимым членом словосочетания [АГ-80].

Это определение не является операционным и, по-видимому, не поддается формализации: в его основе лежит понятие «служебное слово» или «служебная часть речи», которое тоже интуитивно ясно, но не определено сколько-нибудь строго.

В традиционной грамматике служебные части речи — к ним относятся предлог, союз и частица — противопоставлены знаменательным (это пре-

⁵ Подробнее об этом см. [Урысон 2023б].

жде всего глагол, существительное, прилагательное и наречие). Школьная грамматика различает знаменательные и служебные слова по следующему операционному критерию. В словосочетании (предложении) к знаменательному слову можно подставить вопрос от другого слова; ср. *долго разглядывать монету: разглядывать (что?) монету, разглядывать (как?) долго*. (В предложении такой вопрос позволяет также определить, каким членом предложения является данное слово. Ср. *Долго разглядывал монету: монету* — прямое дополнение, *долго* — обстоятельство времени.) Что касается служебного слова, в частности предлога, то к нему подставить вопрос нельзя. Ср. *ехать (куда?) в Париж, жить (где?) в Париже, уехать (откуда?) из Флоренции*. При этом предлог может повторяться в вопросе, ср. *бороться с противником — бороться (с кем?) с противником*⁶.

Данный критерий легко усваивается детьми в начальной школе, но очевидно, что он основан на языковой интуиции, которая до сих пор не эксплицирована. Одна из задач теоретической лингвистики состоит в экспликации таких интуитивно ясных базовых понятий. Естественно предположить, что служебные слова, в том числе предлоги, отличаются от знаменательных слов коммуникативным статусом в высказывании. Однако эта гипотеза не разработана, а потому не может быть ни верифицирована, ни опровергнута. Для наших целей достаточно решить гораздо более скромную задачу — исходя из четко определенных синтаксических понятий, сформулировать необходимые требования, которым удовлетворяет предлог.

Легко видеть, что предлог обладает следующими синтаксическими свойствами.

(I) Он имеет две синтаксические валентности — пассивную (по этой валентности он синтаксически подчиняется другому предикату, ср. *ехать* → *в Москву, поездка* → *в Москву, полный* → *до краев*) и активную, по которой он управляет зависимым от него словом, ср. *в* → *Москву, на* → *свете*.

(II) Активная синтаксическая валентность предлога практически обязательно должна быть заполнена.

(III) Активная синтаксическая валентность предлога заполняется существительным, в языках с именным словоизменением — определенной падежной формой, ср. *в* → *Москву, до* → *краев*.

(IV) Предлог не может иметь никаких других синтаксических зависимых, кроме этого единственного управляемого им синтаксического актанта.

(V) Предлог линейно располагается перед управляемым существительным, точнее — непосредственно перед именной группой, в вершине которой стоит данное существительное.

Условие (I) не нарушаемо. Условие (III) в современном языке, по-видимому, начинает размываться, ср. разговорно-сниженное *деньги на пожрать*,

⁶ Эта «неотделимость» предлога от существительного отражается в традиционной терминологии: предложно-падежную группу (ср. *в Москву, из города, с другом*) называют также предложно-падежной формой существительного.

где предлог *на* подчиняет себе инфинитив⁷. Условия (II), (IV) и (V) допускают специально оговариваемые исключения.

Известное исключение из (II) представляют собой противопоставительные (часто экспрессивные) контексты, ср. — *Вам кофе с лимоном или без? — Лучшие без; Сумка не НА кровати, а ПОД, ПОД!*

Исключение из (IV): некоторые предлоги могут подчинять себе наречие со значением ‘без существенного пространственного или временного промежутка’, ср. *Детскую площадку устроили непосредственно ← перед домом; Взрыв был зафиксирован непосредственно ← после вспышки; Веник стоит сразу ← за дверью*⁸.

Свойством (V) обладают не все единицы, относимые к предлогам: как известно, некоторые предлоги могут располагаться как перед, так и после зависимого слова, ср. *ради Христа — Христа ради*. Таких предлогов очень мало, и они задаются списком.

Подчеркнем, что требования (I)–(V) являются необходимыми, но не достаточными: данными свойствами теоретически может обладать не только предлог, но и другое неизменяемое слово, например деепричастие или наречие. Тем не менее список этих требований полезен при анализе «кандидатов» в производные предлоги, т. к. на его основании можно сразу отсеять некоторые спорные единицы.

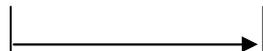
Легко видеть, что единица *не доходя (до)* не удовлетворяет требованию (I) к предлогу: она имеет три синтаксических актанта: пассивный (A1) и два активных (A2 и A3). Ср.:

(29) *Он живет [A1] немного [A3] не доходя до рынка [A2].*

(30) *Не доходя ста метров [A3] до заправки [A2] было небольшое кафе [A1].*

Схематически:

(31) ... *живет немного* ← *не доходя до* → *рынка*

Следовательно, данную единицу некорректно относить к классу предлогов. Остается отнести ее к классу наречий — определению наречия эта единица не противоречит. Более того, русской грамматике хорошо известен переход в наречия деепричастий. А наша единица по форме совпадает с деепричастием и семантически является дериватом от деепричастия *не доходя*, представленного в контекстах типа *Он остановился, не доходя до ее дома*. В описываемом случае эта семантическая деривация сопровождается еще и сменой грамматического класса — производная единица оказывается не в классе деепричастий, а в разряде наречий.

⁷ Благодарим за этот пример И. А. Большакова.

⁸ О наречии *сразу* см. [Урысон 2017б].

Правда, «классические» наречия не управляют существительным (или предложно-падежной группой), ср. *очень (бояться)*, *быстро (бежать)*, *красиво (петь)* и т. п. Однако в разряде наречий выделяется класс управляющих наречий [Овсянко-Куликовский 1902; Урысон 2014; 2017a], и наша единица *не доходя (до)* удовлетворяет их определению: она управляет предложно-падежной группой *до* + СУЩ РОД (ср. *Не доходя до конторы будет магазин*) либо падежной формой СУЩ РОД без предлога (ср. *Не доходя конторы живет*).

В целом эта единица возводится к основному значению глагола *дойти* — *доходить* (ср. *Он дошел до станции и стал ждать поезда*), причем отстоит от этого глагола на два шага. Первый шаг деривации — образование особой глагольной лексемы, в парадигме которой представлена единственная форма: деепричастие *доходя (до)*, причем в сочетании с отрицанием *не*, ср. *Он остановился, немного не доходя до перекрестка*. На этом шаге происходит некоторое обеднение семантики исходного глагола: утрачивается указание на цель перемещения. Второй шаг деривации — образование от данного деепричастия наречия *не доходя (до)*. Этот шаг сопровождается уже достаточно сильным семантическим выветриванием: обедняется указание на цель, выхолащивается указание на субъекта перемещения и фактически на само перемещение. Однако производная единица на обоих шагах деривации сохраняет актантную структуру производящего глагола. Специфика этой структуры состоит в том, что производящий глагол под отрицанием имеет дополнительный актант — указание на оставшееся расстояние до цели, ср. *Он дошел до станции — Он не дошел до станции ста метров*. Обе производные единицы *не доходя (до)* имеют этот третий актант, причем *не доходя (до)* синтаксически подчиняет себе его выражение. Ср. *Немного ← не доходя → (до → станции), сверните налево; Магазин будет немного ← не доходя → (до → станции)*. Именно благодаря этому нашу единицу *не доходя* (ср. *Немного не доходя до станции будет магазин*) некорректно относить к классу предлогов: предлог по определению имеет только одну активную синтаксическую валентность и, следовательно, может подчинять себе одну зависимую группу. При этом наша единица сохраняет следующую деепричастную черту: группа *не доходя*, т. е. эта лексема со своими синтаксическими зависимыми, как непосредственными, так и опосредованными, на письме часто обособляется.

С л о в а р и

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Л и т е р а т у р а

АГ-80 — Грамматика современного русского языка. М.: Наука, 1980.

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Языковая аномалия и логическое противоречие // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 598–621.

Апресян 2004 — Ю. Д. А п р е с я н. Словарная статья «*Виться 2, извиваться 2, петлять 2, вилять 2*» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена, 2004. С. 102–106.

Апресян 2006 — Ю. Д. А п р е с я н. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–162.

Овсянко-Куликовский 1902 — Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й. Синтаксис русского языка. СПб., 1902.

Урысон 2014 — Е. В. У р ы с о н. О производных предложениях: наречные предлоги // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2014» (Бекасово, 2014 г.). Вып. 13 (20): В 2 т. М.: РГГУ, 2014. Т. 1. С. 695–706.

Урысон 2017a — Е. В. У р ы с о н. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.

Урысон 2017b — Е. В. У р ы с о н. Наречие *сразу*: семантика и грамматика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 3 (13). С. 304–314.

Урысон 2023a — Е. В. У р ы с о н. К уточнению границ класса производных предлогов: грамматика и семантика единиц *исключая (присутствующих), включая (присутствующих), считая (женщин и детей)* // Вопросы языкознания. 2023. № 3. С. 7–26.

Урысон 2023b — Е. В. У р ы с о н. К определению предлога и уточнению списка русских производных предлогов // Труды Международной конференции по компьютерной лингвистике и ее приложениям ДИАЛОГ'2023. М., 2023. С. 517–524.

Статья получена 11.12.2023

Elena V. Uryson

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
uryson@gmail.com

**TOWARDS THE DESCRIPTION OF GRAMMAR PERIPHERY:
SYNTAX AND SEMANTICS OF RUSSIAN ITEM *NE DOKHODIA DO (MUZEJA)*
(LIT.: 'BEFORE REACHING THE MUSEUM')**

The object of the paper is the Russian lexical item *ne dokhodia do (muzeja)* in contexts like *Rynok budet nemnogo ne dokhodia do muzeja* 'The market will be just before the museum' (lit.: 'just before you reach the museum on foot'). Academic grammar classifies this item as a derivative (verbal) preposition. I demonstrate that this item does not satisfy the definition of this part of speech. Indeed, any preposition has only one active syntactic valence, so a preposition can subordinate only one syntactic (noun) group, whereas the item under discussion has two active valences and is able to subordinate two syntactic groups. I argue that this item is an adverb. I show the chain of semantic trans-

formations from the main meaning of the source verb *dojti* — *dokhodit'* ('reach on foot') to the meaning of the item *ne dokhodia do*.

Keywords: Russian converb, adverb, derivative preposition, semantic derivation, semantic actant, negation.

References

- Apresian, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Apresyan, Yu. D. (2004). Slovarnaya statya «*Vitsya 2, izvivatsya 2, petlyat 2, vilyat 2*». In Yu. D. Apresyan (Ed.) *Novyy obyasnitel'nyy slovar sinonimov russkogo yazyka / 2-e izd., ispr. i dop.* Moscow; Vena: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'makh, 102–106.
- Apresian, Yu. D. (2006). Osnovaniia sistemnoi leksikografii. In Yu. D. Apresian (Ed.), *Iazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia* (pp. 33–162). Moscow: Iazyki slavyanskikh kul'tur.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Grammatika sovremennogo russkogo iazyka*. Moscow: Nauka.
- Uryson, E. V. (2014). O proizvodnykh predlogakh: narechnye predlogi. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2014»* (Iss. 13(20), Vol. 1, pp. 695–706). Moscow: RGGU.
- Uryson, E. V. (2017a). Predlog ili narechie? Chasterechnyi status narechnykh predlogov. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 36–55.
- Uryson, E. V. (2017b). Narechie *srazu*: semantika i grammatika. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 3(13), 304–314.
- Uryson, E. V. (2023a). K utochneniiu granits klassa proizvodnykh predlogov: grammatika i semantika edinits *iskliuchaia* (*prisutstvuiushchikh*), *vkliuchaia* (*prisutstvuiushchikh*), *schitaia* (*zhenshchin i detei*). *Voprosy jazykoznanija*, 3, 7–26.
- Uryson, E. V. (2023b). K opredeleniiu predloga i utochneniiu spiska russkikh proizvodnykh predlogov. In V. P. Selegei (Ed.), *Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii po komp'iuternoii lingvistike i ee prilozheniiam DIALOG–2023* (pp. 517–524). Moscow: Izdvo RGGU.

Received on December 11, 2023

М. С. ТЕЙКИН

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
Дальневосточного отделения Российской академии наук
(Магадан, Россия)
teikin-ms@mail.ru

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУСЛИТНОГО (ДЕФИСНОГО) НАПИСАНИЯ ТОПОНИМОВ

Написание топонимов включает в себя спорные вопросы, не получившие окончательной кодификации в «Правилах русской орфографии и пунктуации», что на практике влечёт разное написание, встречающееся даже в официальных документах и базах данных. Государственный каталог географических названий — главная российская база данных для топонимов — содержит онимы сходного типа с противоречивыми написаниями.

Одна из главных проблем орфографии топонимов — запись существительных с постпозитивными прилагательными. Автор считает существующее правило для таких онимических единиц подходящим и не нуждающимся в пересмотре, но требующим детализации для некоторых случаев. Порядковые слова по частеречной принадлежности должны считаться относящимися к числительным, что влечёт их раздельное написание с существительными-топонимами в постпозиции.

Ключевые слова: топонимия, топонимы, ойконимы, постпозитивное прилагательное, постпозитивное числительное, раздельное написание, дефисное (полуслитное) написание.

Введение: схожесть и одинаковость топонимов

В настоящее время в России ведётся большая работа по кодификации географических названий, имеющая важное значение как для экономического развития, так и для сохранения и повышения культурного уровня населения и его грамотности. По верному замечанию Н. Ю. Печетовой и Т. М. Никаевой, общепринятое унифицированное написание топонимов есть социально значимая норма для их использования в письменной речи, особенно это важно для официальных документов и текстов [Печетова, Никаева 2023: 105]. Неверное именование топонимов в письменной речи, в частности микротопонимов, может привести к ошибочному восприятию адресатом топонима, указанного в тексте, его смешению с идентичным топонимом. Письменный документ, в отличие от устной беседы, исключает возможность уточнения названия. Приведу несколько примеров.

В Московской области расположены город *Фрязино* и посёлок *Фрязево*, находящиеся поблизости друг от друга, к северу от Фрязина и Фрязева располагается посёлок *Фряново*; названия трёх населённых пунктов похожи, два первых отличаются всего двумя буквами. Названия посёлка *Рёвда* (Мурманской области) и города *Ревда́* (Екатеринбургской области) различаются только ударением. Наименование *Благовещенск* дано двум городам — центру Амурской области и городу в Башкирии. Одинаковые названия двух населённых пунктов не создают неудобства, пока один из них небольшой и неизвестный широко за пределами своего края. Так, в случае с Благовещенсками вероятность возникновения двусмысленности минимальная. Однако имеются и иные примеры.

К юго-востоку от города *Донецк* — центра российского региона расположен город *Донецк* Ростовской области. Одинаковые названия двух городов возникли вследствие переименований, широко практиковавшихся в годы советской власти. Современный «большой» Донецк входил в состав Украинской ССР и до 1961 г. носил название *Сталино*. Донецк Ростовской области в 1924 г. передан от Украинской ССР в Российскую СФСР, до 1951 г. населённый пункт был станицей и имел название *Гундоровская*, в 1951 г. станица преобразована в город с названием *Гундоровка*, в 1955 г. переименованный в *Донецк*, когда «большой» Донецк именовался Сталином. Сегодня название *Донецк* по умолчанию воспринимается как относящееся к «большому» Донецку; для «малого» Донецка, если речь не шла непосредственно о нём, приходится уточнять, что это не региональный центр. Расположение поблизости друг от друга двух Донецков создаёт небольшие трудности в речевой коммуникации.

Помимо указанных существуют иные населённые пункты с одинаковыми названиями: города *Мирный* в Якутии и *Мирный* в Архангельской области, города *Никольск* в Вологодской области и *Никольск* в Пензенской области (до 1954 г. — *Никольская Пёстровка*); все они расположены далеко друг от друга.

Показателен пример с наименованием *Ростов*, которое в разные исторические периоды было дано двум городам. Более старый город, несмотря на свои скромные размеры и невеликую экономическую мощь, имеет большое значение в истории и для культуры, в связи с чем известен за пределами своего края. Новый город, названный по образцу старого, увеличиваясь в населении и приобретая важное экономическое и культурное значение, становился всё более известным, частота употребления его названия возросла в соседних областях и по стране. В этом случае целесообразно было дать уточняющие названия — более молодому населённому пункту или обоим, что и осуществили. Город *Ростов* на Юге России официально стал называться *Ростов-на-Дону*, у города *Ростов* в Ярославской области на официальном уровне уточнение в название на начало 2024 г. не вводилось, хотя у него есть полуофициальное название *Ростов Великий* (без дефиса, в два слова), о чём пойдёт речь ниже.

Противоположный пример: для города *Новгорода*, несмотря на невозможность смешения его с *Нижним Новгородом*, в 1999 г. полуофициальное название стало официальным, и юридически город называется *Великий Новгород*.

При значительном росте двух равнозначимых населённых пунктов целесообразно или дать обоим уточняющие названия, или переименовать один из них. Город *Калининград* в Подмосковье в 1996 г. был переименован в *Королёв*¹; это было целесообразно не только потому, что устраняло возможность ошибочного отождествления наукограда с городом на Балтийском берегу, но и избавляло топонимию России от нежелательного прославления одного из советских лидеров².

Одинаковые или почти одинаковые географические названия неизбежны, в особенности среди микротопонимов. Более важным вопросом является верное написание топонимов. По замечанию А. В. Барандеева, географические названия — ценное наследие истории и культуры народа — вполне заслуживают бережного и обоснованного географического оформления [Барандеев 2021: 10]. Один из важных вопросов орфографии топонимов — вопрос их написания раздельно, полуслитно и слитно.

¹ Переименование осуществлено указом президента России от 08.07.1996 № 1020 «О переименовании г. Калининграда Московской области».

² Город Калининград на Балтийском берегу неизбежно будет переименован. Возвращение названия *Кёнигсберг* нецелесообразно, поскольку оно не связано с Россией и олицетворяет дороссийскую историю, не считая четырёх с половиной летнего промежутка Семилетней войны (январь 1758 — август/сентябрь 1762). Одно из возможных и, пожалуй, лучшее название для города — старое русское *Королёвец*. Оно подтверждается письменными источниками. Например, во втором томе «Актов Московского государства» второй документ за № 955 называется «Вѣсти скорыя изъ Королевца Прусской земли въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ» [АМГ: 564]. Историк Д. Н. Вергун пишет в августе 1914 г.: «Наконецъ, самъ Кёнигсбергъ (sic) <...>. Славянское названіе его — Крулевецъ [по-польски — *Królewiec*], т. е. Королевецъ [по-русски], дано ему въ ознаменованіе происхожденія его по волѣ короля» [Вергун 1914: 4]. Г. В. Кретинин в сборнике статей приводит цитаты из указов начала XVIII в.: «Двадцать пятого января 1716 г. [ст. ст.] им [Петром I] был издан именной указ: “Послать в Королевец человек 30 или 40 <...>”»; «В сенатском указе было записано: “Для посылки в Королевец в указанное число 40 человек взять из губерний и из приказов”» [Кретинин 2018: 38]. В сноске к первому упоминанию Королевца в указе Г. В. Кретинин даёт разъяснение: «Русское название Кёнигсберга» [Там же], в индексе топонимов указывает: «Кёнигсберг (Королёвец)» [Там же: 642], тем самым подчёркивая, что это один и тот же город. Используется русское имя города и в художественной литературе, противопоставляясь немецкому: «Кёнигсбергъ-то Королевцемъ назывался, а это ужъ послѣ нѣмцы его въ Кёнигсбергъ перекрестили» [Салтыков-Щедрин 1883: 494]. Название *Королёвец* оправданно исторически, не вызывает нареканий с точки зрения эстетического восприятия, идеологически нейтрально. Область должна называться соответственно *Королёвскою*.

Особенности кодификации написания топонимов

Написание топонимов регулируется общими правилами орфографии, но на практике возможны отступления. Это обусловливается двумя главными факторами.

Во-первых, количество общеупотребительных в настоящем времени нарицательных имён имеет предел, написание их можно упорядочить, опираясь на этимологию, морфемiku, традицию, фонетику. Кодификация орфографии чаще всего осуществляется квалифицированными лингвистами. При заимствовании нарицательного имени из иного языка или появлении неологизма на собственной языковой основе возможны различающиеся написания в узусе, однако со временем происходит кодификация в пользу, как правило, одного варианта.

Во-вторых, количество собственных имён трудноисчислимо или практически неисчислимо. Они могут нести архаический или диалектный отпечатки: быть образованными от литературных слов, ныне неупотребимых или практически неупотребимых, либо от диалектизмов. Заимствования онимов происходят из разных языков и в разных сферах — от научной до просторечной и нелитературной, осуществляется адаптация собственных имён с точки зрения фонологической системы заимствующего языка. Поскольку главное назначение собственных имён — выделение конкретного объекта из множества других, официальные онимы должны закрепляться юридически. Это относится в первую очередь к антропонимам: именам, отчествам, фамилиям и топонимам. Среди всех объектов большую важность имеют объекты антропогенного характера — населённые пункты (города, сёла, деревни и т. п.), пункты путей сообщения (вокзалы, станции и др.). Ойконимы среди топонимии имеют особое значение. Невозможно представить ситуацию, когда ойконим не включается в официальные документы, нормативные акты до тех пор, пока учёные-лингвисты не исследуют его и не предпишут верное написание, — это невозможно прежде всего для микроойконимов. Онимы входят в узус до лингвистической академической кодификации, поэтому их написания могут противоречить правилам орфографии. Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова отмечают, что при кодификации топонимов лингвисты сталкиваются с тем, что орфографические «вольности» топонимов закрепляются не только традицией местного употребления, но и юридически, например в законодательных актах [Арутюнова и др. 2021а: 24].

В целях единообразия в написании и употреблении топонимов в России создан Государственный каталог географических названий (далее также — Каталог), но, как указывают исследователи, в нём фиксируются различные написания топонимов одинакового типа (например, существительного с постпозитивным прилагательным) [Дамбуев 2014: 95–96; 2019: 7; 2021: 83–85; Барандеев 2019: 86; Ильин, Сидорова 2020: 619, 622–624; 2021: 123–125]. Это свидетельствует как о незавершённом ещё упорядочивании

написания топонимов, в особенности микротопонимов, так и о необходимости усовершенствования кодификации орфографии топонимов, о чём пойдёт речь ниже. По замечанию Е. В. Арутюновой, Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой, неисчислимость материала обуславливает ещё одну особенность правил для написания топонимов: всегда найдётся (или останется неизвестным для лингвиста) устойчивое, противоречащее правилу написания какого-либо конкретного названия. На этом основании исследовательницы приходят к выводу, что полного списка исключений создать в принципе нельзя [Арутюнова и др. 2021а: 23].

А. В. Барандеев подчёркивает, что вопросы отдельного, дефисного (полуслитного) и слитного написания некоторых категорий географических названий, а также случаи употребления в них прописных букв занимают особое место среди сложных проблем современной орфографии [Барандеев 2017: 158].

Правила орфографии не только указывают верное написание топонимов, но и фактически «подстраиваются» под них. Например, в силу традиции пишутся слитно ойконимы, образованные от двух личных имён: *Борисоглебск*, *Козьмодемьянск*, *Петропавловск* [ПРОП: § 126, п. 1, прим. 1]³, хотя в абсолютном большинстве географические имена собственного подобно типа закрепились в дефисном варианте [Ильин, Сидорова 2020: 621; Сидорова 2021: 179], а согласно правилу сочетания из двух частей пишутся через дефис [ПРОП: § 126, п. 1], к ним относятся в том числе сочетания двух личных имён: *Александро-Павловка*, *Ивано-Яковлевка*, *Никола-Гавриловка*, — имени и фамилии: город *Ивано-Франковск*, село *Михайло-Коцюбинское*, *Лев-Толстовский* район. Отступление от общего правила орфографии топонимов обуславливается узусом, тем более устойчивым, чем известнее топоним. Легче установить правильное с точки зрения орфографии написание для микротопонима, неизвестного за пределами своего нахождения, чем для топонима, имеющего большую частоту употребления. Названия *Борисоглебск*, *Козьмодемьянск*, *Петропавловск* прочно вошли в русскую топонимию, и менять их орфографию, даже в угоду общему правилу, нецелесообразно. Исключения для топонимов нередки; в некоторых случаях это оправданно многолетней или многовековой традицией, в большинстве случаев необходимо следовать общей норме и подчинять ей орфографию топонимов.

Согласно существующим правилам [ПРОП: § 126, п. 4] должны писаться через дефис топонимы с первой частью приставочного типа *Соль-* (также *Верх-* и *Усть-*): *Соль-Илецк*, *Соль-Грязь*, но *Сольвычегодск* пишется слитно. Ранее встречалось также написание *Соль-Вычегодск*, подчиняющееся правилу, но в узусе получило преобладание и победило слитное написание, внесённое затем в правило как исключение. Налицо не академическая

³ Здесь и далее везде при ссылке на «Правила русской орфографии и пунктуации» имеются в виду параграфы раздела «Орфография».

кодификация, а, наоборот, фиксация в правиле традиции употребления. Дополнительным основанием для слитного написания является произношение: в *Сольвычегодске* после *Соль-* следует согласный, всё название произносится слитно. *Соль-Илецк* произносится иначе: после [л'] следует нейотированный гласный [и], обуславливающий небольшую паузу между двумя частями сложного слова, что и находит закрепление в полуслитном (дефисном) написании. *Соль-Грязь* содержит три последовательных согласных звука, для удобства восприятия сложного слова и разделения двух корней между [л'] и [гр'] делается краткая пауза; слитная запись **Сольгрязь* проигрывает перед полуслитной в восприятии слова и затеняет его морфемный состав.

Правило предписывает писать слитно топонимы с первыми частями *Ново-*, *Старо-*, *Верхне-*, *Нижне-*, *Средне-*, *Ближне-*, *Дальне-* [ПРОП: § 125, п. 2]: *Новосибирск*, *Стародуб*, *Верхнеудинск*, *Нижнекамск*. Однако встречаются и дефисные написания — академический справочник указывает на возможность исключений из правила написания части *Ново-* и приводит такие онимы: *Ново-Переделкино*, *Ново-Огарёво* [ПРОП, § 125, п. 2, прим.]. Отступление от правила находит примеры не только в ойконимах и хоронимах, но и в годонимах, причём не только с *Ново-*: в Магадане есть *Ново-Нагаевская* улица, в Санкт-Петербурге — *Старо-Петергофский* проспект, *Старо-Калинкин* мост, *Ново-Петергофский* мост (но *Стародеревенская* улица), в Самаре — *Ново-Садовая* улица. Примечательно, что находящиеся в Ново-Переделкине железнодорожная станция и станция метрополитена пишутся слитно: *Новопеределкино*⁴.

⁴ По действующему ныне правилу названия железнодорожных станций, вокзалов, аэропортов пишутся без кавычек, а названия станций метрополитена, остановок наземного городского транспорта следует писать в кавычках [ПРОП, § 175]: *Пулково*, *Толмачёво*; *Лосиноостровская*, *Обухово*, *Малая Вишера*, но *остановки «Детская», «Школа»* и т. п. По мнению В. М. Пахомова, среди станций метрополитена гораздо чаще встречаются условные названия, не связанные или утратившие связь с городской топонимикой, а иногда даже противоречащие ей; железнодорожные станции, напротив, чаще называются по наименованию географических объектов, что сближает их с топонимами. Кроме того, кавычное написание станций метрополитена подтверждается примерами из художественной литературы, а при одинаковых названиях с железнодорожными станциями служит средством разграничения [Пахомов 2007: 46–49]. Кроме аргументов исследователя, написание в кавычках имеет, по мнению автора настоящей статьи, основание в противопоставлении городского транспорта междугороднему. Однако основание логически сомнительно: существуют внутригородские поезда и междугородние автобусы (а в Крыму — и междугородний троллейбус). В таком случае следовало бы писать в кавычках внутригородские автобусные остановки, но без кавычек — междугородние. Железнодорожные платформы и станции существуют как внутри городской черты, так и за её пределами, на них могут останавливаться три вида поездов: внутригородские, пригородные, дальнего следования. А. В. Барандеев справедливо замечает: целесообразно все названия станций метрополитена писать без кавычек;

Неединообразно пишутся топонимы с первой частью, обозначающей сторону света: *Северодвинск, Североморск, Северодонецк, Северобайкальск, Южноуральск*; но: *Южно-Курильск, Южно-Сахалинск, Северо-Курильск, Северо-Задонск; Южно-Енисейский, Юго-Камский* [ПРОП: § 126, п. 1, прим. 2].

Следует рассмотреть отдельно каждую из двух вышеперечисленных групп.

Представляется правильным устранить существующие дефисные написания двукорневых топонимов, начинающихся на *Ново-, Старо-, Верхне-, Нижне-, Средне-, Ближне-, Дальне-*, и писать *Новоогарёво, Новопеределкино, Новонагаевская улица, Старопетергофский проспект, Новосадовая улица* и т. п.

Один из широко известных топонимов такого типа — *Новосибирск*. Примечательно, что при переименовании Новониколаевска в Новосибирск в постановлении ЦИК СССР от 12.02.1926 значится: «Переименовать город Ново-Николаевск в Ново-Сибирск» [Постановление 1926]. В газете «Советская Сибирь», вышедшей из печати накануне принятия постановления — 10.02.1926, и старое, и новое названия города везде пишутся слитно, включая касающуюся самого переименования статью: «Сегодня президиум ЦИК СССР, заслушав доклад администрации комиссии, постановил: гор. Новониколаевск переименовать в Новосибирск» [Советская Сибирь 1926: 1]. Дефисное написание *Ново-Сибирск*, закреплённое в нормативном правовом акте, уже при его принятии и вступлении в силу было спорно. Видимо, центральные власти не обратили должного внимания на логичность слитного написания топонима, не изучили узус (хотя бы местные газеты и иную периодическую печать), не привлекли к обсуждению лингвистов, результатом чего послужило юридическое закрепление весьма спорного полуслитного написания названия города. По замечанию К. Б. Корженевского, параллельно существовало оба варианта написания, при этом слитно слово *Новосибирск* употреблялось во многих печатных изданиях, на вывесках и т. д., а с дефисом — в официальных документах вплоть до середины 1930-х гг., после чего стали использовать только слитный вариант написания [Корженевский 2019: 188]. Насколько известно, нормативный правовой акт, формально устраняющий написание *Ново-Сибирск* и закрепляющий *Новосибирск*, не издавался. Слитное написание на законодательном уровне было принято постфактум: постановление

исследователь, придерживаясь противоположного пахомовскому мнения, указывает: при написании в кавычках оказывается закреплённым ничем не обоснованное орфографическое противопоставление названия железнодорожных станций, пишущихся без кавычек [Барандеев 2019: 88]. Станции метрополитена и железной дороги, располагаясь в одном месте, могут иметь одинаковые названия: *Девяткино, Купчино, Старая Деревня, Удельная* и др. в Санкт-Петербурге, *Ботанический сад, Дубровка, Крымская, Новопеределкино, Электрозаводская* и др. в Москве. Автор согласен с А. В. Барандеевым и пишет в настоящей статье названия станций метрополитена без кавычек. Вопрос написания в кавычках или без кавычек названий остановок, станций и т. п. заслуживает отдельного исследования.

ЦИК СССР от 28.09.1937 «О разделении Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край» уже содержит слитное написание названий города и области в заголовке и в тексте (в пунктах «а», «в»): «Разделить Западно-Сибирский край на Новосибирскую область с центром в городе Новосибирске и Алтайский край с центром в городе Барнауле»; «Остальные города и районы бывшего Западно-Сибирского края оставить в составе Новосибирской области» [Постановление 1937]. Данный пример показывает, как узус может оказать влияние на неверно зафиксированные в правовом поле написания. Сегодня, при существовании Государственного каталога географических названий, для исправления написания топонима понадобится внести изменение в Каталог, что делает обязательным издание нормативного правового акта, устраняющего противоречащее орфографии написание.

Сложнее обстоит дело с топонимами, содержащими обозначение стороны света: *Северодвинск*, *Северодонецк*, но *Северо-Курильск*, *Южноуральск*, но *Южно-Сахалинск*. Прилагательные от таких наименований пишутся слитно ввиду образования из основ слов, имеющих подчинительный характер [ПРОП: § 130, п. 1]: *восточноевропейский* (Восточная Европа), *южнорусский*, *североамериканский* и т. п. Относительно имён собственных действует иное правило, и названия, имеющие в начале те же корни, пишутся через дефис: *Восточно-Европейская равнина*, *Восточно-Сибирское море*, *Северо-Сибирская низменность*. Такое написание обосновывается употреблением во второй части прописной буквы [ПРОП: § 126, п. 6; § 169]. Правило в отношении собственных имён распространяется и на эргонимы: *Международный Восточно-Европейский университет* (в Ижевске), *Южно-Российский государственный технический университет* (в Новочеркаске).

Написание топонимов-прилагательных, имеющих первой частью обозначение стороны света, является полуслитным (дефисным) и не вызывает сложностей. Аналогичные топонимы-существительные пишутся различно — слитно и полуслитно. Примечательно, что некоторые из них, как и прилагательные, имеют вторую часть, употребляющуюся как отдельный топоним и пишущуюся с прописной буквы, что не устраняет двояких написаний однотипных топонимов-существительных. *Северодвинск* пишется слитно, хотя есть *Двинск* (латышское название города — *Даугавпилс*); существуют также города *Северобайкальск* и *Байкальск*, *Северодонецк* и *Донецк*, *Южноуральск* в России и *Уральск* в Казахстане — данные двукорневые топонимы пишутся слитно. В Сахалинской области расположен *Курильск* наряду с *Северо-Курильском* и *Южно-Курильском*, сам областной центр пишется через дефис — *Южно-Сахалинск*, хотя топоним *Сахалинск*, по крайней мере широко известный, отсутствует. Дефисные написания топонимов-существительных объясняются традицией, влияют на них и написания топонимов-прилагательных.

Е. Г. Сидорова отмечает, что отсутствующая в «Правилах русской орфографии и пунктуации» орфографическая императивность подобных то-

понимов порождает большое количество идентичных топонимов, зафиксированных в разном написании [Сидорова 2021: 177]. Неединообразное написание топонимов, имеющих в первой части указание на сторону света, влечёт сложности при выборе орфографического оформления: чтобы правильно написать название, нужно сверяться со словарём или официальным источником. Это создаёт трудности для пишущего. Было бы желательно по возможности кодифицировать такие топонимы-существительные и писать слитно наибольшее их число; в особенности это касается микротопонимов. Топонимы, широко известные по России, заслуживают отдельного рассмотрения; возможно сохранение полуслитного (дефисного) написания для части из них, таких как *Южно-Сахалинск*, *Северо-Курильск*, *Южно-Курильск*. В пользу незначительного сохранения полуслитного написания топонимов может служить традиция употребления.

Постпозитивное прилагательное в имени собственном

Для топонимов — существительных с последующим прилагательным в русском языке действует правило о дефисном написании [ПРОП: §126, п. 2; Розенталь 2008: 20]: *Петропавловск-Камчатский*, *Гусь-Хрустальный*, *Спасск-Дальний*; *Москва-Товарная*, *Дебальцево-Сортировочное* и т. п. Топонимы с препозитивным прилагательным пишутся раздельно [ПРОП, § 127, подп. «а»]: *Нижний Новгород*, *Великие Луки*, *Нижний Тагил*, *Новый Уренгой*, *Набережные Челны* и т. п.⁵ Таким образом, имеется орфографическое противопоставление топонимов в зависимости от места расположения прилагательного: *Нижний Новгород* — *Новгород-Северский* (города), *Великий Новгород* (город) — *Новгород-Лужский* (железнодорожная станция в Новгороде). Данному обстоятельству есть лингвистическое обоснование.

⁵ Такое же правило действует в украинском и белорусском языках. В последней редакции «Украинского правописания», принятой в 2019 г., указано: географические названия, состоящие из прилагательного и существительного, пишутся раздельно: *Біла Церква*, *Вішній Волочок*, *Новий Сад*; географические названия, состоящие из существительного и последующего прилагательного, пишутся через дефис: *Кам'янець-Подільський*, *Рава-Руська*, *Харків-Товарний* [Український правопис 2019: § 154, п. 1, підп. 1; п. 3, підп. 1]. Действующие с 2010 г. «Правила белорусской орфографии и пунктуации» обходят стороной вопрос топонимов — существительных с постпозитивным прилагательным, указывая обобщённо, что через дефис пишутся составные фамилии, имена и названия географических объектов, в качестве примеров приводя разнотипные топонимы: *Камянец-Падольскі*, *Буда-Кашалёва* (рус. *Буда-Кошелёво*), *Пераяслаў-Хмяльніцкі*, *Давыд-Гарадок*, *Камень-Кашырскі*; прямо указывается на раздельное написание географических названий, являющихся сочетанием полного прилагательного или числительного с существительным: *Стары Сверхань*, *Восьмая лінія* [Правілы 2010: § 35, п. 3; п. 6].

Порядок слов, при котором прилагательное в словосочетании стоит после нарицательного существительного, в русском языке считается инверсионным и употребляется редко — большей частью в литературно-художественном стиле. В иных случаях постпозитивное прилагательное возможно, если при обычном порядке слов может возникнуть двусмысленность. А. В. Барандеев выделяет подобное обстоятельство: «Такой инверсированный порядок слов (...) встречается главным образом в терминологических сочетаниях, например, в сортовых названиях типа *чернослив козловский, щавель якутский, тополь берлинский*. Подобные названия — лексикализованные единицы, изменение порядка слов в которых ведёт к их десемантизации: ср. *козловский чернослив, якутский щавель, берлинский тополь*» [Барандеев 2017: 164–165]. Допустима инверсия в похожем случае — при обозначении товаров на ценниках, в товарных накладных и тому подобных учётных документах существительное ставится часто впереди прилагательного: *картофель жареный, пирожок пряженный, доска обрезающая, стол письменный* и т. п. Объясняется это тем, что таким образом потенциальный покупатель или потребитель видит первое слово, являющееся главным в словосочетании, и быстрее определяет тип нужного для покупки или заказа товара. Данные записи, как и сортовые названия, следует относить к терминологическим сочетаниям. «Грамматика-80» указывает, что в подобных случаях — при классификации объектов, входящих в общий класс, — постпозиция прилагательного нормальна: существительное обозначает родовое понятие, а прилагательное — видовой признак; это касается как названий растений, так и товаров: *шалфей лекарственный, масло вологодское, скрепки канцелярские* [РГ-80, 2: 204].

Второй случай относится к проприальной лексике. Не присоединяются посредством дефиса к антропонимам исходно нарицательные слова — существительные и прилагательные, сохраняющие своё значение, но имеющие прикреплённость к конкретному лицу. Они стали частью имени или титула и пишутся с прописной буквы: *Иван Грозный, Алексей Тишайший, Пётр Великий, Екатерина Великая; Вильгельм Завоеватель, Сулейман Великолепный; Николай Угодник, Нестор Летописец, Елена Прекрасная, Христос Спаситель*. То же касается порядковых числительных, указывающих на очерёдность правящего монарха или монархини: *Иван Четвёртый, Пётр Первый, Екатерина Вторая; Вильгельм Первый, Сулейман Первый*. (О постпозитивных порядковых числительных в топонимах речь пойдёт ниже.)

Раздельное написание составных имён собственных людей объясняется смысловой разницей в выборе прописной или строчной буквы: строчная буква означает, что слово характеризует этого человека так, как может характеризовать и любого другого человека, а прописная буква — что слово-наименование закреплено за определённым лицом [Арутюнова и др. 2021б: 33]: *Николай Угодник* (святой) — *Николай-угодник* (о любом человеке, часто в ироничном тоне). Если подразумевается прямое значение со-

провожающего существительного, оно имеет нарицательное значение, присоединяется к имени собственному дефисом и пишется со строчной буквы: *Нестор-летописец* — это не просто учёный монах, сидящий в тепле и выводящий буквы на пергаменте. Это труженик. — *Нестор Летописец родился около 1056 г.* [Арутюнова и др. 2022: 214].

Антропоним с постпозитивным прилагательным пишется через дефис в двух случаях:

1. Для идентификации разных носителей одной фамилии или одних имени и фамилии. Прилагательное присоединяется только к фамилии и не является именем собственным, о чём свидетельствуют: сохранение дефиса, если фамилия приводится наряду с иным именем (один дефис не может соединять три слова); написание прилагательного со строчной буквы. Примеры: *Чугунов-старший, Петров-средний, Михайлов-младший, Сергей Бодров-старший, Сергей Бодров-младший, Джордж Буш-старший*. В некоторых случаях прилагательное может даваться в скобках, особенно в словарных статьях: *Джордж Буш (старший), Сергей Бодров (младший)*.

Если нужно идентифицировать разных людей с одинаковыми именем и отчеством, прилагательное пишется отдельно: *Елена Викторовна старшая, Сергей Иванович младший*. Отсутствие дефиса объясняется несколькими причинами. Во-первых, прилагательное относится к обоим антропонимам. Во-вторых, фамилия является более значимым идентификатором по отношению к личному имени, поэтому идентифицирующее прилагательное присоединяется именно к нему, о чём свидетельствует дефисное написание. В-третьих, отчество по отношению к личному имени является менее значимым идентификатором человека: в официальной и неофициальной устной либо письменной речи возможно указание одной фамилии или одного имени (*Иванов* или *Александр*), фамилии с инициалами (*А. В. Иванов*), имени и отчества (*Александр Викторович*), имени и фамилии (*Александр Иванов*), имени, отчества и фамилии (*Александр Викторович Иванов*), лишь в разговорном стиле и письменных памятниках возможно употребление одного отчества (*Викторович* или *Викторыч; Ярославна* в «Слове о полку Игореве»), но невозможно нигде представить упоминание человека по отчеству и фамилии (**Викторович Иванов*). Теоретически представимо появление тире при идентификации людей с одинаковыми именем и отчеством (**Елена Викторовна — младшая*), однако подобное написание антропонимов русской орфографии несвойственно.

2. При присоединении к фамилии почётного звания — имени собственного, воспринимающегося как часть фамилии и могущего стать таковым официально; при этом возможно появление тройного антропонима: *Григорий Александрович Потёмкин-Таврический, Николай Николаевич Муравьёв-Амурский, Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский, Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский*.

Топонимы — существительные с постпозитивным прилагательным

Для топонимов действует правило, отличное от правила для антропонимов: постпозитивное прилагательное присоединяется дефисом к существительному (*Гусь-Хрустальный, Петропавловск-Камчатский* и т. п.); два существительных и два субстантивированных прилагательных рассматриваются как сочетание двух названий и пишутся через дефис: *Эльзас-Лотарингия, Орехово-Зуево, Ильинское-Хованское* и т. п.

По замечанию Е. В. Арутюновой, «[д]ефисное написание может быть обусловлено специфической функцией дефиса — создавать единую номинацию, занимающую во фразе одну синтаксическую позицию» [Арутюнова 2023: 204]. Объединение дефисом существительного и постпозитивного прилагательного обоснованно по нескольким лингвистическим причинам.

Во-первых, инверсивный порядок слов в нарицательных номинациях редок, почти нехарактерен для русского языка вне литературно-художественного стиля и специальной терминологии, тогда как в топонимии продуктивен.

Во-вторых, в топонимии происходит переосмысление постпозитивного прилагательного: в отличие от прилагательного препозитивного, стоящего в семантической зависимости от существительного и образующего с ним словосочетание, постпозитивное прилагательное воспринимается и выступает с существительным как равноправная часть названия, вследствие чего объединяется в одно сложное слово посредством дефиса. Если названия *Нижний Новгород, Дальнее Константиново, Южное Бутово, Новый Уренгой* представляют собой словосочетания, то названия *Новгород-Северский, Спасск-Дальний, Жодино-Южное, Кострома-Новая* словосочетаниями не являются, откуда следует их полуслитное (дефисное) орфографическое оформление, указывающее на семантическое равенство обеих частей топонима. Данная причина — главнейшая среди всех остальных, служащих основанием для полуслитного написания топонимов разбираемого типа. Ниже будут рассмотрены исключения из полуслитного написания топонимов с постпозитивным прилагательным.

В-третьих, кроме названий населённых пунктов, существует большое число железнодорожных станций с одним и даже двумя постпозитивными прилагательными: *Москва-Товарная, Москва-Пассажирская-Киевская, Москва-Пассажирская-Ярославская* и т. п. В сочетании с двумя прилагательными дефисное написание представляет особое удобство, т. к. позволяет воспринимать все три компонента как единое название.

Д. Ю. Ильин и Е. Г. Сидорова отмечают: «Морфологический критерий, предполагающий орфографическое оформление топонимов в зависимости от частеречной принадлежности производящих компонентов, также обычно не вызывает у пишущих сложностей. На основании данного критерия построено, например, правило о дефисном написании “названий, представляющих собой сочетание существительного с последующим прилагательным”» [Сидорова 2021: 179; Ильин, Сидорова 2021: 125].

Действительно, на основании установления частеречной принадлежности слов, входящих в топоним, можно определить его написание. В статье Н. А. Соломки приводится несложная схема определения дефисного и раздельного написания топонимов [Соломка 2023: 81], отличающаяся простотой и понятностью для каждого, кто знает русский язык, вне зависимости от его лингвистической подготовки.

Чёткость правила правописания топонима — существительного с постпозитивным прилагательным, к сожалению, не соблюдается последовательно на практике; в особенности это касается микротопонимов. Федеральный закон от 18.12.1997 № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов»⁶ в части четвёртой статьи девятой устанавливает необходимость провести экспертизу предложений о присвоении наименований географическим объектам и о переименовании географических объектов, осуществляемую Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр)⁷. Часть четвёртая статьи десятой Закона о наименованиях географических объектов предусматривает установление Порядка регистрации и учёта наименований географических объектов, издания словарей и справочников наименований географических объектов, а также выполнения работ по созданию Каталога и его ведения; данная функция также возложена на Росреестр⁸. Содержание словарей и справочников подлежит согласованию в Росреестре на основании пункта одиннадцатого Порядка-241.

Одно из условий, создающих возможность переименовать географический объект, указано в абзаце четвёртом части третьей статьи седьмой Закона о наименованиях географических объектов: если существующее написание наименования географического объекта на государственном языке Российской Федерации или на других языках народов Российской Федерации не соответствует правилам русской орфографии или орфографии других языков народов Российской Федерации и традициям употребления наименований географических объектов на указанных языках. Законодатель приравнивает к переименованию устранение орфографических несоответствий в названии, что представляется неточным: объекту не присваивается новое имя. Если, например, *Ленинград* и *Санкт-Петербург* — разные на-

⁶ Далее — Закон о наименованиях географических объектов.

⁷ Экспертиза проводится на основании Порядка осуществления экспертизы предложений о присвоении наименований географическим объектам и о переименовании географических объектов, а также выдачи заключений на указанные предложения (утверждённого приказом Росреестра от 03.12.2021 № П/0570). Далее — Порядок-570.

⁸ Основание — Порядок регистрации и учёта наименований географических объектов, издания словарей и справочников наименований географических объектов, а также выполнения работ по созданию Государственного каталога географических названий и его ведения (утверждённый приказом Росреестра от 22.06.2022 № П/0241). Далее — Порядок-241.

именования одного города и для принятия второго названия вместо первого необходимо было издание соответствующего нормативного правового акта, указывающего именно на переименование или возвращение названия⁹, то *Ново-Переделкино* и *Новопеределкино* — одно наименование района Москвы, где первое не соответствует правилам русской орфографии и противоречит аналогичным наименованиям железнодорожной станции *Новопеределкино* и станции метрополитена *Новопеределкино*. В случае принятия для московского района слитного написания о переименовании в фактическом смысле речи не идёт.

Уточнение наименования существующего географического объекта некорректно называть переименованием, однако действующее законодательство приравнивает устранение противоречий в орфографии к переименованию. По закону одинаковыми действиями являются: возвращение городам Хибинскому и Вятке их имён взамен Кировска и Кирова; орфографическое упорядочивание наименований московского района Новопеределкина, петербургского Старопетергофского проспекта, магаданской Новонагаевской улицы. Формально-юридически два разных действия не различаются, между ними ставится знак равенства.

Регистрация и учёт наименований географических объектов осуществляются посредством внесения записи о них в Каталог в соответствии с Порядком-241, что указано в пункте третьем Порядка. Как показывает практика, топонимы могут включаться в Каталог с отступлениями от орфографических правил (примеры ниже). Одно из возможных объяснений этого при формально-юридическом переименовании следующее: в Порядке-570 предусматривается проведение экспертизы Росреестром при переименовании географического объекта, но не установлена необходимость привлечения к данным действиям профессиональных лингвистов-ониматологов.

Орфографические неточности, в частности в слитном, полуслитном и раздельном написании топонимов, присутствуют в значительном количестве на карте России, о чём пишет Е. В. Арутюнова, указывая, что достаточно многочисленные топонимы с постпозитивным прилагательным, имеющие против правила раздельное написание, закреплены таким образом в Каталоге [Арутюнова 2023: 201].

И. А. Дамбуев приводит примеры орфографии, противоречащей кодификации, с внесением неправильных названий в Каталог: с. *Александровка-Донская* → с. *Александровка Донская*, д. *Вёски-Нероновские* → д. *Вёски*

⁹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 06.09.1991 № 1643-1 «О возвращении городу Ленинграду его исторического названия Санкт-Петербург».

Переименование и возвращение названия — не одно и то же. В случае с Санкт-Петербургом, Самарой, Тверью, Тверской улицей в Москве имели место возвращение названий. Город Комсомольск-на-Амуре (преобразован из с. Пермское в 1932 г.), проспект Большевиков в Санкт-Петербурге (появился в 1970 г.) и многие другие географические объекты можно только переименовать.

Нероновские (ё поставлено автором настоящей статьи согласно произношению. — М. Т.), с. *Заречье-Ломовое* → с. *Заречье Ломовое* [Дамбуев 2019: 10].

Топоним *Струги-Красные* (до 1919 г. — *Струги-Белая*) даётся как пример дефисного написания подобного рода онимических единиц в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 2023 года издания [ПРОП: § 126, п. 2] и во втором издании «Правил написания на картах географических названий СССР» [Правила 1967: 10]. В «Орфографическом словаре географических названий» 2021 г. приводятся два написания: *Струги-Красные* и *Струги Красные* — первое как правильное, второе как ошибочное [Барандеев 2021: 190]. Ведущий ономастолог — специалист по топонимике В. Л. Васильев в монографии, широко освещающей топонимию Новгородчины, последовательно пишет *Струги-Красные* полуслитно [Васильев 2012: 97, 130, 290, 477, 513]. Однако Государственный каталог географических названий приводит топоним в раздельном написании: *Струги Красные*, такая же орфография представлена в словаре Е. М. Поспелова [2008: 420]. Е. В. Арутюнова замечает: «Написание названия [*Струги-Красные*] было неустойчиво весь советский период, несмотря на единообразную фиксацию в справочниках и словарях. Разнонаписания топонима привели к появлению орфографических вариантов и для производного прилагательного: от названия с дефисом образуется дефисно пишущееся прилагательное *струго-красненский*, а от названия, представляющего собой подчинительное сочетание, — прилагательное *стругокрасненский*» [Арутюнова 2023: 215]. Различия в написаниях нашли отражение в книгоиздании: в тридцатилетнем промежутке вышли в свет две книги — «Струги-Красные» Г. В. Петрова [1988] и «Струги Красные: прошлое и настоящее» А. Н. Ефимова, А. И. Фёдорова [2018]; в названии каждой продемонстрированы орфографические предпочтения, но второе из них опирается на написание, принятое ныне официально и зафиксированное в Каталоге. Е. В. Арутюнова приводит пример разнобоя в написании прилагательного: *Струго-Красненский район* и *Стругокрасненский районный суд* — и делает вывод о сомнительном удобстве разнонаписаний для жителей района [Арутюнова 2023: 216], с чем нельзя не согласиться. В Каталог внесено раздельное написание названия населённого пункта и дефисное — названия района (верное при дефисной записи *Струги-Красные*). Исследовательница отмечает, что написание геонимов и ойконимов закрепляется юридически, орфографические словари и справочники лишь фиксируют уже имеющиеся названия, а лингвисты не имеют правовых возможностей для их перекодификации [Там же]; с этим следует, к сожалению для науки и практики, согласиться. Безусловно, остаётся возможность написания имени собственного не так, как оно закреплено официально, а согласно правилам орфографии: не *Ново-Переделкино*, а *Новопеределкино*, не *Струги Красные*, а *Струги-Красные*. Однако такой подход неблагоприятен. Во-первых, каждый независимо от уровня грамотности получит индульгенцию писать так, как он

считает правильным, и в узусе в большом масштабе могут появиться разнонаписания, особенно в тех случаях, где отсутствует однозначная закреплённость в правиле, — появление *Северо-Двинска* и *Южносахалинска* нежелательно. Можно писать топоним вопреки КATALOGУ, если такое написание приводит авторитетный словарь или академический справочник. Дефисное написание *Струги-Красные* зафиксировано в значимой лексикографической работе [Барандеев 2021: 190] и даётся как пример в «Правилах русской орфографии и пунктуации» [ПРОП: § 126, п. 2]. Во-вторых, не во всех на первый взгляд «неправильных» написаниях имеется несоответствие правилам орфографии. Правильной представляется возможность первостепенного участия лингвистов в закреплении географических названий в орфографически верном виде. Необходимо изменение законодательства¹⁰. Но и сегодня лингвисты могут принять косвенное участие в исправлении написания топонимов: Закон о наименовании географических объектов частью первой статьи девятой позволяет в том числе общественным объединениям, юридическим лицам, гражданам России выступать с предложениями о присвоении наименований и о переименовании географических объектов (на данный момент, как сказано выше, уточнение наименования и переименование юридически не различаются).

В завершение о Стругах-Красных. Е. М. Поспелов указывает, что ойконим происходит от названия озера *Струга Белая* (без дефиса) [Поспелов 2008: 420], при этом сегодня официальный лимноним — *Белая Струга*, с прилагательным в препозиции. Лексема *струга* имеет несколько значений. В «Туровском словаре» даётся краткая статья: *стру́га* ‘очень топкая долина, болотина’ [Тураўскі слоўнік: 107]. Е. М. Поспелов приводит следующие значения: *струга* ‘ручей, протока, рукав реки’, ‘омут, колдобина с водой, старица, омут’ [Поспелов 2008: 420]. «Словарь русских народных говоров», помимо вышеприведённых, содержит дополнительные значения: *стру́га* ‘ключ, родник’, ‘фарватер реки’, ‘речная яма, вода в которой не пересыхает во время обмеления летом’, ‘второе русло реки’, ‘небольшое глухое озеро’ и др. [СРНГ: 38–39]. Исследователь Восточного Полесья В. А. Шклярник свидетельствует, что лексема *стру́га́* хотя и имеет значения ‘ручей, заросшая травой речушка; протока’, однако в большинстве случаев под влиянием особенностей ландшафта используется для обозначения низких, заболоченных участков: ‘низкие места, находящиеся на сенокосах и заливаемые водой’, ‘низкое болотистое место, где протекает вода’, ‘место на болоте, затянутое сверху водой’, ‘топкое старое место речки, родника’ [Шклярник 2019: 80]. Е. М. Поспелов приводит раздельное написание топонима: *Струги Красные* — как в КATALOGЕ — и замечает, что переименованный посёлок носит название с идеологическим оттенком [Поспелов 2008: 420]. Действительно, после революции «красная» топонимия появилась

¹⁰ Развёрнутое изучение возможных изменений в законе является предметом юридической научной работы.

в большом количестве¹¹; в случае с рассматриваемым посёлком имело место устранение «белого» названия (*Струги-Белая*), не относящегося к Белому движению, не было даже формального основания для переименования. Вполне вероятным решением в будущем станет устранение идеологического названия и переименование посёлка в *Струги-Белые*, с прилагательным, согласующимся по роду и числу с существительным женского рода. Тем более логичным смотрится такой ойконим с лимнонимом *Белая Струга*.

Раздельное написание топонима — существительного с постпозитивным прилагательным

Правило полуслитного (дефисного) написания топонимов — существительных с постпозитивным прилагательным должно всемерно соблюдаться, в том числе при внесении названий в Каталог. Однако не все топонимы, построенные по модели *существительное + прилагательное*, имеют одинаковую структуру и семантическое наполнение. В научной литературе говорится о возможности и необходимости введения исключений в существующее правило. Е. Г. Сидорова замечает: «Действующие в настоящее время рекомендации по правописанию сложных и составных географических названий нуждаются не только в определённой корректировке, но и в расширении, поскольку не все из существующих моделей названий поселений отражены в параграфах “Правил...”, регламентирующих их слитное или дефисное написание» [Сидорова 2021: 181]. Е. В. Арутюнова также рассматривает возможность введения в правило исключений исходя из анализа большого корпуса названий, позволившего выявить различные лексико-семантические группы прилагательных, некоторые из которых тяготеют к раздельному написанию в постпозиции [Арутюнова 2023: 206].

Автор считает, что действующее правило написания существительного с постпозитивным прилагательным нуждается в доработке, точнее — в детализации: в самом правиле менять ничего не нужно, необходимо лишь по пункту прописать случаи, когда постпозитивное прилагательное или слово, имеющее некоторые формальные признаки прилагательного, пишется раздельно с существительным. Ниже исследуются примеры возможного раздельного написания постпозитивных прилагательных.

1. Первый компонент — существительное — представляет бывшее нарицательное родовое название:

хутор, село, деревня, сельцо, слобода, починок, мыс, гора и т. п.

Примеры из Каталога: село *Погост Никольский*, деревня *Погост Дмитриевский* (Вологодская обл.), деревня *Починок Сидоров* (Архангель-

¹¹ Улан-Удэ ‘красная Уда’, до 1934 г. Верхнеудинск; Йошкар-Ола ‘красный город’, до 1928 г. Краснококшайск, до 1919 г. Царёвококшайск; Краснодар, до 1920 г. Екатеринодар, и др.

ская обл.), посёлок *Сельцо Гавриловское* (Рязанская обл.), село *Слобода Екатерининская* (Татарстан). Имеются также отдельные написания с последующим существительным: село *Погост Крест* (Ивановская обл.), село *Погост Рождество*, деревня *Разъезд Оларёво* (Вологодская обл.), урочище *Лиман Черёмушкин* (Амурская обл.).

Е. В. Арутюнова замечает, что некоторые постпозитивные прилагательные в таких топонимах можно квалифицировать как притяжательные, и приводит примеры отдельного написания: урочища *Пашня Жалябина*, *Гора Сазовнова*, *Дача Буштова*, *Болото Пестриково*, деревня *Починок Сидоров* [Арутюнова 2023: 215].

Встречаются и противоположные примеры, с дефисным написанием постпозитивного прилагательного с бывшим родовым названием: деревни *Погост-Воскресение*, *Выселок-Михайловский* (Вологодская обл.), деревня *Сельцо-Карельское* (Тверская обл.).

По мнению Г. В. Судакова, «желание сохранить традиции в названиях (т. е. оставить родовое наименование, становящееся именем собственным) приводит к смешению в одном названии элементов двух одновременных систем, к структурному усложнению названий и к появлению ошибок в письменной форме ойконимов» [Судаков 2019: 197]. Колебания в орфографии подобных топонимов отмечают Е. Г. Сидоровой [2021: 179]. Родовое название в имени собственном легко вычлняется говорящим и пишущим и не вызывает трудностей.

Следует полагать, что узаконение отдельного написания топонимов модели *бывшее родовое наименование + прилагательное* не составит труда в практическом воплощении на письме. Основанием для кодификации орфографии топонимов таким образом послужит общепринятая орфография: родовое слово — имя нарицательное пишется отдельно от прилагательного — имени собственного: не **село-Воскресенское*, **деревня-Дальняя*, а *село Воскресенское*, *деревня Дальняя*. В отличие от «классических» топонимов с постпозитивным прилагательным, где последнее лишено подчинённости существительному, в топонимах с родовым наименованием существительное и прилагательное выступают как словосочетание с подчинительной связью.

2. Исторические топонимы и полуофициальный топоним

Е. В. Арутюнова отмечает: «Не употребляется дефис в некоторых исторических названиях» [Арутюнова 2023: 203]. В сноске к процитированному тексту исследовательница приводит обнаруженные ею топонимы: *Ростов Великий*, *Герacleя Латвийская*, *Герacleя Минойская*, *Герacleя Понтийская*, *Герacleя Трахинская*, *Понт Эвксинский*, *Херсонес Таврический*.

2.1. Исторические топонимы

В современном русском языке постпозитивное прилагательное при нарицательном существительном является инверсией и вне литературно-художественного стиля употребляется очень ограниченно (выше приводи-

лись примеры). В более ранний период такие словосочетания модели *существительное + прилагательное* не были инверсивными.

Л. А. Булаховский, описывая русский язык первой половины XIX в., утверждает, что постановка имени прилагательного за именем существительным в то время уже не составляет правила, но встречается чаще, чем в середине XX в. (время написания монографии). Исследователь считает это манерой XVIII в. и церковнославянских образцов [Булаховский 1954: 428]. А. С. Улитова, изучившая значительный пласт старорусских текстов и проанализировавшая 7000 примеров, делает вывод о том, что, если в древнерусском языке, вероятнее всего, ни препозиция, ни постпозиция согласованного определения не являлись преобладающими вариантами словорасположения, в XVII в. все тексты показывают больший или меньший перевес препозиции согласованных определений в двухкомпонентных словосочетаниях [Улитова 2016: 239].

Постепенно препозиция прилагательного в русском языке стала господствующей, а постпозиция приобрела маркированное значение вне специальных случаев. В топонимии это привело к тому, что постпозитивные прилагательные стали восприниматься равными существительным, что выразилось в полуслитном (дефисном) написании. А. В. Иванов указывает: «Предположительно, дефис, а точнее, прообраз того графического знака, который значительно позднее приобрёл привычную для нас форму и стал называться дефисом, впервые появился в русских лингвистических трактатах и грамматиках ещё в первой четверти XV в. как результат прямого влияния эллинистической традиции на русский язык того времени» [Иванов 2023: 35]. Однако дефисное написание топонимов с постпозитивным прилагательным утвердилось в более поздний период. Так, современные города Юрьев-Польской¹² и Переславль-Залесский ещё пишутся отдельно в «Атласе Российской Империи» 1792 г. — *Юрьев Польской, Переславль Залеской* [Атлас 1792] (однако в нём встречается и полуслитное написание: *Новгород-Северский*); атлас 1828 г. придерживается той же орфографии — *Юрьев Польской, Переславль Залесской* [Атлас 1828]; лишь в атласе 1871 г. обнаруживается дефисное написание — *Юрьев-Польский, Переславль-Залесский* [Атлас 1871]. Происходило переосмысление топонимов, вследствие чего начало появляться полуслитное написание постпозитивного прилагательного наряду с отдельным. Орфографическое различие, не обуслов-

¹² А. В. Барандеев считает форму *Юрьев-Польской* наиболее оправданной в сравнении с *Юрьев-Польский* [Барандеев 2021: 224, 248]. Второй компонент топонима указывает на местоположение города во Владимирском ополье, прилагательное семантически связано с нарицательным существительным *поле*, а не собственным именем *Польша*. Закрепление формы *Юрьев-Польской* не только отражает народное употребление прилагательного *польской* ‘относящийся к полю’ (существует и форма *пóльский* с тем же значением) с древнейших времён, но и позволяет преодолеть наивно-реалистические ассоциации с именем *Польша* и образуемым от него прилагательным *пóльский* ‘относящийся к Польше’ [Барандеев 2018: 184–188].

ленное типом топонима, существовало весь XIX в., поскольку не была кодифицирована их орфография: Я. К. Грот в «Русском правописании» (первое издание вышло в 1885 г.) не указывает, как следует писать данные географические названия. Топонимы *Гераклея Латвийская*, *Гераклея Минийская*, *Гераклея Понтийская*, *Гераклея Трахинская*, *Понт Эвксинский*, *Херсонес Таврический* могли подчиниться общему правилу и начать писаться через дефис. По мнению автора настоящей статьи, этого не произошло по двум причинам.

Во-первых, все пишущиеся отдельно топонимы являются греческими, переведёнными на русский язык, и носят исторический характер. Полуслитно стали писаться славянские топонимы, называющие славянские населённые пункты, отмеченные на карте. Разница между славянскими и греческими топонимами очевидна даже на слух. Узус, шедший по пути полуслитного написания славянских топонимов, не затронул греческие топонимы, поскольку они были заимствованными и переведёнными; обозначали исторически существовавшие поселения и колонии либо — в случае с Понтом Эвксинским — являлись старым названием существующего водного объекта.

Во-вторых, в греческом языке, откуда топонимы заимствованы, прилагательное стоит после существительного. Это также могло сыграть в пользу сохранения отдельного написания топонимов в русском языке в подражание орфографии языка-источника ввиду значительного влияния греческого языка на восточнославянскую письменную культуру.

Отдельное написание заимствованных исторических топонимов логично: оно указывает на историчность названий и на греческий язык-источник.

2.2. Полуофициальный топоним

Отдельного рассмотрения заслуживает название *Ростов Великий*. Данный ойконим нельзя считать историческим, поскольку город Ростов существует по сей день. Официальное название города на начало 2024 г. — *Ростов* — существительное, не имеющее ни препозитивного, ни постпозитивного прилагательного. Ростов Великий упоминается в Ипатьевской летописи: «поѣди же у свой Переяславль и въ Курескъ, и съ своими сыны, а онамо у тебе Ростовъ великій» [ПСРЛ: 61]. Цитата приведена из издания XIX в., и редактор, расставляя в древнем тексте пробелы и прописные буквы, воспринял прилагательное *великий* не как часть имени собственного и напечатал его со строчной буквы.

С. В. Сазонов утверждает, что упоминание названия города Ростова с прилагательным в Ипатьевской летописи является единственным примером, встречающимся в древней литературе, в иных письменных источниках — весьма многочисленных — город именуется только Ростовом, без прилагательного. По замечанию исследователя, название *Ростов Великий* впервые в широкий оборот ввёл М. В. Толстой [1847], он и есть «изобретатель» нового названия, потеснившего историческое название *Ростов* [Сазонов 2000: 7–8].

Примечательно, что в первом издании 1847 г. книга М. В. Толстого называется «Древнія святыни Ростова Великаго» [Толстой 1847], во втором издании написание топонима отражает узус, складывающийся в нормативное правило, — через дефис: «Древнія святыни Ростова-Великаго» [Толстой 1860].

Время появления топонима *Ростов Великий* и вхождение его в широкий оборот не имеет принципиального значения для лингвистики.

Большую роль в становлении наименования *Ростов Великий* сыграл краевед А. А. Титов, введший его в широкий оборот после М. В. Толстого. Основные работы исследователя — «Ростовъ Великій. Путеводитель по г. Ростову Ярославской губерніи» [Титов 1883] (на с. 9 значится *Переяславль-Южный*), «Ростовъ-Великій. Историческое обозрѣніе» [Титов 1884], «Описаніе Ростова Великаго» [Титов 1891], «Ростовъ Великій и его святыни» [Титов 1895]. Лишь в одной из четырёх книг название города даётся в полуслитном написании; видимо, это орфографическое предпочтение не автора, а редактора.

Возможно, введение в жизнь М. В. Толстым и А. А. Титовым названия *Ростов Великий* не получило бы широкого распространения, если бы в Российской Империи существовал всего один Ростов: не возникло бы необходимости различать его с другим населённым пунктом. Однако с появлением и разрастанием нового города на Дону с тем же названием постпозитивное прилагательное при назывании Ростова Ярославской губернии стало играть разграничительную роль. В современной речи название *Ростов Великий* употребляется весьма часто, когда нужно указать город Ростов Ярославской области, поскольку по умолчанию под названием *Ростов* подразумевается Ростов-на-Дону, значительно превосходящий Ростов Великий по населению и экономической мощи.

А. В. Барандеев использует для древнего города наименование *Ростов-Ярославский* [Барандеев 2017: 241], схожее с названием железнодорожной станции и неидеальное для населённого пункта, ибо оно связывает Ростов с более молодым Ярославлем.

Ныне название *Ростов Великий* повсеместно употребляется в текстах различных языковых стилей, включая научную литературу разных направлений — историческую, археологическую, биологическую, экономическую и др. Именно название-словосочетание позволяет отличить город от его южного тезки, несмотря на формально отличные официальные, юридически закреплённые названия: *Ростов* и *Ростов-на-Дону*.

На 2024 г. топоним *Ростов Великий* — полуофициальное название, оно станет официальным при вступлении в силу ныне рассматриваемого законопроекта. Топоним не только не имеет экспрессивного оттенка и находится в пределах литературного языка, но и является важным указателем имени города, существующим на протяжении как минимум трёх веков (XIX–XXI вв.) и закреплённым длительной письменной традицией. Он

часто употребляется в письменной речи, включая литературу публицистического, научного и официально-делового стилей¹³.

Среди широко известных населённых пунктов России прилагательное *Великий* имеют всего четыре города, причём в трёх случаях оно находится в препозиции к существительному: *Великий Новгород*, *Великий Устюг*, *Великие Луки* и *Ростов Великий*. Первые три названия имеют официальный статус¹⁴, последнее таковой приобретает. Лишь в полуофициальном названии Ростова прилагательное закрепилось в постпозиции. Объясняется это двумя причинами.

Во-первых, юридически город на протяжении всей своей истории назывался Ростов.

Во-вторых, необходимость различения двух Ростовов возникла, когда Ростов-на-Дону ввиду значительного роста получил общегосударственное значение. Поскольку в речи по умолчанию под названием *Ростов* подразумевается Ростов-на-Дону, для указания на Ростов Ярославской области добавляется прилагательное *Великий*. Вследствие того что прилагательное, хотя и является частью имени собственного, уточняет название, инверсия полностью оправданна. А. С. Улитова пишет о допустимости инверсии в современном русском языке, если постпозитивное определение несёт большую смысловую нагрузку в предложении [Улитова 2016: 3] (ударение исследовательницы. — *М. Т.*). На сегодня можно говорить, что *Ростов Великий* — это словосочетание, где прилагательное уточняет существительное и играет подчинённую роль. Поскольку прилагательное стоит при имени собственном, оно стало его частью.

Автор настоящей статьи во время работы над нею в феврале 2024 г. считал, что необходимо сохранить раздельное написание *Ростов Великий*, даже если когда-нибудь такое название города будет закреплено на официальном уровне. Сегодня оним *Ростов Великий* используется как словосочетание — длительность данной традиции обуславливает нежелательность внесения изменения в наименование города.

По состоянию на декабрь 2024 года рассматривается законопроект о переименовании Ростова в Ростов Великий. К нему приложено экспертное

¹³ Так, *Питер* — неофициальное название Санкт-Петербурга. Оно может появиться в художественной и публицистической литературе, но не встречается в научных и официально-деловых текстах. Название *Ростов Великий* встречается в статьях и монографиях, посвящённых самому городу, фауне и флоре местности, историческим событиям и др. Трудно представить научную монографию, имеющую в названии словосочетание *история Питера*, но вполне реально словосочетание *история Ростова Великого* в научной, учебной и любой иной литературе.

¹⁴ Город Новгород получил официальное именование *Великий Новгород* в 1999 г. с принятием Федерального закона от 11.06.1999 № 111-ФЗ «О переименовании города Новгорода — административного центра Новгородской области в город Великий Новгород».

заключение Росреестра от 04.06.2024 № ЭЗ/22, в котором имеется ссылка на письмо Института русского языка Российской академии наук от 26.03.2024 № 157-0341/135. Институт приводит орфографическое правило, указывает, что раздельное написание названия *Ростов Великий* противоречит правилу о дефисном написании географических названий, состоящих из существительного и последующего прилагательного, но тут же уточняет, что словарная фиксация названия *Ростов Великий*¹⁵ позволяет его считать исключением из общего правила. На данном основании можно сделать приятный вывод: законодатель при принятии нормативного правового акта утвердит орфографически верное раздельное написание ойконима — *Ростов Великий*.

3. Названия, состоящие из двух относительных прилагательных, или качественного и относительного прилагательных, или притяжательного и относительного прилагательных

А. В. Барандеев приводит такие примеры раздельного написания, включая в число прилагательных порядковые слова: село *Береговое Первое*, деревня *Нижнее Задолгое*, хутор *Грушёвый Нижний* (два относительных прилагательных; первый пример в более точной терминологии — относительное прилагательное и порядковое числительное); хутор *Большие Эльбузовские*¹⁶ (качественное и относительное прилагательные); хутор *Волчий Первый* (притяжательное и относительное прилагательные; в более точной терминологии — притяжательное прилагательное и порядковое числительное) [Барандеев 2021: 235]. О написании топонимов с постпозитивным порядковым числительным речь пойдёт ниже; они действительно должны писаться раздельно, и не только с прилагательными, но и с существительными.

В отношении написаний топонимов, состоящих из двух прилагательных, вопрос сложнее. «Правила русской орфографии и пунктуации» предписывают писать полуслитно топонимы, представляющие сочетания из двух названий, и приводят следующие примеры: *Орехово-Зуево* (по происхождению два притяжательных прилагательных), *Спасское-Лутовиново* (относительное прилагательное и по происхождению притяжательное прилагательное), *Ильинское-Хованское*, *Садовая-Спасская улица* (два относительных прилагательных) [ПРОП: § 126, п. 1, подп. «а»]. Если удвоенное

¹⁵ Институт русского языка приводит список лексикографических источников, где название зафиксировано в раздельном написании: «Русский орфографический словарь» РАН (1999–2023), словарь-справочник Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная» (1989), «Большая советская энциклопедия» (1975. Т. 22), «Большая российская энциклопедия» (2015. Т. 28).

¹⁶ У А. В. Барандеева — *Большие Эльбузовские*. Это явная погрешность: в реестре Каталога по Ростовской области, где расположен данный хутор, даётся название *Большие Эльбузовские*.

название появилось в результате слияния двух населённых пунктов, оно должно писаться полуслитно согласно общему правилу.

Возможен также случай, когда в топониме первое прилагательное находится в подчинительной связи со вторым. Ввиду неравенства двух (иногда трёх) частей названия полуслитное написание может только затемнить смысл. Чаще всего зависимое прилагательное входит в семантическое поле с иными именами, образуя пары: *малый — средний — большой, нижний — средний — верхний, сухой — мокрый, новый — старый, ближний — дальний, красный — синий — белый, чистый — грязный* и т. п. Например, в Каталоге представлены такие названия: балки *Большая Водяная, Большая Берёзовская, Большая Каменная, Большая Сухая*, хутор *Малая Бобровая*, балки *Малая Лесная, Малая Каменная, Малая Топкая*, река *Верхняя Чёрная*, балки *Нижняя Осиновая, Нижняя Сухая Чубурка*, балка *Сухая Сарматская* (Ростовская обл.); деревня *Красное Александровское*, сельский посёлок *Чистое Борское* (Нижегородская обл.); балка *Ближняя Берёзовая* (Пензенская обл.). Названия подобного типа писать через дефис нецелесообразно, поскольку семантически такие топонимы являются словосочетаниями с явно осознаваемой подчинительной связью. Это касается качественных и относительных прилагательных. Существительное адъективно-притяжательного происхождения, стоящее в препозиции, должно писаться полуслитно с постпозитивным прилагательным: деревни *Соколово-Большое* (Архангельская обл.), *Авдотцыно-Большое* (Ивановская обл.). Если указанное выше существительное или притяжательное прилагательное стоят после качественного или относительного прилагательного, такие названия должны писаться раздельно: село *Верхнее Гурово* (Курская обл.), деревня *Малое Стёпаново* (Новгородская обл.), озеро *Нижнее Волчье*, ручей *Верхний Лисий* (Мурманская обл.). Топонимы, представляющие собой сочетание не притяжательных прилагательных, следует писать раздельно.

Названия железнодорожных станций пишутся через дефис, ср. *Тракторная-Пассажирская, Тракторная-Товарная*, поскольку имеют существенное отличие от иных топонимов — сочетаний двух прилагательных. Первая часть таких названий является не прилагательным, а существительным адъективного происхождения, именно оно несёт основную смысловую нагрузку; постпозитивное прилагательное по общему правилу соединяется с существительным посредством дефиса.

4. Иные случаи

В исследованиях описываются примеры раздельного написания и иных топонимов, встречающихся в Каталоге. Е. В. Арутюнова указывает на следующие типы:

1. Прилагательные, образующие антонимические пары. В XIX в. такие прилагательные не осмыслялись как полноценные компоненты названия: в постпозиции их писали чаще всего раздельно и со строчной буквы: *Плуталово верхнее, Плуталово нижнее, Плуталово среднее, Пителино новое*,

Пителино старое и т. п. По мнению исследовательницы, завершить этот процесс могло бы закрепление в правилах нормы о дефисном написании в соответствии с основным правилом и по образцу известных названий *Спасск-Дальний* и *Петрово-Дальнее* [Арутюнова 2023: 209–210]. Здесь же Е. В. Арутюнова указывает на бóльшую частотность раздельного написания. На взгляд автора настоящей статьи, написание топонимов следует унифицировать и писать полуслитно: введение исключения для антонимичных пар прилагательных нецелесообразно, поскольку, во-первых, потребует дополнительно вычленять прилагательные, имеющие антонимичную пару, от не имеющих таковую, во-вторых, семантически раздельное написание подобных прилагательных ничем не обусловлено.

2. Прилагательные, обозначающие стороны света. Е. В. Арутюнова отмечает преобладание дефисного написания. Противоположную картину дают названия районов Москвы — все они пишутся раздельно: *Бирюлёво Западное* и *Бирюлёво Восточное*, *Орехово-Борисово Северное* и *Орехово-Борисово Южное*, *Чертаново Северное*, *Чертаново Южное*, *Чертаново Центральное*. Топонимы *Бирюлёво*, *Чертаново* и т. п. образованы по типу притяжательных прилагательных, но по частеречной принадлежности, выступая как изолированные единицы или как главные слова, относятся к существительным¹⁷. Железнодорожные станции, имеющие названия, аналогичные с названиями районов, пишутся полуслитно: *Бирюлёво-Пассажирская*, *Бирюлёво-Товарная* [Там же]. Различные написания районов и железнодорожных станций объясняются тем, что присвоение наименований этим объектам осуществляют разные органы.

Наименование районов регулируется Законом города Москвы от 08.09.1997 № 40-70 «О наименовании территориальных единиц, улиц, элементов планировочной структуры и станций метрополитена города Москвы», согласно статье первой которого районы относятся к территориальным единицам. В соответствии с частью первой статьи четвертой указанного Закона наименование территориальных единиц относится к компетенции органов государственной власти города Москвы как субъекта Российской Федерации. Присвоение наименований территориальных единиц и их переименование согласно частям первой и седьмой статьи шестой Закона осуществляется Московской городской Думой по представлению мэра Москвы.

В отношении присвоения названий железнодорожным станциям и их переименования действует постановление Правительства России от 15.11.2012 № 1167 «О порядке согласования предложений о присвоении наименований отдельным географическим объектам или о переименовании таких географических объектов». Росреестр согласно пункту первому указанного Постановления в обязательном порядке направляет документы

¹⁷ Ср. названия — притяжательные прилагательные, употребляемые с существительным — родовым именем: *Волково кладбище* в Санкт-Петербурге, *Баренцево море*, *Берингов пролив*, *Рюриково городище*.

для согласования в Министерство транспорта России и Федеральное агентство железнодорожного транспорта.

Поскольку названия географических объектов различного вида — районов Москвы и железнодорожных станций — проходят согласование в разных органах государственной власти, итогом является различие в написании схожих по типу топонимов. Железнодорожники следуют правилу неукоснительно, органы власти Москвы предпочитают вводить написания, противоречащие орфографии.

Во избежание разнонаписаний схожих топонимов следует кодифицировать написания названий московских районов согласно орфографии: *Бирюлёво-Западное, Бирюлёво-Восточное, Орехово-Борисово-Северное, Орехово-Борисово-Южное* и т. п.; в названиях железнодорожных станций три компонента соединяются дефисами: *Москва-Пассажирская-Киевская, Москва-Пассажирская-Ярославская* и т. п., — делать исключение для названий районов отсутствуют основания.

3. Прилагательные *левый* и *правый*. Общеизвестные топонимы отсутствуют. Чаще слова *левый* и *правый* входят в названия природных географических объектов, которые пишутся по-разному, хотя в целом преобладает раздельное написание [Там же: 210]. Оснований для исключения не имеется, топонимы с постпозитивными прилагательными *левый, правый* следует писать полуслитно.

4. Притяжательные прилагательные. Е. В. Арутюнова справедливо замечает: «Вызывает сомнение необходимость орфографически разграничивать названия с притяжательными прилагательными и другими прилагательными (*Песковатка Казачья*, но *Песковатка-Боярская*). Применение такого правила потребует от пишущих знания этимологии названия, так как по форме невозможно отличить притяжательное прилагательное с суффиксами *ин-/ын-, ов-/ев-* от других атрибутивов, например восходящих к фамилиям» [Там же: 215]. Раздельное написание рекомендует А. В. Барандеев, иллюстрируя такими примерами: посёлок *Курорт «Озеро Медвежье»*, село *Песковатка Казачья*, деревня *Пески Крекишины* [Барандеев 2021: 235]. Следует согласиться с Е. В. Арутюновой. Касаясь первого примера, приводимого А. В. Барандеевым, необходимо указать: топоним будет писаться раздельно, поскольку существительное, ставшее именем собственным, является родовым названием.

Топонимы модели *существительное + числительное*

«Грамматика-80» именуется порядковые слова порядковыми прилагательными: они называют признак через отношение к числу (количеству, месту в ряду) и по своему значению подобны другим относительным прилагательным, обозначая отношение [РГ-80, 1: 541]. Формально порядковые числительные объединяет с прилагательными наличие общих морфологи-

ческих свойств — непостоянные признаки рода и числа: *первый ученик, вторая школа, третье лето, пятые уроки, десятые страницы*. Однако на основании лексического значения порядковые слова следует относить к числительным и не включать в группу прилагательных.

Д. Ю. Ильин и Е. Г. Сидорова отмечают, что в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. отсутствуют формулировки о написании географических имён собственных с числительными [Ильин, Сидорова 2021: 127]. На практике это влечёт неупорядоченность в написании постпозитивных числительных: они пишутся как раздельно, так и полуслитно.

Для практического применения в топонимии порядковые слова следует однозначно относить к категории числительных. В орфографии это влечёт раздельное написание существительного с постпозитивным порядковым числительным. В таком случае не расширяется перечень исключений в написании топонимов по модели *существительное + прилагательное*: иная частеречная принадлежность порядковых числительных не включает топонимы с ними в вышеуказанную модель. С постпозитивными числительными образуются две модели:

- 1) *существительное + порядковое числительное*, раздельное написание: *Новосёлочка Первая, Новосёлочка Вторая* или *Новосёлочка 1-я, Новосёлочка 1^я, Новосёлочка 2-я, Новосёлочка 2^я*;
- 2) *существительное + количественное числительное*, полуслитное написание для арабских цифр: *Апатиты-1 (Апатиты-один), Бабино-2 (Бабино-два), Свердловск-45 (Свердловск — сорок пять)*, раздельное написание для римских цифр: *Апатиты I (Апатиты-один), Апатиты II (Апатиты-два)*.

Модель существительное + порядковое числительное

И. А. Дамбуев, ссылаясь на «Граматику-80» и статью Э. А. Балалыкиной¹⁸, полагает возможным считать порядковые числительные относящимися к прилагательным: «Таким образом, имеются все основания и для дефисного написания названий *Буда-Первая, Буда-Вторая, Юрьево-Первое*» [Дамбуев 2021: 83]. По мнению исследователя, дефисное написание данных топонимов позволит не только унифицировать написание постпозитивных прилагательных, но и внести ясность в семантические и мотивационные связи между компонентами топонима [Там же: 88].

И. А. Дамбуев приводит следующий пример в обоснование полуслитного написания в случае, когда первая часть названия представляет собой прилагательное: «[П]о написанию бол.⟨ота⟩ *Большое Второе* (Архангельская

¹⁸ «Большинство исследований, посвящённых определению статуса порядковых слов, указывает на маргинальное, неопределённое их положение в грамматической системе языка» [Балалыкина 2008: 143].

обл.) совершенно непонятно, членом какой оппозиции является этот топоним и от какого названия он отличается: *Малое Второе* или *Большое Первое*. Только при написании *Большое-Второе* мы можем определить, что есть и болото *Большое-Первое*» [Там же: 88–89]. Обоснование сомнительное: сочетание в названии прилагательного с порядковым числительным весьма редко, значительно чаще встречаются существительные с постпозитивными порядковыми числительными; при необходимости точного указания на член оппозиции числительное можно записать буквенно-цифровым способом. Как указывалось выше, топоним, состоящий из двух непритяжательных прилагательных, целесообразно писать раздельно; если относить порядковые слова в данную категорию, полуслитное написание автоматически исключается.

По крайней мере одно приводимое И. А. Дамбуевым написание, закреплённое в Каталоге, свидетельствует о нецелесообразности включать порядковые числительные в разряд прилагательных и писать их полуслитно с существительными, — это село *Нижнее Берёзово-Второе* Белгородской области [Там же: 83]. Во-первых, в вышеприведённом написании дефис употреблён ошибочно: один такой орфографический знак не может объединять три единицы, в случае присоединения одного слова к двум и более словам должно использоваться тире: *Папуа — Новая Гвинея*. Во-вторых, дефис создаёт ошибочность восприятия: к части *Берёзово-Второе* получается присоединённым прилагательное *Нижнее*. Напротив, написание *Нижнее Берёзово Второе* логично, поскольку именно числительное присоединяется к существительному с препозитивным прилагательным: ранее существовало село *Нижнее Берёзово*, затем появились хутор *Нижнее Берёзово Первое* и село *Нижнее Берёзово Второе*, к настоящему времени как топонимическая единица сохранилось одно село.

А. В. Барандеев, включая порядковые числительные в категорию прилагательных, указывает, что их надо писать через дефис в постпозиции к существительному: наряду с примерами *Гусь-Хрустальный*, *Рава-Русская* и др. через запятую перечисляются *Сухов-Второй*, *Чегем-Первый* [Барандеев 2021: 234–235]. Он предлагает также введение разнонаписаний для буквенного и буквенно-цифрового способов записи постпозитивных числительных, включаемых исследователем в число прилагательных: «Названия, состоящие из существительного и постпозитивного прилагательного, выраженного цифрой с буквенным наращением, пишутся раздельно. Например: село *Коммуна 3-я*» [Там же: 235]. Ниже, употребляя уже словосочетание *порядковые числительные*, А. В. Барандеев настаивает на том же разнонаписании: населённые пункты *Северный 1-й*, *Гавриловка 1-я*, но *Чегем-Первый*, *Ольшанка-Вторая* [Там же: 240].

Предложение И. А. Дамбуева и А. В. Барандеева противоречит правилу, принятому в близкородственном языке, с чем нельзя не считаться. «Украинское правописание» предписывает писать раздельно географические названия, представляющие сочетание существительного с порядковым числительным, могущим стоять как перед существительным, так и после него:

Гільча Дру́га, Залі́сса Пє́рше, Кра́сне Дру́ге, Пє́рше Садо́ве [Український правопис 2019: § 154, п. 1, підп. 3]. В случае принятия в русском языке полуслитного написания топонимов с постпозитивным порядковым числительным в угоду теоретическому рассуждению о его частеречной принадлежности появится ненужное орфографическое различие с украинским языком. Это один из важных аргументов против изменения существующего правила, но не единственный.

Возможность записывать порядковые слова буквенным и буквенно-цифровым способами сильно выделяет их из прилагательных; один графический фактор, не решая вопроса о частеречной принадлежности, склоняет к логичному единообразному написанию, удобному как для пишущего, так и для читающего, не меняющемуся в зависимости от выбранного способа записи. Разнонаписание вносит неудобство, основываясь лишь на теоретической конструкции исследователей, придерживающихся мнения о том, что порядковые слова суть прилагательные. Для топонимики важнее не столько частеречная принадлежность слова, сколько его семантическая наполненность.

Полуслитное написание существительных с постпозитивными порядковыми числительными нецелесообразно не только ввиду спорности отнесения порядковых числительных к прилагательным.

Сочетание существительного с постпозитивным прилагательным в русском языке является инверсией. Напротив, порядковое числительное может употребляться после существительного во всех жанрах, включая научную и научно-популярную литературу, деловые письма, законодательство. Так, главы, разделы, параграфы и другие разделительные единицы текста при нумерации могут иметь порядковое числительное как перед собой, так и после себя: *первая глава* и *глава первая*, *пятая статья* и *статья пятая*, *десятый пункт* и *пункт десятый*. При нумерации документов постпозиция порядковых числительных преобладает, включая законодательство. То же наблюдается в украинском языке, где кодификатор принял логичное раздельное написание топонимов — существительных с пре- и постпозитивным порядковым числительным. В топонимах *Каменка Первая*, *Каменка Вторая* два слова семантически не имеют равного положения, они представляют собой словосочетание, существительное является главным словом, а числительное — зависимым. Принятие как нормы записей *Каменка-Первая*, *Каменка-Вторая* разрушит сходство собственных имён с нарицательными именами, поскольку не пишется **параграф-третий*, **статья-сто-пятнадцатая*, **страница-двести-тридцать-пятая*.

Кроме того, порядковые числительные могут записываться не только буквенным, но и буквенно-цифровым способом, преобладающим на географических картах: *Сухов Второй* и *Сухов 2-й* или *Сухов 2^й*. В случае полуслитной записи постпозитивных порядковых числительных с существительными либо придётся вводить нелогичное разнонаписание: *Сухов-Второй*, но *Сухов 2-й* или *Сухов 2^й*, либо присоединять также буквенно-цифровую часть дефисом, что затруднит восприятие топонима: *Сухов-2-й* или *Сухов-2^й*.

Написания *Сухов-2^и* и в особенности двухдефисное *Сухов-2-й* орфографически неудачны, неудобны для восприятия и создают ненужную аналогию с количественным числительным: *Сухов-2 = Сухов-два*, где количественное числительное при имени собственном означает номер и само именем собственным не является.

Е. Л. Березович связывает топонимы, образованные от обозначений чисел, с реализацией концепта количества. Она рассматривает числовые модели топонимии, представленные количественными и порядковыми числительными [Березович 2021: 50–51]. Топонимы такого рода, в частности топонимы — существительные с порядковым числительным в пре- или постпозиции, отличаются от топонимов — существительных с прилагательными: в них заложены разные смыслы.

Морфологически правильное (по крайней мере для топонимии) относить порядковые слова к категории числительных, а семантически правильное записывать постпозитивные порядковые числительные при существительных — именах собственных без дефиса, как и в именах нарицательных: *Сухов Второй = Сухов 2-й* или *Сухов 2^и*. Это касается и написания качественных, относительных и притяжательных прилагательных с порядковыми числительными: болото *Большое Второе* (Архангельская обл.), село *Красное Первое* (Харьковская обл.); село *Лубяное Первое* (Белгородская обл.); хутора *Волчий Первый, Волчий Второй* (Белгородская обл.).

Если при однобуквенном наращении возможно двоякое прочтение окончания, допускается двухбуквенное наращение: *Кулулли 1-ое, Кулулли 1ое* [Правила 1967: 14; Арутюнова и др. 2020: 262].

Порядковые числительные не должны записываться арабскими цифрами без буквенного наращения или римскими цифрами во избежание восприятия их как количественных числительных. Г. В. Судаков приводит пример неверного написания: в Вологодском районе остались деревни *Починок 1-й, Починок 2-й* — так они приводятся в официальном справочнике «Вологодская область», они же в Общероссийском классификаторе объектов административно-территориального деления именуется *Починок-1, Починок-2*, что не соответствует современной орфографической норме [Судаков 2019: 198]. Создаётся ошибочное восприятие деревень как имеющих названия *Починок-один* и *Починок-два*. Подобные неточности необходимо устранять, внося исправления в названия географических объектов.

Записи порядкового числительного буквенным и буквенно-цифровым способами в топониме должны считаться равнозначными.

Модель существительное + количественное числительное

Количественное числительное не есть часть имени собственного и обозначает номер. Преобладающей является цифровая запись, но в случае буквенной записи числительное следует писать со строчной буквы.

Модель встречается главным образом в названиях железнодорожных станций: *Апатиты-1 = Апатиты-один, Овинище-1 = Овинище-один, Овинище-2 = Овинище-два, Бабино-2 = Бабино-два, Тосно-2 = Тосно-два*. В незначительном количестве представлена в названиях населённых пунктов (ранее имела бóльшую частоту встречаемости), территориальных единиц и элементов планировочной структуры — районов и микрорайонов и т. п.: города *Арзамас-16 = Арзамас-шестнадцать* — ныне *Саров, Свердловск-45 = Свердловск* — *сорок пять*, — ныне *Лесной*; посёлок *Серпухов-15 = Серпухов-пятнадцать*, микрорайоны *Барановичи-2 = Барановичи-два* в Гродне, *Цянка-2 = Цянка-два, Цянка-3 = Цянка-три* и др. в Минске.

Римской цифрой при топонимах может обозначаться только количественное числительное — в противном случае его нельзя будет отличить от порядкового числительного, записываемого римскими цифрами всегда без буквенного наращения: *XX век, Николай I; 5-й том* или *5^й том*, но *V том, 1-е место* или *1^е место*, но *I место*. Количественное числительное, обозначенное римской цифрой, должно писаться отдельно от названия, поскольку дефисом к слову может присоединяться только арабская цифра: *Овинище I, Апатиты I, Апатиты II, Апатиты III* (ср. *Овинище-1, Апатиты-2*). При возможной буквенной записи количественного числительного оно по общему правилу пишется полуслитно с топонимом: *Овинище I = Овинище-один*.

Слитное, полуслитное (дефисное) и раздельное написание географических названий — заключение

Д. Ю. Ильин и Е. Г. Сидорова справедливо замечают, что рекомендации «Правил русской орфографии и пунктуации» в части слитного, раздельного и дефисного написания географических названий должны максимально полно отражать существующие модели топонимов, чтобы носитель языка мог обоснованно выбрать способ орфографического оформления конкретного онима [Ильин, Сидорова 2020: 625].

Подводя итог вышесказанному, следует предложить уточнённую редакцию слитного, полуслитного (дефисного) и раздельного написания географических названий, включая существительные с постпозитивным прилагательным или числительным. Слитное, полуслитное и раздельное написание должно быть отнесено к соответствующим параграфам, где идёт речь о написании географических названий.

Пишутся слитно

1. Названия со вторыми частями *-город, -град, -дар, -бург*, напр.: *Белгород, Ивангород, Белград, Зеленоград, Екатеринодар, Соледар, Екатеринбург, Оренбург* (но: *Китай-город* — исторический район Москвы).

2. Названия с первыми частями:

а) *Ново-, Старо-, Верхне-, Нижне-, Средне-, Ближне-, Дальне-*: *Новосибирск, Новоперedelкино, Стародуб, Верхнеудинск, Нижнекамск, Среднеколымск, Ближнеконстантиново, Дальнереченск*;

б) указывающими на цвет — *Бело-, Красно-, Черно-* и т. п.: *Белоостров, Красноярск, Черноголовка, Желтокаменка, Зеленогорск*;

в) указывающими на сторону света — *Северо-, Южно-* и т. п.: *Северодвинск, Южноуральск*.

Примечание. Некоторые однословные названия населённых пунктов с первой частью *Северо-, Юго-, Южно-* пишутся через дефис: *Северо-Курильск, Южно-Курильск, Южно-Сахалинск, Юго-Камский*.

Пишутся через дефис (полуслитно)

1. Названия, состоящие из двух частей, представляющие собой:

а) сочетание двух названий, напр.: *Ильинское-Хованское, Спасское-Лутовиново, Орехово-Зуево, Эльзас-Лотарингия, Шлезвиг-Гольштейн, мыс Сердце-Камень, Садовая-Спаская улица, Тверская-Ямская улица*;

б) названия с соединительной гласной *о* или *е* и второй частью, пишущейся с прописной буквы: *Николо-Берёзовка, Троице-Сергиева лавра, Троице-Лыково, Анжеро-Судженск, Ивано-Франковск, Австро-Венгрия*.

Примечание. По традиции пишутся слитно:

— три названия, образованные от сочетания двух личных имён: *Борисоглебск, Козьмодемьянск, Петропавловск*, — и производные от них;

— название исторического государства *Чехословакия* и производные от него.

2. Названия, представляющие собой сочетание существительного с последующим прилагательным, напр.: *Гусь-Хрустальный, Переславль-Залесский, Петропавловск-Камчатский, Спасск-Дальний* (населённые пункты); *Москва-Товарная, Новгород-Лужский, Москва-Пассажирская-Ярославская* (железнодорожные станции).

Примечание 1. Пишутся также через дефис названия, представляющие собой существительное притяжательного происхождения, имеющее суффикс *-ов-, -ев-, -ёв-, -ин-, -ын-*, с последующим прилагательным: *Соколово-Большое, Васильево-Петровское, Могилёв-Подольский, Авдотчино-Большое* (населённые пункты); *Чертаново-Южное, Бирюлёво-Западное, Орехово-Борисово-Северное* (районы); *Дебальцево-Сортировочное, Люблино-Сортировочное* (железнодорожные станции).

Примечание 2. Пишутся раздельно:

— названия, где существительное представляет бывшее нарицательное родовое наименование (хутор, село, деревня, сельцо, слобода, починок, мыс, гора и т. п.): *село Погост Никольский, деревня Погост Дмитриевский, деревня Починок Сидоров, посёлок Сельцо Гавриловское, село Слобода Екатерининская* и т. п.;

— исторические названия, пришедшие из греческого источника: *Гераклея Латвийская, Гераклея Минойская, Гераклея Понтийская, Гераклея Трахинская, Понт Эвксинский, Херсонес Таврический*;

— город *Ростов Великий*.

3. Названия с присоединённым количественным числительным, записанным арабской цифрой, напр.: *Апатиты-1, Апатиты-2, Бабино-2* (железнодорожные станции); *Серпухов-15* (населённый пункт); *Барановичи-2, Цянжа-3* (микрорайоны).

Примечание 1. При записи количественного числительного римской цифрой написание раздельное: *Апатиты I, Апатиты II, Апатиты III* (железнодорожные станции).

Примечание 2. При записи количественного числительного буквенным способом оно присоединяется к названию дефисом (к одному слову) или тире (к двум и более словам) и пишется со строчной буквы: *Апатиты I* или *Апатиты-1: Апатиты-один, Свердловск-45: Свердловск — сорок пять*.

Пишутся раздельно

1. Названия, представляющие собой сочетание существительного с предшествующим прилагательным или числительным: *Северная Америка, Южная Америка; Белорусское Полесье, Кольский Север* (материки и края); *Восточные Карпаты, Рудный Алтай* (горные цепи); *Великий Новгород, Нижний Новгород, Сергиев Посад, Царское Село, Ясная Поляна, Третья Тига* (населённые пункты); *Большие Донки, Верхнее Куйто* (озёра), *Нижняя Тунгуска, Вторая Каменка* (реки); *Новая Земля, Северная Земля, Десять Тысяч островов* (архипелаги).

2. Названия из двух существительных, первое из которых представляет бывшее родовое наименование: *село Погост Крест, село Погост Рождество, деревня Разъезд Оларёво*.

3. Составные названия, грамматически согласующиеся с родовым наименованием: *мыс Доброй Надежды, остров Святой Елены, перевал Трёх Пагод, мыс Четырёх Ветров; Первая Камчатская экспедиция, Вторая Архипелагская экспедиция*.

4. Названия, представляющие собой сочетание существительного или прилагательного с последующим порядковым числительным, напр.: *Каменка Первая, Новосёлка Первая, Новосёлка Вторая, Сухов Второй, Нижнее Берёзово Второе, Лубяное Первое, Большое Второе, Волчий Второй*.

Примечание 1. Записи порядковых числительных буквенным и буквенно-цифровым способами арабскими цифрами являются равнозначными: *Сухов Второй* и *Сухов 2-й* или *Сухов 2^й*.

Примечание 2. Если при однобуквенном наращении возможно двоякое прочтение окончания, допускается двухбуквенное наращение: *Кулулли Первое — Кулулли I-ое, Кулулли I^{ое}*.

5. Названия, представляющие собой сочетание непритяжательных прилагательных: *Большая Каменная, Малая Каменная, Нижняя Осиновая* (балки); *Верхняя Чёрная* (река); *Красное Александровское, Чистое Борское* (населённые пункты).

Примечание. Названия железнодорожных станций такого же типа представляют собой субстантивированное прилагательное с последующим прилагательным и пишутся через дефис: *Тракторная-Пассажирская, Тракторная-Товарная*.

6. Названия, представляющие собой сочетание непритяжательного прилагательного с последующим притяжательным прилагательным: *Нижнее Волчье* (озеро); *Верхний Лисий, Нижний Лисий* (ручьи).

Дополнение

Поскольку статья главным образом посвящена рассмотрению правописания топонимов — существительных с постпозитивным прилагательным или числительным, следует обратить внимание на ещё одно название города.

До 1964 г. на карте существовало два Ставрополя: один — на Кавказе¹⁹, являющийся центром региона (основан в 1777 г.), второй — на Волге (основан в 1737 г.). Оба города и до революции, и после неё официально именовались Ставрополями — так они представлены на картах и атласах. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона указывает: «**Ставрополь** (городъ креста) — уѣздный г. Самарской губ.»; «**Ставрополь Кавказскій** [безъ дефиса] — губ. г.» [ЭС: 388, 389]²⁰. Е. М. Пospelов в своём топонимическом словаре приводит одинаковые названия для двух городов: «**Ста́врополь**, гор., Самарская обл. См. *Тольятти*»; «**Ста́врополь**,

¹⁹ С 1935 по 1943 г. носил название *Ворошиловск*.

²⁰ Полуслитное написание представлено в литературе. В «Исторической записке о Ставропольской гимназии» М. В. Краснова, изданной ещё в XIX в., город пишется через дефис, включая место издания [Краснов 1887]. Полуслитное написание используется в дореволюционном законодательстве: в Высочайше утверждённом мнении Государственного Совета «Об установлении в пользу Владикавказской железной дороги сбора с грузов, провозимых по Ставропольской ветви этой дороги» название станции даётся как «*Ставрополь-Кавказский*» (в кавычках) [Мнение 1905: 43]. Встречается топоним и в современных изданиях. Так, к.ю.н. Р. В. Нутрихин и д.ф.н. А. А. Фокин (оба — преподаватели Ставропольского государственного университета) в статье «Сталин и Ставрополье» пишут: «В июле 1905 года тихий губернский городок Ставрополь-Кавказский облетело потрясающее известие: на главном городском проспекте появились гангстеры»; «И в самом деле, никто и никогда даже не заикался о том, что Сталин несколько месяцев кряду жил в Ставрополе-Кавказском» [Нутрихин, Фокин 2012: 64, 65]. Всё это, соответствуя орфографии, легитимизирует полуслитное написание названия города.

гор., ц. Ставропольского края» [Поспелов 2008: 416]. Полуофициально города назывались соответственно *Ставрополь-на-Волге* (иногда *Ставрополь-Волжский*) и *Ставрополь-Кавказский*.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28.08.1964 Ставрополь Самарской области (тогда — Куйбышевская область) был переименован в честь итальянского коммуниста и получил название *Тольятти*²¹.

Ю. А. Качалкова и М. Э. Рут, разбирающие вопрос переименования географических объектов, указывают: «[П]о мнению многих представителей общественности, назрела задача избавления от названий в честь наиболее одиозных для современности деятелей советской эпохи» [Качалкова, Рут 2019: 180]. Ниже исследовательницы, указывая на отрицательное отношение к переименованию большинства жителей улицы Толмачёва (участника двух революций, одного из первых военных комиссаров) в Екатеринбурге, комментируют: «[Р]ешение жителей расположенных на улице домов определяет нежелание менять паспорт в связи с изменением прописки, мнение работников фирм и предприятий — предполагаемые сложности со сменой юридического адреса» [Там же: 181]. Во-первых, в связи с изменением регистрации по месту жительства (законодательство не содержит понятия *прописка*)²² паспорт не меняется — ставится штамп о перемене адреса. Во-вторых, при переименовании улицы или иного элемента улично-дорожной сети вносить новую запись в паспорт необязательно, гражданин может это сделать по своему желанию; при перемене паспорта по любой причине — например, в связи с наступлением двадцати- или сорокалетия, в связи с переменной фамилии при заключении брака — в штампе о регистрации будет указано новое название улицы. В-третьих, законодательство не требует вносить самим организациям запись в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) в связи со сменой

²¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28.08.1964 «О переименовании города Ставрополя Куйбышевской области в город Тольятти».

В указе говорится о пожеланиях трудящихся города Ставрополя, послуживших основанием переименования города. Иной пример — переименование Ижевска в Устинов, осуществлённое перед самой перестройкой постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 27.12.1984 № 1274 «Об увековечении памяти Д. Ф. Устинова». Массовые протесты ижевчан способствовали быстрому возвращению городу Ижевску своего имени. Законодательно это оформлено указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.06.1987 «О переименовании города Устинова Удмуртской АССР».

²² Закон России от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в статье третьей устанавливает две формы регистрационного учёта: по месту пребывания (регистрация осуществляется на время, штамп в паспорте не ставится — выдаётся отдельное свидетельство на обычной бумаге с гербовой печатью) и по месту жительства (регистрация осуществляется без ограничения срока, ставится штамп в паспорте).

юридического адреса в случае переименования улицы (адрес и не меняется — меняется наименование элемента улично-дорожной сети); Федеральная налоговая служба вносит записи в ЕГРЮЛ самостоятельно. В-четвёртых, не требуется менять документы на недвижимое имущество, расположенное на переименованной улице; при требовании выписки из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) после переименования Росреестр выдаст документ с актуальным названием улицы. В-пятых, о переименовании географического объекта всегда издаётся нормативный правовой акт, по которому при необходимости можно сверить старое и новое названия во избежание путаницы и двусмысленности. Аргументы об обязательности менять документы или вносить в них изменения лишены под собой правовых оснований. Можно сделать вывод о том, что лица, не стремящиеся очистить топонимию от нежелательных названий, или сами не знают закон, или намеренно вводят людей в заблуждение относительно закона.

Безусловно, рано или поздно топонимия России избавится от географических названий в честь сомнительных деятелей, событий, организаций. А. В. Барандеев замечает: «Главные причины переименований — причины *экстралингвистические*, а именно: войны, социальные революции, смена идеологии и экономического уклада, изменение государственного статуса территорий, деколонизация» [Барандеев 2017: 179]²³. В. С. Картавенко отмечает, что переименования, вызванные общественными, социальными, военными, культурными событиями, происходили в России в различные периоды и по разным причинам [Картавенко 2021: 30]. Отказ от марксизма, прекращение господства Коммунистической партии и демонтаж советской системы являются значительной сменой в государстве и обществе, они повлекли переоценку ценностей и отношения к деятелям прошлых эпох. Топонимия России естественным образом избавится от всего того, что противоречит государственным интересам, нравственности и ценностным ориентирам²⁴.

²³ Сам А. В. Барандеев скептически относится к избавлению топонимии от советско-коммунистических объектов, приводя в качестве аргумента необходимость вносить изменения в документы (это не так, о чём я писал выше), а также дороговизну подобных мероприятий [Барандеев 2017: 181–182]. А. В. Барандеев выше называет один из регионов России Екатеринбургской областью [Там же: 165], что хоть и не является пока официальным названием, но вполне оправданно. Однако исследователь противоречит сам себе: возможно или выступать за сохранение Свердловской области и всех имеющихся советско-коммунистических топонимов, или, называя область Екатеринбургской, выступать за изъятие советско-коммунистической топонимии.

²⁴ Так, улицы, названные в честь террористки Софьи Перовской, имеются во многих городах России. Такое название столь же цинично и кощунственно, как и возможное название улицы в честь террористки Дарьи Треповой: деятельность обеих абсолютно схожа, только имя первой широко представлено в российской топонимии, а имя второй может появиться лишь в топонимии государства, явно враждебного России. Существуют улицы Джохара Дудаева во Львове и Ивано-Франковске (Украина), аллея Джохара Дудаева в Риге (Латвия), площадь Джохара

Рано или поздно городу Тольятти будет возвращено его историческое название; поскольку таким образом на карте России вновь появятся два Ставрополя, в качестве официального должно быть взято название *Ставрополь-на-Волге*.

В отношении Ставрополя, расположенного на Кавказе, возможны два варианта:

— город принимает официальное название *Ставрополь-Кавказский*, написание соответствует правилам орфографии;

— название остаётся прежнее — *Ставрополь*, но с наличием Ставрополя-на-Волге в устной речи неизбежно возникнет уточняющее прилагательное в постпозиции *Кавказский*.

Вне зависимости от того, станет ли *Ставрополь-Кавказский* официальным или полуофициальным названием, оно должно писаться полуслитно — согласно правилам орфографии.

Источники

АМГ — Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 / Под ред. чл.-корр. Н. А. Попова. СПб., 1894.

Атлас 1792 — Атлас Российской Империи. СПб., 1792.

Атлас 1828 — Географический атлас Российской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского. [Б. м.], 1828.

Атлас 1871 — Подробный географический атлас Российской Империи с планами главных городов. СПб., 1871.

Вергун 1914 — Д. В е р г у н. Славянские заметки // Новое Время. 1914. № 13801. 14/27.08.1914. С. 4.

Ефимов, Фёдоров 2018 — А. Н. Е ф и м о в, А. И. Ф ё д о р о в. Струги Красные: прошлое и настоящее. Историко-краеведческий очерк. [Б. м.], 2018.

Краснов 1887 — М. В. К р а с н о в. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавк., 1887.

Мнение 1905 — Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «Об установлении в пользу Владикавказской железной дороги сбора с грузов, провозимых по Ставропольской ветви этой дороги» от 17.01.1905 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отделение I. СПб., 1908. Ст. 25683. С. 43.

Нутрихин, Фокин 2012 — Р. В. Н у т р и х и н, А. А. Ф о к и н. Сталин и Ставрополь // Эксперт Юг. 17–22.09.2012. № 35–37 (224–226). С. 64–66.

Петров 1988 — Г. В. П е т р о в. Струги-Красные. [Рабочий посёлок Псковской области]. Л., 1988.

Постановление 1926 — Постановление ЦИК СССР от 12.02.1926 «О переименовании города Ново-Николаевска в Ново-Сибирск» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 02.03.1926 г. № 9. Отд. 1. Ст. 73.

Постановление 1937 — Постановление ЦИК СССР от 28.09.1937 «О разделении Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край» //

Дудаева в Варшаве (Польша). Топонимия олицетворяет отношение власти и гражданского общества к деятелям, в честь которых именуются географические объекты.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 19.10.1937. № 66. Отд. 1. Ст. 302.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.

Салтыков-Щедрин 1883 — М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи. 2-е изд. СПб., 1883.

Советская Сибирь 1926 — Советская Сибирь. 10.02.1926. № 33 (1871).

Титов 1883 — А. А. Титов. Ростов Великий. Путеводитель по г. Ростову Ярославской губернии. М., 1883.

Титов 1884 — А. А. Титов. Ростов-Великий. Историческое обозрение. М., 1884.

Титов 1891 — А. А. Титов. Описание Ростова Великого. М., 1891.

Титов 1895 — А. А. Титов. Ростов Великий и его святыни. СПб., 1895.

Толстой 1847 — М. В. Толстой. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847.

Толстой 1860 — М. В. Толстой. Древние святыни Ростова-Великого. 2-е изд., испр. и доп. М., 1860.

Словари, справочные издания

Барандеев 2018 — А. В. Барандеев. Краткий этимологический топонимический словарь: Избранные топонимы. 2-е изд., доп. М., 2018.

Барандеев 2021 — А. В. Барандеев. Орфографический словарь географических названий. М., 2021.

Поспелов 2008 — Е. М. Поспелов. Географические названия России: топонимический словарь. М., 2008.

Правила 1967 — Правила написания на картах географических названий СССР. 2-е изд. М., 1967.

Правілы 2010 — Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Мн., 2010.

ПРОП — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2023.

РГ-80 — Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.

Розенталь 2008 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. 13-е изд. М., 2008.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 42. СПб., 2010.

Тураўскі слоўнік — Тураўскі слоўнік: У 5 т. Т. 5. Мн., 1987.

Український правопис 2019 — Український правопис. К., 2019.

ЭС — Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXXI. СПб., 1900.

Литература

Аругюнова 2023 — Е. В. Аругюнова. К проблеме раздельного и дефисного написания топонимов с постпозитивным прилагательным, или Почему *Струги Красные* // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 200–221.

Аругюнова и др. 2020 — Е. В. Аругюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 256–277.

Арутюнова и др. 2021a — Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 1. С. 21–41.

Арутюнова и др. 2021б — Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Прописные и строчные буквы в собственных именах, прозвищах, псевдонимах, кличках: проект академических правил // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 3 (29). С. 25–53.

Арутюнова и др. 2022 — Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Прописные и строчные буквы в собственных именах людей, прозвищах, псевдонимах, кличках: из академических правил русской орфографии // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 2. С. 208–229.

Балалыкина 2008 — Э. А. Балалыкина. К вопросу о происхождении порядковых числительных в грамматической системе русского языка // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 2. С. 143–152.

Барандеев 2017 — А. В. Барандеев. История географических названий: Русская топонимия в терминах. 4-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017.

Барандеев 2019 — А. В. Барандеев. Актуальные проблемы орфографии топонимов // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 6. С. 85–90.

Березович 2021 — Е. Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Под ред. А. К. Матвеева. Изд. стереотип. М.: Либроком, 2021.

Булаховский 1954 — Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. 2-е изд., испр. М.: Учпедгиз, 1954.

Васильев 2012 — В. Л. Васильев. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Дамбуев 2014 — И. А. Дамбуев. К вопросу об орфографии бурятских топонимов в русском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2014. № 10. С. 94–98.

Дамбуев 2019 — И. А. Дамбуев. Орфография топонимов в зеркале современного регионального законодательства // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/47FLSK419.pdf>.

Дамбуев 2021 — И. А. Дамбуев. *Каменка Первая* или *Каменка-Первая*? Вариативность и кодификация в топонимии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 3 (29). С. 81–91.

Иванов 2023 — А. В. Иванов. Многоликий дефис // Язык и культура. 2023. № 62. С. 26–53.

Ильин, Сидорова 2020 — Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова. Вариативность языковой нормы при функционировании топонимов: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. Вып. 4. С. 615–632.

Ильин, Сидорова 2021 — Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова. Нормы орфографии как компонент топонимической политики // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 3 (29). С. 121–131.

Картавенко 2021 — В. С. Картавенко. Причины переименований в различные исторические периоды // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2021. № 9. С. 30–34.

Качалкова, Рут 2019 — Ю. А. Качалкова, М. Э. Рут. «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 179–192.

Корженевский 2019 — К. Б. Корженевский. Советская власть и сибирский город: к истории переименования Новониколаевска в Новосибирск // Город в контексте микро- и макроисторических событий. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 14 ноября 2019 г. / Отв. ред. И. И. Явнова; зам. отв. ред. Р. И. Кантимирова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019. С. 186–189.

Кретинин 2018 — Г. В. Кретинин. Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории / Отв. ред. И. О. Дементьев. Калининград: Аксиос, 2018.

Пахомов 2007 — В. М. Пахомов. «Не забудь... станция Луговая» // Русская речь. 2007. № 5. С. 45–49.

Печетова, Никаева 2023 — Н. Ю. Печетова, Т. М. Никаева. Нормативно-регистрационные функции словаря топонимов // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2023. Т. 20, № 4. С. 104–116.

Сазонов 2000 — С. В. Сазонов. Об историческом названии города Ростова // История и культура Ростовской земли. 1999. Ростов: [б. и.], 2000. С. 5–10.

Сидорова 2021 — Е. Г. Сидорова. Слитно-дефисные написания топонимических единиц // Язык, общество, человек. Материалы VII Международного педагогического форума (Санкт-Петербург — Москва, 4–7 декабря 2020 г.) / Ред. С. И. Богданов и др. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 174–182.

Соломка 2023 — Н. А. Соломка. Способ разграничения слитного, дефисного и раздельного написания географических названий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 77–84.

Судаков 2019 — Г. В. Судаков. Проблемы употребления названий населённых пунктов (на примере ойконимии Вологодской области) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 193–204.

Улитова 2016 — А. С. Улитова. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Шклярыйк 2019 — В. А. Шклярыйк. Мікратапанімія Усходняга Палесся ў кантэксте развіцця рэгіянальнай лексічнай сістэмы. 2-е выд. Мн.: Беларуская навука, 2019.

Статья получена 29.02.2024

Mikhail S. Teikin

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute,
Far East Branch, Russian Academy of Sciences
(Magadan, Russia)
teikin-ms@mail.ru

COMPLEX QUESTIONS OF HYPHENATION IN TOPONYMS

The spelling of toponyms includes controversial issues that still have not received final codification in The Rules of Russian Orthography and Punctuation, with the result that in practice various spellings are used even in official documents and databases. The

State Catalogue of Geographic Names, the main Russian database for toponyms, contains same-type onyms with contradictive spelling.

One of the main issues in toponym orthography is the spelling of substantives with postpositional adjectives. The author considers that the rule for such place names is eligible, does not need to be revised, but needs more specification for some occasions. Ordinal words, according to their part-of-speech status, should be considered to belong to numerals, which entails their separate spelling with substantive place names in postposition.

Keywords: toponymy, toponyms (place names), oikonoms, postpositional adjective, postpositional numeral, separate spelling, hyphenation.

References

- Arutiunova, E. V. (2023). K probleme razdel'nogo i defisnogo napisaniia toponimov s postpozitivnym prilagatel'nym, ili Pochemu Strugi Krasnye. *Voprosy onomastiki*, 20(3), 200–221.
- Arutiunova, E. V., Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2020). Propisnye i strochnye bukvy v geograficheskikh i administrativno-territorial'nykh nazvaniakh: akademicheskie pravila russkoi orfografii. *Voprosy onomastiki*, 17(2), 256–277.
- Arutiunova, E. V., Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2021). Lingvisticheskie osnovy sovremenogo napisaniia toponimov (k teorii orfograficheskogo pravila). *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 80(1), 21–41.
- Arutiunova, E. V., Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2021). Propisnye i strochnye bukvy v sobstvennykh imenakh, prozvischakh, psevdonimakh, klichkakh: proekt akademicheskikh pravil. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 3(29), 25–53.
- Arutiunova, E. V., Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2022). Propisnye i strochnye bukvy v sobstvennykh imenakh liudei, prozvischakh, psevdonimakh, klichkakh: iz akademicheskikh pravil russkoi orfografii. *Voprosy onomastiki*, 19(2), 208–229.
- Balalykina, E. A. (2008). K voprosu o proiskhozhdenii poriadkovykh chislitel'nykh v grammaticheskoi sisteme russkogo iazyka. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 150(2), 143–152.
- Barandeev, A. V. (2017). *Istoriia geograficheskikh nazvanii: Russkaia toponimiia v terminakh* (4th ed.). Moscow: LENAND.
- Barandeev, A. V. (2019). Aktual'nye problemy orfografii toponimov. *Russkij jazyk v shkole*, 80(6), 85–90.
- Berezovich, E. L. (2021). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek*. Moscow: Librokom.
- Bulakhovskii, L. A. (1954). *Russkii literaturnyi iazyk pervoi poloviny XIX veka* (2nd ed.). Moscow: Uchpedgiz.
- Dambuev, I. A. (2014). K voprosu ob orfografii buriatskikh toponimov v russkom iazyke. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 10, 94–98.
- Dambuev, I. A. (2019). Orfografiia toponimov v zerkale sovremenogo regional'nogo zakonodatel'stva. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, 4. Retrieved from <https://sfk-mn.ru/PDF/47FLSK419.pdf>
- Dambuev, I. A. (2021). Kamenka Pervaia ili Kamenka-Pervaia? Variativnost' i kodifikatsiia v toponimii *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 3(29), 81–91.

Il'in, D. Yu., & Sidorova, E. G. (2020). Variativnost' iazykovoi normy pri funktsionirovanii toponimov: problemy i protivorechiia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, 17(4), 615–632.

Il'in, D. Yu., & Sidorova, E. G. (2021). Normy orfografii kak komponent toponimicheskoi politiki. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 3(29), 121–131.

Ivanov, A. V. (2023). Mnogolikii defis. *Iazyk i kul'tura*, 62, 26–53.

Kachalkova, Yu. A., & Rut, M. E. (2019). «Ideologicheskie» urbanonimy i pereimеноvanie gorodskikh ob"ektov. *Voprosy onomastiki*, 16(3), 179–192.

Kartavenko, V. S. (2021). Prichiny pereimеноvanii v razlichnye istoricheskie periody. *Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniia*, 9, 30–34.

Korzhenevskii, K. B. (2019). Sovetskaia vlast' i sibirskii gorod: k istorii pereimеноvaniia Novonikolaevska v Novosibirsk. In I. I. Iavnova, & R. I. Kantimirova (Eds.), *Gorod v kontekste mikro- i makroistoricheskikh sobytii. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Respublika Bashkortostan, g. Sterlitamak, 14 noiabria 2019 g.)* (pp. 186–189). Sterlitamak: Sterlitamaskii filial BashGU.

Kretinin, G. V. (2018). *Voina i mir: issledovaniia po rossiiskoi i vseobshchei istorii*. Kaliningrad: Aksios.

Pakhomov, V. M. (2007). «Ne zabud'... stantsiia Lugovaia». *Russkaja rech*, 5, 45–49.

Pechetova, N. Yu., & Nikaeva, T. M. (2023). Normativno-registriruiushchie funktsii slovaria toponimov. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta*, 20(4), 104–116.

Sazonov, S. V. (2000). Ob istoricheskom nazvanii goroda Rostova. In *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli – 1999* (pp. 5–10). Rostov: [s. n.].

Shkliaryk, V. A. (2019). *Mikratapanimiia Uskhodniaga Palessia u kantekstse razvitsiia regiianal'nai leksichnai sistemy* (2nd ed.). Minsk: Belaruskaiia navuka.

Sidorova, E. G. (2021). Slitno-defisnye napisaniia toponimicheskikh edinits. In S. I. Bogdanov et al. (Eds.), *Iazyk, obshchestvo, chelovek. Materialy VII Mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma (Sankt-Peterburg — Moskva, 4–7 dekabria 2020 g.)* (pp. 174–182). St Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena.

Solomka, N. A. (2023). Sposob razgranicheniia slitnogo, defisnogo i razdel'nogo napisaniia geograficheskikh nazvanii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6(230), 77–84.

Sudakov, G. V. (2019). Problemy upotrebleniia nazvanii naseleennykh punktov (na primere oikonimii Vologodskoi oblasti). *Voprosy onomastiki*, 16(3), 193–204.

Ulitova, A. S. (2016). *Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh v pamiatnikakh russkoi delovoi i knizhnoi pis'mennosti XVII veka* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Vasil'ev, V. L. (2012). *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Received on February 29, 2024

РЕЦЕНЗИИ

doi.org/10.31912/rjano-2024.2.11

*Е. А. Балашов, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева,
А. Д. Козеренко, М. М. Коробова, М. Н. Михайлов, Е. А. Осокина,
Н. А. Фатеева, Л. Л. Федорова, Е. В. Шаранова. Корпусная модель
идиостиля Достоевского / Под ред. А. Н. Баранова,
Д. О. Добровольского. — М.: ЛЕКСПУС, 2021. — 360 с.*

Коллективная монография посвящена изучению идиостиля Ф. М. Достоевского с использованием корпусных технологий. Авторы поставили перед собой амбициозную задачу показать, что Ф. М. Достоевский (далее — ФМД) относится к числу писателей-новаторов, определяющих языковую стилистику литературы и публицистики эпохи.

Авторы используют Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ), на основе которого создают нужные им подкорпусы. Причем корпус текстов ФМД сконструирован на базе полного собрания сочинений, т. е. учитывает все письменные источники.

Первая глава содержит обзор возможных проявлений идиостиля на разных уровнях функционирования языка (лексические, синтаксические, нарративные). Таким образом задается программа комплексного исследования. Подчеркивается, что для исследования выбирались явления, которые составляют объективно проверяемую часть языка писателя. Это обещание, безусловно, было сдержано: все сделанные в монографии выводы подкреплены обширным и тщательно отобранным материалом. Понятно, что, используя корпусные технологии, естественно начать с лексических особенностей.

Каждая следующая глава открывается теоретическим введением, обосновывающим выбор материала, и завершается выводами.

Во второй главе сопоставляется насыщенность текстов идиомами у пяти ведущих авторов XIX в.: ФМД, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и Л. Н. Толстого. Были составлены выборки из романов и более мелких произведений, причем предпочтение отдавалось текстам, содержащим диалоги. Были подсчитаны абсолютная и относительная частота идиом в выбранных фрагментах. Оказалось, что чаще всего идиомы встречаются в текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина и ФМД, а реже всего — в текстах Л. Н. Толстого. Авторы приходят к выводу, что именно М. Е. Салтыков-Щедрин и ФМД сознательно нагружают речь героев идиомами, используя их для усиления художественного эффекта. Этот вывод подкрепляется наблюдениями над записными книжками ФМД, в которых он фиксировал услышанные в живой речи идиомы, чтобы в дальнейшем использовать их для характеристики речи героев.

Далее во второй главе делается сравнение идиом, используемых ФМД, и идиом, употребляемых в современном русском языке. В качестве «представителя» современного состояния идиоматики взят «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» [Тегаурус 2007]. Авторы сопоставили каждую из идиом тезауруса, относящуюся к определенному семантическому таксону, с корпусом текстов ФМД. Это позволило установить для каждого таксона количество различных идиом у ФМД и общую частоту идиом из данного таксона у ФМД. Было обнаружено пять

таксонов, для которых в текстах ФМД представлено наибольшее разнообразие идиом, и одновременно из совокупности выражений, входящих в эти таксоны, наиболее частотными являются именно идиомы. Перечислим эти таксоны в порядке убывания количества относящихся к ним идиом и частоты их употребления: ВРЕМЯ, МЫШЛЕНИЕ-ЗНАНИЕ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ/ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ЦЕННОСТИ, РЕЧЕВЫЕ АКТЫ.

Высокий ранг идиоматичности таксона ВРЕМЯ авторы объясняют необходимостью описывать темпоральные отношения событий в любом нарративе и общей частотой выражения времени с помощью идиом в русском языке (*сию минуту, до сих пор* и под.). Поэтому это обстоятельство не выявляет специфику языка ФМД. Однако высокий ранг следующих четырех таксонов коррелирует с характерными для ФМД мотивами.

Семантика МЫШЛЕНИЯ, особенно отклонений от нормы, важна для объяснения внутреннего мира его героев; ср. часто используемые идиомы *сойти с ума, сбить с толку, (схватывать) на лету*. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ персонажей маркируется идиомами типа *дух захватывает, (он) сам не свой, сквозь землю провалиться*. Понятно, что ФМД часто показывает своих героев именно в моменты высокого эмоционального накала. Высокий ранг РЕЧЕВЫХ АКТОВ связан со специфическим перформативным употреблением фразеологизмов типа *сделайте одолжение* в качестве разрешения в ответ на просьбу или *век не забуду* как выражение благодарности. Обилие диалогов в рассматриваемых текстах объясняет частотность этого слоя лексики.

В третьей главе исследуются фраземы, отличающие язык ФМД от языка его современников и от современного состояния русского языка. Но если современное состояние русской фразеологии в достаточной степени отражено в [Тезаурус 2007] и, главное, знакомо нам как носителям, то такого рода источников для изучения фразеологического состава русского языка XIX в. у нас нет. Поэтому «граница между нормальным и ненормальным варьированием формы и смысла» остается неизвестной.

Авторы обнаружили в произведениях ФМД целый ряд синтаксических и лексических модификаций бытовавших в XIX в. лексем: *смотреть как баран на воду* вместо *как баран на новые ворота*, *подошвы не стоить* вместо *мизинца не стоить* и др. Отмечается также явно аномально высокая частота выражения *по крайней мере* при редкости выражения *по меньшей мере*.

Особый интерес вызывает детальное исследование многозначной фраземы *иметь в виду*, встречающейся у ФМД более 130 раз. Авторы выделяют пять значений этой фраземы в современном русском языке, одно из них, жаргонное 'игнорировать', отсутствовало в XIX в. Четыре значения представлены и в текстах XIX в. При сравнении употребления *иметь в виду* в текстах ФМД и других авторов XIX в. удастся выявить еще два значения этой идиомы, отсутствующие в современном языке. Авторы на основе тонкого семантического анализа показывают, что этот сдвиг обусловлен изменением интерпретации внутренней формы идиомы. Если для современного употребления важно, что нечто расположено близко в настоящем или прошлом, и субъект видит это и сосредоточивает на этом свое внимание, то для употреблений, характерных для языка XIX в., важно, что нечто расположено в будущем, и субъект видит это, ожидает этого и стремится к этому. Ср. характерный для ФМД пример из его письма: *И не подумайте, что я поступаю с ней нечестно, отвлекая ее от выгодного брака с другим, имея в виду только одну мою эгоистическую пользу*.

Пожалуй, наиболее неожиданные результаты получены в четвертой главе, посвященной дискурсивным словам и недискурсивным словам в дискурсивных употреблениях в практике крупнейших писателей XIX в. Основное внимание уделяется словам, содержащим оценку степени достоверности сообщения, которые входят в модальную рамку высказывания (*очевидно, по-видимому, конечно* и т. п.). На материале подкорпуса из НКРЯ, охватывающего тексты, созданные с 1800 по 1900 гг., убедительно показано, что количество дискурсивных слов в художественной прозе существенно возрастает к середине XIX в., а затем держится на том же уровне или незначительно снижается к началу XX в. Например, если в прозе 1800 г. на миллион словоформ приходится меньше ста употреблений слов *вероятно* и *действительно*, то к 1860 г. в тексте этого объема *вероятно* встречается уже около 250 раз, а *действительно* — более 300 раз. Причем, как и в случае с большим количеством идиом, особенно выделяется проза ФМД и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это свидетельствует об общем усложнении формы выражения смысла за счет модальной рамки высказывания. Происходит переход от «объективного» рассказа о событии к рассказу о событии и о субъективном отношении к нему автора или рассказчика. Хочется подчеркнуть, что в данном разделе речь идет в первую очередь уже не об индивидуальных предпочтениях при выборе той или иной лексической единицы, а о формировании новой стилистической традиции. Интересен в этом смысле также детальный анализ употребления слова *кстати*, очень характерного для ФМД, показывающий развитие той же тенденции с другого ракурса. Авторы XIX в. сильно различаются по частоте использования дискурсивного *кстати*. Если у ФМД и И. С. Тургенева около 80 % употреблений *кстати* дискурсивны, то у Л. Н. Толстого доля таких употреблений составляет только 25 %. Но специфику индивидуального стиля ФМД удастся понять лишь при более тщательном семантическом анализе. У дискурсивного *кстати* имеются два почти антонимических значения, которые авторы формулируют следующим образом:

Q, кстати¹, P = ‘говоря P, я даю понять, что P есть дополнительная релевантная часть рассуждений Q’. [*Здесь много полезной информации. Кстати, книжка совсем не толстая.*]

Q, кстати², P = ‘говоря P, я даю понять, что хочу связать P с Q по некой формальной характеристике, общей для P и Q’. [*Опровергну все и буду новый Фурье. Кстати, отдал семь рублей Тимофею Семенычу?* (ФМД)].

Авторы для краткости различают эти два значения ярлыками *кстати* как «кстати» и *кстати* как «некстати».

У ФМД только 19 % употреблений приходится на *кстати* как «кстати», а 62 % — на *кстати* как «некстати». А вот у И. С. Тургенева 37 % *кстати* как «кстати» и 36 % *кстати* как «некстати». Противопоставленный им по частоте дискурсивных употреблений Л. Н. Толстой использует *кстати* как «кстати» в 11,75 % случаев и *кстати* как «некстати» с той же частотой.

Пятая глава посвящена тенденциям в использовании лексики, противопоставляющим тексты ФМД текстам его современников. Исследованы пять лексических областей: диминутивы, обозначения жестов и прочих телесных проявлений эмоций, интенсификаторы, цветообозначения и лексемы *бог, черт* и близкие к ним. Интересные результаты получены при изучении тройки *слово, словцо и словечко*. ФМД диминутивные формы употребляет достаточно часто, сближаясь в этом отношении с Н. В. Гоголем и П. И. Мельниковым-Печерским. Но при этом ФМД примерно с одинаковой частотой использует и *словцо*, и *словечко*, играя на стили-

стических и смысловых различиях между ними, в то время как Н. В. Гоголь гораздо чаще выбирает диминутив *словцо*, а П. И. Мельников-Печерский — *словечко*. Было бы интересно сформулировать тонкое семантическое различие между *словцо* и *словечко* у ФМД, а также в языке Н. В. Гоголя.

В конце книги читателя ожидает интересное Приложение, посвященное описанию удобной интернет-платформы для подсчета частоты слов и поиска идиом в различных корпусах текстов, а также для создания частотных списков словоформ и лексем.

Краткий пересказ содержания книги не позволяет продемонстрировать в достаточной степени, насколько много нового и интересного можно узнать из нее о языке ФМД и ряда его современников.

Рецензируемая книга написана понятным языком, ее будет интересно читать не только лингвистам и литературоведам, но и тем, кто интересуется развитием русского языка и путями литературы.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/new/>

Тезаурус 2007 — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. URL: http://www.ruslang.ru/book_idiomatca08

**[Review of:] E. A. Balashov, A. N. Baranov, D. O. Dobrovolsky,
K. L. Kiseleva, A. D. Kozerenko, M. M. Korobova, V. Y. Mikhailov,
E. A. Osokina, N. A. Fateyeva, L. L. Fedorova, E. V. Sharapova.
A Corpus Model of the Individual Style of Dostoevsky / A. N. Baranov,
D. O. Dobrovolsky (eds.). — Moscow: LEXRUS, 2021. — 360 p.**

О. Ю. Богуславская
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
boguslavskaya.olga@gmail.com

Получено 20.04.2024

Olga Yu. Boguslavskaya
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
boguslavskaya.olga@gmail.com

Received 20.04.2024

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

doi.org/10.31912/rjano-2024.2.12

55-е Виноградовские чтения в МГУ

17 января 2024 г. на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова состоялись 55-е Виноградовские чтения, посвященные 60-летию со дня выхода в свет пятитомного издания «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX века». Программу Чтений составили семь докладов, объединенных интересом к изменениям, происходившим и происходящим в русском языке с конца XVIII по начало XXI в. С докладами выступали представители Москвы, Санкт-Петербурга и Минска. Чтения прошли в онлайн-формате, что обеспечило широкую географию не только докладчиков, но и слушателей.

С приветственным словом к участникам Чтений обратилась президент филологического факультета профессор **М. Л. Ремнева**, которая акцентировала внимание слушателей на значимые для русской филологии юбилеи, отмечаемые в 2024 г.: 130-летие академика В. В. Виноградова (официальная дата его рождения по старому стилю — 31 декабря 1894 г., но по недавно обнаруженным церковным записям он родился 16 октября 1894 г.); 160-летие учителя В. В. Виноградова академика А. А. Шахматова; 100-летие ученицы В. В. Виноградова Г. А. Золотовой, а еще 225-летие А. С. Пушкина. Кроме того, в 2024 г. исполняется 90 лет со дня первого издания книги В. В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1934), 60 лет — пятитомному изданию «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», подготовленному авторским коллективом под руководством В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой (1964), а также 30 лет первому изданию «Истории слов» В. В. Виноградова (1994). История русской филологии и история русского языка соединились в теме Виноградовских чтений 2024 г. — «Русский язык — от Пушкина до наших дней (К 60-летию пятитомного издания “Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века”»». В программу включены доклады, посвященные изменениям в семантике слов, словоформ и конструкций. С развитием корпусных исследований и увеличением объема исследуемых текстов синхронная русистика вновь обращается к диахронии, что соответствует актуальным задачам современной объяснительной лингвистики.

Программу Чтений открывал доклад Б. Ю. Нормана (д.ф.н., Минск) «Новый взгляд на устаревающую лексику», в котором были предложены дополнения к общей теории номинации: уточнено соотношение денотативного, структурного (внутриязыкового) и сигнификативного аспектов лексического значения. Обсуждались терминологический аппарат исторической лексикографии, основания, по которым слова квалифицируются как историзмы или архаизмы. Было высказано мнение, что это деление является неполным, обедняющим и речевую практику, и теорию языка. Лингвистам непросто уложить в дихотомическую схему такие свежие примеры устаревания слова, как *повеса*, *мздоимец*, *сойзительница*, *диссидент*, *милиционер* и т. п. В этих случаях мы имеем дело с изменением ментальной системы социума, с дезактуализацией каких-то понятий. В докладе была отмечена необходимость ввести еще один термин для устаревающей лексики — «нотиолизм» — для обозначения слов, уходящих из лексикона по причине утраты носи-

телем языка соответствующих понятий, при том что сами реалии (референты, денотаты) как элементы объективной действительности сохраняются. От архаизма нотиолизм отличается тем, что не получает в современном языке стандартной однословной замены (*аршин, фунт, алтын, бобьль, яхонт, рудознавец, наперсник, гетера, рвач, казнокрад, книгочей, жуир, пасынок*).

В докладе **Д. В. Руднева** (д.ф.н., РГПУ) «Развитие в русском языке нового времени атрибутивных форм связочных глаголов (причастий и деепричастий)» рассматривались парадигматические возможности и сочетаемость полузнаменательных связочных глаголов (*казаться — показаться, делаться — сделаться, стать — становиться, считаться* и др.). В результате сплошной выборки примеров из Национального корпуса русского языка и количественных подсчетов была получена картина частотности причастных и деепричастных форм связочных глаголов в трех хронологических срезах — последняя треть XVIII в., первая половина XIX в. и 1890-е гг. Корпусное исследование позволило прийти к выводу, что не все связочные глаголы способны к употреблению в форме деепричастия: ограничено образование деепричастий от связочных глаголов со значением мнимости и неуверенного знания (*казаться, показаться*), к концу XX в. деепричастия практически исчезают, несмотря на активность этих связей в финитной форме. По-другому ведут себя фазисные связки (*делаться — сделаться, стать — становиться, оставаться — оставаться*): от них активно образуются деепричастия. Была отмечена крайняя редкость некоторых причастных форм (*делававшийся, делающийся, оказывавшийся, оказывающийся, становящийся*), что обусловлено архаизацией некоторых связочных глаголов (*делаться*) или коммуникативной невостребованностью семантики причастной формы в структуре предложения.

О. Е. Пекелис (к.ф.н., РГГУ, НИУ ВШЭ) в докладе «Некоторые случаи вариативности и ее разрешения в русском языке XIX в.: к иллюстрации принципа “избегай синонимии”» представила результаты корпусного исследования местоимений *это* и *то*, аддитивных показателей *также* и *тоже*, местоимений *иной* и *другой* и предложной и беспредложной конструкций с дательным падежом. Анализ материала показал, что для языка XVIII–XIX вв. в каждой паре существовала вариантность, в то время как современный язык предписывает выбор какого-то одного показателя, т. е. ситуация вариативности к XXI в. разрешилась в ситуацию дополнительного распределения. В докладе была предложена лингвоспецифичная интерпретация, согласно которой рассмотренный материал составляет часть системы грамматических и околограмматических «микропараметров», формировавшаяся в русском языке уже после XIX в.

Е. В. Урысон (д.ф.н., ИРЯ РАН) в докладе «Попытка описания семантических изменений слова на протяжении небольшого периода: наречие *впору*» рассмотрела семантическую структуру полисемичного слова в плане диахронии. В языке XIX в. слово *впору* сохраняло семантическую связь с идеей времени (ср. слово *пора*), а кроме того, его семантика была более абстрактной. В современном языке *впору* в его некоторых «старых» значениях употребляется в газетном стиле, однако теперь это слово в целом является принадлежностью разговорного языка, причем на смену его «старым» значениям пришли другие, семантически более богатые, обладающие сложными модальными рамками. В результате наречие *впору* в современном языке, в отличие от языка XIX в., с трудом соединяется с отрицанием, а также с некоторыми другими частицами. Было предложено аналитическое толкование разных значений слова *впору* с применением аппарата Московской семантической школы.

В докладе **Е. Р. Добрушиной** (д.ф.н., ПСТГУ) «*Ихний, малая толика и рыбов*, или Что дают микро- и нанодиахронические методы» предложено деление диахронических методов на традиционную макродиахронию, оперирующую веками и даже большими интервалами, микродиахронию, исследующую изменения, происходящие с языковыми единицами на протяжении временных промежутков от 50 до 5 лет, и нанодиахронию, анализирующую языковые события, происходящие за год или даже месяц. В свою очередь, микродиахронический подход допускает дальнейшее членение на шесть этапов: первый этап зафиксирован в первой системной кодифицирующей грамматике — грамматике М. В. Ломоносова; ко второму этапу относятся авторы большей части письменных текстов первой половины XIX в. — носители дворянской культуры, чья речь была подвержена влиянию французского; третий этап — формирование разночинской культуры, одновременно и наследующей дворянскую культуру и отталкивающейся от нее; четвертый этап характеризуется влиянием на язык советской нормативизирующей традиции; на пятом этапе происходит частичное высвобождение речи от давления кодификации и формирование «устно-письменного» языка рунета; к шестому этапу относится речь последнего десятилетия, характеризующаяся приспособлением к реализации значимой части коммуникации через цифровые технологии. Автор подробно рассмотрел диахронию трех явлений: 1) местоимения *ихний*, которое стало общепринятым маркером просторечия и одновременно с этим развило относительные значения ‘иностранный’, ‘чужой’, постепенно становящиеся нормативными; 2) слова *толика*, высвободившегося из фразеологизма и начавшего движение в направлении единицы со значением ‘доля’, ‘часть’; 3) в рамках демонстрации работы нанодиахронических методов — появление в речи рунета последних двух лет слова *рыбова*, родившегося на основе языковой игры с падежным окончанием *-ов* и заполнившего, по-видимому, некоторую семантическую лауну.

В докладе «Лексические комплексы *интеллигенция* и *скука* в рамках социокультурной теории лексических комплексов» **В. В. Глебкина** (д.ф.н., РАНХиГС) были представлены основные положения социокультурной теории лексических комплексов (СТЛК), разрабатываемой автором на протяжении последних пятнадцати лет. В русле этой теории были рассмотрены лексические комплексы *интеллигенция* и *скука*. СТЛК учитывает три уровня описания лексического комплекса: 1) уровень A_0 , характеризующий локальный социокультурный контекст, 2) уровень А (уровень «повседневного употребления» слов, входящих в комплекс) и 3) уровень В (уровень интерпретаций). Особенности уровня A_0 для комплекса *интеллигенция* являются резкое расширение в 50–60-е гг. XIX в. социокультурной группы хранителей и творцов культуры, а также изменение базовых моделей получения высшего образования, структуры и статуса интеллигенции в советское время. Для комплекса *скука* таким триггером к изменениям концептуальной структуры стали социокультурные процессы, связанные с манифестом Петра III «О даровании вольности и свободы дворянству» (1762) и «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II (1785), в результате которых изменилась общая структура повседневной жизни культурной элиты: жизнь лишилась внешнего регулятива (такого как спасение души или служение государству) и оказалась «равной самой себе». На уровне В для комплекса *интеллигенция* учитывается система координат, заданная социально-экономическим и социально-этическим подходами к определению интеллигенции, а для комплекса *скука* — система координат, заданная экзистенциальной, романтической и просвещенческой интерпретациями.

Программу Чтений завершил доклад **И. В. Мухачёвой** (к.ф.н., МГУ) «*Сапожки-то не разуть ли с вас?*: глаголы-ликвидативы с приставкой *раз-* в синхронии и ближайшей диахронии». Докладчица рассмотрела синтаксическое поведение глаголов, обозначающих ликвидацию результата предшествующего действия и включающих в свой морфемный состав приставку *раз-* (*раздеть, распеленать, раскутывать, размотать, разуть* и т. п.). Такие глаголы имеют три семантические валентности — Агенса, Пациенса и Оболочки, которые реализовывались по-разному в различные периоды существования русского языка. Так, *распеленать* и *размотать* были способны присоединить зависимые со значением Пациенса и Оболочки одновременно: *распеленать ребенка от шкур, размотать с шеи косынку*, а глагол *разуть* не обладал невыразимой валентностью Оболочки: *разуть лапти, разуть сапожки с вас*. Синтаксическое поведение ликвидативов в ближайшей диахронии было более «разнообразным», в современном языке оно выравнивается, что подтверждают наблюдения авторов монографии «Изменения в системе словосочетаний», которая входит в состав «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», изданных под редакцией В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. Таким образом, выводы авторов «Очерков...» звучат современно, перекликаясь с теоретическими воззрениями Московской семантической школы, представители которой считают, что слова одной семантической группы обладают сходным синтаксическим поведением.

В заключение Чтений **М. Л. Ремнева** высказала уверенность в том, что Виноградовская филологическая традиция, соединяющая глубокое знание языкового материала на всем историческом протяжении русского языка и русской культуры, широкое теоретическое обобщение и строго научные приемы аргументации, сохранит свое значение и для будущих поколений филологов-русистов.

The 55th Vinogradov Conference in the Moscow State University

Н. К. Онипенко
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
onipenko_n@mail.ru

Получено 20.05.2024

Nadezhda K. Onipenko
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
onipenko_n@mail.ru

Received 20.05.2024

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

doi.org/10.31912/rjano-2024.2.13

П. А. ДРУЖИНИН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
petr@druzhinin.ru

АКАДЕМИК ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ: НАЧАЛО ПУТИ

О жизни, интересах, устремлениях В. В. Виноградова в его начальный период мы знаем не много: архив ученого практически не содержит материалов за первые несколько десятилетий его деятельности¹, биографы также ограничивались лаконичными сведениями о начальном образовании; даже дата рождения — и та оказывается неверной. Впрочем, тот туман, который окутывает раннюю биографию В. В. Виноградова, ничуть не удивляет: такие факты, как происхождение из духовного звания, арест, ссылка родителей в годы советской власти, заставляли людей скрывать свое прошлое. Тем важнее попытаться собрать разрозненные сведения о происхождении, детстве, отрочестве, первых сочинениях этого выдающегося ученого.

1. Происхождение и дата рождения

Отцом В. В. Виноградова был священник Троицкой церкви города Зарайска Рязанской губернии Владимир Александрович Виноградов (1867—1931), который по окончании в 1881 г. Зарайского духовного училища был зачислен в Рязанскую духовную семинарию и окончил полный курс ее по 1-му разряду в 1887 г.²; у него и его жены Ольги Ивановны (1871—?) было восемь детей, доживших до совершеннолетия, Виктор был вторым. Свою карьеру В. А. Виноградов начал надзирателем за учениками Рязанского духовного училища³; по рукоположении он был поставлен настоятелем храма в с. Красный Липовец Пронского уезда Рязанской губернии, а затем настоятелем Троицкого храма в Зарайске (служба одновременно и в Крас-

¹ Архив РАН. Ф. 1602. Предисловие (справка) к описи фонда, 1979.

² Разрядный список всех классов Рязанской духовной семинарии... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1887. № 15, 1 авг. С. 437.

³ Рязанский адрес-календарь на 1890 год / Сост. под ред. Н. К. Фрост. Рязань: Тип. Губ. правления, 1890. С. 28; Рязанский адрес-календарь на 1891 год / Сост. под ред. Н. К. Фрост. Рязань: Тип. Губ. правления, 1890. С. 26.

Троицкая церковь в Зарайске (фото начала XX в.)

ном Липовце⁴); около 1911 г. переведен в Рязань настоятелем Введенского храма и тогда же назначен членом Рязанской духовной консистории⁵. Впоследствии он был репрессирован: 4 декабря 1930 г. арестован, 21 января 1931 г. осужден по ст. 58-10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...»), получил по приговору три года высылки в Казахстан⁶, где и умер по прибытии в ссылку; там же скончалась его жена.

Род Виноградовых — выходцев из Рязанской губернии был многочисленным, причем значительная часть представителей этой фамилии была именно духовного звания. Несмотря на то, что многие из них состояли в родстве, сегодня сложно доподлинно установить, как они связаны между собой, однако нам отчасти удалось наметить ветвь, к которой принадлежит В. В. Виноградов.

Дед Виктора Владимировича со стороны отца — диакон Александр Васильевич Виноградов (1840—1885), который сперва служил псаломщиком в Богоявленской церкви Зарайска, а в 1877 г. был рукоположен в священники Троицкой церкви погоста Василий Великий Зарайского уезда. Прадедом же ученого был Василий Виноградов (ум. 1888), «бедный псаломщик

⁴ Адрес-календарь Рязанской губернии на 1898 г. Рязань: Тип. Н. Д. Малашкина, 1897. С. 177, 202.

⁵ Рязанский адрес-календарь. 1912 г. Рязань: Губернская тип., 1912. С. 153, 167.

⁶ Книга памяти жертв политических репрессий Рязанской обл., т. 2. Электронное издание: <https://memoryazan.ru/citizens/1446>.

села Новопокровского» — это село считалось одним «из самых захолустных мест Егорьевского уезда, оно расположено на границе Московской губернии, в 44 верстах от г. Егорьевска в глуши лесов, среди болот»⁷.

Известностью пользовался и внучатый дядя будущего филолога — младший брат его деда, Николай Васильевич Виноградов (1842?—1909), который являлся автором работ по истории раскола, а также старшим депутатом Зарайского духовно-училищного округа; именно в Зарайское духовное училище осенью 1903 г. был отдан Виктор Виноградов. В. А. Виноградов тоже имел отношение к училищу: замещал там делопроизводителя, а кроме того, состоял жертвователем Общества вспомоществования его нуждающимся ученикам⁸.

Отдельную загадку в биографии В. В. Виноградова представляет дата его рождения: изучение архивных документов заставляет усомниться в том, что он указывал в своих послереволюционных документах верную дату. Вообще говоря, изменение даты рождения в эпоху революций не было чем-то удивительным, учитывая царившую тогда неразбериху в документообороте⁹.

Виктор Владимирович указывал дату рождения 12 января 1895 г. по новому стилю, что соответствовало 31 декабря 1894 г. старого; но поскольку после объявленной в начале 1918 г. реформы календаря указывались только даты по новому стилю, то и на могиле ученого на Новодевичьем кладбище, и в многочисленных биографических статьях, вплоть до энциклопедий, годы его жизни указываются как «1895—1969»; Большая Российская энциклопедия дает двойную дату: «31 декабря 1894 / 12 января 1895» [Бельчиков 2006].

Но еще в 1998 г. появилась публикация рязанской исследовательницы Л. А. Кононенко, в которой приводилась цитата из именной ведомости Рязанской семинарии о приеме в 1908 г. 12-летнего Виктора Виноградова, родившегося «16 октября 1894 года» [Кононенко 1998: 26], однако историки науки не уделили внимания этой работе. Та же дата фигурирует в ряде выявленных нами документов: в подлиннике свидетельства, данного В. В. Виноградову в 1913 г. Рязанской семинарией для поступления в Петербургский историко-филологический институт: «Воспитанник Рязанской Ду-

⁷ А. Князев. Некролог: [О. Николай (Виноградов)] // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1909. № 22, 15 нояб. Отд. неофиц. С. 851.

⁸ Алфавитный список членов Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Зарайского духовного училища... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1908. № 23, 1 дек. Отд. офиц. С. 595—597.

⁹ Именно так поступил в 1920-е гг. И. В. Сталин: вместо подлинной даты «6 (18) декабря 1878 года» в его биографии появилась дата «9 (21) декабря 1879 года», и только в 1990 г. историки внесли в этот вопрос ясность (см. Когда родился Сталин / Публ. подгот. И. Китаев, Л. Мошков, А. Чернев // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11, нояб. С. 132—134).

ховной Семинарии Виноградов Виктор, сын священника Троицкой города Зарайска церкви Владимира Виноградова, родившийся тысяча восемьсот девяносто четвертого года, месяца октября 16-го дня...»¹⁰; она же указана в отпуске аттестата об окончании В. В. Виноградовым Историко-филологического института, который датирован 3 июня 1917 г.¹¹ И наконец, в 2012 г. на Виноградовских чтениях в МГУ было сделано сообщение, что «краевед г. Зарайска, родного города В. В. Виноградова, О. В. Полянчева, продолжив разыскания, начатые ее отцом В. И. Полянчевым, получила в Зарайском архиве справку о том, что в метрической книге Троицкой церкви сделана следующая запись о рождении и крещении В. В. Виноградова: “Запись о рождении: 16 октября 1894 г. Крещение: 17 октября 1894 г. В крещении получил имя Виктор. Отец — Троицкой церкви священник Владимир Александров...”» [Золотова и др. 2012: 142; Онипенко, Никитина 2012: 155].

При наличии таких свидетельств нет никакой возможности далее придерживаться прежней даты, хотя бы на ней и настаивал Виктор Владимирович. Истинный день рождения ученого — 16 октября 1894 г. (или 28 октября 1894 г. по новому стилю).

II. Духовное училище и семинария

Осенью 1903 г. Виктор Виноградов начал учиться в Зарайском духовном училище. Курс состоял из четырех классов, но многие, в том числе и Виноградов, первый год обучались в подготовительном классе. Смотрителем училища в ту пору был П. Н. Скабовский; училищный курс включал следующие предметы: русский, церковнославянский, латинский и греческий языки; арифметика, география, природоведение, пение¹².

Учился Виктор Виноградов всегда в числе учеников 1-го разряда, то есть тех, кто имел отличную успеваемость. I класс училища (в тот год в пяти классах, включая подготовительный, насчитывалось 134 ученика) он окончил третьим номером списка отличников¹³ — и это был единственный год, когда он не был самым достойным. С той поры и в училище, и затем в Рязанской духовной семинарии он будет самым лучшим учеником. В июне 1908 г., по окончании IV класса, после годичных испытаний за 1907/1908 год ученик Зарайского духовного училища 1-го разряда под первым номером Виктор Виноградов «был признан окончившим курс

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 4012. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 33.

¹² Список лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Зарайской епархии... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1904. № 24, 15 дек. Отд. офиц. С. 806—808; 1908. № 21, 1 нояб. Отд. офиц. С. 530—532.

¹³ Список учеников Зарайского духовного училища... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1905. № 14, 15 июля. Отд. офиц. С. 489.

Зарайской духовное училище (фото начала XX в.)

и удостоен перевода в класс духовной семинарии»¹⁴, куда и был зачислен в августе 1908 г.

Рязанская духовная семинария была одной из древнейших и крупнейших в России, в ней обучалось около 700 воспитанников (1908/1909 учебный год их закончило 680)¹⁵, имелся и свой хор, и даже семинарский оркестр. На момент поступления В. Виноградова в семинарию должность ректора занимал архим. Григорий (Яцковский)¹⁶, но в декабре того же года его сменил прот. П. П. Казанский¹⁷. Программа семинарии в годы обучения В. Виноградова включала следующие курсы: Св. Писание; основное, догматическое и нравственное богословие; обличительное богословие и история раскола; литургика; древнееврейский, древнегреческий, латинский, немецкий языки; словесность и история литературы; гражданская история; логика; физика и математика.

Участь в семинарии, В. В. Виноградов был ежегодно переводим в следующий класс «1-го разряда первым номером»¹⁸, а после испытаний мая-

¹⁴ Список учеников Зарайского духовного училища... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1908. № 14, 15 июля. Отдел офиц. С. 360.

¹⁵ Разрядный список всех классов Рязанской духовной семинарии... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1909. № 15, 1 авг. Отд. офиц. С. 336—348.

¹⁶ Список лицам, состоящим на службе в Рязанской духовной семинарии... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1908. № 17, 1 сент. Отд. офиц. С. 438—443.

¹⁷ Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1908. № 24, 15 дек. Отд. офиц. С. 625.

¹⁸ Разрядный список всех классов Рязанской Духовной семинарии... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1909. № 15, 1 авг. Отд. офиц. С. 345; 1910.

Рязанская духовная семинария (фото начала XX в.)

июня 1913 г., так же блестяще перейдя в VI класс, он был «по прошению» уволен из семинарии¹⁹.

Последнее требует объяснения: курс духовной семинарии состоял из шести классов, из которых первые четыре были общеобразовательными, пятый и шестой — уже исключительно богословскими. По этой причине еще до окончания семинарии ученикам, отучившимся четыре года, была открыта возможность для поступления в светские учебные заведения, прежде всего в университеты. И хотя устав 1884 г. затруднил отток семинаристов, в 1907 г. положение изменилось:

Своим определением от 31 августа — 5 сентября 1907 г. Синод предоставил воспитанникам духовных семинарий право поступления по окончании 4-го класса семинарии в светское высшее учебное заведение, которого их лишал устав 1884 года. Это было результатом многолетней борьбы семинаристов за свои права [Сушко 1996: 110].

Рязанская духовная семинария могла гордиться выпускниками, пошедшими не только по духовной лестнице, но и по светской. Наиболее знаменитым из таковых стал выдающийся физиолог И. П. Павлов — также питомец Рязанской семинарии.

№ 15, 1 авг. Отд. офиц. С. 583; 1911. № 14, 15 июля. Отд. офиц. С. 572; 1912. № 13, 1 июля. Отд. офиц. С. 464.

¹⁹ Разрядный список учеников всех классов Рязанской Духовной семинарии... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1913. № 13—14, 1—15 июля. Отд. офиц. С. 462.

Общежитие Рязанской духовной семинарии (фото начала XX в.)

Говоря о годах, проведенных В. В. Виноградовым в стенах семинарии, мы должны упомянуть о двух педагогах, несомненно повлиявших на формирование будущего ученого. Прежде всего это А. Н. Сабчаков.

Александр Николаевич Сабчаков (12 сентября 1862 — после 1920)²⁰, сын священника, родился в с. Покровском Ряжского уезда Рязанской губернии, обучался в Сапожковском духовном училище, затем в Рязанской духовной семинарии, Московской духовной академии, курс которой окончил в 1886 г. и был определен преподавателем в Белевское духовное училище (Тульской губ.), а в 1888 г. перешел на должность преподавателя в Рязанскую семинарию и затем преподавал также в Рязанском женском епархиальном училище; состоял помощником редактора губернских епархиальных ведомостей. Будучи кандидатом богословия и первоначально преподавателем гражданской и церковной истории, он увлекся литературой и со временем перешел к ее преподаванию, став подлинным светилом Рязанской губернии. Еще как преподаватель истории он завораживал воспитанников; бывший ректор семинарии о. Григорий (Яцковский) описал его в следующих выражениях:

²⁰ Двадцатипятилетний юбилей препод. Духовной семинарии А. Н. Сабчакова // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1911. № 20, 15 окт. Отд. неофиц. С. 796—799.

Всегда с удовольствием вспоминаю Ваши глубокие и многосторонние беседы по отечественной истории, всегда живые и интересные, дышащие всегда животрепещущим интересом. Можно бы подумать, что история — Ваша природная стихия, в которой Вы легко и свободно плаваете, глубоко ныряете и играете на поверхности человеческого океана — жизни, если бы я не знал, что и в другой науке, — отечественной литературе, — Вы не менее искусны. Ваше глубокое понимание духа русского языка, Ваша чуткость к красотам его, Ваша острота в различении духов писателей, т. е. их внутренней ценности, достоинств и недостатков; наконец, Ваше умение передавать в чтении душу писателя; все это неоднократно приводило меня в восторг и утешало среди многотрудного педагогического и начальственного поприща²¹.

Едва ли не главным средством воздействия на воспитанников были устраиваемые А. Н. Сабчаковым чтения или же вечера в актовом зале семинарии. Большой резонанс имел «литературно-музыкально-вокальный вечер» 9 декабря 1907 г.²², однако в традицию семинарии вошли именно чтения. Первоначальную мысль об их устройстве высказал о. Григорий, ректор семинарии с июля 1901 по ноябрь 1908 г.²³, но при нем эти чтения носили не литературный, а духовно-нравственный характер; наиболее масштабными были воскресные великопостные чтения 1908 г., когда на протяжении семи лекций велись нравоучительные беседы, а число слушателей на некоторых из них достигало 700²⁴. С приходом же на пост ректора семинарии прот. П. П. Казанского, оценившего способности А. Н. Сабчакова, по инициативе ректора в 1909/1910 учебном году в практику семинарской жизни были введены «образовательные внеклассные чтения», которые сильно заинтересовали воспитанников: чтения «охотно посещались ими в весьма большом количестве»²⁵. О популярности этих мероприятий свидетельствует их регулярность и подробность освещения в «Рязанских епархиальных ведомостях»²⁶. Из этих материалов можно видеть, что деятельность А. Н. Сабчакова была поистине подвижнической.

²¹ Там же. С. 798.

²² [А. Н. Сабчаков] Из семинарской жизни (Рязань) // Колокол. СПб., 1908. № 566, 5 янв. С. 3.

²³ [А. Н. Сабчаков] Прощание Рязанской дух. семинарии с ее ректором... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1909. № 3, 1 февр. Отд. неофиц. С. 119.

²⁴ Краткий отчет о воскресных религиозно-нравственных чтениях... [Начало] // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1908. № 19, 1 окт. Отд. неофиц. С. 708—715.

²⁵ Образовательные внеклассные чтения для воспитанников Рязанской духовной семинарии... [Начало] // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1912. № 22, 15 нояб. Отд. неофиц. С. 976.

²⁶ Приведем лишь несколько ссылок на это издание в годы обучения в семинарии В. В. Виноградова: 1909. № 8, 15 апр. Отд. неофиц. С. 300—309. О чествова-

При устройстве литературных чтений А. Н. Сабчаков постоянно привлекал воспитанников; отнюдь не всегда их имена указываются в публикациях, однако имя Виктора Виноградова упоминается в связи чтениями не единожды. Ранее уже были разысканы сведения о его пушкинском выступлении (см. [Зыкова 2011]); приведем полностью текст этого сообщения «Рязанских епархиальных ведомостей».

2-го февраля (1911 г.), на праздник Сретения Господня, в семинарском зале был прочитан, в 8 ч. вечера, выдающийся реферат воспитанника III норм. кл. Виктора Виноградова, под заглавием: «Пушкин в оценке так называемой *реальной критики* 60-х гг. прошлого столетия». Реферат был составлен по предложению препод. А. Н. Сабчакова и, отчасти, под его непосредственным руководством. Г(осподин) Виноградов основательно выяснил своим слушателям сущность поэзии Пушкина и наглядно показал в своем реферате всю нелепость суждений известного критика 60-х г.г. — Писарева и его реальной школы о поэзии Пушкина.

По прочтении реферата г. Виноградовым препод. А. Сабчаков сделал несколько необходимых разъяснений и дополнений к вышеназванному реферату своего ученика:

1) указал на грандиозное торжество 100-летнего юбилея Пушкина со дня его рождения, носившее не всероссийский только, но и общеевропейский характер (между тем как Писарев уверял, что Пушкин его известным «Памятником» — жалкий сумасброд, хвастун и кривляка);

2) сообщил краткую характеристику эпохи 60-х г.г. преимущественно с ее теневой, обратной, отрицательной стороны;

3) рассказал вкратце неприглядную биографию Писарева и дал характеристику его чрезмерно-увлекающейся, неуравновешенной, хотя и удивительно талантливой личности;

4) выяснил своим слушателям, — кого собственно Пушкин разумел под *чернью* в своем стихотворении «Чернь», столь ненавистном для Писарева с братией (не простой народ, всегда симпатичный Пушкину, а *чернь литературную*, вроде Булгарина, Греча и Сенковского, и чернь *великосветскую*, добившуюся, в конце концов, гибели поэта);

5) прочитал несколько стихотворений гр. А. К. Толстого, в которых, вопреки Писаревскому, узкоутилитарному взгляду на искусство и поэзию, до-

нии памяти Н. В. Гоголя [начало]; № 9, 1 мая. Отд. неофиц. С. 338—346 [продолж.]; № 10, 15 мая. Отд. неофиц. С. 387—392 [оконч.]; № 14, 15 июля. Отд. неофиц. С. 349—356. О праздновании годовщины Полтавской битвы; 1910. № 2, 15 января. Отд. неофиц. С. 62—81. О чествовании памяти А. В. Кольцова; № 8, 15 апр. Отд. неофиц. С. 29—305. О чествовании памяти А. П. Чехова [начало]; № 11, 1 июня. С. 388—397 [оконч.]; 1911. № 6, 15 марта. Отд. неофиц. С. 252—254. О чествовании памяти Ф. М. Достоевского; № 10, 15 мая. Отд. неофиц. С. 418. О лекции в честь юбилея Н. С. Лескова; № 9, 1 мая. Отд. неофиц. С. 350—358. Об отражении в русской литературе вопроса об освобождении крестьян [начало]; № 10, 15 мая. С. 398—404 [продолж.]; № 11, 1 июня. С. 440—448 [оконч.]; 1912. № 22, 15 нояб. Отд. неофиц. С. 976. О чествовании памяти И. С. Никитина; 1912. № 24, 15 дек. Отд. неофиц. С. 1088. О чествовании памяти А. Н. Островского; 1913. № 7, 1 апр. С. 303. О вечере в честь С. Я. Надсона и Н. А. Некрасова.

казывается самостоятельное, самодовлеющее значение искусства вообще и поэзии — в частности. Таково, напр., его превосходное и богатое идейным содержанием стихотворение «Против течения»²⁷.

Это выступление В. В. Виноградова стало одновременно и несомненным успехом его наставника: «Реферат г-на Виноградова был представлен Александром Николаевичем г-ну ревизору Ф. Н. Белявскому, который отнес к автору этого труда и к редактору его — с величайшей похвалой» [Зыкова 2011: 211]. Речь о похвале приехавшего из Петербурга в Рязань с инспекцией члена-ревизора Учебного комитета при Синоде Фотия Николаевича Белявского (1873 — после 1919), выпускника Санкт-Петербургской духовной академии, который был автором сочинений по истории и педагогике, сотрудником петербургских газет; С. Ю. Витте ценил его бойкое перо журналиста [Крылова 2021: 132].

В следующем учебном году В. В. Виноградов выступил на чтениях с рефератом о Ломоносове:

8-го ноября 1911 года Рязанская семинария, согласно предписанию Св. Синода, торжественно праздновала 200-летний юбилей со дня рождения М. В. Ломоносова. К этому знаменательному дню преподавателем А. Н. Сабчаковым был заготовлен реферат на тему «Нравственное величие личности М. В. Ломоносова, как гениального русского человека и гражданина», произнесенный в начале Ломоносовского вечера (произнесен, по нездоровью автора, воспитанником VI кл. Ал. Ефремовым), и — другой, составленный и произнесенный восп. Викт. Виноградовым в начале второго отделения вечера, на тему «Значение Ломоносова в науке и литературе»²⁸.

Также важно отметить, что А. Н. Сабчаков уделял внимание и истории русского языка. В 1916—1918 гг. он был привлечен к занятиям Литовской духовной семинарии, эвакуированной из Вильны в Рязань. Один из его слушателей того времени, А. В. Тихомиров, вспоминал, что учитель погружался в историю русского языка, отмечал, в частности, фонетическое различие букв «ять» и «есть», словом, «знал не только официальный учебник» [Журавлев 2015: 68].

Вторым педагогом, оказавшим заметное влияние на Виктора Виноградова в семинарии, был «преподаватель по кафедре расколо-сектантства» Николай Иванович Остроумов (1876—1937), автор ряда духовных сочинений. Он также происходил из духовного звания, был выпускником Тульской духовной семинарии, в 1902 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата, после чего был определен в Рязанскую семинарию;

²⁷ Чтения в Рязанской духовной семинарии... // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1911. № 6, 15 марта. Отд. неофиц. С. 254—255.

²⁸ Образовательные внеклассные чтения для воспитанников Рязанской духовной семинарии... [Начало] // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1912. № 22, 15 нояб. Отд. неофиц. С. 979—980.

помимо преподавания, он с 1905 г. вплоть до закрытия редактировал журнал братства св. Василия «Миссионерский сборник» [Савинцев 2022: 354]; именно в этом журнале позднее появится первая научная публикация В. В. Виноградова. После событий 1917 г. Н. И. Остроумов вернулся в Тулу, впоследствии был арестован, а 23 ноября 1937 г. расстрелян.

Не менее важно по этой причине отметить родственные связи будущего ученого: приход упоминавшегося выше внучатого дяди Н. В. Виноградова, церковь Успения в с. Красном Егорьевского уезда, находился близ границ Богородского уезда Московской губернии и недалеко от с. Гуслицы, одного из центров раскола. Всю свою жизнь Н. В. Виноградов посвятил обличению раскольников и возвращению их в лоно православия, проводил беседы,

обладал счастливою способностью владеть пером; он записывал содержание произведенных им бесед, отсылал для напечатания в миссионерских журналах, напр. «Миссионерском сборнике» и «Миссионерском обозрении». Немало написал о. Николай статей, в которых выражал свои суждения и взгляды на сущность раскола, на дело православной миссии, писал заметки из жизни раскола, его вожаков и быта его последователей; есть наконец статьи вполне научного содержания²⁹.

Традиционно библиография трудов начиналась с «Отчета Виктора Виноградова о занятиях историей русского языка в 1919 году», напечатанного в 1923 г. в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» [Кузьмин 1956: 299]. Однако в 1965 г. в разговоре с А. Н. Робинсоном «Виктор Владимирович, усмехнувшись, как всегда не без иронии, заметил, что он сам начинал свой научный путь как историк русского раскола, однако теперь уже никто этого не помнит» [Робинсон 1974: 287]. В 1920 г. эту работу В. В. Виноградова упоминает академик А. А. Шахматов в отзыве о его научной деятельности: «В последние два года я имею счастье принимать участие в руководительстве его занятиями. Виноградов сосредоточился на изучении истории русского языка. С редким прилежанием, но и редким успехом он изучает памятники языка. Печатных трудов у него пока немного, в числе их исследование об обряде самосжигания некоторых наших раскольничьих сект» [Робинсон 1970: 57]. Но после трагических для биографии В. В. Виноградова событий 1920—1940-х гг. этого сочинения у него уже на руках не оказалось. Он пытался разыскать свою первую работу. Когда в 1971 г. его вдова Н. М. Малышева-Виноградова передала часть архивных материалов в Государственный архив Рязанской области, она просила найти первую публикацию своего супруга, поясняя в письме: «То, что статья находится в Рязани, это точно»; сотрудники архива исполнили ее желание [Кононенко 1998: 27].

²⁹ А. Князев. Некролог: [О. Николай (Виноградов)] // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1909. № 22, 15 нояб. Отд. неофиц. С. 854.

Речь идет о сочинении «О самосожжении у раскольников-старообрядцев. (XVII—XX вв.)». Его начало было напечатано в 1917 г. приложении к «Миссионерскому сборнику», редактором которого был Н. И. Остроумов, но ввиду закрытия этого периодического издания публикация не была доведена до конца. Впоследствии подробный обзор этой работы был опубликован А. Н. Робинсоном, который делает на ее основании вывод, что «Виноградов начал свою исследовательскую деятельность не как филолог-лингвист, а как историк общественной мысли» [Робинсон 1971: 164].

После смерти В. В. Виноградова Н. М. Малышева-Виноградова хлопотала о присвоении его имени одной из улиц в Рязани. В 1970 г. Президиум Академии наук СССР направил ходатайство об этом в адрес Рязанского горисполкома [Кононенко 1998: 29]. Однако Рязанский горисполком не нашел возможным удовлетворить эту просьбу.

III. Экзаменационное сочинение В. В. Виноградова 1913 г.

28 июня 1913 г. Виктор Виноградов, бывший ученик Рязанской духовной семинарии, окончивший V класс, отправил по почте прошение о допуске к приемным испытаниям в Императорский историко-филологический институт. В тот момент он жил в Рязани вместе с родителями³⁰: когда отец переехал с семьей в Рязань, он снял квартиру в доме Дмитревского³¹ и Виктор смог оставить семинарское общежитие и вернуться к родителям. Это был собственный дом секретаря губернского присутствия по земским и городским делам и члена городского присутствия по государственному налогу с недвижимых имуществ, потомственного почетного гражданина Д. Ф. Дмитревского на Певческой улице, № 24³² (ныне ул. Фрунзе; этот деревянный одноэтажный дом сохранился до сего дня).

При подаче прошения Виктор Виноградов приложил свидетельство, в котором указывалось, что он «по окончании курса в Зарайском Духовном Училище поступил в августе 1908 года в Рязанскую духовную Семинарию, в коей обучался по июнь месяц 1913 года и при поведении отличном оказал следующие успехи...»³³. Далее шел список оценок по дисциплинам, объединенным одной фигурной скобкой, поскольку оценка успеваемости была везде одинаковая — «Отлично». Перечень дисциплин мы приведем: Изъяснение Св(ященно)го Писания; Общая церковная история; Основное богословие; Догматическое богословие; Гомилетика; Литература; Теория

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 4012. Л. 3.

³¹ Рязанский адрес-календарь, 1912. Рязань: Губ. типография, 1912. С. 153; Памятная книжка Рязанской губернии.: Изд. 1914 г. Рязань: Губ. типография, 1914. С. 95.

³² Рязанский адрес-календарь, 1912. Рязань: Губ. типография, 1912. С. 108, 198.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 4012. Л. 5.

Дом на Певческой улице в Рязани, в котором В. В. Виноградов жил в 1911—1913 гг. (фото Д. А. Коновалова, 1974)

Словесности; История русской литературы; Всеобщая гражданская история; Русская гражданская история; Физика и космография; Алгебра, геометрия и тригонометрия; Логика; Психология; Философия; Дидактика; Языки: Греческий, Латинский, Французский, Немецкий; Церковное пение.

3 июля 1913 г. Историко-филологическим институтом был послан конфиденциальный запрос к ректору Рязанской семинарии прот. П. П. Казанскому, который ответил 19 июля:

Имею честь сообщить, что Виктор Виноградов (...) за все время обучения своего в Семинарии был поведения отличного, способностями к учебным занятиям обладает выдающимися, усерден, подчиняться установленным правилам вполне склонен, к жизни в интернате пригоден, первые четыре класса Семинарии окончил по первому разряду (под № 1) и никаких физических недостатков, препятствующих педагогической деятельности, не имеет³⁴.

Примечательно, что Виктор Виноградов отказался от духовной карьеры именно после V класса, хотя он мог уже после IV класса отойти от семинарии и поступить в вуз, но отучился еще один «лишний» год. По-видимому, он все-таки намеревался войти в духовное звание, однако, уже учась в V классе, окончательно изменил свои намерения и избрал карьеру учителя в средних учебных заведениях.

³⁴ Там же. Л. 6.

Вступительных испытаний в 1913 г. было три — латинский язык, греческий язык, русский язык (сочинение). Испытание по русскому языку Виктор Виноградов держал 20 августа 1913 г.³⁵: вступил в аудиторию в 10 часов утра, вышел в 11 часов 5 минут, указав это время на черновике³⁶.

Рукопись экзаменационного сочинения хранится в архивном деле³⁷ и представляет несомненный интерес как наиболее раннее уцелевшее произведение В. В. Виноградова, иллюстрирующее его обширные познания в русской литературе, пристрастия в поэзии, духовные и нравственные убеждения.

Тема, которая была дана испытуемым для сочинения, — общеизвестная строфа из послания В. А. Жуковского к великой княгине Александре Федоровне (1818).

Святейшее из званий — человек

При мысли великой, что я — человек,
Всегда возвышаюсь душою.

*Жуковский*³⁸

Над всеми существами мира царит человек, царь земли, великий в смелом полете своей творческой мысли и не ограниченный никакими пределами в своих стремлениях к нравственному совершенствованию. Если весь мир, расстилающийся пред нашими взорами в своей сияющей красоте, с ярким солнцем, загадочно манящими звездами, с роскошной природой, которую один из наших поэтов назвал «сфинксом»³⁹, со всеми живыми существами, вызывает в нас живой интерес, — то какое же внимание к себе должны возбуждать мы сами, наша природа, наше «я»! Что такое человек в общей системе мироздания?

В чем состоит существо человека?
Как он приходит? Куда он идет?⁴⁰

— эти вечные загадки всегда волновали тысячи бедных человеческих голов, которые, по выражению Г. Гейне, обливались потом над разрешением этих мучительных вопросов. И находились, и теперь есть мыслители, которые давали и дают страшному и сложному вопросу о сущности духовной природы человека, до неожиданности смелое и простое решение. Человек в их глазах не является могущественным нравственным существом божествен-

³⁵ Там же. Л. 5.

³⁶ Там же. Л. 11—12 об.

³⁷ Там же. Л. 8—10 об.

³⁸ Цитата из элегии В. А. Жуковского «Теон и Эсхин» (1814).

³⁹ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Природа — сфинкс. И тем она верней...» (1869).

⁴⁰ Цитата из стихотворения Г. Гейне «Вопрос» («Ночью над берегом тихого моря...», 1857) (пер. Н. А. Добролюбова, 1862).

ной природы, пред которым расстилаются беспредельные перспективы духовного развития. Для них «человек» — не «звучит гордо». Нет! С их точки зрения человек — это лишь временное завершение непрерывной цепи живых существ на Земле, цепи, один конец которой касается растительного царства, а другой теряется в безграничной дали грядущих веков. Вся задача, весь смысл человеческой жизни сводились к страшной и жестокой борьбе за существование. Правда, некоторым из них там, «в дали голубой прозрачности»⁴¹, рисовался грандиозный облик «сверх-человека», который будет чужд болезненным наклонностям нашего века, слабости и мягкосердечию современного поколения. Но путь, ведущий к этому «сверх-человеку», — кровавый путь, на котором смешались в сплетении безумном «слезы, проклятья, жалобы, бессильные угрозы»⁴² и стоны погибающих людей⁴³. И многие решаются идти по нему...

А между тем русские люди из всех народов мира особенно склонны к состраданию, к бесконечной жалости ко всем «униженным и оскорбленным», ко всем тем,

Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной глубокой ночи⁴⁴.

И для нас остается «человек» святейшим из званий. В нашей литературе, которая составляет нашу славу, нашу гордость и которая, по выражению Салтыкова в «Круглом годе», «не умрет во веки веков»⁴⁵, — в ней всегда громко звучал призыв к «человечности», к братскому единению со всеми «бедными» людьми и к братской помощи всем тем, кто «рожден для труда, страданья и оков»⁴⁶, ибо в этом состоит человечность. К этому обязывает нас «святейшее из званий — человек». Оно заставляет нас вызывать из глубины души лучшие чувства, проявлять и развивать все те высокие порывы, которые заложены самой природой в богоподобном существе человека. И разум, и сердце — все зовет человека к братскому слиянию и не только с одними единоплеменниками, но и со всем человечеством. К этому же обязывает нас и тот внутренний голос, который Сократ называл «божеством»

⁴¹ Неточная цитата из книги Е. А. Соловьева-Андреевича: *Ив. Смирнов* (псевд.). Заступники народные: И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев, 1908. С. 234. В оригинале: «в дали голубой и прозрачной».

⁴² Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Муза» («Нет, музы ласково поющей и прекрасной...»), 1852).

⁴³ Возможно, неточная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова («Благодарение господе богу...»): «Стала дорога мне эта показывать / Тени погибших людей, / Бледные тени! ужасные тени...» (1861—1863).

⁴⁴ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «(Отрывок)» («Ночь. Успели мы всем насладиться...»), 1858).

⁴⁵ Цитата из очерка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Первое марта» (1879), входящего в цикл «Круглый год»: «Да, господа, литература не умрет! не умрет во веки веков!»

⁴⁶ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Муза» («Нет, музы ласково поющей и прекрасной...»), 1852).

и который мы называем совестью. «Муки большой совести» — обычный мотив наших русских поэтов и писателей, которым дано в «болезненно лобзающих»⁴⁷ звуках выражать то, что каждый человек таит в себе. В человеке, если в нем не заглохло совершенно сознание своего духовного величия и нравственного достоинства, живут высокие запросы, жажда добра и истины, и они влекут его на служение человечеству, на возвышение своей нравственной личности, своего «звания — человек».

И были в истории моменты, когда ничто не ценилось так высоко, ничто не было так дорого и близко всем лучшим людям, как «святейшее из званий — человек». Вспомним эту великую эпоху, когда в передовой части русского общества пробудилось сознание несправедливости бесправного состояния тысяч людей, и «проснувшееся сердце»⁴⁸ настойчиво звало кающегося интеллигента на освобождение «святейшего из званий — человек», которое сотни лет подвергалось поруганию в бесправной массе крестьянства. Но и всегда в каждом человеке живут и настойчиво заявляют о себе высокие требования добра. Каждому свойственны и высокий порыв братской любви и высокий подвиг самоотвержения. Даже в тех, кто, по-видимому, совершенно погрузился «в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей»⁴⁹, — и в них внимательный глаз наблюдателя может найти тлеющую искру Божью, как сумел отыскать крупницы добра и красоты Достоевский в загрязненных душах людей из «мертвого дома». И ни к чему не должен так стремиться человек, как к соблюдению в чистоте и неприкосновенности тех свойств, которые сохраняют за ним великое и святое звание — человек. Это звание выше, чище и священнее всех других званий, дороже богатства, славы и чинов, и его можно сохранить за собою на всех ступенях общественной лестницы. Ни одно звание не совмещает в себе столько сложных и трудных, но приятных и радостных обязанностей; ни одно звание не дает чище и благороднее наслаждений, как «святейшее звание — человек».

Об этом всегда твердила нам наша великая учительница — литература, которую «паче всего» любить и слушаться завещали нам лучшие люди⁵⁰.

⁴⁷ Цитата из поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя: «Какие звуки болезненно лобзают, и стремятся в душу, и выются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня?»

⁴⁸ Эта цитата дает нам твердое понимание того, что некоторые писатели, как в данном случае А. И. Герцен, не читались семинаристами в оригинале, а постигались по критическим сочинениям. В одной из книг чтимого в семинарии критика Е. А. Соловьева-Андреевича его комментарий к цитате из А. И. Герцена слился с цитатой ([Е. А. Соловьев-Андреевич] В. Д. Смирнов (псевд.). Жизнь и деятельность А. И. Герцена в России и за границей: Биогр. наброски. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1897. С. 14—15), и по этой причине приведен В. В. Виноградовым именно как цитата из классика («И, повторяю, источником всего этого было проснувшееся сердце. Люди тосковали, рвались на простор; но они уже знали теперь, почему они тоскуют и чего хотят»).

⁴⁹ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» («Если пасмурен день, если ночь не светла...», 1862).

⁵⁰ Цитата из письма М. Е. Салтыкова-Щедрина К. М. Салтыкову: «Еще: паче всего люби родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому»

Один авторитетный историк литературы — Е. А. Андреевич⁵¹, даже говорит, что идея святости человеческой личности — основная идея нашей литературы. Литература, в лице лучших представителей — Радищева, Новикова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Салтыкова, Толстого и других, горячо и страстно призывала нас к сохранению в себе высоких стремлений и твердому осуществлению их в жизни, она объявила «крестовый поход» против всего того, что унижает и оскорбляет «святейшее звание — человек». То же, что литература, говорит нам и история, которая заботливо и любовно сохранила геройские поступки, подвиги самоотвержения, имена истинных людей — друзей человечества и вместо тернового венца страданий надела на их головы золотой венец славы.

Все проходит, все забывается, но никогда не забудутся имена тех великих людей, которые всецело прониклись истиной, что человек — это святейшее и ответственнейшее из званий, и несли тягостную и самоотверженнейшую службу, которую налагали на них желание сохранить это звание святым и незапятнанным. Эти люди — для нас пример, они — тот маяк, который освещает пред нами путь нашей жизни. Их образы, сияя, зовут нас «с солнцем стряхнуть дремоту»⁵², отказаться от эгоистических забот о себе, от животных наклонностей, развивать в себе все то, что составляет высшую сторону человеческой природы, — нравственные и умственные влечения, и в братском слиянии с миром растворить свою личность.

Виктор Виноградов

В августе 1913 г. В. В. Виноградова зачислили в штатные студенты Историко-филологического института: из 137 юношей, державших экзамены, приняли только 36, причем Виктор Владимирович и на этот раз был признан лучшим [Зыкова 2011: 211].

Через четыре года, 3 июня 1917-го — между двух революций, — ему был выдан аттестат об окончании Института, свидетельствующий о том, что учился Виктор Владимирович по-прежнему блестяще. Прослушав курс по разряду русской словесности при отличном поведении, показав, как и прежде, отличные успехи по всем дисциплинам. Также он провел пробные уроки в гимназии по русскому, латинскому, греческому языкам (все они получили оценку «Отлично»), и на этом основании «ему, Виноградову, предоставляется звание учителя средних учебных заведений, дающее все права кандидатов университетов, с правом преподавания русского языка

(впервые опубликовано К. К. Арсеньевым в 1890 г. в «Вестнике Европы», № 2, с. 822).

⁵¹ Речь о провозглашенной Евгением Андреевичем Соловьевым-Андреевичем (1867—1905) идее о «сознании святости человеческой личности и человеческой жизни вообще», определяющей целостность русской литературы (см. [Михайлова 2020]). Примечательно, что рукой экзаменатора на рукописи эта фамилия подчеркнута, а на поле вынесен вопросительный знак.

⁵² Вероятно, неточная цитата из стихотворения И. С. Аксакова «На 1858 год» («День встает, багрян и пышен...», 1857): «С сонных вежд стряхнув дремоту».

и словесности и древних языков с обязанностью прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения не менее шести лет по назначению министра»⁵³.

Что же касается основной мысли, которую восемнадцатилетний В. В. Виноградов утверждает в своем вступительном сочинении, то ученый смог пронести ее сквозь свою непростую жизнь. 11 января 1955 г., когда в Московском доме ученых состоялось торжественное празднование его 60-летия, это подтвердилось. На банкете Виктор Владимирович, к тому времени академик-секретарь Отделения литературы и языка Академии наук СССР и знаменитый ученый-филолог, попросил слова и предложил всем присутствующим поднять бокалы «за человеческое в человеке» [Дружинин 2024: 31].

Список сокращений

Архив РАН — Архив Российской академии наук
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Литература

Бельчиков 2006 — Ю. А. Бельчиков. Виноградов Виктор Владимирович // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. М.: БРЭ, 2006. Т. 5. С. 349.

Дружинин 2024 — П. А. Дружинин. Из истории «Литературного наследства»: И. Зильберштейн и С. Макашин: взаимоотношения ученых // Вопросы литературы. 2024. № 2. С. 13—33.

Журавлев 2015 — Скопинский помяник: Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева / Подгот. текста, коммент. Г. В. Зыковой, Е. Н. Пенской. М.: ВШЭ, 2015.

Золотова и др. 2012 — Г. А. Золотова, Н. К. Онопенко, Е. Н. Никитина. Научная история Виноградовских чтений в МГУ 1999—2011 гг. // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 142—159.

Зыкова 2011 — Г. В. Зыкова. В. В. Виноградов в Рязанской духовной семинарии: первая работа о Пушкине // Духовно-нравственные основы русской литературы. Вып. 3: Сборник материалов Третьей междунар. научн. конф. Кострома, 12—13 мая 2011 г. Кострома: КГПУ, 2011. С. 210—212.

Кононенко 1998 — Л. А. Кононенко. Архив академика В. В. Виноградова в Государственном архиве Рязанской области // Вопросы изучения русского языка: Межвузовский сборник научных трудов. Рязань, 1998. С. 25—29.

Крылова 2021 — Е. Н. Крылова. Правительственная газета начала XX века: организация, кадры, продвижение «Русского государства» // Вестник Оренбургского гос. педагогического ун-та. Оренбург, 2021. № 2. С. 129—146.

Кузьмин 1956 — Список трудов В. В. Виноградова / Сост. Ф. Ф. Кузьмин // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 299—309.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 4012. Л. 33—33 об.

Михайлова 2020 — М. В. Михайлова. Забытое имя: Евгений Соловьев-Андреевич (1867—1905): У истоков марксистской теории // Е. А. Соловьев (Андреевич). Опыт философии русской литературы. Избранные труды / Сост. М. А. Колеров. М.: Модест Колеров, 2020. С. 7—30.

Онипенко, Никитина 2012 — Н. К. Онипенко, Е. Н. Никитина. XLIII Виноградовские чтения в МГУ // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 155—159.

Робинсон 1970 — М. А. Робинсон. Документы из архива А. А. Шахматова: (А. А. Шахматов и В. В. Виноградов) // Материалы научной студенческой конференции, май 1970. Вып. II: Источниковедение историографии. / Моск. гос. историко-архивный ин-т. М., 1970. С. 54—57.

Робинсон 1971 — А. Н. Робинсон. Забытые работы В. В. Виноградова // Русская литература. Л., 1971. № 1. С. 164—167.

Робинсон 1974 — А. Н. Робинсон. Титульный лист первой монографии В. В. Виноградова // Исследование (!) по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 287—289.

Савинцев 2022 — В. А. Савинцев. К 130-летию издания журнала Братства св. Василия, епископа Рязанского, «Миссионерский вестник» // Христианское чтение. СПб., 2022. № 2. С. 349—358.

Сушко 1996 — А. В. Сушко. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11/12. С. 107—114.

Статья получена 02.02.2024

Petr A. Druzhinin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
petr@druzhinin.ru

**ACADEMICIAN VICTOR VLADIMIROVICH VINOGRADOV:
THE BEGINNING OF THE PATH**

References

Bel'chikov, Yu. A. (2006). Vinogradov Viktor Vladimirovich. In Yu. S. Osipov, S. L. Kravets (Eds.), *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* (Vol. 5, p. 349). Moscow: BRE.

Druzhinin, P. A. (2024). Iz istorii «Literaturnogo nasledstva»: I. Zil'bershtein i S. Makashin: vzaimootnosheniia uchenykh. *Voprosy literatury*, 2, 13–33.

Kononenko, L. A. (1998). Arkhiv akademika V. V. Vinogradova v Gosudarstvennom arkhive Riazanskoj oblasti. In *Voprosy izucheniia russkogo iazyka: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (pp. 25–29). Ryazan: [s. n.].

Krylova, E. N. (2021). Pravitel'stvennaia gazeta nachala XX veka: organizatsiia, kadry, prodvizhenie «Russkogo gosudarstva». *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2, 129–146.

Kuz'min, F. F. (Ed.). (1956). Spisok trudov V. V. Vinogradova. In S. G. Barkhudarov et al. (Eds.), *Akademiku Viktoru Vladimirovichu Vinogradovu k ego shestidesiatiletiiu: Sbornik statei* (pp. 299–309). Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Mikhailova, M. V. (2020). Zabytoe imia: Evgenii Solov'ev-Andreevich (1867–1905): U istokov marksistskoi teorii. In M. A. Kolerov (Ed.), E. A. Solov'ev (Andreevich), *Opyt filosofii russkoi literatury. Izbrannye trudy* (pp. 7–30). Moscow: Modest Kolerov.

Onipenko, N. K., & Nikitina, E. N. (2012). XLIII Vinogradovskie chteniia v MGU. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 155–159.

Robinson, A. N. (1971). Zabytye raboty V. V. Vinogradova. *Russkaia literatura*, 1, 164–167.

Robinson, A. N. (1974). Titul'nyi list pervoi monografii V. V. Vinogradova. In V. A. Beloshapkova, & N. I. Tolstoi (Eds.), *Issledovanie po slavianskoi filologii: Sbornik, posviashchennyi pamiati akademika V. V. Vinogradova* (pp. 287–289). Moscow: Izd-vo MGU.

Robinson, M. A. (1970). Dokumenty iz arkhiva A. A. Shakhmatova (A. A. Shakhmatov i V. V. Vinogradov). In *Materialy nauchnoi studencheskoi konferentsii. Vyp. II: Istochnikovedenie istoriografii (mai 1970)* (pp. 54–57). Moscow: Mosk. gos. istoriko-arkhivnyi in-t.

Savintsev, V. A. (2022). K 130-letiiu izdaniia zhurnala Bratstva sv. Vasiliia, episkopa Riazanskogo, «Missionerskii vestnik». *Khristianskoe chtenie*, 2, 349–358.

Sushko, A. V. (1996). Dukhovnye seminarii v Rossii (do 1917 g.). *Voprosy istorii*, 11/12, 107–114.

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Nikitina, E. N. (2012). Nauchnaia istoriia Vinogradovskikh chtenii v MGU 1999–2011 gg. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 142–159.

Zykova, G. V. (2011). V. V. Vinogradov v Riazanskoi dukhovnoi seminarii: pervaiia rabota o Pushkine. In Yu. V. Lebedev, & A. K. Kotlov (Eds.), *Dukhovno-nravstvennye osnovy russkoi literatury. Sbornik materialov III mezhdunar. nauchn. konf. (Kostroma, 12–13 maia 2011 g.)* (pp. 210–212) Kostroma: KGPU.

Zykova, G. V., & Penskaia, E. N. (Eds.). (2015). *Skopinskii pomiannik: Vospominaniia Dmitriia Ivanovicha Zhuravleva*. Moscow: VShE.

Received on February 02, 2024

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

<i>Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН</i> 119019, Москва, Волхонка 18/2 <i>Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences</i> 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia	<i>Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</i> 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20 <i>Higher School of Economics, National Research University</i> 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia
<i>Институт языкознания РАН</i> 125009, Москва, Большой Кисловский переулок 1/12 <i>Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences</i> 1/12 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow 125009, Russia	<i>Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения Российской академии наук</i> 685000 г. Магадан, ул. Портовая 16 <i>North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Russia Academy of Sciences, Far East Branch</i> 16 Portovaya Street, Magadan, 685000, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отрисовки в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 2. 2024

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 28.12.2024. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ №